11153.21.5

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1888

1 April, 1902.

Н. Семеновъ.

ТУЗЕМЦЫ СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

(Разсказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ, кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзіи этихъ народцевъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Хомскаго и К°. Литейный пр., № 43.
1895.

27253.27.5

Pierce fund.

Авторъ осчастливленъ возможностью заявить съ благоговѣйною признательностью, что настоящій трудъ его могъ явиться въ отдѣльномъ изданіи только вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго пожалованія ему на этотъ предметъ пособія Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, соизволившимъ ознакомиться предварительно съ помѣщеннымъ здѣсь, на слѣдующемъ листѣ, отзывомъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отзывъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, отъ 15 ноября 1894 года за № 433, на имя старшаго помощника начальника Владикавказскаго Округа Семенова.

Согласно просьбѣ Вашей просмотрѣть присланныя Вами статьи по этнографіи народцевъ Терской области и дать отзывъ о томъ, насколько полезно будетъ издать эти Ваши труды въ отдѣльной книжкѣ, не смотря на то, что большая часть этихъ статей уже была напечатана въ разныхъ изданіяхъ („Русскомъ Вѣстникѣ", „Терскомъ Сборникѣ", „Терскихъ Вѣдомостяхъ" и др.), Комитетъ, выслушавъ по этому вопросу Редактора изданій Отдѣла, Н. К. Зейдлица, постановилъ сообщить Вамъ, что онъ (Комитетъ) находитъ предположеніе Ваше издать отдѣльной книгой всѣ присланныя Вами для просмотра статьи Ваши, хотя уже и большею частью напечатанныя, но давно и въ мало распространенныхъ изданіяхъ, вполнѣ полезнымъ предпріятіемъ, могущимъ оказать существенную помощь къ распространенію весьма интересныхъ, но мало извѣстныхъ въ наукѣ Кавказовѣдѣнія, свѣдѣній по этнографіи народцевъ Терской области.

О всемъ изложенномъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Отдѣлѣ,
Генералъ-Лейтенантъ *Перликъ*.

Скрѣпилъ: Правитель Дѣлъ Отдѣла,
Статскій Совѣтникъ *Е. Кондратенко*.

Содержаніе.

Стр.

Отъ автора . . . . . IX—XVIII

Чеченцы.

День въ аулѣ. (Разсказъ) 3
Замѣтка о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ чеченцевъ 73
Образцы чеченскихъ сказаній, сказокъ и пѣсенъ 103
Чеченцы-археологи. (Наброски любителя этнографіи и археологіи) 161
Преданіе о происхожденіи чеченцевъ. (Переводъ арабской рукописи, принадлежащей Шамилю Каратаеву) . . . 209

Кумыки.

Кто такіе обитатели Кумыцкой Плоскости? (Опытъ этнографическо-историческаго изслѣдованія) 225
Очерки народныхъ обычаевъ кумыковъ Терской области . 249
Кумыцкія пѣсни 345

Ногайцы.

Очеркъ ногайцевъ, обитающихъ на западномъ берегу Аграханскаго залива, съ приложеніемъ эмблематическихъ знаковъ (тавры) ногайскихъ фамилій 361
Жизнь ногайскаго юрта. (Эскизъ) 401
Мурза Эдыге. (Монгольская эпическая поэма, переведенная съ ногайскаго) 413
Два дополненія къ поэмѣ «Мурза Эдыге»: I-е «Пѣснь объ Эдгиеѣ» статья г. Н. Гулакъ, напечатанная въ газетѣ «Кавказъ» за 1885 годъ; II-е Замѣтка по поводу «Пѣсни объ Эдигеѣ» г. Николая Гулакъ . . . 467

ОТЪ АВТОРА.

Собранные въ настоящей книгѣ разсказы, очерки, изслѣдованія и замѣтки о туземцахъ сѣверо-восточнаго Кавказа, а также образцы устной и письменной литературы этихъ туземцевъ написаны и записаны мною въ періодъ времени съ 1869 года по 1893 гг. Кромѣ чеченской пѣсни „О юномъ Эстемирѣ", „Преданія о происхожденіи чеченцевъ" и „Кумыцкихъ пѣсенъ" всѣ они въ разное время были напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, преимущественно—въ выходившихъ и выходящихъ на Кавказѣ; пѣсня же „О юномъ Эстемирѣ", „Преданіе" съ примѣчаніями къ нему и „Кумыцкія пѣсни" появляются теперь въ печати въ первый разъ.

Занимающій въ книгѣ первое мѣсто разсказъ „День въ аулѣ" первоначально вышелъ въ свѣтъ въ 1871 году, въ іюльской книжкѣ журнала „Русскій Вѣстникъ". Представляя собою плодъ наблюденій моихъ надъ чеченцами за время съ 1866 по 1869 г., онъ въ настоящемъ изданіи появляется въ нѣсколько исправленномъ видѣ. Сдѣланныя исправленія въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ, впрочемъ, иного значенія, кромѣ стилистическаго. Что-же касается всего, относящагося къ сущности дѣла, то оно оставлено и такъ поступлено мною по соображеніямъ, приводимымъ въ концѣ настоящей замѣтки.

Въ исходѣ тѣхъ-же шестидесятыхъ годовъ, разъѣзжая по чеченскимъ ауламъ, въ качествѣ рекогносцировщика произведенной раньше, въ 1859—1860 годахъ, военно-топографической съемки чеченской территоріи, я собралъ въ нихъ нѣкоторое количество сказокъ; въ бытность потомъ членомъ Ичкеринскаго (Веденскаго) окружнаго управленія, я многократно посѣщалъ разныя мѣста въ Ичкеріи и при этихъ посѣщеніяхъ записалъ двѣ-три легенды. Собранные такимъ образомъ образцы поэзіи одного изъ интереснѣйшихъ племенъ сѣверо-восточнаго Кавказа, въ теченіи 1880 и 1881 годовъ исподоволь печатались мною въ единственномъ, кажется, тогда въ Терской области органѣ печати, носящемъ названіе: „Терскія Вѣдомости“. Рѣшивъ послѣ того издать сказки и легенды чеченцевъ отдѣльною книжкою, я нашелъ умѣстнымъ предпослать имъ въ своей книжкѣ предисловіе, которое заключало-бы въ себѣ общія указанія на выдающіяся умственныя и нравственныя качества большинства представителей чеченской народности. Принятое рѣшеніе было выполнено мною въ слѣдующемъ 1882 году, благодаря — сказать кстати — дружеской помощи, оказанной мнѣ въ этомъ дѣлѣ тогдашнимъ редакторомъ „Терскихъ Вѣдомостей“, Н. А. Благовѣщенскимъ, извѣстнымъ литературнымъ дѣятелемъ шестидесятыхъ годовъ. Общими усиліями намъ съ нимъ удалось напечатать во Владикавказѣ и выпустить въ свѣтъ небольшую брошюру, озаглавленную: „Сказки и легенды чеченцевъ, собранныя Н. Семеновымъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями собирателя“. Такъ какъ этой брошюры нынѣ въ продажѣ уже нѣтъ, то я имѣлъ, пожалуй, основаніе перепечатать ее въ настоящей книгѣ всю, безъ пропусковъ. Однако, пере-

смотрѣвъ собранный въ брошюрѣ матеріалъ, я предпочелъ поступить иначе. Мысль о томъ, чтобы въ издаваемой книгѣ заключались лишь самыя существенныя данныя для сужденія о характерѣ, умственномъ складѣ, бытѣ и нравахъ народцевъ, которымъ она посвящена, заставила меня распорядиться съ брошюрою такимъ образомъ. „Предисловіе“ къ сказкамъ и легендамъ, съ одной стороны, значительно сокращенное, а съ другой — дополненное нѣкоторыми немаловажными, по моему мнѣнію, указаніями на черты характера и нравовъ чеченскаго племени, я превратилъ въ отдѣльную статью, которой далъ здѣсь мѣсто подъ особымъ заглавіемъ: „Замѣтка о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ чеченцевъ“. Затѣмъ изъ помѣщенныхъ въ брошюрѣ сказокъ и легендъ мною выбраны для настоящей книги только нѣкоторыя, показавшіяся мнѣ болѣе характерными въ томъ или другомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я къ этимъ немногимъ образцамъ чеченской устной литературы присоединилъ „Пѣсню о юномъ Эстемирѣ“, записанную мною еще въ шестидесятыхъ годахъ въ чеченскомъ аулѣ ***Атаги***, но по разнымъ причинамъ оставшуюся нигдѣ не напечатанною. Выбранное изъ брошюры и „Пѣсня о юномъ Эстемирѣ“ и составили собою то, что читатель найдетъ здѣсь подъ заглавіемъ: „Образцы чеченскихъ народныхъ сказаній, сказокъ и пѣсенъ“.

Разсказъ „Чеченцы-археологи“, подъ заглавіемъ: „Чеченцы въ роли археологовъ“, былъ напечатанъ мною въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1890 годъ. Когда я написалъ его, у меня было два намѣренія: во-первыхъ, мнѣ хотѣлось дать читателю два-три наброска болѣе типичныхъ представителей современнаго поко-

лѣнія чеченцевъ, во многомъ отличающагося отъ предшествующаго ему поколѣнія 50 — 60 годовъ, во-вторыхъ—я желалъ высказать, хоть бѣгло, соображенія и мысли, пришедшія мнѣ въ голову послѣ того, какъ я ознакомился съ результатами археологическихъ раскопокъ, производившихся въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, какъ самими чеченцами, такъ и нашими любителями-археологами, на пространствѣ чеченской территоріи.

О „преданіи о происхожденіи чеченцевъ" говорить здѣсь что нибудь не встрѣчается надобности, такъ какъ все, что слѣдовало, высказано мною въ замѣткѣ, предпосланной изложенію самаго преданія.

Статья „Кумыцкія пѣсни", какъ сказано уже выше, появляется теперь въ первый разъ. Написанная торопливо, она, конечно, не исчерпываетъ собою предмета, которому посвящена. Но я и не задавался мыслію дать все или хотя бы много, а хотѣлъ только, на ряду съ образцами чеченской и ногайской народной поэзіи, представить читателю и нѣсколько образцовъ кумыцкой поэзіи. Помѣщенныя въ этой статьѣ пѣсни собраны и переведены мною въ настоящемъ году, при участіи кумыцкаго князя Абдулъ-Маджида Хамзаева и другихъ компетентныхъ лицъ.

Статьи: „Кто такіе обитатели кумыцкой плоскости?", „Очеркъ ногайцевъ, обитающихъ на западномъ берегу Аграханскаго залива" и „Жизнь Ногайскаго юрта" были написаны въ восьмидесятыхъ годахъ и печатались: первыя двѣ въ газетѣ „Кавказъ" за 1886 годъ, а послѣдняя—въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ" за 1884 годъ. Позже, именно въ 1891 году, первая изъ этихъ статей, исправленная и дополненная мною, появилась въ „Терскомъ Сборникѣ", со-

ставляющемъ приложеніе къ изданію Терскаго Областного Статистическаго Комитета — „Терскому Календарю".

„Очерки народныхъ обычаевъ кумыковъ Терской Области", въ томъ видѣ, въ какомъ они появляются въ настоящемъ изданіи (съ сокращеніемъ, впрочемъ, предисловія къ нимъ), были помѣщены мною во второмъ выпускѣ „Терскаго Сборника", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1892 году. Когда написаны эти очерки, когда и гдѣ печатались раньше отрывки ихъ—объ этомъ разсказано въ замѣткѣ „отъ автора", предшествующей имъ въ настоящей книгѣ. Здѣсь добавлю, что „Введеніе" къ очеркамъ написано мною предъ самымъ помѣщеніемъ очерковъ въ „Сборникѣ", и если оно и имѣетъ характеръ гипотезы, то гипотеза эта представляетъ собою результатъ многолѣтняго изученія духа и формъ существующихъ у Кавказскихъ горцевъ вообще и у кумыковъ въ частности народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Переводъ поэмы „Мурза Эдыге" былъ первоначально напечатанъ мною въ газетѣ „Кавказъ" за 1885 годъ. Для настоящей книги я вновь переработалъ его и поэтому онъ появляется въ ней какъ бы въ освѣженномъ видѣ. Перерабатывалъ я его и раньше, послѣ помѣщенія уже въ „Кавказѣ". Вообще, съ переводомъ предлагаемой читателю татаро-монгольской поэмы, сознаюсь откровенно, я возился много и долго, хотя все-таки не достигъ того, чего слѣдовало, т. е. переводъ и теперь остается тяжелымъ, неуклюжимъ и представляетъ собою блѣдную тѣнь подлинника. Записываніе отрывковъ поэмы на русскомъ языкѣ было начато мною еще въ 1880 году, но потомъ я многократно то бросалъ эту работу, какъ совершенно

непосильную для меня, то снова брался за нее, соблазняемый мыслію познакомить русскую публику съ сохранившимся у ногайцевъ памятникомъ монгольскаго творчества. Съ какими непреодолимыми трудностями я встрѣчался при исполненіи перевода—объ этомъ было бы долго разсказывать, да кое-что на этотъ счетъ и разсказано уже мною въ помѣщенномъ въ своемъ мѣстѣ предисловіи къ переводу. Здѣсь ограничусь приведеніемъ лишь библіографической справки. Напечатавъ переводъ въ „Кавказѣ“ подъ названіемъ „Джаммай (Ногайская героическая поэма временъ Тохтамыша)“, я вслѣдъ за тѣмъ призналъ свою работу вполнѣ неудовлетворительною и принялся за передѣлку ея. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ вновь передѣланный и отчасти дополненный переводъ былъ отданъ мною редакціи „Терскихъ Вѣдомостей“ для напечатанія его въ издаваемой ею газетѣ подъ условіемъ изготовленія для меня нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ оттисковъ, въ формѣ брошюры. Вторичное напечатаніе перевода поэмы, озаглавленной на этотъ разъ: „Кровь за кровь. (Эпическая поэма о ханѣ Золотой Орды Тохтамышѣ, мурзѣ Эдыге и другихъ монгольскихъ герояхъ)“, послѣдовало въ 1890 году. Недовольный и этимъ переводомъ, я еще разъ исправилъ его и тогда уже рѣшился помѣстить эту работу въ настоящей книгѣ. При послѣдней передѣлкѣ перевода названіе „Кровь за кровь“ замѣнено мною названіемъ „Мурза Эдыге. (Монгольская эпическая поэма)“.

О помѣщенныхъ въ книгѣ двухъ дополненіяхъ къ поэмѣ „Мурза Эдыге“, озаглавленныхъ: „Пѣснь объ Эдигеѣ“ — статья Н. Гулакъ, напечатанная въ газетѣ „Кавказъ“ за 1885 годъ, и „Замѣтка по поводу

„Пѣсни объ Эдигеѣ“ г. Н. Гулакъ“, замѣчу только, что ими весьма многое разъясняется въ предшествующей имъ поэмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ они содержатъ въ себѣ не мало указаній на общее значеніе занимающаго насъ памятника поэтическаго творчества туранскихъ народовъ.

Изъ приведеннаго перечня статей, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, видно, что между написаніемъ первой изъ нихъ („День въ аулѣ“) и послѣдней („Введеніе“ въ статью „Очерки народныхъ обычаевъ Кумыковъ Терской Области“) прошло ни болѣе, ни менѣе, какъ 23 года. Двадцать три года — почти четверть столѣтія: было бы удивительно и непонятно, если-бы за такой значительный періодъ времени не произошло измѣненій, съ одной стороны, въ объектѣ изученія автора настоящей книги—туземцахъ сѣверо-восточнаго Кавказа, а съ другой, въ самомъ авторѣ, т. е. въ его воззрѣніяхъ на этотъ объектъ. Напротивъ того, ничего нѣтъ естественнѣе, что измѣненія произошли крупныя и существенныя. Если мы обратимся къ автору статей, то окажется, что при писаніи разсказа „День въ аулѣ“ онъ былъ въ той порѣ своей жизни, когда „хмѣлемъ кудри вьются“, когда глазъ и ухо отличаются тонкостью и остротой, когда сердце чутко, а воображеніе играетъ и искрится, какъ шампанское. Это пора живого проникновенія въ чужую душу, счастливыхъ догадокъ и мѣткихъ заключеній, но и пора узкости кругозора и скороспѣлости и нестройности отвлеченныхъ выводовъ. Но когда писалось резюме двадцати двухлѣтнихъ наблюденій надъ жизнію, характеромъ и нравами Кавказскихъ горцевъ—„Введеніе“ въ очерки кумыцкихъ обычаевъ, то и вьющіяся кудри, и острота зрѣнія и слуха, и

живость и глубина непосредственныхъ воспріятій,— все отошло для автора въ область невозвратнаго прошлаго. За то свѣдѣніями по предмету наблюденія и изученія онъ былъ богаче, кругозоръ его былъ шире и охлажденная годами мысль его способна была работать спокойнѣе и ровнѣе. Переходя затѣмъ къ самому предмету изученія—къ живому народу, населяющему горы и плоскости сѣверо-восточнаго Кавказа, мы должны отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что въ теченіи истекшаго двадцати-трехъ-лѣтія нравственная физіономія его во многомъ измѣнилась самымъ коренным образомъ. Говоря это, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, чеченцевъ—племя, которое я изучалъ больше, чѣмъ другія племена, и которое, по своей многочисленности, по своей цѣльности и жизнеспособности, заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ горсть кумыковъ терской области или явно вымирающіе ногайцы прибрежья Аграханскаго залива. Шестидесятые годы—время моихъ первыхъ наблюденій надъ чеченцами—составляютъ начало того новаго пути, по которому направилась жизнь этого племени послѣ выхода его изъ подъ власти Шамиля и подпаденія подъ нашу власть. Положимъ, религія племени и его коренные обычаи за приведенный періодъ времени не подверглись измѣненіямъ; если судить поверхностно, то можно сдѣлать заключеніе, что ничего не измѣнилось и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. А между тѣмъ, какое неизмѣримое различіе между чеченцемъ шестидесятыхъ годовъ! Чеченецъ девятидесятыхъ годовъ не такъ и мыслитъ и чувствуетъ, какъ его отецъ-представитель прежняго поколѣнія, онъ не того хочетъ и не къ тому стремится. Отцу нужны были чурека съ кускомъ овечьяго сыра, да полутемная ком-

натка съ земляным поломъ и шерстяною полостью, да черкеска изъ грубаго домашняго сукна, да оружіе и конь для дракъ и набѣговъ, да шумъ аульныхъ собраній, на которыхъ онъ выказывалъ свои діалектическія способности... Но сынъ его озабоченъ мыслію, чтобы въ свѣтломъ жилищѣ его были, если не стулья и столы (что тоже не рѣдкость), то хорошіе ковры, тюфяки и подушки въ шелковыхъ наволочкахъ, чтобы къ столу баранина и другія вкусныя снѣди подавались почаще, чтобы подъ черкеской были бѣлье и шелковый бешметъ. Онъ, какъ и отецъ его, любитъ коня и оружіе, но конемъ, при случаѣ, готовъ и поступиться, потому что часто не имѣетъ въ немъ надобности, а оружіе ему нужно въ драгоцѣнной оправѣ изъ позолоченнаго серебра. Нуждаясь для всего этого въ средствахъ и лишенный возможности добывать ихъ отцовскимъ способомъ, т. е. грабежомъ, онъ вынужденъ прибѣгать къ другимъ источникамъ дохода: сѣять и продавать хлѣбъ, косить сѣно, разводить овецъ, вообще, заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а то и торговлею, или разными спекуляціями, или службою. Для подобнаго рода дѣятельности нужны уже не шашка и пистолетъ—орудія отца, а плугъ, серпъ, коса, топоръ, пара хорошихъ воловъ, аршинъ, бумага съ перомъ и чернилами, нужны и другія привычки, другіе взгляды на вещи... Умѣнье гарцовать на конѣ является уже орудіемъ показать себя передъ начальствомъ, а иногда, пожалуй, и службу сослужить ему; діалектическія способности примѣняются уже больше въ правительственныхъ учрежденіяхъ, на судѣ, у нотаріуса, или въ лавочкѣ съ краснымъ товаромъ. Во всемъ этомъ, а также и въ общественно-политическихъ условіяхъ жизни племени и кроются причины,

почему теперешній чеченецъ далеко не похожъ на чеченца шестидесятыхъ годовъ.

Приведенными двумя обстоятельствами, именно, ростомъ изображаемаго въ книгѣ народа и печатью протекшихъ лѣтъ на соображеніяхъ и выводахъ автора, объясняется то, что нѣкоторыя мѣста книги какъ будто противорѣчатъ одно другому. Въ такомъ противорѣчіи между собою, на первый взглядъ, находятся „День въ аулѣ“, „Чеченцы-археологи“, а затѣмъ и „Введеніе“. Но стоитъ читателю принять въ соображеніе только что высказанное, и онъ согласится, что противорѣчіе это только кажущееся, а не дѣйствительное.

Во многихъ мѣстахъ книги читатель найдетъ еще повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей и даже этнографическихъ данныхъ. Сознавая, что это недостатокъ книги, позволяю себѣ напомнить только, что статьи писались въ разное время и по разнымъ случаямъ. Не имѣя никакой увѣренности, что высказанное мною много лѣтъ раньше и въ другомъ изданіи извѣстно читателю послѣдней статьи, я неизбѣжно долженъ былъ во многихъ случаяхъ вновь повторять тоже самое. Но передѣлывать теперь статьи, въ видахъ уничтоженія повтореній, значило бы писать новую книгу, а это уже другая задача, выполненіемъ которой я не задавался.

1894 года.
Г. Владикавказъ.

ЧЕЧЕНЦЫ.

ДЕНЬ ВЪ АУЛѢ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Вдали виднѣется аулъ, въ который мы ѣдемъ по гладкой и извилистой дорогѣ. Мѣстность около насъ ровная и однообразная. Полосы кукурузы и пшеницы смѣняются обширными полянами, покрытыми высокою сорною травой; за ними безконечно тянутся мелкій, колючій кустарникъ и до безобразія высокій бурьянъ. По правую сторону отъ насъ виднѣются высокіе обрывистые берега Сунжи, вѣчно мутной и часто вонючей Сунжи, которая временами разноситъ по станицамъ и укрѣпленіямъ тяжелыя лихорадки. Влѣво, верстахъ въ 30-ти отъ насъ, туманно очерчиваются черныя горы, это преддверіе къ лабиринту мрачныхъ ущелій, страшныхъ обрывовъ, чудовищныхъ трещинъ, чертовски стремительныхъ ручьевъ и въ небо упирающихся вершинъ. Время около полудня. Солнце печетъ немилосердно; на ясномъ небѣ ни тучки. Бѣловатый туманъ разлитый въ воздухѣ, какъ то стушевываетъ всѣ контуры окружающаго, стѣсняетъ глазъ и наводитъ тоску. Чуть замѣтный вѣтерокъ дуетъ урывками. Душно. Чувствуется разслабленіе и апатія. Вспотѣвшія лошади подвигаются медленно и слегка

похрапываютъ. Красивыя птицы яркихъ цвѣтовъ лѣниво перелетаютъ съ куста на кустъ. Вонъ воздухъ огласился безобразнымъ скрипомъ проѣзжающихъ въ сторонѣ чеченскихъ арбъ. Вонъ расположилось стадо курдючныхъ барановъ, окруженное цѣлымъ десяткомъ волкообразныхъ собакъ. Какъ чеченскія собаки ни злы вообще, и въ особенности на русскихъ, но онѣ не рѣшились аттаковать насъ единодушно, какъ сдѣлали-бы во всякое другое время. Одна, другая полаяли и тотчасъ же улеглись, когда чеченецъ-пастухъ, ободранный до крайней степени, безъ рубахи, прикрикнулъ на нихъ: „*даволла, джалле!*“ (прочь, собака).

На встрѣчу намъ отъ времени до времени ѣдутъ арбы съ сидящими въ нихъ женщинами; идутъ молодыя и старыя чеченки съ посаженными за спиной грудными дѣтьми, попадаются верхомъ чеченцы. Женщины, еще далеко до встрѣчи, уже сворачиваютъ съ дороги и идутъ сторонкой, а поровнявшись, останавливаются и поворачиваются къ намъ спиной — такъ требуетъ обычай. Сидящія въ арбахъ поднимаются и тоже спѣшатъ показать намъ свои спины. Мужчины большею частью холодно смотрятъ на насъ и медленно, въ растяжку, отвѣчаютъ: *алейкомъ саламъ* на предупредительное привѣтствіе переводчика—*саламъ алейкомъ*. Иногда встрѣчаются знакомые (кунаки). Такая встрѣча бываетъ чрезвычайно шумная. Послѣ обычнаго привѣтствія начинаются выкрикиванья: *а-а-а! марша-алва-марша-вуй!* (здоровъ ли? какъ твое здоровье?) *марша хылда!* (желаю безопасности) *) и пр.,

*) Слова эти имѣютъ широкій смыслъ всевозможныхъ добрыхъ пожеланій: здоровья, счастія, безопасности и пр., поэтому ихъ нельзя перевесть съ точностью на нашъ языкъ.

пожатія рукъ, предупредительныя улыбки, разспросы о цѣли поѣздки, или въ этомъ родѣ. Всѣ эти восторги большею частью звучатъ фальшью, искусственностью, что, пожалуй, не слишкомъ и скрываютъ. Встрѣчные разыгрываютъ эту патетическую сцену больше изъ любви къ эффектамъ, на которые чеченцы такъ падки. Незнакомые иногда обращаются къ переводчику съ вопросомъ: „кто ѣдетъ?“ ***Мохкъ буста-стекъ*** (землю мѣритъ человѣкъ), отвѣчаетъ тотъ, и затѣмъ разъѣзжаемся въ стороны. Встрѣчные, несмотря на жару, одѣты чуть не по зимнему, въ бешметахъ и черкескахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки. Верховые обыкновенно вооружены кинжалами, шашками, пистолетами, а нѣкоторые и ружьями, вдобавокъ. Пѣшіе одѣты легче и изъ оружія имѣютъ при себѣ или только кинжалъ, или кинжалъ спереди и пистолетъ сзади. Странный контрастъ съ этими вооруженными хозяевами плоскости составляютъ пришельцы, наши солдаты. Нерѣдко встрѣчается ихъ человѣка по два, по три, частенько и по одному, пробирающихся изъ одного укрѣпленія въ другое, или въ какой нибудь аулъ для покоса изъ половины. *) Оружія никакого. Разстегнутый, въ одной рубахѣ, съ сюртучкомъ подъ мышкой, плетется себѣ спокойно, будто въ своей родной сторонушкѣ, въ Тамбовской или Вятской губерніи.

— Эй! кунакъ! давай табакъ, моя курить надо! кричитъ ему съ самоувѣреннымъ нахальствомъ первый встрѣчный чеченецъ.

— Ну, ну проваливай, бритая голова! спокойно

---

*) Чеченцы часто передаютъ свои покосы расположеннымъ вблизи войскамъ съ тѣмъ, что половина скошенной травы составляетъ плату за трудъ солдатъ, а другая поступаетъ въ пользу хозяевъ.

произноситъ солдатикъ,—много васъ здѣсь, на всѣхъ не напасешься.

— Не хочешь давай? съ угрозой вопрошаетъ горецъ, чувствуя себя царемъ передъ пѣшимъ солдатикомъ. — Твоя давай не хочетъ?—повторяетъ онъ въ томъ же тонѣ и тотчасъ же съ дѣтскою наивностью прибавляетъ: ***твоя казенный бикъ; черный чурекъ*** (хлѣбъ) ***кушай***!

— А ты—орда поганая, огрызается солдатикъ.

— Самъ ты орда, перебиваетъ его разсерженный джигитъ и начинаетъ безцѣльно кружиться вокругъ пѣшаго, вымѣщая при этомъ всю свою злобу на бокахъ лошади. ***Байгушъ твоя!*** (бѣдный—говорится въ презрительномъ смыслѣ),—***одинъ рубахъ свой нѣтъ, все казенный***, прибавляетъ онъ въ заключеніе и оставляетъ солдата.

— Орда, такъ орда и есть, твердитъ про себя воинъ, медленно подвигаясь по пыльной дорогѣ.— Что ему дѣлается? — Вотъ разъѣзжаетъ себѣ, какъ шальной, и дѣлать ему больше нечего. И что только начальство смотритъ на нихъ?... *).

Рядомъ со мною, съ правой стороны, ѣдетъ мой переводчикъ Ибрагимъ, съ лѣвой милиціонеръ **). Замѣчаю, что Ибрагимъ съ правой, потому что онъ никогда не согласится занимать мѣсто милиціонера—это для него неприлично, какъ для старшаго.

Если мы ѣдемъ съ нимъ вдвоемъ, то онъ при встрѣчахъ съ чеченцами старается быть непремѣнно справа отъ меня, то есть, показать себя старшимъ. Онъ, впрочемъ, увѣренъ, что я этого не понимаю.

*) Теперь не то. По Чечнѣ въ настоящее время солдаты ходятъ не иначе, какъ съ ружьями и всегда по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ.

**) Чеченецъ, служащій на туземномъ посту, изъ сотни туземной милиціи.

— А что, Ибрагимъ, не махнуть ли намъ рысью до аула? Жарко очень стало, пора бы въ холодокъ, говорю я и ударяю лошадь плетью.

— Погодите, Н. С., замѣчаетъ переводчикъ.

— Вонъ кто то навстрѣчу ѣдетъ — неловкотакъ и тоже ударяетъ лошадь, чтобы не быть ни на шагъ сзади меня.

— Почему же неловко?—спрашиваю.

— Да какъ же, при встрѣчахъ слѣдуетъ шагомъ. Вѣдь мы не мальчики, чтобы скакать, добавляетъ онъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ пренебреженія ко мнѣ. Ибрагимъ дѣйствительно, никогда не рѣшится на такую выходку. Это значило бы, по его мнѣнію, уронить себя въ глазахъ встрѣчнаго чеченца.

Аулъ, въ который мы наконецъ въѣхали, растилался по легкому скату. Издали онъ казался кучей мазанокъ для разныхъ складовъ, и только высокія бѣлыя трубы, да зеленые сады, виднѣвшіеся между строеніями, напоминали о жилищахъ людей. Чтобы добраться до сакли старшины, намъ пришлось проѣхать множество узкихъ и мѣстами грязныхъ улицъ и переулковъ, окаймленныхъ съ обѣихъ сторонъ не высокими плетнями, за которыми виднѣлись фасады саклей съ чистенькими площадками впереди. Собаки десятками кидались на насъ со всѣхъ сторонъ злобно обрывая хвосты у лошадей. Попадались кучи дѣтей, сначала смотрѣвшихъ на насъ съ удивленіемъ и потомъ провожавшихъ насъ самою забористою русскою бранью. Во многихъ аулахъ, лежащихъ недалеко отъ крѣпостей, вошло въ обыкновеніе науськивать дѣтей на русскихъ, если тѣ показываются безъ солиднаго конвоя. За бранью, вродѣ: подлецъ, мошенникъ, бродяга и проч., пускаются иногда въ догонку

комки грязи и камни, впрочемъ, безъ намѣренья угодить въ цѣль. Попадались и грязныя оборванныя старухи, съ какими то узлами за плечами, и группы солидныхъ чеченцевъ, медленно поворачивавшихъ головы въ нашу сторону, не переставая въ тоже время курить и разговаривать между собою. Наконецъ, по указанію какого то мальчика, намъ удалось добраться до сакли старшины. Только что мы въѣхали къ нему на дворъ, какъ два взрослыхъ парня кинулись къ намъ на встрѣчу, схватили за повода нашихъ лошадей и помогли намъ слѣзть. Вслѣдъ затѣмъ показался изъ сакли плотный старикъ, средняго роста, съ окладистою красною бородой и съ улыбкой на лукавомъ лицѣ, выражавшей самое сердечное радушіе. Онъ очень ласково посмотрѣлъ на меня и, пожавъ мнѣ руку, повелъ меня въ саклю, гдѣ усадилъ на кровати въ переднемъ углу, у единственнаго окошечка. Переводчикъ былъ посаженъ на коврѣ и подушкахъ, постланныхъ на полу, а самъ хозяинъ сталъ передъ нами въ выжидательной позѣ.

— Ибрагимъ,—обратился я къ переводчику,—разскажи ему, зачѣмъ мы пріѣхали и чѣмъ онъ долженъ будетъ помочь намъ. Все дѣло можно было объяснить въ двухъ словахъ, но *толмачъ*, по своему обыкновенію, говорилъ болѣе получаса. Онъ задавалъ вопросы, на которые получалъ немедленно отвѣты, волновался, жестикулировалъ, видимо, въ тоже время, наслаждаясь удовольствіемъ слышать отъ хозяина постоянно повторяемое: *Дыкенъ-ду*, *дыкенъ-ду!* (очень хорошо), сопровождаемое дружеско-почтительнымъ выраженіемъ лица. Пока онъ говорилъ, въ саклю успѣли войти человѣкъ пять чеченцевъ, любопытствовавшихъ узнать, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Когда Ибра-

гимъ кончилъ, старикъ—старшина повернулся ко мнѣ и улыбками, и киваньемъ головой старался выразить, что онъ все понялъ и что онъ очень радъ моему пріѣзду, чему можно было и не повѣрить.

— *Да, хорошо! много хорошо!* прибавилъ онъ въ заключеніе по русски, чтобы все-таки что нибудь сказать. Потомъ онъ отдалъ приказаніе сыну распорядиться насчетъ русскаго чаю, хоть было около полудня, и насчетъ закуски, а самъ, по моей просьбѣ, сѣлъ противъ насъ на маленькомъ кругленькомъ стульчикѣ.

— Ничего нѣтъ новаго въ Грозной? *) началъ онъ разспросы чрезъ переводчика,—ярмарка скоро откроется—не слыхали?

Я отвѣтилъ.

Понемножку разговорились. Старшинѣ хотѣлось узнать, скоро ли я кончу свои работы и какую награду получу за это, въ какомъ я чинѣ и сколько получаю жалованья? Сказанная мною очень скромная цифра, въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, заставила его, какъ и всѣхъ бывшихъ въ саклѣ, выразить удивленіе. Цифра показалась имъ чрезвычайно крупною, въ виду моей молодости. Чеченцы не понимаютъ, чтобы молодой человѣкъ могъ занимать хоть мало-мальски самостоятельную должность и получать порядочное, по ихъ счету (сходному со счетомъ нашихъ простолюдиновъ), содержаніе. Усиливаясь объяснить этотъ странный для нихъ фактъ, они останавливаются на томъ, что въ подобныхъ случаяхъ благоволятъ къ сыну за заслуги отца. Но если вы разочаруете ихъ въ этомъ отношеніи, то поставите въ совершенный тупикъ. Люди, во мнѣніи чеченца, прежде всего

*) Крѣпость Грозная; теперь городъ Грозный.

дѣлятся на стариковъ и молодыхъ, на бородатыхъ и безбородыхъ. Первымъ должны быть почетъ, уваженіе и, разумѣется, лучшія мѣста вездѣ; обязанность послѣднихъ являться послушными и расторопными орудіями въ рукахъ старшихъ, пока они сами не доживутъ до длинныхъ бородъ и взрослыхъ дѣтей. И такой взглядъ совершенно естественъ въ человѣкѣ такого жизненнаго склада, какъ чеченскій. Всѣ чеченцы растутъ при совершенно сходной обстановкѣ, всѣ они съ дѣтства проходятъ одну и ту же житейскую школу, всѣ пользуются одинаковыми правами и не знакомы съ сословными различіями. Такъ продолжается уже много поколѣній и поэтому уровень знаній и способностей приблизительно одинаковъ у однолѣтковъ. При такихъ условіяхъ кто больше прожилъ, больше видѣлъ, больше испыталъ, т. е. кто старше лѣтами, тотъ долженъ быть опытнѣе, смѣтливѣе, словомъ, сильнѣе въ житейской мудрости и ему и принадлежитъ право на занятіе лучшихъ общественныхъ мѣстъ, дающихъ лучшее матеріальное положеніе. Конечно, и у однолѣтковъ способности не одиноковы, но разница въ этомъ отношеніи все же не велика. Существуютъ извѣстные оттѣнки ума и характера— и пусть они служатъ каждому въ его личныхъ дѣлахъ, пусть помогаютъ ему ловче красть, плутоватѣе наживать деньгу, или скорѣе другихъ дѣлаться идоломъ аульскихъ красавицъ. При общественной же оцѣнкѣ личности натурально руководствоваться критеріемъ по важнѣе слабыхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ и такимъ критеріемъ вполнѣ правильно признавать именно лѣта.

— Его отецъ, должно быть, большой начальникъ когда ему, молодому, поручили такое важное дѣло?—

обратился старшина къ переводчику, ожидая разъясненія своему недоумѣнію.

— Да, онъ сынъ генерала, служащаго въ Петербургѣ, около *пача* (Государя), брякнулъ Ибрагимъ, желая этимъ разомъ поднять и меня, и свою особу. Объясненіе всѣхъ удовлетворило.

Въ саклю, между тѣмъ, вошли два старика и направились прямо ко мнѣ. Всѣ встали. Тотъ, который былъ постарше (Джамалдинъ по имени, какъ я узналъ послѣ), поздоровался прежде съ своими, потомъ по пріятельски протянулъ мнѣ руку и жестомъ попросилъ всѣхъ сѣсть. Другой тоже подалъ мнѣ руку. Затѣмъ оба заняли первыя мѣста на полу.

— А что, кунакъ, обратился ко мнѣ первый съ улыбкой и на ломаномъ русскомъ языкѣ, табакъ твоя есть?

— Есть.

— Давай, я папироска дѣлай. Табакъ мой совсѣмъ нѣтъ, *ахча* (денегъ) нѣтъ.

Старикъ былъ въ изодранной черкескѣ, безъ бешмета. Сквозь разстегнутый воротъ грязной и дырявой рубахи виднѣлась загорѣлая волосатая грудь.

— Вашъ есть царь, продолжалъ онъ, закуривъ полученную папиросу,—деньги даетъ:—твой табакъ есть, бешметъ есть, черкеска есть... все есть; мой царь нѣтъ, табакъ нѣтъ, черкеска плохой... все...

Всѣ улыбнулись. Замѣчу, что Чеченцы съ особенною любовью напираютъ на этотъ аргументъ въ обыкновенныхъ, не служебныхъ разговорахъ. Мы и богаты, и въ чинахъ, большія должности занимаемъ только потому, что правительство у насъ свое, а имъ оно чужое. Они, бѣдные, въ загонѣ; ихъ вѣчно обижаютъ; по ихъ желанію ничего не дѣлаютъ; въ

нихъ не признаютъ ни особеннаго ума, ни особенной силы. Награды, чины, жалованіе получаютъ всего какихъ нибудь трое, четверо изъ сотни. Напрасно бы вы стали имъ доказывать, что Царь на всѣхъ смотритъ одинаково, или, что въ настоящее время къ нимъ относятся гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ русскимъ простолюдинамъ. Укажите имъ на всѣ полезныя преобразованія въ краѣ, гдѣ трудъ и деньги русскіе, тогда какъ всѣ выгоды принадлежатъ пока имъ однимъ, ваши слушатели все таки останутся при своемъ убѣжденіи.

Джамалъ — эддинъ, или — проще — Джамалдинъ заговорилъ со мною съ полнѣйшею фамильярностью; онъ будто и смѣялся надо мною, и старался въ то-же время казаться смѣшнымъ въ моихъ глазахъ, чтобы мнѣ не пришла охота обидѣться на его шуточки. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ было извѣстно, что старикъ очень любитъ *араку* (водку), чрезмѣрно падокъ до женщинъ, и сожалѣетъ, что не можетъ часто бывать въ крѣпости, свои же женщины его не любятъ за то, что онъ *байгушъ* (бѣдный), да еще бороды не краситъ. Черезъ полчаса онъ уже совершенно панибратски хлопалъ меня по плечу, отпуская при этомъ разныя шуточки, которыя его же всѣхъ больше тѣшили. Спросилъ онъ мою фамилію и началъ немилосердно ее коверкать, будто затрудняясь произнести правильно; безъ спроса взялъ изъ моего портъ-сигара вторую папиросу; примѣрилъ мою фуражку на свою бритую голову, словомъ—все время разыгрывалъ какого-то шута. Но за всѣми его выходками проглядывала, между прочимъ, тонкая иронія. Онъ издѣвался надъ добродушнымъ *урусомъ* (русскій); онъ говорилъ мнѣ дерзости и этимъ хвастался

предъ своими, но говорилъ въ своеобразной и безобидной формѣ. Добродушное презрѣніе къ представителю нелюбимаго имъ народа такъ и сквозило наружу изъ за его безпрерывныхъ шуточекъ. Остальные чеченцы лукаво и весело смѣялись.

Джамалдинъ, очевидно, слылъ между своими за славнаго малаго, вѣчно веселаго, оборваннаго и голоднаго. Онъ былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ свадебныхъ, похоронныхъ и иныхъ пирушекъ и не упускалъ, конечно, случая поѣсть свѣжей баранины на чужой счетъ. Такихъ въ аулахъ много. Они зорко слѣдятъ за всѣми случаями, по поводу которыхъ сосѣди рѣжутъ барана, и непремѣнно являются къ нимъ къ ужину. По праву стариковъ, они получаютъ первыя мѣста въ компаніяхъ и наѣдаются очень плотно. Только такая эксплуатація народнаго обычая и даетъ имъ возможность съѣдать хоть когда нибудь питательный обѣдъ. Дома же, за отсутсвіемъ другого, они довольствуются *бепикъ* (кукурузный хлѣбъ) съ бараньимъ сыромъ, размягченнымъ въ маслѣ, замѣняя это блюдо то молокомъ, то огурцами, то даровымъ (дикимъ) виноградомъ или сливами, то лѣсными фруктами, смотря по времени года. Къ общественнымъ дѣламъ такіе старики чрезвычайно чутки и нерѣдко даютъ замѣчательно умные совѣты. Если муллы въ критическія минуты говорятъ народу разныя, очень нравственныя притчи, то Джамалдины увлекаютъ его анекдотцами, мѣткимъ словцомъ, или гаерской выходкой. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ смѣются, когда они сами на то напрашиваются, но вообще ихъ уважаютъ и слушаютъ, разумѣется, если они изъ хорошей, т. е. большой, многочисленной фамиліи, что между чеченцами составляетъ очень важную статью.

Но при всемъ томъ слѣдуетъ замѣтить, что популярность Джамалдиновъ весьма двусмысленнаго характера и что теперь они замѣтно теряютъ ее. Старшина, у котораго я былъ въ гостяхъ, принадлежалъ къ тому же типу, но, какъ зажиточный хозяинъ и должностное лицо притомъ, держался солиднѣе. О русскихъ онъ имѣлъ, кажется, гораздо лучшее мнѣніе.

Другой старикъ, гораздо моложе Джамалдина, выглядѣлъ совершенно иначе. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно; на немъ были: изъ тонкаго сукна черкеска, высокая папаха, новые чувяки и вполнѣ модныя ногавицы, каждая изъ двухъ кусковъ сукна, коричневаго и чернаго цвѣтовъ. Лицо его смахивало на монгольское своимъ желто-блѣднымъ цвѣтомъ и опустившимися углами глазъ. Во время моего разговора съ оборваннымъ патріархомъ Баргишъ (имя этого старика) только меня и слушалъ, на мои слова отзывчиво кивалъ головой, а шуточкамъ Джамалдина почти вовсе не смѣялся, или смѣялся какимъ то внутреннимъ, затаеннымъ смѣхомъ. Въ манерѣ его держаться проглядывала какая то приторная угодливость. Стоило мнѣ или переводчику протянуть руку за кувшиномъ съ водой, какъ онъ предупредительно хватался за него и подавалъ намъ. Ибрагимъ что то сталъ розыскивать вокругъ себя, и Баргишъ поспѣшилъ освѣдомиться, въ чемъ дѣло. Если я оглядывался, его глаза направлялись въ ту же сторону, а когда я сталъ, онъ первый поднялся съ мѣста, хотя Джамалдинъ продолжалъ себѣ сидѣть спокойно. По чеченскому обычаю, если кто нибудь изъ компаніи встаетъ, то всѣ, кто моложе его лѣтами, должны также подняться съ своихъ мѣстъ и стоять до тѣхъ поръ, пока тотъ не сядетъ опять или не произнесетъ любезнаго

„*уаха*“ (сиди), сопровождаемаго картиннымъ движеніемъ руки. Относительно русскихъ, старшихъ большею частью по своему положенію, а не по лѣтамъ, держатся различно. Съ чиновникомъ значительнымъ или нужнымъ обходятся по всѣмъ правиламъ народной вѣжливости, предъ людьми низшихъ ранговъ встаютъ прежде всего служащіе; изъ остальныхъ же, кто только видъ показываетъ, что готовъ встать, кто вовсе не трогается съ мѣста; но есть и такіе, къ числу которыхъ принадлежитъ и Баргишъ, что вскакиваютъ уже черезъ чуръ предупредительно. Теперешняя молодежь, впрочемъ, менѣе церемонится съ нами.

Пользуясь случаемъ, Баргишъ тотчасъ началъ разспрашивать о разныхъ окружныхъ дѣлахъ, о слухахъ въ крѣпости по поводу недавно случившагося крупнаго убійства, о времени пріѣзда Великаго Князя *), о томъ, будетъ ли война и пр. Возраженій онъ не дѣлалъ, а принималъ мои слова съ такою вѣрою, будто предъ нимъ гласила сама истина. Чеченецъ этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ хитрецовъ, которые составляютъ, такъ-сказать, подъ-породу, или вторую степень хитрецовъ крупныхъ, довольно многочисленныхъ въ народѣ. Онъ вѣчно суетится, всѣмъ угождаетъ, обо всемъ старается знать и многозначительно мотать себѣ на усъ. Ему кажется, что онъ хитеръ и проницателенъ, но никто не видитъ въ немъ этихъ качествъ, всѣ, напротивъ, смотрятъ на него, какъ на очень обыкновеннаго, даже ограниченнаго малаго. Выдержки въ его характерѣ нѣтъ никакой. Сегодня онъ вашъ, завтра завербуется въ противуположный лагерь. Предложите ему отпра-

*) Тогдашняго Намѣстника Кавказа, Михаила Николаевича.

виться вмѣстѣ на воровство, онъ согласится, да, можетъ-быть, завтра же донесетъ на васъ, кому слѣдуетъ, или изъ желанія оградить себя отъ отвѣтственности, или изъ желанія подслужиться начальству, а то и просто по безалаберности натуришки. Доказчики именно изъ этихъ людей и выходятъ *). Онъ то дерзокъ, то трусливъ. Его, пожалуй, можно за безцѣнокъ подкупить на убійство, но въ другое время онъ трусливо перенесетъ самую жгучую обиду. Въ душѣ онъ подлъ, но на крупное дѣло его не хватаетъ, а въ мелкихъ онъ пересаливаетъ на собственную голову. Къ русскимъ онъ льнетъ, разсчитывая поживиться отъ нихъ кое какими земными благами. Но и тутъ онъ не успѣваетъ. Намѣренная услужливость и подобострастіе съ его стороны наводятъ на мысль, что изъ него можно сдѣлать хорошаго, расторопнаго слугу, но приближать его къ себѣ слишкомъ вовсе незачѣмъ. Такъ вы и начинаете на него смотрѣть, и самъ онъ невольно втягивается въ свою роль. Такихъ добровольныхъ и хитренькихъ холоповъ изъ чеченцевъ можно насчитать сотни. И если они добиваются чего нибудь за свое лакейство, то не болѣе, какъ званія миліціонера и то по хлопотамъ чиновной родни или за взятку вліятельному туземцу. А сдѣлайте Баргиша, ну, хоть старшиной въ аулѣ, онъ черезъ полгода запутается въ собственныхъ же сѣтяхъ. Начнетъ съ того, что свяжется съ ворами, будетъ потакать и помогать имъ. Людей незначительныхъ въ аульномъ обществѣ примется давить, старикамъ будетъ кланяться, а пе-

*) Доказчикъ-человѣкъ, который за денежное вознагражденіе со стороны потерпѣвшаго свидѣтельствуетъ на судѣ противъ лица, на которое потерпѣвшій укажетъ ему.

редъ начальствомъ, если нужно, станетъ говорить противъ собственныхъ же интересовъ. Фамиліи онъ навѣрное незначительной, и свои его ни въ грошъ не ставятъ, что служитъ для него не малымъ источникомъ сѣтованій. Баргишъ всегда кому нибудь служитъ и кому нибудь подражаетъ. Являясь орудіемъ въ рукахъ хитрецовъ крупныхъ, онъ отъ нихъ же заимствуетъ и свою окраску.

— Отчего это юнкеръ изъ русскихъ скоро получаетъ офицерскій чинъ, а юнкеръ изъ нашихъ служитъ, служитъ, а чина ему не даютъ? *)—обратился ко мнѣ Баргишъ чрезъ переводчика, когда былъ поданъ чай и всѣ понемногу сдвинулись къ столику, на который поставили деревянный подносъ. Замѣчу, что многіе изъ чеченцевъ никогда не обращаются къ намъ на ломаномъ русскомъ языкѣ. Другой и порядочно объясняется, но все-таки считаетъ нужнымъ прибѣгать къ посредству толмача. Зачѣмъ правовѣрному поганить себя произношеніемъ словъ на языкѣ христіанъ, если въ этомъ нѣтъ крайней надобности? Впрочемъ, этотъ остатокъ прошлаго и между ними становится анахронизмомъ. Гораздо чаще политикуютъ въ этомъ отношеніи, въ надеждѣ узнать что нибудь изъ откровенной бесѣды между собою русскихъ.

— Русскій юнкеръ человѣкъ образованный, учившійся въ школѣ; онъ приготовленъ быть офицеромъ, поэтому ему и даютъ офицера, отвѣтилъ я Баргишу на его вопросъ и добавилъ: а чеченецъ юнкеръ ничего не знаетъ, какой изъ него можетъ быть офицеръ?

Баргишъ явно не удовлетворился моимъ отвѣтомъ,

*) Чеченцы въ награду за службу получаютъ иногда званіе юнкера, которое имъ дается какъ самостоятельный чинъ.

но счелъ за лучшее замолчать. Онъ подумалъ, можетъ быть: „напрасно я заговорилъ съ юношей о такомъ важномъ дѣлѣ“.

У дверей между тѣмъ число любопытныхъ становилось все больше. Было нѣсколько человѣкъ среднихъ лѣтъ, но большинство состояло изъ людей молодыхъ. Среди взрослыхъ виднѣлись и мальчуганы лѣтъ 10—12, съ длинными кинжалами или пистолетами за поясомъ. Кромѣ двухъ-трехъ, одѣтыхъ щегольски, вся компанія выглядѣла довольно растрепанною. Безобразная папашка на головѣ, до невѣроятности дырявый бешметъ, оборванные чувяки на ногахъ и грязное подобіе нижняго бѣлья *) не слишкомъ гармонировали съ выразительными и бойкими лицами чеченцевъ. Кто посолиднѣе, сосали маленькія трубочки, набитыя махоркой, у другихъ красовались въ зубахъ свернутые на подобіе папиросы обрывки кукурузныхъ листьевъ. Между молодежью виднѣлись настоящіе красавцы. Одинъ изъ нихъ мнѣ особенно врѣзался въ память: продолговатое лицо, крупныя и правильныя черты, большой прямой носъ, чуть загнутый книзу, тонкія губы и большіе глаза, обрамленные длинными рѣсницами — все напоминало въ немъ типъ кавказца, какимъ мы привыкли видѣть его на нашихъ картинкахъ и какимъ онъ запечатлѣлся въ воображеніи европейца. А стройный станъ и тонкая талія, охваченная узенькимъ ремешкомъ, и эта натуральная красота всѣхъ движеній, эта быстрота и легкость сами собою говорили о джигитскихъ качествахъ молодого человѣка.

---

*) Теперь чеченцы одѣваются богаче и щеголеватѣе.

II.

Когда мы напились чаю и были убраны стаканы, сыновья старшины кинулись изъ сакли и внесли тазъ, кувшинъ изъ красной мѣди и домашняго издѣлія мыло темно-мраморнаго цвѣта. Я первый долженъ былъ совершить операцію умыванія рукъ, за мною старшій старикъ, затѣмъ слѣдующій и т. д. Грязное полотенце для утиранія переходило изъ рукъ въ руки тѣмъ же порядкомъ. И здѣсь опять обычай, съ которымъ буквально сталкиваешься на каждомъ шагу, какъ только попадешь въ среду чеченцевъ. Если первый откажется умыть руки (русскіе составляютъ исключеніе), или, что еще комичнѣе—умоетъ, но полотенцу для утиранія предпочтетъ свой грязный платокъ или полу бешмета, то остальные, и не имѣющіе платковъ, и не желающіе пачкать бешметы, все-таки не должны дотрогиваться до завѣтной тряпицы. Они такъ и остаются съ мокрыми руками, пока вода не испарится сама. По этому случаю существуетъ даже странное убѣжденіе, что воздухъ лучше вытираетъ, чѣмъ полотенце.

Подали закуску, состоявшую изъ кукурузныхъ блиновъ съ тонкимъ пластомъ сыру въ срединѣ. Нашъ обѣдъ замѣняется у чеченцевъ ужиномъ. Днемъ только кое что перекусываютъ, къ вечеру же затопляютъ камины и варятъ что нибудь горячее. Баранъ, который рѣжется хозяиномъ для именитыхъ гостей, подается всегда въ это же время. Оттого, если заѣхать къ чеченцу послѣ ужина, отъ котораго обыкновенно ничего не остается, не исключая и хлѣба, то можно пробыть цѣлыя сутки полуголоднымъ, въ ожи-

даніи той блаженной минуты, когда на огромномъ деревянномъ подносѣ, формы мелкой тарелки, подадутъ цѣлаго барана, лишеннаго только (кромѣ внутренностей) головы и груди. Это почетныя части подаются большею частью особо, и если старшій въ затрапезной компаніи не заблагоразсудитъ ихъ испробовать, то онѣ оставляются до слѣдующаго утра.

Ѣли сначала молча, медленно и солидно, будто въ то-же время и думу думали. Старшина то и дѣло любезно подкладывалъ мнѣ и переводчику лучшіе куски. Стоявшіе у дверей смотрѣли намъ прямо въ глаза, картинно опустивъ руки на оружіе.

— Какъ это русскій звать? не вытерпѣлъ наконецъ, болтливый Джамалдинъ и указалъ на блины.

Я сказалъ. Нѣкоторые тихо повторили.

— А это? а это? спрашивалъ онъ дальше, указывая по очереди на кувшинъ, полотенце, зеркало и пр.—А твой скажи: ***румра*** *) ***іевлакъ***, ***кузыга*** и проч. училъ онъ меня чеченскимъ названіямъ тѣхъ же вещей, когда узналъ отъ меня русскія. Слова съ гортанными звуками я произносилъ неправильно. Чеченцы тихо смѣялись.

— А что, твой деньга много есть, а аракъ не тащитъ. Твой аракъ давай! балясничалъ старикъ въ томъ же родѣ.

Какъ только поѣли, тотъ же подносъ съ блинами перенесли въ противуположный уголъ, къ дверямъ гдѣ его тотчасъ же окружили молодые люди и, присѣвъ на корточки, принялись уписывать остатки. Тѣмъ временемъ намъ подали всѣ принадлежности умыванья, въ которыхъ чувствовалась настоятельная

*) Буква р въ этомъ словѣ произносится какъ-то глухо-гортанно, нѣсколько сходно съ произношеніемъ картавящихъ.

необходимость: на рукахъ у всѣхъ лежали цѣлые пласты остывшаго сала. Ѣли, разумѣется, безъ всякихъ вспомогательныхъ орудій. Началось полосканіе ртовъ съ различными отхаркиваніями. Ибрагимъ и тутъ отличился, какъ всегда. Онъ дольше всѣхъ полоскался, красиво отплевывался, фыркалъ и нѣсколько разъ пускалъ по направленію къ камину тонкія струйки набранной въ ротъ воды—важничалъ.

Въ саклѣ, однако, стало нестерпимо душно отъ множества людей и своеобразнаго чеченскаго запаха. Меня потянуло на дворъ освѣжиться, но я всетаки досидѣлъ до окончанія трапезы въ противуположномъ углу. Чеченское приличіе требуетъ непремѣнно оставаться на своемъ мѣстѣ, пока не поѣдятъ всѣ. Но всему бываетъ конецъ. Когда и послѣдніе остатки выскребли изъ подноса, всѣ стали подниматься и выходить понемногу. Я, разумѣется, поспѣшилъ вырваться изъ духоты и помѣстился въ тѣни предъ саклей. Здѣсь было хорошо. Кругомъ чисто; легкій вѣтерокъ и освѣжаетъ, и успокаиваетъ.

Шагахъ въ десяти отъ меня сидѣли двѣ хозяйскія дочери и сучили нитки. Съ моего пріѣзда онѣ нѣсколько разъ украдкой любопытно заглядывали въ саклю, но я не обратилъ тогда на нихъ вниманія. Теперь представлялся случай разсмотрѣть ихъ поближе. Старшая, на видъ лѣтъ семнадцати, была въ длинной желтой рубахѣ, безъ пояса, въ широкихъ красныхъ шароварахъ и маленькихъ сафьяновыхъ туфляхъ съ высокими каблуками на турецкій манеръ; на голову была накинута легкая шаль, не связанная концами. Изъ любопытства она повернула голову въ мою сторону, и я увидѣлъ глубокіе черные глаза съ длинными, длинными рѣсницами и густыми бровями,

лицо чрезвычайно нѣжнаго и смуглаго цвѣта, довольно большой тонкій носъ, средней величины ротъ, тонкія розовыя губы и слегка выдавшійся подбородокъ. Въ общемъ лицо было очень красиво и дышало жизнью и страстью; однако, любуясь имъ, я почему-то вспомнилъ тѣхъ безобразныхъ старухъ, которыхъ встрѣчаешь въ Чечнѣ очень много и которыя удивительно похожи на вѣдьмъ нашихъ народныхъ картинокъ. Младшая, лѣтъ двѣнадцати, была только въ одной длинной коричневой рубахѣ; ноги были босы, стриженная голова съ оставленною надо лбомъ тонкою полосой волосъ, вершка въ два длины, оставалась ничѣмъ не покрытой, руки были загорѣлыя и загрубѣлыя. Круглое, нѣсколько плоское лицо дѣвочки, съ мелкими невыразительными чертами, нисколько не напоминало красиваго профиля ея сестры. Видно было, что сестры отъ разныхъ матерей.

Операцію сученія нитокъ сестры производили чрезвычайно примитивно. Двѣ несученыя нитки, длиной аршина въ два, складывались вмѣстѣ; одинъ конецъ прикрѣпляли къ ногѣ и другимъ сучили до нужной степени; затѣмъ нитку протирали лоскутомъ матеріи и откладывали въ сторону. Также скручивали другую, третью и т. д. Этотъ первобытный способъ довольно общеупотребителенъ, хотя чеченки хорошо знакомы и съ другимъ способомъ скручиванья нитокъ, при помощи веретена.

Сидя на стульчикѣ и дружески перекидываясь русскими и чеченскими словами съ окружавшею меня молодежью, я какъ то вынулъ кожаный портъ-сигаръ и открылъ его. Вещица видимо заинтересовала красавицу. Я это замѣтилъ и протянулъ руку въ ея сторону. Дѣвушка легко встала, взяла портъ-сигаръ

въ руки и съ наивнымъ удивленіемъ начала его разсматривать. Болѣе минуты она перевертывала его, открывала и проводила тонкими пальцами рукъ по красивымъ швамъ. Очень можетъ быть, что въ сердцѣ ея въ это время смутно зашевелилась зависть къ русской женщинѣ, дошедшей, какъ она должна была думать, до такого искусства въ вышиваньи. Ей, разумѣется, и въ голову не приходило, что въ ея рукахъ вещица, сработанная на машинѣ. Затѣмъ красавица любопытно взглянула мнѣ въ лицо и быстро возвратила вещь назадъ.

Замѣченная мною дѣвушка по лицу и стану не изъ распространеннаго типа въ чечнѣ. Гораздо чаще встрѣчается другой разрядъ женскихъ лицъ. Кругловатое смуглое лицо, здороваго лоснящагося цвѣта, съ сладострастно округленными чертами, небольшой мясистый носъ, плоскій лобъ, обыкновенно на половину покрытый обрѣзанной прядью волосъ, черные глаза съ поволокой, безъ выраженія, большой ротъ и остроугольный подбородокъ, вотъ черты такого лица. Женщина или дѣвушка съ такимъ лицомъ довольно высока ростомъ и не особенно стройна, вродѣ нашихъ купеческихъ дочекъ: Въ общемъ, такая чеченка производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Наивною улыбкой и дѣтскимъ, чрезвычайно музыкальнымъ, лепетомъ она напоминаетъ о своей умственной простотѣ и склонности къ послушанію; за то ея румянецъ во всю щеку и полный, округленный станъ, ея томный взглядъ и роскошные черные волосы, раскинутые скобками по сторонамъ лба, ясно говорятъ о расположеніи къ сладострастію и нѣгѣ.

Фантазія нашихъ поэтовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ надѣлила чеченку разными идеальными

качествами: чувствительностью, самоотверженіемъ, романтическою страстностью и пр., которыхъ въ дѣйствительности и въ поминѣ нѣтъ. Правда, нельзя отказать чеченской женщинѣ въ извѣстной степени силы воли и энергіи. Здѣшніе старожилы помнятъ много эпизодовъ изъ прошлаго, когда чеченка, если не выходила драться съ врагами, то очень смѣло и очень коварно защищалась въ минуту опасности въ собственной саклѣ. Кровь джигитовъ течетъ и въ ея жилахъ. Но это случалось въ исключительные моменты ея жизни; при обыденной же обстановкѣ она вовсе не такова. Природная энергія до такой степени парализована въ ней всѣмъ складомъ народной жизни этого полудикаго и къ тому же мусульманскаго племени; она такъ подавлена и невѣжествомъ, и традиціонными понятіями о ничтожествѣ ея роли въ семействѣ и даже вообще на землѣ, что, по правдѣ сказать, и не можетъ блистать какими либо доблестями ума и сердца. Чеченка до замужества—это простая дѣвушка, живущая чисто растительною жизнію. Она хорошо ѣстъ, весело болтаетъ, еще веселѣй смѣется, любитъ потанцевать, но и мастерица на всѣ тяжелыя работы, не капризна и не прихотлива, а безусловная исполнительница воли матери. Она больше всѣхъ работница въ домѣ и больше всѣхъ пассивное лицо въ семействѣ, но это нисколько не мѣшаетъ ей весело смотрѣть на весь Божій міръ. Любовь къ цвѣтнымъ тряпкамъ, къ побрякушкамъ, украшающимъ эти тряпки, склонность къ скромному жеманству предъ мужскою молодежью, склонность къ сплетнямъ и пересудамъ отъ нечего дѣлать—вотъ почти весь ея внутренній міръ. Съ лѣтами такая дѣвушка становится страстною по физической потребности. Закулисныя

тайны брачной жизни не выходятъ у ней изъ головы составляя нескончаемую тему интимныхъ разговоровъ съ опытными подругами. Сдѣлавшись женой, чеченка на первыхъ порахъ глупѣетъ отъ новой жизни, потомъ понемногу привыкаетъ къ своему положенію работницы, рабыни и любовницы. Вѣрность такой жены обусловливается, конечно, не нравственной чистотой, а трусостью предъ общественнымъ мнѣніемъ и мщеніемъ своего повелителя, которому не долго и безъ носа ее оставить, на что онъ имѣетъ право, по обычаю. Очень часто случается, впрочемъ, и болѣе трагическая расправа за невѣрность, хотя презрѣніе общества и недовольство чеченца — мужа не такого рода бездѣлицы, чтобы ихъ легко было перенести. Но и у замужней женщины—чеченки бываетъ благодатная пора въ жизни. Проживъ съ мужемъ лѣтъ 12—15, она уже перестаетъ быть пассивнымъ лицомъ въ домѣ, а становится болѣе или менѣе самостоятельною хозяйкой. Мужъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не прочь и посовѣтоваться съ нею; подростающія дѣти къ ней почтительны и ей послушны. Она уже не находится подъ руководствомъ какой нибудь желчной старухи—свекрови, но сама размышляетъ, заботится. Да и работа ее не утомляетъ а удовлетворяетъ только вкоренившейся привычкѣ вѣчно что нибудь дѣлать для увеличенія домашняго достатка. И славно бы такъ дожить свой вѣкъ, „но не то тебѣ пало на долю“. Увлеченная мелочными заботами по хозяйству, она постепенно дѣлается грязнѣе, неряшливѣе. Печать страстности на лицѣ понемногу замѣняется печатью вседневной хлопотливости и хозяйственной думы. На тѣлѣ слѣды утомленія, въ головѣ мысли о мукахъ ада и очень близкомъ свѣтопре-

ставленіи; холодныя сухія губы все чаще шепчутъ слова молитвы.

Все это въ глазахъ чеченца вовсе не придаетъ привлекательности его подругѣ. Неблагодарный мужъ, больше почитатель женской красоты, чѣмъ женскаго ума, къ которому онъ во всякомъ случаѣ относится очень скептически, затѣваетъ новую свадьбу и приводитъ въ домъ вторую жену. Между женщинами начинается глухая борьба (открыто старшая по прежнему господствуетъ), результатомъ которой бываетъ то, что получившая отставку становится молчаливѣе, грязнѣе, еще усерднѣе начинаетъ доить коровъ и бить масло, еще чаще твердить молитвы и ругать молодежь. А на высохшемъ и пожелтѣвшемъ лицѣ ея является злобное выраженіе...

Не всѣ чеченки переживаютъ намѣченныя переходныя ступени. Нѣкоторымъ вовсе не случается сдѣлаться полновластными хозяйками, такъ какъ жены вводятся въ домъ чрезвычайно скоро одна за другою. Особенно плохо приходится иногда женамъ состоятельныхъ чеченцевъ, имѣющихъ по двѣ, по три и болѣе подругъ жизни; эти чеченцы часто изъ самодурства прогоняютъ отъ себя женъ, прожившихъ съ ними лѣтъ по 6—8, и послѣднимъ послѣ того остается однообразное и скучное прозябаніе. Что касается старухъ-матерей, то онѣ, вообще говоря, не могутъ пожаловаться на отсутствіе заботливости о нихъ со стороны дѣтей. Дочери преимущественно имъ угождаютъ, и вовсе не по любви, а по требованію обычая. Вездѣ господство обычая, являющагося въ частныхъ случаяхъ то нелѣпымъ, то разумнымъ, обычая деспота, сковывающаго всякія, даже мельчайшія, проявленія индивидуализма.

— Отдохнуть не хочешь ли съ дороги? спросилъ меня подошедшій старшина. Въ саклѣ теперь никого нѣтъ, а окошечко я сейчасъ закрою, чтобы тебя мухи не безпокоили.

Говоря это, онъ добродушно—суетливо началъ сдвигать двѣ толстыя необдѣланныя дощечки, замѣнявшія наши ставни.

Я отказался, а самого старика упросилъ прилечь и выспаться, если онъ къ этому привыкъ. Поручивъ меня заботливости своихъ сыновей, старшина ушелъ въ другую саклю. Ко мнѣ между тѣмъ подсѣлъ переводчикъ и началъ разсказывать, какъ онъ распорядился относительно занятій слѣдующаго дня.

— А чтобы лучше указывали мѣстность, прибавилъ онъ,—я велѣлъ быть съ нами старшинѣ, его помощнику, тремъ почетнымъ старикамъ и двумъ-тремъ изъ молодыхъ людей, для услугъ въ случаѣ надобности.

— Съ какой же стати такъ много народу? замѣтилъ я. Сколько разъ я говорилъ тебѣ, Ибрагимъ, чтобы какъ можно меньше безпокоить народъ? Ну, старшина или помощникъ, два знающихъ мѣстность старика—и довольно.

— Да они сами этого хотятъ, такъ зачѣмъ же меньше брать, возразилъ онъ съ неудовольствіемъ.

Въ словахъ переводчика была отчасти правда. Почти ничего не дѣлая и вѣчно интересуясь знать все и вся въ распоряженіяхъ начальства, чеченцы готовы по поводу самаго ничтожнаго обстоятельства сѣсть на лошадей и цѣлымъ ауломъ сопровождать васъ. Лежанье и болтовня прискучили, своей надобности съѣздить куда нибудь нѣтъ, а неугомонная кровь требуетъ развлеченія, и вотъ тутъ то пріѣздъ

какого нибудь чиновника совершенно кстати. Ужъ навѣрное представится случай покрасоваться на застоявшемся конѣ, пошумѣть, поспорить, блеснуть своими діалектическими способностями, а можетъ быть и поджигитовать *), пострѣлять въ чью нибудь убогенькую папашку, изрѣдка и пѣсню прокричать хоромъ. Но чеченецъ большой политикъ и съ тонкостью различаетъ наѣзжающихъ къ нему гостей. Дешевыя овацiи устраиваются только любителямъ ихъ, расположеннымъ корчить изъ себя вліятельныхъ лицъ. Ко мнѣ же это не относилось. Цѣль моихъ поѣздокъ была извѣстна по всему округу и старшинамъ сообщалась только для формы. Самъ я тоже давно имъ приглядѣлся и, по правдѣ сказать, извѣстенъ былъ имъ за чиновника не крупнаго ранга. Поэтому я увѣренъ, что десятокъ проводниковъ садились на коней лишь по прихоти переводчика, которому нравилась пышность и картинность подобной ковалькады.

— *Ля—ильля—иллляхъ!* (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога), медленно и нараспѣвъ произнесъ Ибрагимъ, послѣ небольшаго молчанія, проводя обѣими руками по лицу ото лба до кончика бороды.

— Время *намазъ* сдѣлать (совершить молитву), прибавилъ онъ про себя. *Эй—кантъ!* (молодые люди), принесите воды, обратился онъ къ стоявшимъ около насъ молодымъ чеченцамъ. Одинъ изъ нихъ кинулся

---

*) Джигитовать—мчаться въ перегонку или наскакивать однимъ конемъ на другого. Происходитъ это слово отъ *джигитъ*, употребляемаго въ коранѣ, что значитъ—воевать за вѣру. Но въ разговорной рѣчи оно утратило свой смыслъ и употребляется, кромѣ указаннаго значенія, въ смыслѣ нашихъ словъ молодецъ, лихачъ. Интересно, что чеченцы считаютъ его русскимъ, какъ множество и другихъ словъ, напримѣръ: кунакъ, чурекъ. Наши же солдаты убѣждены, что пересыпая свою рѣчь такими словцами они, хотя на половину, объясняются по чеченски.

за принадлежностями омовенія, другой приготовился стягивать съ толмача *чувяки* *) и ногавицы, третій принесъ изъ сакли коверъ и раскинулъ его на чистомъ мѣстѣ. Послѣ длиннаго и церемоннаго омовенія рукъ, ногъ и лица, Ибрагимъ сталъ на коверъ, крѣпче надвинулъ папаху, опустилъ внизъ руки и началъ молиться вслухъ поминутно мѣняя тонъ голоса, распѣвая то тихо, то громко, то страстно и благоговѣйно, то съ какою то намѣренною усталостью, съ гримасой муки на лицѣ; будто едва вырывая изъ гортани хриплые звуки. Непріятно смотрѣть на подобнаго молельщика.

Всѣ чеченцы строго исполняютъ обряды омовенія и молитвы, какъ, впрочемъ, и остальные обряды. Очень рѣдкіе изъ молодежи позволяютъ себѣ на сторонѣ вольнодумничать, соединяя двукратное моленіе въ одно попространнѣе. Но обрядовою стороной и кончается въ большинствѣ случаевъ религіозность чеченцевъ. Думать, что всѣ они религіозные фанатики, большая ошибка. Этимъ любятъ иногда щегольнуть, прикрыть свои грѣшки, въ особенности въ преступленіяхъ противъ русскихъ. Отчего, напримѣръ, не заявить, что убійство христіанина совершено для спасенія души, что чѣмъ больше накопится такихъ преступленій, тѣмъ скорѣе угодишь въ рай Магомета?

Но религіозныхъ въ строгомъ смыслѣ слова очень мало, хотя выдаются и настоящіе фанатики. Мнѣ случалось видѣть чеченцевъ, молившихся часа по полтора каждый разъ, слѣдовательно, семь съ половиной часовъ въ сутки. Эти молились такъ, что возбуждали жалость къ себѣ. Каждое слово молитвы произноси

*) Башмаки безъ подошвъ. Шьются изъ чернаго или краснаго сафьяна и такъ, что шовъ приходится по срединѣ ступни.

лось съ глубокимъ чувствомъ и соотвѣтствующими тѣлодвиженіями и поклонами. Богомолецъ приходилъ, наконецъ, въ экстазъ. Потъ съ него лилъ градомъ, дыханіе становилось рѣдкимъ и тяжелымъ, взглядъ уходилъ внутрь, а голосъ звучалъ безотчетнымъ блаженствомъ *). Но, повторяю, большинство рѣдко знаетъ болѣе двухъ-трехъ обязательныхъ молитвъ и молится по привычкѣ, по обычаю, а нерѣдко только изъ боязни общественнаго презрѣнія. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ тѣ, кому удалось хватить нѣсколько глотковъ воздуха чужой жизни. На сторонѣ они не прочь и поманкировать своими обязанностями передъ Богомъ: то омовенія совершить некогда, то настроить себя на религіозный тонъ нельзя, и пр. Но среди своихъ и при случаѣ они усердствуютъ безгранично.

III.

Итакъ — переводчикъ молится. Тѣмъ временемъ познакомимся, хотя поверхностно, съ его біографіей.

Ибрагимъ Джугуртіевъ принадлежитъ къ довольно распространенному типу чеченцевъ. Большинство ихъ въ настоящее время занимаетъ самыя разнообразныя служебныя должности, отъ виднаго начальника до простого переводчика или милиціонера и поглощаетъ знатную часть суммы, расходуемой на администрацію народа. Основныя черты этого типа таятся въ зародышѣ во всей чеченской народности; нѣтъ чеченца, которому бы онѣ были безусловно чужды. Личности же, подобныя Ибрагиму, являются полнѣйшимъ и

*) Такъ молятся чеченцы, принадлежащія къ особому толку, извѣстному подъ названіемъ „*зикръ*“, или „*зикро*“.

рельефнѣйшимъ ихъ выраженіемъ и, очень вѣроятно, что получили эту полноту въ минувшую безпокойную эпоху.

Ибрагимъ красивъ, солиденъ и ловко сидитъ на конѣ! Правильное, съ крупными чертами, лицо его покрыто какою-то маской, за которою нѣтъ никакой возможности проникнуть въ его мысли или чувства. Онъ будетъ обманывать васъ, или намѣренно говорить вамъ правду, или съ нетерпѣніемъ выпытывать у васъ что нибудь, всегда съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ. Говоритъ онъ по русски бойко, красно и нѣсколько напыщенно. Въ интонаціи его голоса всегда много видимаго чувства и какого-то драматическаго огня, нисколько, впрочемъ, не сердечнаго. Это ловкій ораторъ на какія угодно темы и за и противъ, манера говорить торжественно и драматично вытекаетъ, должно быть, изъ самаго характера чеченскаго языка, бѣднаго словами, вообще, и богатаго варіаціями однихъ и тѣхъ же словъ. Ходитъ онъ мѣрно и величаво, глядитъ холодно и одѣвается вполнѣ безукоризненно. За то смѣхъ его иногда, дѣйствительно, до того добродушный, звучитъ такимъ дѣтскимъ весельемъ, что въ такую минуту можно почувствовать къ нему живую симпатію. Чеченцы смѣются вообще хорошо и много. Малѣйшій намекъ на остроту, чуть оригинальная выходка, иногда одно намѣреніе кого нибудь посмѣшить остальныхъ уже достаточны, чтобы заставить этихъ полудикихъ сыновъ природы хохотать до упаду. Отъ мѣткой остроты не унимаются въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и старики обыкновенно заливаются даже болѣе молодежи. Въ этомъ они удивительно походятъ на дѣтей.

Прошлое Ибрагима я узналъ въ часы монотон-

ныхъ переѣздовъ изъ одного аула въ другой. Съ русскимъ онъ любитъ поговорить о себѣ и не упускаетъ при этомъ случая хвастнуть ловко придуманными подвигами или подвигами другихъ, перенесенными на себя. Онъ бы, разумѣется, не сталъ мнѣ разсказывать, если бы угадывалъ, что его прошлое меня вовсе не очаровываетъ, онъ бы не фантазировалъ, если бы хотя на минуту допустилъ, что я могу отличить ложь отъ истины. Но такова сила обособленнаго умственнаго склада, исключительнаго пониманія хорошаго и дурного, что даже такой умный малый, какъ мой толмачъ, несмотря на знакомство съ русскими, былъ вполнѣ увѣренъ, что своимъ прошлымъ возвышается въ моихъ глазахъ; а убѣжденіе, что простодушный *урусъ*, по своей тупости приметъ какую угодно ложь за истину, давало ему смѣлость до роскоши развивать свои вымыслы. Нужно долго пожить между чеченцами, чтобы узнать, какого они низкаго мнѣнія и о нашихъ способностяхъ, и о нашихъ нравственныхъ качествахъ. Они глубоко убѣждены, что мы глупы и простодушны. Много яснаго для нихъ какъ день, мы, по ихъ мнѣнію, вовсе не въ состояніи понять. Надуть насъ рѣшительно ничего не стоитъ. Въ частной и общественной жизни мы все дѣлаемъ на выворотъ, наши сужденія о людяхъ всегда ошибочны, щедроты нашего начальства всегда сыплются на тѣхъ, кто ихъ менѣе всего заслуживаетъ...

Интересно, что русскихъ они еще дѣлятъ на настоящихъ и не настоящихъ, къ которымъ относятъ офицеровъ и чиновниковъ не русскаго происхожденія. Настоящій русскій—въ этомъ они сильно убѣждены—человѣкъ въ высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящій русскій

никого никогда не обижаетъ, а напротивъ, всѣмъ покровительствуетъ; онъ всегда богатъ, и живетъ роскошно, не жалѣетъ копейки; за услуги платитъ щедро и зла никогда не помнитъ. И многое произошло бы на Кавказѣ не такъ, если бы побольше поселили этихъ настоящихъ русскихъ, думаетъ чеченецъ, но *пача* (Царь) ими дорожитъ и не отпускаетъ ихъ отъ себя. Въ этомъ представленіи такъ много идеализаціи, что трудно допустить, чтобы оно образовалось путемъ дѣйствительнаго знакомства съ подобными русскими, хотя очень можетъ быть, что нѣкоторыя краски заимствованы изъ жизни тѣхъ баричей, что́ во время оно появлялись въ рядахъ Кавказской арміи. Оно является скорѣе естественнымъ для недавно покореннаго народа протестомъ противъ водворившейся въ краѣ власти, органами которой пока по преимуществу являются чиновники изъ уроженцевъ кавказскаго края.

Вотъ что я узналъ о прошломъ Ибрагима Джугуртіева. Во время войны онъ принадлежалъ къ обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ. И той, и другой онъ оказывалъ весьма важныя услуги, въ той и другой то пріобрѣталъ довѣріе, то преслѣдовался какъ измѣнникъ. Не разъ ему грозили и русская висѣлица, и Шамилевское *„башка долой“*, но онъ всегда ловко увертывался отъ наказанія, чтобы снова заслужить довѣріе, набить карманы нашими деньгами и снова измѣнить. Много ихъ было тогда—рыболововъ въ мутной водѣ. Продѣлки ихъ знали, но они были незамѣнимы и ихъ терпѣли. Для этихъ людей, служившихъ только личной корысти, было рѣшительно все равно, какой бы ни оказался исходъ войны; имъ нужно было только чтобы война продолжалась. Въ критическую минуту Ибрагимъ безъ зазрѣнія совѣсти шелъ на одновѣр-

цевъ, отстаивая интересы русскихъ, а на другой день пускалъ пули въ бывшихъ друзей. Закаленность его натуры удивительная; онъ могъ по цѣлымъ суткамъ не слѣзать съ коня, по цѣлымъ недѣлямъ довольствоваться сухимъ кускомъ чурека. Бурка укрывала его отъ непогоды, конь уносилъ отъ преслѣдованія, балка *) служила мѣстомъ отдыха. По характеру онъ смѣлъ, дерзокъ, нахаленъ, хитеръ и изворотливъ. Онъ никого не любитъ; въ немъ не возбудишь сожалѣнія; но онъ умѣетъ долго и сильно ненавидѣть, а отомститъ тогда, когда обидчикъ всего менѣе ожидаетъ этого. Себя вообще онъ считаетъ чрезвычайно умнымъ и смѣтливымъ, поэтому смотритъ на всѣхъ свысока и никогда ничему не удивляется. Если вы ему что нибудь разсказываете, онъ всегда склоненъ вамъ не вѣрить; если онъ задаетъ вамъ какой нибудь невинный вопросъ, то ужъ навѣрное со скрытою цѣлью; если что нибудь сообщаетъ по секрету, то для того, чтобы вызвать на откровенность, заставить проболтаться. Добро и зло для него вещи безразличныя. Личныя выгоды—критерій всѣхъ его поступковъ. У него только двѣ страсти—къ деньгамъ и тщеславію. За деньги онъ продастъ себя, вынесетъ самое жестокое оскорбленіе, хотя и постарается отомстить за него, когда представится къ тому случай. Скряжничество отчасти общая черта чеченцевъ, но въ такихъ личностяхъ оно дошло до крайнихъ предѣловъ. Имѣя тысячи, онъ плачется на бѣдность, всегда готовъ протянуть руку за ничтожною подачкой и склоненъ дрожать надъ копейкой. Какихъ нибудь три—пять рублей въ состояніи разжечь въ немъ кровожадные инстинкты. Тщеславіе Ибрагима

*) Неглубокій оврагъ.

выражается желаніемъ вездѣ быть первымъ, корчить изъ себя вліятельнаго и всезнающаго, давать наставленія и совѣты, служить предметомъ разговоровъ, удивлять и выслушивать похвалы. Тонкій діалектикъ и интриганъ въ душѣ, онъ, какъ прежде, такъ и теперь, дѣйствительно знаетъ все, чѣмъ интересуется народъ. Примѣшивая къ этимъ знаніямъ собственные вымыслы и разъясняя все по своему усмотрѣнію, онъ невольно заставляетъ себя слушать и гордится, если его словамъ даютъ вѣру, если къ нему начинаютъ обращаться за совѣтами. Любовь чеченцевъ къ политикѣ вполнѣ удовлетворяется этими господами. Замѣчу, что разговоры объ общественныхъ вопросахъ, о начальствѣ, о предполагаемыхъ реформахъ, о разныхъ политическихъ слухахъ и пр. составляютъ страсть этого народа. Чеченца хоть хлѣбомъ не корми, только подавай ему новостей подобнаго рода. Старшіе въ аулахъ считаютъ даже необходимымъ кое-что узнавать положительно.

Не всѣ, разумѣется, были такъ счастливы, какъ Джугуртіевъ, не всѣ обладали нужною ловкостью и хитростью, чтобы каждую минуту увертываться отъ бѣды. И много же этихъ Джугуртіевыхъ сложило свои буйныя головушки подъ ударами шамилевскихъ мюридовъ; попадались они и на русскія веревки. Но такъ какъ эти герои своего времени не были народной аномаліей, то большинство ихъ благополучно пережило свои удалые подвиги и, угадавъ исходъ войны, отдалось въ руки побѣдителей.

— За кого же или за что именно ты дрался, Ибрагимъ? спросилъ я его однажды.—У насъ говорятъ, что вы отстаивали свою независимость, вѣру. Но, въ та-

комъ случаѣ, странно, что многіе изъ васъ служили то русскимъ, то Шамилю.

Въ отвѣтъ онъ разсказалъ мнѣ какую то длинную и запутанную исторію о кровникахъ. Кого то убилъ его отецъ. Братъ убитаго началъ преслѣдовать сына и для этого подговорилъ нѣсколькихъ однофамильцевъ подкараулить Ибрагима когда онъ поѣдетъ по какой то дорогѣ. Но Джугуртіевъ былъ хитрѣе своего врага и счастливо миновалъ засаду. Тогда снова его начали выслѣживать и довели до того, что онъ долженъ былъ ранить родственника Шамилевскаго ***наиба*** *) и чрезъ это попалъ въ опалу. Единственнымъ способомъ избавиться отъ смерти было бѣжать въ русскій отрядъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Отрядный начальникъ, къ которому онъ явился, какъ только пріѣхалъ въ укрѣпленіе, принялъ его довольно подозрительно, но это его нисколько не смутило. Онъ тотчасъ испросилъ себѣ аудіенцію и сообщилъ очень важную новость. А когда оказалось, что Ибрагимъ не солгалъ, то его продержали нѣсколько времени подъ надзоромъ, потомъ обласкали и приняли на русскую службу.

— Ну а дальше? Какъ же ты опять очутился у Шамиля?

— Русскимъ я служилъ вѣрно и много хорошаго для нихъ сдѣлалъ, пустился онъ восхвалять себя. Бывало призоветъ меня Б.: „Ибрагимъ! ты долженъ этою же ночью узнать, куда такой то наибъ хочетъ завтра направить свои силы и какъ великъ его отрядъ? На расходы вотъ тебѣ сто рублей серебра, а когда вернешься получишь вдвое больше“. Я вышелъ, сѣлъ на коня и черезъ пять минутъ уже далеко отъ крѣ-

*) Начальникъ нѣсколькихъ ауловъ.

пости. Встрѣчаются немирные: „Ты кто такой?“—Чеченецъ. „Куда ѣдешь?“—Къ наибу такому-то. „Зачѣмъ?“—Нужно ему передать очень важную новость. „А-а! Въ чемъ же дѣло?“—Всего не могу сказать, одному наибу это должно быть извѣстно, а вы знайте только, что Б. хочетъ завтра, раньше солнечнаго восхода, когда еще правовѣрные не совершатъ утренняго *намаза* (молитвы), направить два баталіона въ аулъ К. и разорить его.—„А джалле! (собака). Покажись онъ только! Ужъ не приснилось ли ему, что у насъ пороху мало, или шашки притупились объ ихъ поганыя головы, или кони всѣ передохли? Покажись! Отъ кого же ты это узналъ?“—Да отъ нашего Х. ихняго офицера, что служитъ намъ, получая отъ урусовъ жалованье и награды. *Марша—алва!* (прощайте),—и ѣдешь дальше. Случалось, угадаютъ что изъ мирныхъ и тогда кинутся въ погоню за тобою. Но лошадь у меня была такая, что во всей Чечнѣ такой не сыскать. Только махнешь бывало предъ нею плетью и она уже летитъ какъ по воздуху, не разбирая ни кустовъ, ни канавъ.... Вдругъ около самой головы прожужжитъ пуля—это значитъ чувствуютъ, что не догонятъ, такъ стрѣляютъ. Отвѣтишь и самъ выстрѣломъ и скачешь дальше, а черезъ нѣсколько минутъ уже помахиваешь надъ головой папахой и дразнишь ихъ, насмѣхаешься надъ ними. Въ полночь привозишь Б. всѣ нужныя свѣдѣнія... А сколько разъ я служилъ проводникомъ, бывалъ лазутчикомъ, сколько разъ сообщалъ такіе секреты, которыхъ ни отъ кого бы не узнали! Но случилось, что нечаянно навелъ баталіонъ на немирныхъ, укрывшихся въ балкѣ за лѣсомъ, —и все сразу забыли. Командиръ баталіона даже разстрѣлять хотѣлъ, подъ арестъ посадилъ. Да я ловко удралъ и явился

къ наибу П.... Какже! Мнѣ чинъ офицера слѣдовало дать, а вмѣсто того, убить захотѣли...

Очень вѣроятно, что Ибрагимъ вралъ и баталіонъ онъ навелъ на засаду вовсе не нечаянно. Но не въ томъ дѣло. Для насъ важно то, что всѣ чеченцы этого типа оправдываютъ свое поведеніе подобными причинами. Одинъ, напримѣръ, бѣжалъ отъ кровника, другой, напротивъ, перебрался къ намъ съ цѣлью отомстить за кровь, третій измѣнилъ народному дѣлу потому, что былъ обиженъ кѣмъ нибудь изъ шамилевскихъ начальниковъ, четвертый потому, что самъ обидѣлся тѣмъ, что предъ нимъ было оказано предпочтеніе другому, пятый рѣшился мстить за отнятое у его родственника имущество и пр. и пр. А если спрашивать тѣхъ, которые сами играли видныя роли въ средѣ шамилевскаго начальства, то въ отвѣтъ являются другія оправданія ренегатства, напримѣръ, незаслуженное, будто бы подозрѣніе въ сношеніяхъ съ русскими, опасеніе быть незаслуженно смѣщеннымъ по извѣтамъ враговъ и пр. Какъ будто всѣхъ этихъ причинъ совершенно достаточно для объясненія образа дѣйствія не десятковъ, а сотенъ если не тысячъ чеченцевъ? будто бойцы за народное дѣло, за свободу и религію могутъ такъ легко мѣнять свое знамя? Ясно, что настоящую причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ мелкихъ передрягахъ кровниковъ, а гораздо глубже. За что дрались съ нами чеченцы? Говорятъ будто за религію и независимость. Первая причина приложима только къ отдѣльнымъ, фанатически настроеннымъ личностямъ, народъ же, какъ я уже замѣтилъ прежде, удовлетворяется одною внѣшнею обрядностью. Религія не могла его заставить жертвовать своею кровью. Минутное увлеченіе горячею пропо-

вѣдью имама и его муллъ могло поджечь его только на время, а не обратить въ страстнаго и неутомимаго бойца. Если и мѣняютъ настоящее благосостояніе на загробное блаженство, то люди глубоко вѣрующіе, имѣющіе ясные религіозные идеалы и стремящіеся къ достиженію ихъ, но вовсе не безсмысленные исполнители мертвыхъ формъ. Вторая причина также не основательна. Шамилевскій деспотизмъ съ его произволомъ, казнями, грабежомъ и всяческими насиліями надъ личностью, ужъ никакъ нельзя было назвать независимостью народной. Чеченцы даже могли думать, а многіе навѣрно и думали, что имъ будетъ лучше подъ нашей властью. Жили же они полу-покорно до сорокового года и не могли пожаловаться на посягательство со стороны русскихъ на ихъ права или на стѣснительное вмѣшательство въ ихъ домашніе распорядки. Укрѣпляло ихъ въ этомъ убѣжденіи еще и ошибочное представленіе о подчиненности русской власти. Такъ, они твердо вѣрили, что быть подданнымъ Русскаго Царя—значитъ не платить, а самому получать деньги, которыхъ Царю дѣвать некуда, что нисколько не походило на подданство Шамилю, котораго нужно было содержать на свой счетъ. Правда, большинство чуяло, что будетъ что-то другое, что многое перемѣнится и передѣлается; оно побаивалось за отдаленное будущее, но страхъ все-таки былъ туманный, никѣмъ не сознанный и потому неглубокій и безсильный. Безъ боязни ошибиться, можно утверждать, что по крайней мѣрѣ три четверти чеченцевъ не пробовали даже объяснить себѣ, изъ-за чего они дерутся. Они ничего не отстаивали, ничего отдаленнаго не искали, а дрались изъ любви къ самому процессу драки; любви, взлелеянной въ нихъ

всею прошлою народною жизнію. Это было настоящее ихъ дѣло и другого они не знали; тутъ была вся живая струя ихъ жизни, скованной мертвою обрядностью внѣ этой струи. Прежде они дрались съ сосѣдними племенами и между собою, потомъ страстно отдались борьбѣ съ русскими; теперь народъ въ лихорадочномъ состояніи именно потому, что этого настоящаго дѣла у него нѣтъ. Война съ ея поэзіей и матеріальными благами была и цѣлью и средствомъ для сильнаго, страстнаго и въ тоже время неразвитого, незнакомаго съ наслажденіемъ въ трудѣ и умственно подавленнаго чеченца. Азартная игра, сильныя и разнообразныя впечатлѣнія, опасности и лихорадочная торопливость дѣйствій—все вмѣстѣ давало исходъ всѣмъ силамъ его богатой натуры. Подъ вліяніемъ войны составился и идеалъ чеченца. Авантюристъ, ловкій наѣздникъ, мѣткій стрѣлокъ, хвастунъ, задирала и хитрецъ—вотъ главныя свойства этого идеала. Къ нему обращались помыслы всѣхъ, его воспѣвали въ пѣсняхъ, рапсоды разсказывали объ немъ удивительныя сказки, муллы пророчествовали ему райское блаженство... Съ другой стороны, военная добыча составляла главный и неизсякаемый источникъ богатства. Чеченцы, какъ замѣчено прежде, любятъ деньги; но вся ихъ прошлая жизнь вовсе не пріучила ихъ къ кропотливой наживѣ. Для пріобрѣтеній они знали, а главное любили только два способа—грабежъ и хитрость. А гдѣ же они могли быть болѣе приложимыми, какъ не въ войнѣ съ русскими, когда случалось однимъ—двумя подвигами обезпечивать себя надолго, иногда на всю жизнь, или когда стоило подслужиться на время своему врагу и получить за это весьма осязательное вещественное доказательство

выгодности авантюризма.

По замиреніи Кавказа, обстоятельства народной жизни измѣнились. Личности, подобныя Ибрагиму, кинулись на государственную службу; домашнее хозяйство ихъ не удовлетворяетъ; въ аулахъ имъ не сидится. И теперь, какъ прежде, они жаждутъ интригъ, общественнаго вліянія. Многіе изъ нихъ занимаютъ довольно видные посты; другіе втираются хоть въ переводчики, хоть въ милиціонеры, чтобы все-таки вертѣться въ служебномъ кругу. По натурѣ они, разумѣется, все тѣ же и по прежнему служатъ только себѣ. Но форма ихъ дѣятельности измѣнилась; они уже не свободные художники по части интригъ и добыванія копейки, а служители ясно формулированной программы. Теперь они не противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагу, не дѣйствуютъ только по вдохновенію минуты, а строго идутъ по одному пути—пути чиновъ и денегъ. Замѣчательно наивное нахальство, съ которымъ они выражаютъ свои требованія: „я не бунтуюсь, народъ не возмущаю, даже ношу русскіе погончики, чего-же больше? Развѣ это не одолженіе „урусамъ", которое должно оплачиваться золотомъ", думаетъ и говоритъ каждый Ибрагимъ. Чтобы достигнуть своихъ завѣтныхъ цѣлей, то-есть, какъ можно выше стать въ іерархической лѣстницѣ и полнѣе набить свои карманы, они дали широкій ходъ хитрости и низкопоклонству. Видимому подобострастію ихъ нѣтъ границъ. Посмотрите на такого чеченца около начальства. Въ лицѣ выраженіе преданности и всегдашней готовности къ услугамъ; въ рѣчи смиреніе, заискиваніе и лесть, самая грубая, самая неотесанная лесть. —Ну, братъ, меня не проведешь, замѣчаете вы, положимъ, Ибрагиму при какомъ нибудь случаѣ. „*Бахъ-ду*,

бахъ-ду! (правда, правда!)" восклицаетъ онъ радостно, будто ваши слова какъ разъ совпали съ его сокровенными мыслями.—Что, народъ доволенъ моимъ распоряженіемъ? спрашиваете вы его въ другомъ случаѣ. „Какъ же, доволенъ, разумѣется, доволенъ... Народъ глупъ и не понимаетъ, что если вы уже что сдѣлали, такъ это хорошо. А мы что же противъ васъ и пр." Низкопоклонничаютъ даже предъ очень незначительными русскими чиновниками. Ничего, что мелкая пташка, авось пригодится! И потому довольно чиновный и въ лѣтахъ иной Ибрагимъ кидается къ вашему сѣдлу, когда вы хотите слѣзать съ лошади, подбѣгаетъ къ вамъ, когда вы намѣрены снять сапогъ и пр. Боюсь, что меня обвинятъ въ неправильномъ истолкованіи народнаго обычая, по которому хозяинъ спѣшитъ оказывать всякія услуги гостю. Но, во-первыхъ относительно насъ очень много обычаевъ такого-же характера другими чеченцами вовсе не соблюдается, во-вторыхъ, Ибрагимы ужъ сильно пересаливаютъ.

Совершенно иначе держатся эти чеченцы предъ своими, каждый изъ нихъ прежде всего старается внушить, что онъ не только знаетъ все, предпринимаемое начальствомъ, но пользуется довѣріемъ и вліяніемъ; безъ его совѣта ничего не предпринимаютъ, его слушаются, его предостереженіямъ даютъ громадный вѣсъ; кто-нибудь ужъ навѣрное только его умомъ и живетъ *) Изъ важныхъ чиновниковъ хоть одинъ

*) Даже въ настоящее время (1892 г.) чеченцы часто придаютъ больше значенія переводчику изъ чеченцевъ-же, состоящему при томъ или другомъ изъ русскихъ чиновниковъ, чѣмъ самому этому чиновнику. Вслѣдствіе этого они обыкновенно говорятъ: такой-то (участковый начальникъ, судебный слѣдователь, лѣсничій и пр.) *слушается* такого-то (переводчика или старшину Ибрагима, Аду, Тенсарко и проч.).

Позднѣйшее примѣч.

да считается его закадычнымъ другомъ. Если простой, не чиновный и не служащій, чеченецъ въ чемъ нибудь нуждается, обращайся къ нему: онъ всегда съумѣетъ помочь, если этого захочетъ. Воръ бѣги подъ его защиту; кто подрался—бѣги въ его саклю: онъ оградитъ отъ законнаго взысканія. Мнѣ случалось видѣть, какъ очень невліятельный чиновникъ—туземецъ пресеріозно принималъ жалобы отъ своихъ одновѣрцевъ: „хорошо, постараюсь сдѣлать, доложу объ этомъ высшему начальству“, многозначительно произносили его уста. Мой Ибрагимъ, напримѣръ, во время нашихъ поѣздокъ, съумѣлъ поставить себя на такую высокую ногу, что ко мнѣ никто и не обращается уже съ разспросами о цѣли нашихъ разъѣздовъ, а всѣ спрашиваютъ его. И по нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ словамъ и часто повторяющимся „полковникъ“, „генералъ“, „сардаръ“ (намѣстникъ), я угадываю, что толмачъ не упускаетъ случая пустить пыль въ глаза слушателямъ. Такимъ образомъ дѣйствія Ибрагимовъ пріобрѣтаютъ популярность; воры и всѣ безпокойныя головы дѣйствительно прибѣгаютъ подъ ихъ покровительство, отъ чего у нихъ въ рукахъ частенько бываютъ нити всевозможныхъ преступленій. Они, впрочемъ очень секретно, становятся нерѣдко центрами недовольныхъ партій и направляютъ ихъ именно въ ту сторону, гдѣ усматриваются препятствія для достиженія ихъ личныхъ цѣлей. Разнесется ли по ауламъ слухъ о неблагопріятныхъ для народа административныхъ проэктахъ, возбудится ли нелѣпая надежда, усилится ли глухой ропотъ, явится ли злостная эпиграмма на прикосновеннаго къ нимъ русскаго чиновника все это, въ большинствѣ случаевъ, рождается прежде въ головахъ Ибрагимовъ. Не хочется,

напримѣръ, Ибрагимамъ видѣть въ Чечнѣ наибовъ изъ русскихъ и вотъ въ народѣ разносится слухъ о какихъ-то намѣреніяхъ правительства уничтожить туземныхъ чиновниковъ. Какъ то смѣнили одного чеченца—наиба. Ворота эксъ—наиба открылись настежъ: въѣзжай, кто нашъ! Баранъ за бараномъ стали падать подъ ножами его сыновей, водка полилась,—и заговорили, зашушукали гости. О чемъ? я тамъ не былъ, да едва ли бы и понялъ что нибудь, если-бы и былъ, тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что спичи произносились не во славу русскаго управленія краемъ.

Между собою люди этого типа живутъ въ постоянной враждѣ и вѣчно подкапываются одинъ подъ другого, разумѣется, тайно, потому-что открыто они не ссорятся и не дружатся особенно; китайскія церемоніи и пресловутое гостепріимство строго соблюдаются обѣими сторонами. Въ своихъ семействахъ Ибрагимы по большей части страшные деспоты. Начиная съ любимѣйшихъ женъ и кончая послѣдними работницами, если таковыя имѣются, они на всѣхъ смотрятъ, какъ на вещи, созданныя удовлетворять ихъ нужды и прихоти, и всѣхъ гнутъ въ дугу. Случается, что у такого господина десятки тысячъ хранятся въ сундукахъ, а семейство все-таки держится въ черномъ тѣлѣ; кукурузный хлѣбъ съ сыромъ и грязное оборванное платье, и вѣчные копеечные труды такъ же гнетутъ его домочадцевъ, какъ въ семействахъ послѣднихъ бѣдняковъ.

IV.

Не могу удержаться не разсказать здѣсь о своей встрѣчѣ еще съ другимъ чеченцемъ того-же ибра-

гимовскаго типа, хотя и другого совершенно темперамента. Было это годъ тому назадъ *). Бей—Султанъ Мулатіевъ, капитанъ въ отставкѣ, уже нѣсколько лѣтъ какъ оставилъ службу и поселился въ своемъ аулѣ, посреди многочисленнаго потомства. Бей—Султанъ старъ, но выглядитъ бодро не по лѣтамъ и на дняхъ опять женился на очень молоденькой дѣвушкѣ, шестой въ спискѣ его женъ. Всѣхъ дѣтей у него человѣкъ 5 мужчинъ и, кажется, 4 дочери. Старшіе ужъ давно или женились, или вышли замужъ, а сладострастный старикъ, которому уже перевалило за шестой десятокъ, все не разстается съ амурными наклонностями. Мулатіевъ низенькаго роста, плотный, плечистый, но полной и сырой комплекціи. Сморщенное красное лицо его чрезвычайно подвижно; оно способно поминутно выражать то злобу, то хитрость, то преданность, или низкопоклонное заискиваніе, и только серіозность, обыкновенная серіозность къ нему нейдетъ; въ этомъ случаѣ оно дѣлается чрезвычайно комичнымъ и возбуждаетъ смѣхъ, какъ лицо ребенка, которому захотѣлось бы покорчить взрослаго. Бей—Султанъ богатъ и, по слухамъ, имѣетъ не одну тысячу въ желѣзной шкатулкѣ. Хозяйство у него большое: тысячи двѣ овецъ, десятки рогатаго скота и лошадей, виноградный садъ, земля и ко всему этому порядочная пенсія; но живетъ онъ, разумѣется, скверно, скряжничаетъ безбожно, и готовъ лучше лишиться любимѣйшей жены, чѣмъ пожертвовать для нея лишней тряпкой.

Дѣло, по которому я къ нему пріѣхалъ, было служебное. Исполнить его я долженъ былъ только по буквѣ предписанія, безъ всякихъ какихъ бы то

*) Въ 1868 г.

ни было соглашеній, измѣненій, или чего нибудь въ этомъ родѣ. Мулатіевъ обо всемъ былъ извѣщенъ заранѣе и отлично зналъ, чѣмъ оно кончится и что кончится не въ его пользу. Но когда я въѣхалъ къ нему на дворъ, онъ съ удивительною легкостью выскочилъ ко мнѣ на встрѣчу и принялъ меня чуть не съ распростертыми объятіями, будто я Богъ вѣсть какую радость привезъ къ нему въ домъ. Меня тотчасъ ввели въ чистую, даже роскошно убранную саклю и окружили всевозможными удобствами: на кровать постлали новенькіе ковры и набросали груду пуховыхъ подушекъ, принесли откуда то русскій стулъ, подали умыться и проч. Въ то же время на дворѣ поднялась суматоха: однѣ изъ женъ хозяина вытаскивали изъ кладовыхъ самоваръ, отыскивали между хламомъ въ сундукахъ чай, сахаръ; другія разводили огонь въ каминѣ для приготовленія закуски. Самъ хозяинъ то выбѣгалъ изъ сакли и громко и многозначительно, какъ офицеръ предъ солдатами, командовалъ домашнимъ штатомъ, то возвращался ко мнѣ и съ лукавымъ заискиваніемъ спрашивалъ: не нужно ли чего, не чувствую ли я себя хуже, чѣмъ дома, извинялся, безпокоился, прикидывался потерявшимъ голову въ такомъ экстренномъ случаѣ и опять убѣгалъ на дворъ.

— Зарѣзать къ вечеру барана для гостя? послышался во дворѣ голосъ молодого человѣка, вѣроятно, сына старика, когда самъ старикъ стоялъ на дворѣ, поодаль отъ занятой мною комнаты.

— Зачѣмъ? вспылилъ отецъ. — Вѣдь есть еще остатки того, что былъ зарѣзанъ недѣлю тому назадъ! И этимъ обойдемся.

Молодой человѣкъ сталъ уходить.

— Башко! позвалъ его отецъ обратно. Ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ стадо, выбери одного похуже и принеси. Опять теперь раззоряйся, чертъ знаетъ на кого? произнесъ онъ про себя какъ-то—даже болѣзненно.

Чеченцы при всей своей скупости — всетаки не считаютъ возможнымъ отпустить отъ себя мало мальски значительнаго гостя безъ угощенія обычнымъ блюдомъ. Если у хозяина своихъ барановъ нѣтъ, онъ безъ всякихъ колебаній покупаетъ барана у сосѣдей на чистыя деньги. Остатками прошлаго рѣзанья, даже свѣжими, угощаютъ очень рѣдко, потому что этимъ нарушается обычай. Сущность его заключается, главнымъ образомъ въ почетѣ, который выражается рѣзаньемъ и подаваніемъ на блюдѣ всего барана. Колебаніе Мулатіева, обладателя двухъ тысячъ овецъ, весьма характерная черта скупости.

Когда все было устроено, Бей-Султанъ вернулся въ саклю и повелъ разговоръ издалека. Отъ разспросовъ о грозненскихъ новостяхъ онъ постепенно перешелъ къ разсказу о своемъ прошломъ вліяніи въ краѣ, о своихъ заслугахъ, о своей дружбѣ съ разными знатными лицами, о томъ, что его всѣ знаютъ и всегда съ готовностью удовлетворятъ всѣ его просьбы; хвастнулъ измышленнымъ первенствомъ своей фамиліи въ народѣ и затѣмъ уже, будто такъ, между прочимъ, прибавилъ вопросъ: какъ я намѣренъ поступить въ порученномъ мнѣ дѣлѣ? Я отвѣтилъ, что, разумѣется, не отступлю отъ даннаго мнѣ предписанія.

— Ну, да! Я очень радъ, что мы съ вами думаемъ совершенно одинаково, подхватилъ онъ любезно. — На что нибудь незаконное я тоже никогда не соглашусь. Сдѣлайте только такъ, чтобы я не имѣлъ

причины оставаться недовольнымъ вами, продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ, будто не замѣчая противорѣчія въ своихъ словахъ,—не обидьте меня, не лишите того, что я такъ давно уже считаю своимъ, и все будетъ хорошо, и мы разстанемся съ вами друзьями.

— Ну, обидѣть васъ я не могу, какъ не могу и наградить, возразилъ я.—Вотъ посмотрите мое предписаніе: какъ въ немъ сказано, такъ я и сдѣлаю. Я подалъ ему бумагу.

— Нѣтъ, что вы! Развѣ я вамъ не вѣрю что ли? Я только говорю, что дѣло мы навѣрное обдѣлаемъ, какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ вамъ идти противъ меня? Зла я вамъ никакого не сдѣлалъ, мы даже не были знакомы до сихъ поръ, а что до добра, то будьте увѣрены, что сдѣлать добро я радъ. Да, какъ слѣдуетъ кончимъ дѣло.

— Разумѣется, какъ слѣдуетъ.

Помолчали.

— Теперь вы вотъ пріѣхали и кончите все; повѣрять васъ, я знаю, не будутъ. Какъ рѣшите, такъ ужъ и останется навсегда, только бы я былъ согласенъ, продолжалъ онъ твердить съ какою то затаенною мыслью.—Не правда ли, вы не обидите меня? А я, если угодно, ничего не пожалѣю.

— Да оставьте, пожалуйста! Намъ, кажется, и переговариваться не о чемъ. Я изложилъ предъ нимъ подробно все дѣло и разъяснилъ, какъ обязанъ рѣшить его.

Онъ вдругъ скорчилъ преглупѣйшую мину удивленія.

— Нѣтъ, что вы! Вы должно быть не поняли, что у васъ тамъ написано; совсѣмъ не то и говорите; прочитайте, пожалуйста, хорошенько. Глаза его лу-

каво забѣгали.—Или, можетъ быть, въ вашей бумагѣ ошибка сдѣлана, вѣдь это бываетъ. А вотъ лучше послушайте: я разскажу вамъ всю правду.

И онъ передалъ мнѣ исторію, по поводу которой я пріѣхалъ, такъ своеобразно нелѣпо и пришелъ въ заключеніе къ такимъ ловкимъ выводамъ, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ разсмѣяться.

Старика это кольнуло, но онъ сдержался.

— Ну, чего же еще? Сейчасъ видно, что вы хорошій человѣкъ, поразилъ онъ меня ловкостью своей тактики.—Я такого и просилъ у начальства. Еще бы съ вами да не отлично покончить дѣло? Вижу, что мы останемся довольны другъ другомъ.

— Можетъ быть, и довольны, а, можетъ быть, и не довольны, замѣтилъ я, меня это, право, нисколько не занимаетъ. То, что вы мнѣ сейчасъ разсказывали, не вѣрно, но для меня это все равно. Я долженъ сдѣлать и сдѣлаю такъ, какъ передалъ вамъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Понравится вамъ это—буду радъ, не понравится—я тутъ не причемъ.

— Ну вотъ! И всѣ вы, русскіе, такіе. Только перешагнулъ порогъ чужого дома и уже ссорится. Что же, развѣ я самъ не служилъ Государю Императору, или послѣднимъ былъ между всѣми! заговорилъ онъ въ комически серіозномъ, даже важномъ тонѣ. --Васъ прислали удовлетворить меня, такъ порѣшить дѣло, чтобы я не безпокоилъ начальства и самъ не безпокоился на старости лѣтъ, а вы мнѣ говорите какъ то тамъ по своему, чего я совсѣмъ не понимаю. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я пѣшка и вотъ такъ и поддамся! хорохорился онъ все больше и больше.—Я найду дорогу не въ Грозную только, но и въ

Тифлисъ. Бей—Султана знаютъ и не обидятъ за его заслуги, не оставятъ безъ куска хлѣба.

Потомъ старикъ понизилъ голосъ и съ выраженіемъ ехидной догадливости на лицѣ прибавилъ:

— Васъ, навѣрное, подговорили обидѣть меня, но я не поддамся. Не на такого напали!

Закуска избавила меня отъ слушанія дальнѣйшихъ глупостей старика. Такъ какъ Бей-Султанъ уже обѣдалъ, то онъ вышелъ теперь совершить намазъ. Я послѣ закуски легъ отдохнуть и поэтому до вечера мы уже не видѣлись съ нимъ больше.

Часовъ въ шесть, когда я всталъ, ко мнѣ явился старшій сынъ Мулатіева, мужчина лѣтъ тридцати пяти, лицомъ удивительно похожій на отца и тоже объяснявшійся по русски. Онъ совершенно неумѣстно началъ предлагать мнѣ свои услуги. „Не нужно ли мнѣ воды, не желаю ли прогуляться, можетъ быть, полюбопытствую посмотрѣть на ихъ садъ или хочу выйти на рѣчку?“ Всѣ эти предложенія дѣлались съ приторной угодливостью и пересыпались намеками, что хорошихъ людей обижать грѣхъ, что напрасно я думаю, что за сдѣланное добро они не отплатятъ мнѣ по силамъ. „Отецъ нашъ, можетъ быть, что и лишнее сказалъ, такъ это по простотѣ, но онъ, дѣйствительно, можетъ многое сдѣлать....“ и проч., словомъ, продолжались тѣ же подступы къ моей бѣдной совѣсти и то же посягательство на мое терпѣніе. Однако этимъ не кончилось, какъ и слѣдовало ожидать. Черезъ часъ ко мнѣ пожаловалъ и самъ старикъ съ трубкой въ зубахъ. Въ манерахъ и рѣчи опять явилась приторная сладость, въ движеніяхъ—подходцы кота. Онъ любезно освѣдомился, хорошо ли мнѣ у него и съ коварною печалью пожалѣлъ, что не можетъ меня

угостить, какъ бы ему этого хотѣлось: даже кахетинскаго у него нѣтъ въ домѣ, о портерѣ-же или о винахъ подороже, къ которымъ мы, какъ онъ знаетъ, такъ привычны, нечего уже и говорить. Кстати вспомнилъ, что когда-то и самъ пилъ шампанское у высокопоставленныхъ лицъ. Затѣмъ какъ-то незамѣтно перешелъ къ воспоминаніямъ прошлаго и увлекся. На дворѣ уже была ночь. Въ саклю принесли сальную самодѣльную свѣчку и прилѣпили къ камину. Слабое мерцаніе вонючаго огарка едва освѣщало нашу комнату, увѣшанную разнообразнымъ оружіемъ, между которымъ самое видное мѣсто занималъ великолѣпный кинжалъ, усыпанный драгоцѣнными камнями—подарокъ за измѣну. Красное лицо старика какъ-то расплывалось въ полутуманѣ и только маленькіе кошачьяго цвѣта глаза, какъ угольки, блестѣли изъ подъ сѣрыхъ бровей. Бей—Султанъ говорилъ, и предо мной постепенно обрисовывалась эта, дѣйствительно, интересная личность. Узналъ я, что онъ былъ какимъ то начальникомъ въ горахъ, и что народъ его боялся какъ огня, что много чеченскихъ головъ слетѣло съ плечъ по его прихотливому приказанію. „За одно куренье“, и онъ указалъ на дымившуюся у него въ рукахъ трубку, „за одно куренье табаку сколько человѣкъ погибло отъ моихъ рукъ—не сосчитать. Время было такое“. Узналъ я, что этотъ жестокій самодуръ, срубая головы единовѣрцевъ именемъ Шамиля, въ то же время интриговалъ противъ своего имама, переписывался съ русскимъ начальствомъ и за деньги исполнялъ все, что отъ него требовали; много я узналъ подлаго, жестокаго и мерзкаго объ этой личности, которой хотѣлось доказать, что я имѣю дѣло не съ простымъ чеченцемъ, а съ человѣкомъ важнымъ, за-

служеннымъ. Разсказывалось все очень хвастливо и только закончилось безсмысленною претензіей на русскихъ, что они плохо вознаграждаютъ такіе доблестные подвиги....

— Завтра и примемся, конечно, за наше дѣло, прервалъ я его сѣтованіе на нашу неблагодарность. Нужно все приготовить.

— Будетъ все, не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ мнѣ въ томъ же тонѣ, съ какимъ встрѣтилъ при пріѣздѣ.—Что хотите, все требуйте, хоть бы и дорого стоило, я добуду непремѣнно.

— Рабочихъ нужно будетъ, понятыхъ, орудія кое-какія—вотъ и все.

— Ну, а ѣсть, пить... не захотите развѣ? съ усмѣшкой спросилъ старикъ.

— Покормите чѣмъ нибудь—буду благодаренъ, а нѣтъ—я тутъ достану молока, яицъ, хлѣба... Продовольствоваться на вашъ счетъ я не имѣю права.

— Ну вотъ, все вы про право какое то. А вы требуйте безъ всякаго права. Развѣ мы уже не пріятели съ вами?

Сынъ старика куда то вышелъ.

— Вотъ что,—извините меня, что не знаю какъ васъ зовутъ—заговорилъ Мулатіевъ заискивающимъ голосомъ,—вамъ, какъ я замѣтилъ, понравились часы, что висятъ вонъ на стѣнкѣ: возьмите, пожалуйста, ихъ себѣ на память. Я отъ этого не обѣднѣю, вы знаете; а вещица хорошенькая—можете посмотрѣть. Денегъ не предлагаю—знаю, откажетесь, а это отчего же?

— Ну, мы съ вами еще не такъ хорошо покупачились, чтобы я могъ принять отъ васъ подарокъ, да и вамъ нѣтъ причины предлагать его мнѣ: изъ

своихъ вещей я ни одной не могу вамъ отдать взамѣнъ вашихъ часовъ.

Я намекнулъ на сильно распространенный въ Чечнѣ обычай мѣняться вещами. Мѣняются оружіемъ, папахами, бурками, изрѣдка лошадьми и даже черкесками съ плечъ. Есть артисты, которые отлично спекулируютъ на этотъ счетъ. Пріѣдетъ къ кому нибудь вечеромъ, переночуетъ, а утромъ, предъ отъѣздомъ, довольно нахально заявляетъ, что ему понравился, ну, хоть кинжалъ хозяина. Дѣлать нечего, приходится распоясаться и передать кинжалъ гостю, который тотчасъ замѣняетъ его своимъ. Одинъ кинжалъ можетъ быть весь въ серебрѣ, а у другого и ножны безъ кожи, одно дерево. Чаще, впрочемъ, берутъ не на всегда, а только на время, но результатъ все тотъ же. Считается за величайшій стыдъ пойти къ бывшему гостю и потребовать свою вещь назадъ. Что до папахъ, то онѣ такъ часто мѣняются, что у иного въ годъ ихъ перебываетъ четыре—пять штукъ и всѣ различныхъ цѣнностей.

Обыкновеніе мѣняться вещами въ знакъ куначества существуетъ и между русскими кавказцами, только далеко не съ тѣмъ характеромъ. Здѣсь уже требуется, кромѣ полнаго обоюднаго согласія, и извѣстная степень дружественныхъ отношеній, которыми мѣна и обусловливается. Въ этомъ смыслѣ и отвѣтилъ я Мулатіеву.

— Нѣтъ, мнѣ вашей вещи не нужно, вы только мою возьмите на память, продолжалъ настаивать Бей-Султанъ,—она вамъ пригодится.

— Оставьте, пожалуйста!

— Ну, да возьмите, обѣщайте взять.

— Вы меня, ей Богу, смѣшите.

— Ахъ Боже мой! Что же мнѣ съ вами дѣлать послѣ этого? На лицѣ моего хозяина выразились безпомощность и нетерпѣніе.—Можетъ быть вы думаете, что я васъ надуваю и послѣ не отдамъ часовъ, такъ возьмите ихъ сейчасъ. Дрожащими руками онъ снялъ съ гвоздика золотые часы и подалъ ихъ мнѣ.

— Однако, вѣдь это изъ рукъ вонъ! сталъ я выходить изъ терпѣнія.—Поймите же меня наконецъ. Что вамъ отъ меня нужно? Чтобы я кончилъ дѣло по вашему желанію? Такъ вамъ уже сказано, что я не могу хотя бы на волосъ отступить отъ буквы предписанія. Вы знали, съ чѣмъ командируютъ къ вамъ чиновника, ну, и хлопотали бы объ измѣненіяхъ тамъ, у тѣхъ, кто такъ рѣшилъ, а не у меня, исполнителя этого рѣшенія.

Мулатіевъ вскочилъ съ постели и нетерпѣливо сталъ шагать по комнатѣ. На лицѣ его выразилась безсильная злоба. Его поразила монотонность моихъ отвѣтовъ, ясныхъ и простыхъ, безъ всякихъ намековъ на возможность какого нибудь компромисса, или даже на сочувственное отношеніе съ моей стороны къ его притязаніямъ. Я, должно быть, показался ему какою то машиной, камнемъ, и безхарактерный чеченецъ чувствовалъ себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ автоматомъ.

— Послушайте, началъ Бей-Султанъ снова, я... я не позволю вамъ приступать къ работѣ! Завтра же поѣду въ Грозную и буду просить, чтобы ко мнѣ прислали другого чиновника.

— Какъ вамъ угодно!

— Что это такое, въ самомъ дѣлѣ?— крикнулъ онъ раздраженно. Пріѣхалъ въ чужой домъ и командуетъ, какъ въ своемъ собственномъ! Что я вамъ за

слуга такой дался? Я капитанъ, я почетный старикъ въ народѣ, я... .

Долго еще бурчалъ Мулатіевъ. Чего только онъ мнѣ не говорилъ въ этотъ вечеръ и какихъ только переходовъ онъ не дѣлалъ въ своей рѣчи. То льстилъ, умолялъ, унижался, то грозилъ и поднимался на ходули, чтобы поразить меня своимъ величіемъ. Были минуты, когда онъ темно намекалъ мнѣ, что я могу быть въ опасности, или что ему ничего не стоитъ оклеветать меня заявленіемъ, что я просилъ у него подарокъ и проч. Съ моими насмѣшками надъ его выходками онъ распоряжался, какъ полный хозяинъ. Когда нужно было, пропускалъ ихъ мимо ушей или придавалъ имъ совершенно обратный смыслъ, въ минуту же озлобленія становился, напротивъ, до того обидчивымъ, что въ самомъ обыкновенномъ словѣ находилъ намѣреніе оскорбить его достоинство. Словомъ, онъ умѣлъ играть свою роль, играть естественно, просто, потому что свыкся съ нею съ дѣтства.

— Ну, скажите, что вамъ нравится изъ моихъ вещей? Выбирайте сами! или чего вы хотите? Можетъ быть, денегъ вамъ дать, заговорилъ онъ въ заключеніе, мягкимъ, гадливымъ голосомъ, заглядывая мнѣ въ лицо, какъ ласковая собака въ лицо своего хозяина. Можетъ быть боитесь, что донесу послѣ? Такъ это напрасно! Бей-Султанъ знаетъ, какъ обдѣлываются такія дѣла. И самъ бралъ и другимъ давалъ. Мулатіевъ какъ-то вдругъ опустился, присмирѣлъ; въ голосѣ послышались дребезжащіе звуки, но, не знаю почему, они показались мнѣ притворными. Я вспомнилъ, что это тотъ самый старикъ, который когда-то безпощадно казнилъ единовѣрцевъ за одно подозрѣніе въ сношеніяхъ съ русскими, хотя въ то же время

былъ измѣнникомъ; его имущество составилось изъ крохъ бѣдныхъ собратьевъ, загубленныхъ имъ только съ этою цѣлью; его деньги—это выручка за кровь имъ обманутыхъ удальцовъ; и теперь онъ чуть не пресмыкается у моихъ ногъ изъ-за денежной выгоды. Я почувствовалъ къ нему страшное отвращеніе.

Двѣ недѣли прожилъ я у Бей-Султана и все это время изучалъ его, какъ рѣдкій экземпляръ человѣческаго существа. Со мною онъ оставался такимъ-же, какъ и въ первый день, только къ концу второй недѣли заставлялъ меня за пищей посылать верстъ за 20, въ станицу, такъ какъ въ аулѣ, по его настояніямъ, ничего не хотѣли продавать. Но, помимо этого, я присмотрѣлся къ нему, какъ къ главѣ дома, какъ къ отцу, какъ къ мужу, какъ къ гражданину среди своихъ одноаульцевъ и пришелъ къ очень печальному заключенію.

Мулатіевъ не имѣетъ понятія ни о чести, ни о благородствѣ въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ. Выраженія: унижаться подло, обманывать безнравственно — для него слова безъ смысла. Въ его умѣ не существуетъ дѣленія всѣхъ душевныхъ способностей на хорошія и дурныя; онѣ для него всѣ равныя и однокачественныя орудія въ борьбѣ за существованіе, и если онъ какимъ даетъ предпочтеніе, такъ тѣмъ только, которыя оказываются пригоднѣе въ жизни, таковы: хитрость, изворотливость, жестокость. Вообще-же, пускается въ ходъ та способность, которая ближе всѣхъ приведетъ къ цѣли. Оттого Мулатіевъ, повидимому, въ постоянномъ противорѣчіи съ собою. Онъ въ высшей степени безхарактеренъ. Онъ жестокъ, но его жестокость не есть противуположность мягкосердечію, то—есть, отрицательная величина, соотвѣтствующая въ

немъ же другой, положительной, а просто самостоятельная способность, перешедшая къ нему, вѣроятно, по наслѣдству и развитая образомъ жизни. Совѣсти въ нашемъ смыслѣ у него нѣтъ; раскаяніе въ сдѣланной подлости у него можетъ явиться при сознаніи, что этимъ только попорчено дѣло, что поступить слѣдовало иначе для достиженія лучшихъ результатовъ. Замѣчательно, что хотя Бей-Султанъ выглядитъ еще бодрымъ, тѣмъ не менѣе онъ нравственно состарѣлся; былое молодечество замѣнилось въ немъ страшною трусостью, что, можетъ быть, и общая черта всѣхъ подобныхъ людей, а скряжничество перешло за ту черту, гдѣ оно заглушаетъ всѣ остальныя чувства.

Намѣченный мною типъ чеченцевъ (онъ ждетъ художника для своего воспроизведенія) самый зловредный въ краѣ и не для русскихъ только, но и для своего народа. Онъ усиливаетъ роковое недоразумѣніе между чеченцами и нами; онъ поддерживаетъ антагонизмъ, слѣдствіемъ котораго являются несчастія съ обѣихъ сторонъ. Онъ опошляетъ всѣ хорошія реформы, вводимыя въ краѣ, покрываетъ ихъ совершенно другою, ехидною краской во время своего посредничества между побѣдителями и побѣжденными.

Но справедливость требуетъ сказать, что люди этого типа, при всей ихъ антипатичности для насъ, отнюдь не могутъ быть поставлены въ одинъ разрядъ съ тѣми испорченными членами европейскихъ обществъ, къ которымъ мы примѣняемъ выраженія: негодный, подлый и проч. Они вовсе не подонки своего общества, а напротивъ, самый правильный, самый естественный продуктъ его. Въ большинствѣ случаевъ эти люди—самые даровитые члены своего народа; ихъ наклонности и воззрѣнія образовались подъ непосред-

ственнымъ давленіемъ народныхъ началъ и обстоятельствъ, и вся разница между ними и остальною народною массой состоитъ въ томъ, что они случайно были выдвинуты впередъ и какъ-то глубже окунулись въ эти обстоятельства. Они, навѣрное, сами ужаснулись бы, если бы имъ хоть разъ пришлось взглянуть на свои поступки съ точки зрѣнія обще-человѣческой или вѣрнѣе, европейской нравственности, но какъ нравственные слѣпцы, они такъ взглянуть не могутъ... и не виноваты въ томъ, что не могутъ...

Я увѣренъ, что большинство служащихъ на Кавказѣ и имѣющихъ столкновенія съ чеченцами, вполнѣ признаетъ правильными тѣ черты, которыми я обозначилъ одинъ изъ выдающихся въ народѣ типовъ. Но можетъ быть, иначе отнесется къ выставленному мною типу читатель, не бывшій на Кавказѣ. Не рѣдкое-ли это исключеніе? спроситъ онъ. Гдѣ же тѣ личности, о которыхъ намъ такъ много писали и пѣли? Не выродились же эти гордые, дерзкіе джигиты, безстрашно падавшіе подъ ударами нашихъ штыковъ и копій, не переставая до послѣдней минуты проклинать врага и восхвалять Аллаха? Были же прямыя, честныя натуры? Да, были! только не слѣдуетъ ихъ слишкомъ идеализировать. Такіе, дѣйствительно, не измѣняли народному дѣлу. Въ дракахъ они являлись первыми; они сами формировали небольшія шайки и смѣло отправлялись въ дальніе набѣги съ мыслію или возвратиться съ добычей, или сложить свои головы. Ихъ слова не только уважались своими, но считались неизмѣнными и русскими начальниками. Они глубоко насъ ненавидѣли, никогда не склонялись къ сдѣлкамъ, и фактъ нашего владычества въ краѣ считаютъ дѣломъ судьбы. Такія личности есть и теперь. Нѣкоторыя изъ нихъ

занимаютъ кой-какія должности и служатъ правдиво, во имя даннаго обѣщанія. Другія живутъ въ своихъ аулахъ, скучаютъ и молча думаютъ думу по поводу совершившагося факта, лишь изрѣдка напоминая молодежи, чтобы она берегла традиціи своихъ отцовъ. Всѣ эти люди—религіозные фанатики, представители консерватизма, проповѣдники застоя и ненавистники нововведеній.

V.

Сталъ надвигаться вечеръ. Тѣнь отъ сакли старшины захватила уже большую часть непространнаго двора. Косвенные лучи солнца, покрывая все попадавшееся на пути красноватымъ свѣтомъ, кокетливѣе заиграли съ снѣжными вершинами отдаленныхъ горъ. На окраинахъ неба появились радужныя полосы. Почувствовалась вся прелесть южнаго, короткаго вечера.

Изъ ущелья подулъ прохладный вѣтерокъ. Близъ протекавшая рѣчка стала шумливѣе, аулъ оживился; чаще виднѣлись прохожіе и слышались гортанные звуки. Звеня своими серебряными украшеніями, церемонно проходили дѣвушки-чеченки съ ведерными кувшинами за плечами. На берегу уже ихъ ожидала живописно расположившаяся толпа молодежи, съ намѣреніемъ полюбоваться на своихъ будущихъ женъ. Кавалеры острили и говорили комплименты, дѣвицы, молча и исподлобья, бросали на нихъ намѣренно холодные, безстрастные взгляды. На узкихъ улицахъ тѣснился пригнанный мелкій и крупный скотъ; поднялась пыль; послышались пріятные дѣтскіе голоса чеченокъ, загонявшихъ своихъ буйволовъ и коровъ.

Очень наивное междометіе *уій* *), произносимое въ носъ, то и дѣло раздавалось то тутъ, то тамъ. Верховые проѣзжали на водопой, давая этимъ развлеченіе злившимся собакамъ. Черезъ улицу гдѣ-то послышался непріятный скрипъ аробныхъ колесъ; откуда то донесся отвратительный крикъ ишака, принадлежавшаго, вѣроятно, остановившемуся у кунака тавлинцу. На крышахъ саклей стали появляться группы чеченцевъ.

Давно уже вставшій старшина приказалъ, по мысли переводчика, вынести ковры и подушки на луговую площадку двора. Мы съ Ибрагимомъ комфортабельно усѣлись. Вокругъ насъ живо собралась бойко и весело болтавшая молодежь. Большинство было красиво, стройно въ своихъ ситцевыхъ бешметахъ и коричневыхъ или сѣрыхъ черкескахъ, охваченныхъ узенькими ременными поясами, съ прикрѣпленными къ нимъ кинжалами и пистолетами. Чеченецъ, выходя изъ дому, даже къ сосѣду, почти всегда захватываетъ съ собою какое нибудь оружіе. Кто безъ кинжала, у того пистолетъ въ рукахъ, или шашка черезъ плечо, или, наконецъ, ружье, которое носятъ, въ такомъ случаѣ, какъ палку.

За чаемъ и разговорами мы и не замѣтили, какъ надвинулась ночь и показался блѣдный серпъ луны. Вдругъ раздался медленный, душу захватывающій, голосъ муллы, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ, и оборвался какъ то вдругъ, неожиданно. Нѣкоторые изъ компаніи съ чувствомъ произнесли ***Ляиль-ляха—Иль-алла*** и провели при этомъ руками по лицу, но съ мѣста никто не тронулся, давая этимъ,

---

*) Что-то вродѣ: ахъ-ти! или ахъ, Боже мой!

вѣроятно, понять, что каждому и безъ предупрежденій извѣстны его обязанности къ Богу. Къ намъ въ это время подошелъ солидный, съ постнымъ лицомъ чеченецъ и прервалъ шутливую болтовню молодежи. Послѣ привѣтствія своимъ онъ сѣлъ на коверъ и обратился ко мнѣ съ разными разспросами и, между прочимъ, о религіи, благо мулла только что напомнилъ объ этомъ. (И самъ этотъ чеченецъ тоже былъ мулла). Понемногу разговорились и перешли въ религіозный споръ. Всѣ замѣтно обрадовались такому обороту дѣла и приготовились слушать насъ. Что нибудь послушать—страсть чеченца, а что русскій скажетъ много любопытнаго, новаго, это знаютъ отлично. Чеченецъ заговорилъ довольно логично. Положенія его заключались въ слѣдующемъ: главнымъ образомъ онъ удивлялся тому, что русскіе, какъ онъ замѣтилъ, молятся очень мало, а омовеній не совершаютъ вовсе. Это онъ находитъ признакомъ глупости, отсутствія сознанія, что всѣми нашими поступками руководитъ всемогущій Промыслъ. Ему случалось даже слышать отъ нѣкоторыхъ словоохотливыхъ *урусовъ*, что и загробной жизни нѣтъ, а человѣкъ родится и умираетъ, какъ трава въ полѣ, которою кормятъ вола. Умретъ—сгніетъ въ землѣ и никакихъ слѣдовъ отъ него не останется, только земля въ этомъ мѣстѣ будетъ жирнѣе (смѣхъ компаніи). Между тѣмъ правдивый и мудрый коранъ говоритъ иначе, именно, что всемогущій Аллахъ заранѣе опредѣлилъ всю жизнь человѣка, а за гробомъ воздастъ каждому по его заслугамъ (*Бахъ-ду, бахъ-ду!*— правда). Ораторъ дивится, неужели русскій человѣкъ, вообще, такъ глупъ, что не понимаетъ, что его вѣра страшный вздоръ; онъ скорѣе готовъ думать, что правдивый Аллахъ въ

своемъ гнѣвѣ отнялъ у него способность понимать и чтить его. Да, въ этомъ онъ даже увѣренъ! (Слишкомъ правда!) Наказаніемъ Божіимъ представляются ему и разныя нелѣпости русской жизни, напримѣръ, легкость, съ какою русскіе говорятъ о священныхъ предметахъ, о которыхъ и упоминать грѣхъ. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ ему одинъ русскій ***мальчикъ*** (уничижительное названіе нашихъ молодыхъ безбородыхъ людей) хвастливо разсказывалъ о томъ, какъ движется луна, изъ чего она состоитъ, какой величины и проч. Даже о разстояніяхъ до каждой звѣзды говорилъ, какъ будто онъ на нихъ былъ (безпрерывный смѣхъ). А обращеніе съ женскимъ поломъ и развратное поведеніе послѣдняго, къ которому мужская половина совершенно равнодушна, а отсутствіе уваженія къ старикамъ, а неумѣнье рѣшать дѣла въ судахъ и пр. и пр.—развѣ это все не доказательства отсутствія разсудка у русскихъ!

Этотъ религіозный и общественный споръ заинтересовалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Мои возраженія сейчасъ же переводились на чеченскій языкъ и внимательно и холодно выслушивались, но не заслуживали ничьего одобренія, кромѣ добродушнаго старшины, который какъ-бы находилъ нужнымъ ободрять меня кивками головы. Аргументы же моего противника, выраженные въ красивыхъ и пышныхъ фразахъ, вызывали на всѣхъ лицахъ одобрительныя улыбки, прерывавшіяся звонкимъ смѣхомъ, когда въ нихъ усматривалась острота. Чеченецъ, кажется, не слишкомъ вѣрилъ въ мою способность понимать его мудрствованія и потому старался вклеивать разныя простыя сравненія и шуточки; кромѣ того, не могъ же онъ упустить случая хвастнуть своимъ остроуміемъ передъ

собратьями. Это то и приводило въ восторгъ слушателей. Масса вездѣ масса. Разныя выходки спорящихъ интересовали присутствовавшихъ болѣе самой сущности спора. Мнѣ не хотѣлось остаться въ долгу у оппонента и я тоже ударился въ остротцы, шуточки и анекдотцы. Споръ кончился самымъ веселымъ смѣхомъ всей компаніи, въ которой уже было съ десятокъ стариковъ и нѣсколько десятковъ молодежи.

Церемонія ужина была та же, что и при обѣденной закускѣ. Но теперь на огромномъ подносѣ, внесенномъ сыномъ старшины, красовались чуть не всѣ продукты этого благодатнаго края. Разрѣзанный или, лучше, разорванный на куски жирный баранъ былъ окруженъ кучей кусковъ тѣста, свареннаго въ водѣ, видомъ своимъ напоминавшихъ малороссійскіе вареники. Рядомъ красовались тарелки и чашечки съ круто сваренными яйцами, жирною яичницей, кусками домашняго сыра и медомъ. На отдѣльной тарелкѣ лежала своеобразно и чрезвычайно вкусно приготовленная на маслѣ курица. Въ одной рукѣ гостепріимнаго хозяина очутилась бутылка съ водкой, въ другой наполненная рюмка, которую онъ, начавъ съ меня, обнесъ въ круговую тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлается у сосѣднихъ казаковъ. Должно быть, у нихъ и переняли. Старикъ-балагуръ опять очутился около меня, но Баргиша уже не было. Съ нами ужинали: споривший со мной чеченецъ, большой знатокъ, какъ я узналъ послѣ, корана и мулла сосѣдняго селенія, только что пріѣхавшій шумный и хвастливый торговецъ-чеченецъ-же и самъ старшина.

— *Ца-ца-ца*! *) наивничалъ оборванный Джамал-

*) Радостное удивленіе. Произносится какъ простонародное междометіе, которымъ сзываютъ поросятъ.

динъ, проглатывая одну рюмку за другою. ***Дыкенъ-ду арака*! *Славный водка!***—повторялъ онъ, обращая ко мнѣ разгорѣвшееся отъ паровъ и удовольствія лицо.

— ***Ашъ-дацъ! ашъ-дацъ!*** (не надо, не хочу), ломался Ибрагимъ, отводя рукой рюмку, хотя все таки выпивалъ.

Старшина и мулла не пили, связанные зароками, что между чеченцами не рѣдкость.

— Водки намъ не слѣдуетъ пить, замѣтилъ мулла: коранъ не позволяетъ.

— Да и не хорошо она дѣйствуетъ на чеченца, вставилъ свое слово старшина.—Какъ только выпьютъ наши, такъ и начинаютъ ссориться, а отъ ссоры долго-ли до драки и убійства?

Въ пьяномъ видѣ чеченецъ дѣйствительно, большой буянъ. Страстность, вспыльчивость, злопамятность и мстительность—эти общія черты чеченскаго характера, скрываемыя обыкновенно подъ маской сдержанности и внѣшняго благообразія, ярко выступаютъ теперь наружу. Пьяный чеченецъ придирается къ своему товарищу за каждое слово, припоминаетъ старыя, иногда уже покончeнныя ссоры, хвастаетъ своею породой и личной удалью, дерзко острить на счетъ кого нибудь изъ компаніи. Онъ весь огонь въ это время, глаза горятъ, въ движеніяхъ судорожная нетерпѣливость; онъ гикаетъ, стрѣляетъ въ воздухъ и то и дѣло хватается за оружіе. Понятно, что почти ни одна пирушка не обходится здѣсь безъ дракъ. Стоитъ только одному начать—поводъ всегда найдется, остальные тотчасъ же присоединятся къ той или другой сторонѣ спорящихъ,—и пошла общая свалка. Случается—одинъ, а то двое, трое тутъ же останутся на мѣстѣ, нѣсколько тяжело раненныхъ еле доплетутся до своихъ

саклей, съ страшнымъ сознаніемъ, что съ этой минуты они обзавелись *кровниками*, или кровомстителями. Обзавестись кровникомъ—значитъ знать, что вы обречены на смерть. Васъ будутъ преслѣдовать всюду, неумолимо и безпощадно. Вы обращаетесь въ дичь, за которою постоянно будутъ охотиться родные убитаго. Ваша смерть дѣлается цѣлью ихъ жизни... И вы не спасетесь отъ ихъ пули или кинжала, если вамъ не удастся откупиться очень дорогой цѣной всевозможныхъ униженій и матеріальныхъ затратъ. Трудно себѣ представить душевное состояніе преслѣдуемаго, когда онъ знаетъ, что за каждымъ его движеніемъ зорко слѣдятъ и что изъ подъ каждаго кустика можетъ раздаться роковой для него выстрѣлъ *).

Чеченцы пьютъ водку довольно исправно. Мнѣ случалось видѣть мальчиковъ лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, выпивавшихъ по четыре и по пяти обыкновенныхъ рюмокъ, нисколько при этомъ не хмѣлѣя. Взрослые уничтожаютъ иногда по полуквартѣ (полуштофъ). И замѣчательно, что эти люди никогда не опохмѣляются. Многіе изъ нихъ меня увѣряли, что утромъ другого дня, даже послѣ сильныхъ возліяній, они не чувствуютъ ни малѣйшей головной боли и просыпаются, обыкновенно, бодрыми и здоровыми. Но чеченцы не пьяницы въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Людей, запивающихъ по вкоренившейся привычкѣ, у нихъ нѣтъ вовсе; о спившихся съ кругу и понятія не имѣютъ. Пьютъ тогда только, когда представляется къ тому законный поводъ, напримѣръ, пріѣздъ гостя

*) Теперь приняты, разумѣется, мѣры къ уничтоженію этого обычая. Но слишкомъ часто повторяющіяся еще убійства кровниковъ доказываютъ, что народъ далекъ отъ мысли о замѣнѣ самоправнаго мщенія законнымъ наказаніемъ виновныхъ.

или хорошаго кунака, свадьба, поминки, проводы, встрѣчи и пр.

Съ нашего столика блюдо описаннымъ уже порядкомъ перешло въ противоположный уголъ, гдѣ молодежь принялась уписывать остатки, тоже угощаясь водочкой, перешедшей въ руки сыновей старшины. Мы же тѣмъ временемъ выпили по доброй чашкѣ калмыцкаго чаю, который здѣсь въ большомъ употребленіи.

Наконецъ, все прибрали. Говоръ сталъ усиливаться. Лица оживились. За духотой въ саклѣ всѣ высыпали на дворъ. Явилась откуда-то трехструнная самодѣльная балалайка. Молодой человѣкъ сѣлъ на траву и взялъ нѣсколько аккордовъ. Затѣмъ онъ началъ настраивать инструментъ и, когда кончилъ, то далъ свободу пальцамъ. Раздалась живая, хотя монотонная, но пріятная мелодія. Говоръ понемногу сталъ утихать. На лицахъ чеченцевъ улыбка замѣнилась серіознымъ выраженіемъ. Всѣ ближе подвинулись къ музыканту; образовался кружокъ. Безпрерывно и долго лились живые звуки, пока музыкантъ не вдохновился.

„*Валай-лай иллалай лайла яллайи!*“ запѣлъ онъ медленно и грустно, сначала тихо, потомъ все громче и громче. „*Валай-лай иллалай лайла яллай!*“ варьировалъ онъ все тотъ же припѣвъ, рѣзко переходя изъ одного тона въ другой и протягивая окончаніе. Иногда онъ повторялъ тоже самое въ пятый, шестой и седьмой разъ; въ голосѣ его послышались скорбные звуки.

„Я поднялся на черныя горы и глядѣлъ съ нихъ въ Большую Чечню“ *) запѣлъ онъ въ томъ же тонѣ недавно сложенную въ Чечнѣ пѣсню о послѣднемъ *абрекѣ* **) Варѣ (убитомъ въ 1865 г.).

---

*) Пѣсня эта переведена построчно черезъ переводчика.

**) *Абрекъ*—человѣкъ, вступившій въ борьбу съ предержащею

„Я поднялся на голыя горы и глядѣлъ съ нихъ на Гехинскій народъ!“ *).

Кружокъ чеченцевъ сдвинулся къ пѣвцу. На всѣхъ лицахъ явилось торжественное выраженіе.

„Я искалъ себѣ товарища въ жизни и брата по вѣрѣ.“

Чеченецъ не пѣлъ, а только говорилъ въ тонъ балалайкѣ. Это было вродѣ нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгимъ и быстрымъ переборомъ струнъ. Но пѣвецъ до того углубился въ положеніе воспѣваемаго героя, что казалось, будто онъ импровизируетъ. Что-то вдохновенное слышалось въ его голосѣ, полномъ тоскливаго созерцанія павшаго абрека. Да онъ, дѣйствительно, импровизировалъ, иначе бы ему не удалось такъ цѣльно пропѣть всю эту пѣсню, какъ увидимъ дальше. О законченныхъ, а тѣмъ болѣе риѳмованныхъ или хорошо размѣренныхъ пѣсняхъ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Существуютъ скорѣе темы для пѣсенъ, болѣе или менѣе разработанныя, существуетъ общая манера для ихъ сложенія, существуютъ ходячія фразы, которыя вставляетъ пѣвецъ въ свой сюжетъ, но пѣсенъ нѣтъ. Каждый маломальски хорошій пѣвецъ самъ подыскиваетъ и краски для лучшаго выраженія извѣстнаго момента и размѣръ для большей музыкальности строфъ. Если одному удалось хорошо спѣть что-нибудь и другимъ понравилось, то ему начинаютъ подражать. Но такъ какъ пѣсни не записываются и такъ какъ поютъ вообще рѣдко, то и повторяющимъ чужое все таки приходится многое позабытое подновлять отъ себя. Надо,

---

властью; это не столько разбойникъ, сколько укрывающійся отъ властей преступникъ.

*) *Гехинскій народъ*—мало-чеченцы, имѣющіе большой аулъ *Гехи*.

впрочемъ, замѣтить, что импровизировать на чеченскомъ языкѣ совсѣмъ не то, что хоть, напримѣръ, на нашемъ: риѳмъ здѣсь не требуется, размѣръ нуженъ на столько, чтобы одна строфа была не слишкомъ длинна или коротка сравнительно съ другими и чтобы слышалось стихотворное сочетаніе словъ. Все дѣло заключается, слѣдовательно, главнымъ образомъ въ умѣньи складно разсказать какой нибудь случай.

„Я голодъ утоляю зелеными травами и вмѣсто воды пью сокъ шиповника!“ продолжалъ импровизаторъ.

„Отъ дождя я прячусь въ лубковый шалашъ, постелью мнѣ служатъ листья лопуха.

„Когда я вспоминаю о Богѣ, то восклицаю: Аллахъ! когда вспоминаю о любовницѣ—обнимаю свое оружіе!“

— *Ойтъ*! *) гикнулъ кто-то изъ компаніи. *Ойтъ*! послышались затѣмъ восторженныя восклицанія.

„Уже звѣри отправлялись на добычу и пѣли пѣтухи, когда я, какъ раненный волкъ, вскочилъ съ постели, сѣлъ и началъ думать:

„Гдѣ бы мнѣ найти друга, у котораго бы я могъ безопасно отдохнуть?“

Ойтъ! Ваша вола цюни! (чтобъ тебѣ лишиться брата) **). Эта пѣсня, эти безпрерывные звуки балалайки, этотъ звучный и пріятный голосъ пѣвца, вѣроятно, не одному изъ кружка напомнили его удалые набѣги, его молодецкія драки и тѣ критическіе, голодные и холодные часы, когда каждый изъ нихъ находился въ положеніи героя пѣсни. Всѣ слушатели были возбуждены; какъ-то никому не стоялось на одномъ мѣстѣ: стали переминаться съ ноги на ногу, склонять

*) Восторженное междометіе.

**) Поговорка.

головы на плечи сосѣдей, обхватывать другъ друга за таліи.

„И вспомнилъ я своего друга Боша Вагапова; сѣлъ я на лошадь и поѣхалъ къ нему на дворъ.

„И сказалъ я ему: *саламъ-алейкомъ*, Боша Вагаповъ! Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости.

„*Алейкомъ-саламъ*, отважный Вара! Ты слѣзай съ коня, зайди ко мнѣ въ саклю и спокойно отдохни въ ней.

„И не бойся никого, кромѣ Бога! А мнѣ нужно съѣздить по своему дѣлу, сказалъ онъ, и сѣлъ на лошадь, проклятый!“

— *Эй, джале!* (собака) процѣдилъ кто-то сквозь зубы. Остальные сдержанно молчали.

„Поѣхалъ онъ въ Шотой-Атага и заѣхалъ къ Гуданту Мударову.

— *Саламъ-алейкомъ*, Гудантъ Мударовъ!

— *Алейкомъ-саламъ*, Боша Вагаповъ! Съ чѣмъ ты пріѣхалъ ко мнѣ въ гости?

— Я вотъ съ чѣмъ пріѣхалъ къ тебѣ въ гости: Вара, какъ волкъ, счастливый въ своей добычѣ, и какъ левъ, славный во всемъ народѣ, лежитъ теперь спокойно въ моей саклѣ.

„Гудантъ Мударовъ сказалъ:—клянусь тебѣ Всемогущимъ Богомъ! Если ты говоришь истинную правду, то получишь за это чинъ съ жалованьемъ!

„Гудантъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ крѣпость и сказалъ князю Туманову:

— Вара, какъ волкъ, счастливый въ своей добычѣ, и какъ левъ, славный въ народѣ, лежитъ спокойно въ Беной-Атага.

Князь Тумановъ приказалъ сдѣлать тревогу: за-

бить въ барабанъ для пѣхоты и заиграть въ рожокъ для кавалеріи.

„Гудантъ впереди, драгуны сзади скачутъ въ Беной-Атага... Влетѣли во дворъ Боша Вагапова и окружили его саклю, какъ токъ окружаютъ вороны.

„И сказали они Варѣ:—сдайся намъ живой! У начальства мы выпросимъ тебѣ прощеніе, а у царя—чинъ съ жалованьемъ.

— Какъ же мнѣ начальство проститъ и Царь чинъ и жалованье дастъ, когда при мнѣ та шашка, которою я убилъ полковника, и то ружье за плечами, которымъ я убилъ генерала*)?

„И сказалъ еще:—этотъ день смерти я искалъ всю жизнь свою и сегодня предстану предъ своего всемогущаго Бога.

„И сказалъ еще: Прошу васъ, братья: кто мнѣ не хочетъ быть товарищемъ, тотъ пусть удалится отсюда!

„Начальникъ драгуновъ приказалъ имъ начать пальбу; драгуны сдѣлали по задней стѣнѣ нѣсколько залповъ и пробили ее.

„Вара выстрѣлилъ въ одного драгуна и убилъ его. И когда онъ не могъ больше держаться въ саклѣ, то выхватилъ шашку и бросился съ нею въ двери.

„Онъ бросился съ крикомъ: „*Алла!*“ и тутъ же упалъ отъ нѣсколькихъ пуль.

„Съ неба слетѣли ангелы, изъ земли вышли святые и взяли его сладкую душу и понесли ее на небо“.

— *Бахъ-ду*! *Бахъ-бахъ-ахъ*! (слишкомъ правда). Затѣмъ долгое бренчанье на балалайкѣ и молчаніе слушателей.

---

*) Абрекъ Вара не убивалъ ни полковника ни генерала, какъ и миѳическій Геркулесъ не совершалъ приписываемыхъ ему подвиговъ.

Взволнованный пѣвецъ положилъ свой инструментъ и всталъ съ земли. Черезъ нѣкоторое время кто то изъ кружка подхватилъ балалайку и забренчалъ и заоралъ на всю ивановскую: ***Дела-лай ялла лайи***... остальные подхватили—и одиночная, тоскливая пѣсня замѣнилась безобразнымъ хоровымъораньемъ. Тянувшіе басовыя ноты такъ горланили, такъ надсаживались и хрипѣли, что не было никакой возможности слушать ихъ безъ непріятнаго ощущенія, въ родѣ того, какое является при скрипѣ аробныхъ колесъ.

Что до голосовъ, то пѣвческихъ голосовъ въ Чечнѣ чрезвычайно мало. За то не мало хриплыхъ крикуновъ. Замѣчу, впрочемъ, что хоровое пѣніе чеченцевъ кажется безобразнымъ только для насъ. На національное же ухо тѣ же звуки, какъ я замѣтилъ, производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Было уже поздно. Въ воздухѣ повѣяло сыростью. На небѣ кой гдѣ появились прозрачныя тучки. Луна то кокетливо пряталась за нихъ, то величаво выплывала на чистыя пространства небосклона. Изъ аула не слышалось ни одного звука, только рѣчка, протекавшая за уступомъ, такъ разшумѣлась, какъ будто на ней вертѣлись сотни мельничныхъ колесъ. Вверху было торжественно, внизу таинственно и неподвижно. Я направился въ саклю, гдѣ руками красавицы была давно приготовлена постель. Всѣ стали расходиться, произнося на прощанье: „***одикіейла***“ (покойной ночи).

1869 г.
Укр. Грозное.

ЗАМѢТКА

о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ чеченцевъ.

I.

„И дики тѣхъ ущелій племена,
Ихъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ *).

Такъ восклицаетъ нашъ Лермонтовъ, вдохновенно проникая въ духовный міръ Кавказскихъ горцевъ, разумѣя въ числѣ ихъ, конечно, и чеченцевъ.

А вотъ что онъ говоритъ о чеченцахъ и ихъ дѣйствіяхъ въ качествѣ нашихъ противниковъ на бранномъ полѣ.

„Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ;
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса

*) Лермонтовъ: „Измаилъ-Бей“.

Подъ ихъ зелеными шатрами *).
. . . . . .
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки,—
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди-же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Бѣжалъ потокъ **); подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись,—молчатъ...
Но вотъ надъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ,—
И вновь все спряталось въ травѣ...
То было грозное молчанье:
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами...
. . . . . .
„Въ приклады!“ и пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной, и битва утомили

---

*) Въ 1877 году, во время возстанія чеченцевъ, мнѣ привелось находиться при отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ мятежниковъ. То, что происходило передъ нашимъ отрядомъ въ лѣсахъ, занятыхъ противникомъ, было поразительно сходно съ картиною, нарисованною Лермонтовымъ.

**) Рѣчка Валерикъ.

Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна... *)

Но это говоритъ *поэтъ*, остановившійся на одномъ только второстепенномъ эпизодѣ нашей борьбы съ горцами. При всей яркости нарисованной имъ картины, она все-таки не даетъ намъ яснаго представленія объ общемъ характерѣ дѣйствій чеченцевъ въ теченіи минувшей Кавказской войны. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ документъ гораздо большей цѣнности — записку Кавказскаго героя, безвременно сраженнаго въ Даргинскихъ лѣсахъ, генерала Пассека, выдержки изъ которой помѣщены въ прекрасномъ трудѣ о Кавказѣ и Кавказской войнѣ полковника Романовскаго.

„Нашъ отрядъ—пишетъ Пассекъ — двигается по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главныя силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и наконецъ арріергардъ. Главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до арріергарда; кавалерія, смотря по мѣстности, съ боку или въ срединѣ отряда.

„Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существуетъ; но только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ; чѣмъ

*) Приведенный отрывокъ взятъ изъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова „Валерикъ", написаннаго по поводу лѣтней экспедиціи генерала Галафѣева, предпринятой въ 1840 году съ цѣлью наказать чеченцевъ Малой-Чечни за измѣну намъ и за признаніе ими надъ собою власти Шамиля. При проходѣ нашихъ войскъ чрезъ лѣсъ, растущій на берегахъ Валерика, чеченцы встрѣтили ихъ за завалами, и загорѣвшійся на завалахъ жестокій бой окончился и для насъ и для непріятеля весьма чувствительными потерями.

пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загорается неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ и все это исчезаетъ мгновенно. Но когда ослабнетъ раненными цѣпь или какая нибудь часть, когда разстроится арріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ, и враги съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ. Если встрѣтятъ въ нашихъ стойкость, все исчезаетъ между пнями и деревьями и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши уже не встрѣтятъ штыками, и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Чеченцы, какъ тигры, безпощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери чеченцевъ въ сравненіи съ нашими ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и искусство пользоваться каждымъ пнемъ".

„Въ Чечнѣ непріятель невидимъ; но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ, вездѣ—непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда не идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности".

„Чеченцы—говоритъ Пассекъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ—дерзки при нападеніи, еще дерзче въ преслѣдованіи, но не имѣютъ стойкости и хладнокровія... Чеченцы способны къ наѣздничеcкой войнѣ: они дѣлаютъ быстро внезапныя нападенія въ наши предѣлы, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы

напасть врасплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи; неутомимо тревожатъ наши аванпосты и цѣпи, т. е. ведутъ партизанскую войну“ *).

Я не даромъ привелъ отрывки изъ Лермонтова и записокъ Пассека. Цѣль моя—сдѣлать посильную характеристику душевныхъ качествъ чеченца, на сколько я успѣлъ разглядѣть ихъ за двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ Большой и Малой Чечнѣ, въ Ичкеріи и Аухѣ, и какъ первою ступенью къ достиженію цѣли, я пользуюсь мастерскими характеристиками знаменитаго поэта и просвѣщеннаго воина, въ особенности, послѣдняго. Вчитайтесь въ слова Пассека внимательнѣе—и вы увидите, что чеченцы являются въ нихъ полудикими варварами, дѣйствовавшими въ войнѣ съ нами со всѣми пріемами такихъ варваровъ. Почти никогда они не нападали на непріятеля въ открытомъ полѣ и никогда не проявляли воинской стойкости въ бою (кромѣ случаевъ, когда фанатическимъ проповѣдникамъ удавалось нафанатизировать и наэлектризировать ихъ до самозабвенія, къ какимъ относятся бой на Валерикѣ, тотчасъ послѣ принятія чеченцами ученія мюридизма и, впослѣдствіи, бой подъ ауломъ Шали, въ 1864 году), какъ-бы непріятельскій отрядъ ни былъ малъ и какъ-бы ни было велико число ихъ самихъ. Никогда они не становились стѣною передъ своими жилищами съ рѣшимостью защищать свои семейства и свое имущество, если только ихъ не застигали нечаянно, врасплохъ, а всегда, напротивъ, при первомъ извѣстіи о наступленіи врага, наскоро уводили куда нибудь свои семейства съ тѣмъ имуществомъ,

*) „Кавказъ и Кавказская война“. Публичныя лекціи, читанныя въ залѣ пассажа въ 1860 году генеральнаго штаба полковникомъ Романовскимъ. Петербургъ, 1860, стр. 371 и слѣд.

какое удалось захватить, и сами убѣгали въ лѣсъ, чтобы поражать оттуда врага при условіяхъ наименьшаго риска собою. Когда врагъ ослабѣвалъ, они набрасывались на него, какъ коршуны, и тогда, по мѣткому и сильному выраженію Пассека, „начиналось ужасное бѣдствіе“. Въ этихъ случаяхъ жестокость чеченцевъ переходила всякія границы. Чѣмъ слабѣе былъ врагъ, чѣмъ болѣе положеніе его было способно возбудить чувство сожалѣнія, тѣмъ чеченецъ становился безпощаднѣе. Льющаяся кровь приводила его въ бѣшенный восторгъ: глаза метали искры, движенія были быстры и ловки, изъ гортани невольно вылетали звуки, напоминавшіе рычаніе тигра... Такими, по разсказамъ очевидцевъ, они были во время рѣзни въ ичкеринскихъ лѣсахъ, названной „Сухарной экспедиціею“, и такими являлись всегда, когда имѣли дѣло съ малочисленными, иногда невооруженными командами и даже съ одиночными людьми. Не удивительно, что въ подобномъ состояніи они иногда наскакивали и на свѣжія войска, явившіяся на помощь ослабѣвшимъ, и бросались на штыки; но стоило имъ опомниться, и тогда они поворачивали назадъ, убѣгая безъ оглядки.

Держась варварами въ войнѣ, они тѣ же качества варваровъ проявляли и въ дружескихъ сношеніяхъ съ нами. Двуличностъ и лживость, характерныя особенности племенъ, стоящихъ на очень низкой ступени развитія—были постоянными спутниками даже лучшихъ изъ нихъ. Военачальникъ, возлагавшій на чеченца какое нибудь порученіе, щедро оплаченное золотомъ, никогда не могъ поручиться, что онъ не будетъ жестоко обманутъ. И много было случаевъ, когда вкравшійся въ довѣріе предводителя отряда,

разъигрывая передъ нимъ роль вѣрнаго и преданнаго слуги, въ тоже время поддерживалъ постоянныя сношенія съ имамомъ, его наибами и *мазунами* *), сообщалъ имъ про каждый шагъ отряда и проч. Кромѣ того, если не все время войны, то большую часть его, такъ называвшіеся тогда мирные чеченцы пользовались всякимъ случаемъ подраться съ нами и пограбить наши станицы. Направлялась-ли куда экспедиція—часть мирныхъ секретно убѣгала къ непокорнымъ и вмѣстѣ съ ними поражала наши войска изъ за пней, съ деревьевъ, съ командовавшихъ дорогою обрывовъ и т. п. естественныхъ щитовъ; отправлялась-ли шайка непокорныхъ пограбить станицы—мирные сбѣгались къ ней со всѣхъ сторонъ, какъ волки, почувствовавшіе близость добычи. И дѣлалось это не изъ ненависти къ намъ и не изъ религіознаго фанатизма, а по инстиктивнымъ поползновеніямъ хищника. Только къ концу войны между мирными и не мирными стала преграда въ видѣ взаимной ненависти, родившейся отчасти подъ вліяніемъ проповѣди мюридизма, а по преимуществу вслѣдствіе счетовъ по кровомщенію и разнаго рода другимъ обидамъ, наносившимся ими другъ другу иногда по требованію руководителей воюющихъ сторонъ, а часто и въ надеждѣ на безнаказанность дѣяній.

Такимъ явился передъ нами чеченецъ, какъ противникъ нашъ на войнѣ. Каковъ же онъ вообще, какъ личность? каковы его душевныя качества и какимъ образомъ они проявляются въ его жизни? **).

---

*) Начальникъ нѣсколькихъ ауловъ.

**) Оговариваюсь разъ навсегда, что все, высказываемое здѣсь о чеченцахъ, отнюдь не касается тѣхъ изъ нихъ, которые давно уже выросли изъ своего народа и по праву занимаютъ почетное мѣсто среди

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ попробую набросать самый общій очеркъ нравственнаго облика чеченца, попросивъ у читателя извиненія за краткость и отрывочность очерка.

Начну съ того, что, при внимательномъ изученіи, чеченецъ поражаетъ ограниченностью и извращенностью своего духовнаго міра во всемъ, что касается сферы нравственнаго чувства. Не говоря о томъ, что онъ не имѣетъ понятія о возвышенныхъ нравственныхъ идеалахъ (быть можетъ, утратилъ его подъ вліяніемъ своеобразнаго склада жизни), что такія понятія, какъ добродѣтель и порокъ, добро и зло, въ ихъ абстракціи, ему незнакомы, но даже и непосредственныя чувства, составляющія основу этихъ понятій, проявляются въ немъ весьма слабо и, съ нашей точки зрѣнія, не нормально. Чувства беззавѣтной дружбы, глубокой любви, искренняго сожалѣнія и сочувствія, чувства самоотверженія и великодушія, какъ непосредственныя и безкорыстныя душевныя движенія, ему почти-что чужды. Въ отношеніи чувства любви даже семейство не составляетъ исключенія. Привязанность родителей къ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ, со стороны отцовъ, чрезвычайно слаба, а дѣти къ родителямъ относятся почти также, какъ къ посторонниимъ лицамъ своей фамиліи. Чеченцы искренно смѣются, когда видятъ отца—русскаго, ласкающаго и цѣлующаго своего ребенка, и не рѣдко смѣхъ этотъ переходитъ съ ихъ стороны даже въ презрѣніе. На жену чеченецъ смотритъ, какъ на низшаго и подчиненнаго члена маленькой ассоціаціи, называемой семьею, и, обходясь съ нею снисходительно, когда она

Кавказской интеллигенціи: рѣчь идетъ о народной массѣ, а не о выдающихся личностяхъ.

почтительно несетъ бремя своихъ обязанностей, презрительно и брезгливо отталкиваетъ ее отъ себя, въ случаѣ проявленія ею своихъ вкусовъ и желаній. Дочь для чеченца—рабочая сила, а когда она выростаетъ—товаръ. Между русскими многіе склонны думать, что отсутствіе у нѣкоторыхъ горскихъ племенъ Кавказа дѣтской, родительской и супружеской любви только кажущееся и что тутъ все дѣло въ своеобразномъ взглядѣ горцевъ на публичное проявленіе чувства. Не берусь судить, на сколько этотъ взглядъ вѣренъ въ примѣненіи къ другимъ горскимъ племенамъ, но въ отношеніи чеченцевъ онъ представляется мнѣ заблужденіемъ. То, что мы понимаемъ подъ словомъ любовь, въ серьезномъ смыслѣ, т. е. такой подъемъ чувства симпатіи къ другому лицу, при которомъ носитель чувства съ радостью приноситъ жертвы любимому лицу, у чеченцевъ въ одномъ случаѣ замѣняется половыми инстинктами, а въ другихъ доведеннымъ до инстинкта-же чувствомъ фамильной солидарности и привычки. Этотъ послѣдній инстинктъ—нѣчто мало понятное для насъ и въ тоже время весьма многое объясняющее и оправдывающее въ чеченцахъ. Чтобы дать объясненіе фамильному инстинкту, я скажу, что такое фамилія у занимающаго насъ племени. Фамилія или родовой союзъ—это орденъ, въ которомъ каждый членъ, безъ клятвъ и договоровъ, беззавѣтно служитъ интересамъ цѣлаго, не задумываясь жертвовать для нихъ, въ случаѣ надобности, всѣми личными интересами. Чеченецъ, не имѣющій фамиліи, считаетъ себя ничтожествомъ; чеченецъ фамильный, когда находится внѣ своей фамиліи, чувствуетъ себя жалкимъ и безпомощнымъ; но тотъ-же чеченецъ, находясь внутри ея, видитъ себя въ крѣ-

пости, охраняемой многочисленнымъ и единодушнымъ гарнизономъ, и сознаніе силы крѣпости дѣлаетъ его самоувѣреннымъ, гордымъ, своевольнымъ и дерзкимъ до нахальства. Это было прежде, существуетъ и теперь, не смотря на то, что въ настоящее время каждая фамилія разбита между сотнями ауловъ и десятками такъ называемыхъ обществъ *). Аулъ въ глазахъ чеченца—случайная ассоціація, соединившаяся для цѣлей экономическихъ, въ которую онъ попалъ по волѣ судьбы и предковъ; общество — собраніе сильныхъ ассоціацій, имѣющее или имѣвшее прежде, кромѣ экономическихъ, пожалуй, и политическія цѣли, въ отношеніи сосѣднихъ обществъ и народовъ, но общественный организмъ, съ которымъ чеченецъ долженъ сообразовать не только поступки свои, но и побужденія—это фамилія, родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Чтобы читатель могъ вполнѣ понять значеніе указаннаго родового союза, достаточно сказать, что внѣ его, какъ первоначальнаго источника, необъяснимы такія явленія въ жизни чеченцевъ, а также и вообще кавказскихъ горцевъ, какъ обычаи кровомщенья, гостепріимства, похищенія невѣстъ и много другихъ. Всѣ эти обычаи естественно вытекли изъ основныхъ догматовъ родового союза, которые могутъ быть формулированы такъ: всѣ члены одной фамиліи за каждаго и каждый за всѣхъ; свои всегда правы, чужіе всегда виноваты; противъ чужихъ ничто не преступно, а если поступокъ противъ чужого полезенъ и выгоденъ для фамиліи, то онъ всегда по-

*) Чечня, въ территоріальномъ отношеніи, разбивается еще на общества, носящія разныя названія: Малая Чечня, Большая Чечня, Ичкерія, Аухъ и проч., и иногда говорящія даже на разныхъ нарѣчіяхъ одного общаго языка.

хваленъ; членъ своего рода, гдѣ-бы онъ ни находился и кто-бы онъ ни былъ по своимъ личнымъ качествамъ—всегда братъ и всегда имѣетъ право на помощь и на жертвы. На практикѣ, въ жизни, приведенныя догмы когда-то проявлялись съ такою-же безпощадною рѣзкостью, съ какою онѣ выражаются теоретически, и, вѣроятно, онѣ долго господствовали надъ умомъ и волею чеченца, если успѣли залечь въ его душу, какъ прирожденныя идеи. Ни продолжительная борьба съ этими идеями такъ называемыхъ народныхъ обычаевъ, о которыхъ говорится дальше, ни господство шаріата, о которомъ тоже упоминается въ концѣ замѣтки, ни двадцатилѣтнее давленіе на нихъ, наконецъ, установленныхъ нами новыхъ и чуждыхъ имъ порядковъ до сихъ поръ далеко еще не ослабили ихъ значительнымъ образомъ. Умалился кругъ вліянія этихъ идей, измѣнилась форма внѣшняго проявленія ихъ, но интенсивность ихъ осталась таже и до нашихъ дней. И теперь убійство члена бонойской, положимъ, фамиліи, случившееся на берегахъ Аргуна, заставляетъ бонойца, живущаго на берегахъ рѣки Яраксу (отъ Аргуна 50—60 верстъ), схватить ружье и бѣжать или скакать на конѣ къ мѣсту убійства, чтобы отомстить убійцѣ. Явившись поздно, когда дѣло уже окончено, онъ ограничивается появленіемъ въ домѣ потерпѣвшихъ и выраженіемъ имъ своего сожалѣнія. Но если ко времени прибытія его убійца еще не отомщенъ и ему представляется возможность накинуться на него или его родственниковъ, онъ ни на минуту не задумается сдѣлать это, не справляясь о числѣ противниковъ. Совершивъ похищеніе, чеченецъ передаетъ похищенное своему однофамильцу, живущему на другомъ концѣ чечен-

ской территоріи, и знаетъ, что тотъ не измѣнитъ ему, не обманетъ и не выдастъ его. Разъѣзжая по своей родной сторонѣ, чеченецъ ни на минуту не задумывается о томъ, гдѣ ему остановиться и удовлетворить свои потребности: повсюду, гдѣ живутъ его однофамильцы, для него готовы и кровъ и пища. А заѣхавъ къ однофамильцу, онъ располагается, ѣстъ и пьетъ у него, какъ въ собственномъ домѣ.

Этотъ инстинктъ солидарности со всѣми членами своего рода—великая нравственная сила, но она все-таки не чувство любви *) Любить чеченецъ умѣетъ только себя. О себѣ чеченецъ замѣчательно высокаго мнѣнія и, ставя свою личность въ центрѣ вселенной, тѣмъ болѣе понижаетъ свое мнѣніе обо всѣхъ другихъ, чѣмъ дальше они находятся отъ центра; вокругъ центра стоитъ фамилія, за нею идетъ племя или народъ свой, за народомъ-же, вдали, стоитъ все остальное, едва достойное, а пожалуй, и вовсе недостойное вниманія. Въ особенности это сильно бросается въ глаза въ представителѣ Малой Чечни, важномъ, спѣсивомъ и гордомъ до самообожанія. Отсюда непомѣрное самолюбіе чеченца. Этотъ сынъ горъ и лѣсовъ многое перенесетъ съ сознаніемъ своего превосходства или съ затаенною мыслію объ отмщеніи въ благопріятный моментъ, но не перенесетъ онъ одного—обиднаго или презрительнаго отношенія къ себѣ. Въ подобномъ случаѣ онъ готовъ сейчасъ-же броситься на обидчика и разорвать его на части. Приведенная черта не осталась, разумѣется, не подмѣченною ли-

*) Посильное объясненіе происхожденія чувства родовой солидарности и связи его съ коренными обычаями кавказскихъ горцевъ, въ томъ числѣ и чеченцевъ, будетъ дано мною впослѣдствіи (см. въ настоящей книгѣ „Введеніе“ къ „Очеркамъ народныхъ обычаевъ кумыковъ Терской Области“).

цами, правящими народомъ, и многіе изъ нихъ сообразаются съ нею въ отношеніяхъ къ управляемымъ, что дѣлаетъ только честь ихъ административнымъ способностямъ.

Въ чувствѣ самомнѣнія и самообожанія лежитъ и корень пламенной любви чеченца къ свободѣ или, выражаясь откровеннѣе, къ полному своеволію. Не признавая никого лучше и выше себя, онъ не можетъ допустить мысли о законности господства надъ нимъ со стороны кого-бы то ни было. Не къ той или другой власти питаетъ онъ отвращеніе и ненависть; не русская иноземная власть ему ненавистна, какъ противоположность власти туземной, одноплеменнаго и одновѣрнаго имама или князя, а самая идея власти, въ ея отвлеченіи. По преданіямъ чеченцевъ, когда-то между ними водворился приглашенный ими-же князь изъ дома аварскихъ хановъ (изъ фамиліи Турлова, жившей въ Гумбетѣ *). Пожилъ между ними этотъ князь нѣкоторое время и потомъ они взбунтовались и лишили его власти. Въ точности извѣстно, что власть Шамиля была для нихъ даже невыносимѣе нашей власти, потому что она глубже врѣзывалась въ народную жизнь, хотя цѣли и стремленія ея вполнѣ совпадали съ характеромъ и вожделѣніями народа. Помню, какъ одинъ чеченецъ восторженно разсказывалъ мнѣ такой анекдотъ. Заходитъ какъ-то въ чеченскую саклю грузинскій князь, сопровождаемый большою свитою, и съ изумленіемъ видитъ, что сидящій въ саклѣ оборванный старикъ и не думаетъ

*) Преданіе это подтверждается тѣмъ, что потомки Турлова живутъ и теперь въ надтеречныхъ чеченскихъ аулахъ, пользуясь нѣкоторымъ уваженіемъ въ народѣ. Одинъ изъ Турловыхъ въ шестидесятыхъ годахъ былъ награжденъ нашимъ правительствомъ участкомъ земли на правомъ берегу Сунжи.

подняться съ мѣста въ знакъ почтенія. Князь дѣлаетъ старику замѣчаніе и тогда между ними завязывается такой разговоръ.—Ты—князь, говоритъ оборванецъ, а ну-ка, разъясни мнѣ, что такое князь?—Князь—большой человѣкъ, объясняетъ пришедшій,—у котораго много земли и много подчиненныхъ ему людей, исполняющихъ всѣ его приказанія. — Хорошо, князь! А есть другой человѣкъ, который больше тебя и которому ты подчиняешься самъ?—Есть, говоритъ князь: Царь.—Такъ вотъ видишь, объявляетъ старикъ: между тобою и Богомъ стоитъ еще царь, а между мною и Богомъ никого нѣтъ,—кто-же изъ насъ старше и не ты-ли долженъ оказывать почтеніе мнѣ, а не я тебѣ? Глубокою антипатіею чеченцевъ ко всякой власти, олицетворяемой живыми людьми (въ противоположность власти мертвыхъ обычаевъ и обрядовъ, которой они повинуются безпрекословно), объясняется очень многое въ жизни этого народа и, прежде всего, довольно исключительный историческій фактъ, что за время продолжительнаго существованія народа изъ его среды не выдѣлилось ни одной фамиліи, которая бы получила право господства надъ остальными и, вообще, въ немъ не установилось никакой общей власти. Здѣсь, пожалуй, не лишнее замѣтить, что благодаря такому отношенію въ власти, чеченцы гораздо легче мирятся, какъ съ неотвратимымъ зломъ, съ чужеземною властью, чѣмъ съ своею національною, и въ этомъ причина крайне неудачныхъ результатовъ нашихъ попытокъ управлять народомъ при посредствѣ избранныхъ изъ его-же среды наибовъ или приставовъ *).

*) Теперь уже этого нѣтъ, но было еще въ семидесятыхъ годахъ.

Самолюбивый и обидчивый, какъ ребенокъ, чеченецъ, какъ ребенокъ-же, любитъ похвалы и комплименты, и къ нему вполнѣ примѣнимы слова Лермонтова:

„. . . . . лучше горъ златыхъ
Иному ласки и слова привѣта“ **).

Не обладая, какъ я уже сказалъ, способностью проникаться глубоко чувствами добрыми и гуманными, чеченецъ въ то же время сильно проникнутъ чувствомъ личнаго и фамильнаго эгоизма, источникомъ котораго служатъ непосредственные инстинкты животнаго организма, выросшаго въ условіяхъ упорной борьбы за существованіе. Помня только о себѣ и своихъ интересахъ, включая и интересы фамиліи, онъ ко всему постороннему питаетъ инстинктивное недоброжелательство, легко переходящее въ готовность причинить обиду и вредъ. Этимъ объясняется то, что онъ ни въ комъ постороннемъ тоже не допускаетъ ни пріязни къ себѣ, ни даже простого доброжелательства, а напротивъ того, во всѣхъ видитъ противниковъ и враговъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ на людей, онъ, во первыхъ, долженъ быть подозрителенъ и остороженъ и, во вторыхъ, двоедушенъ въ сношеніяхъ съ ними. Въ этомъ и состоятъ пресловутыя хитрость и коварство чеченца, о которыхъ у многихъ сложилось чуть не поэтическое представленіе. Въ коварствѣ, т. е. двоедушіи не въ пользу ближняго, ему, дѣйствительно, нельзя отказать, а что касается до хитрости, понимаемой въ смыслѣ способности къ составленію замысловатыхъ комбина-

**) Измаилъ-Бей.

ціи, или умѣнья тонко разсчитать и предугадать, ловко подсмотрѣть чужую игру и подмѣнить ее своею, то эта способность его, не Богъ вѣсть, какого высокаго качества.

Не нужно забывать, что рѣчь идетъ о человѣкѣ, весьма мало развитомъ. Таиться, говорить не то, что думаешь, беззастѣнчиво замѣнять фактъ вымысломъ, хотя-бы иногда искуснымъ и правдоподобнымъ, дѣло не трудное и для ограниченнаго ума, но хитрость требуетъ значительныхъ умственныхъ силъ, не говоря уже о большой житейской опытности. Будь чеченцы дѣйствительно хитры, они не вдавались бы такъ часто въ обманъ, какъ случалось съ ними раньше, случается и теперь. Въ 1877 году простой житель аула Зандакъ (Ичкеринскаго общества) Алибекъ-аджи Алдамовъ, рѣшительно ничѣмъ не выдававшійся изъ толпы, въ качествѣ внезапно народившагося имама съумѣлъ провести всю Ичкерію и часть Большой и Малой Чечни. Уловки, къ которымъ онъ прибѣгалъ при этомъ, были самаго невиннаго свойства: разъ этотъ новоявленный имамъ распустилъ слухъ, что русскіе, за неимѣніямъ на Кавказѣ войскъ, нарядили въ солдатскіе мундиры женщинъ; въ другой разъ онъ объявилъ, что турецкія войска взяли Тифлисъ и, подъ предводительствомъ Кази-Магомы, сына Шамиля, усиленнымъ маршемъ идутъ прямо въ Ичкерію; въ третій разъ приближенные его нарядили одного тавлинца въ какой-то красный или желтый халатъ и выдали его народу за турецкаго пашу, присланнаго султаномъ. Наивные Ичкеринцы все признали правдоподобнымъ, всему повѣрили, даже пророческимъ предсказаніямъ имама, что русскіе вдругъ ударятъ сборъ, соберутся и уйдутъ себѣ въ Ставропольскую

губернію,—и многіе изъ нихъ потомъ жестоко поплатились за свою безхитростность.

Наклонность чеченца къ посягательству на чужую собственность фактъ общеизвѣстный. Наклонность эта органически связана со всѣми другими его наклонностями и развивалась она вѣками жизни въ обособившихся фамильныхъ ассоціаціяхъ, изъ которыхъ каждая признавала вполнѣ естественнымъ и законнымъ увеличивать свои матеріальныя средства путемъ хищническаго присвоенія средствъ другой, враждебной ассоціаціи. Многіе полагаютъ, что главнымъ стимуломъ къ воровству служитъ въ чеченцѣ тщеславное стремленіе слыть за молодца и храбреца, что корысть тутъ дѣло второстепенное и можетъ даже отсутствовать. Подвигами хищничества пріобрѣтается, говорятъ, уваженіе въ народѣ и благосклонность женскаго пола. Послѣднее, относительно уваженія и благосклонности, пожалуй, вѣрно, но первое ошибочно—по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается источника происхожденія и дальнѣйшаго развитія страсти къ воровству. Въ настоящее время, когда условія, породившія страсть, рѣзко измѣнились, когда воровство нерѣдко влечетъ за собою не обогащеніе, а раззореніе,—возможны, пожалуй, подвиги этого рода въ смыслѣ, такъ сказать, искусства для искусства, или и ради достиженія цѣли возвышенія своей репутаціи. Въ сущности-же, дѣло не въ томъ. Начали воровать именно въ видахъ корысти и обогащенія, но съ такого рода промысломъ сопряжены рискъ и опасности, для преодолѣнія которыхъ нужны и сноровка, и ловкость, и отвага. Въ обществѣ, гдѣ воровство составляло единственный способъ обогащенія, выходившаго изъ ряда скудныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ не умѣлымъ

трудомъ, сноровка, ловкость и отвага, какъ орудія достиженія цѣли, должны были подняться на высоту первостатейныхъ качествъ, а обладатели ихъ стать въ положеніе выдающихся личностей, пользующихся уваженіемъ и почетомъ. Цѣль воровства была корысть, послѣдствіями умѣнья красть являлись слава молодца и благосклонность женщинъ. Не то-же ли мы видимъ въ разнаго рода воровскихъ шайкахъ, однако никто не думаетъ, чтобы подвиги этихъ шаекъ совершались единственно для славы и женщинъ.

Чтобы въ цѣломъ народѣ воровство пользовалось такимъ значеніемъ, необходимо отсутствіе въ этомъ народѣ яснаго представленія о святости труда и о неприкосновенности собственности; но въ чеченцахъ оно и отсутствуетъ. Трудъ въ сознаніи Мало-чеченца, самаго типическаго представителя своего племени, — занятіе, если не унизительное и безчестное, то во всякомъ случаѣ жалкое и непріятное. Пускай трудятся женщины, калѣки и всѣ тѣ, кто такъ или иначе обиженъ природой; а онъ—сильный, отважный и ловкій, умѣющій рубить не топоромъ, а шашкой, умѣющій стрѣлять и скакать на лошади сквозь непроходимую чащу своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и прятать въ этихъ лѣсахъ награбленную добычу,—онъ не хочетъ убивать свои силы и время надъ кропотливой обработкой полей, надъ рубкою на продажу вѣковыхъ деревьевъ и проч. Конечно, трудиться приходится, но это дѣло тяжелой необходимости...

Понятіе чеченца о собственности, не въ шутку, а вполнѣ серьезно можетъ быть формулировано такъ: что мое, то мое, а что твое—то могло-бы быть моимъ. Исходя отсюда, чеченецъ чувствуетъ поползновеніе воспользоваться чужимъ и, увѣренный въ существова-

ніи такихъ же поползновеній у ближняго, очень крѣпко охраняетъ все, что попадаетъ въ его обладаніе, въ тоже время любовно заглядываясь на собственность другого. Кому неизвѣстна легенда о чеченскихъ кувшинахъ съ серебряными деньгами, въ темную ночь зарытыхъ глубоко въ землю въ какомъ нибудь углу сакли или двора? Зарывшій деньги никогда не дѣлился своей тайной даже съ самыми близкими людьми, и бывали случаи, что наслѣдники такъ и не находили оставленной имъ казны. Прежде такихъ кувшиновъ было, говорятъ, много, теперь они тоже существуютъ, хотя уже въ гораздо меньшемъ количествѣ. Подобно этому охраняется и всякое другое имущество и совершенно основательно: наткнувшись, напр., въ полѣ на чужую лошадь, чеченецъ (рѣчь идетъ только о среднемъ, типичномъ чеченцѣ) невольно влечется къ ней всѣмъ своимъ существомъ и, поймавши, угоняетъ ее куда нибудь подальше, въ другой аулъ, къ однофамильцу, а тамъ она угоняется еще дальше, пока не удастся сбыть ее гдѣ нибудь за тридевять земель. Угнавшій лошадь разсуждаетъ обыкновенно такъ: не я, такъ другой,—такъ лучше я.

И такъ инстинкты и воззрѣнія чеченскаго народа почти исключаютъ возможность существованія въ немъ элементовъ гражданственности и благоустройства. Является вопросъ, какимъ-же образомъ этотъ народъ существовалъ до поры подчиненія его нашей власти, существовалъ несомнѣнно долго, росъ, размножался и даже совершалъ народно-общественныя дѣла, къ которымъ естественно относится и его минувшая борьба съ нами? Не признавая возможнымъ давать обстоятельный отвѣтъ на этотъ сложный вопросъ въ настоящей замѣткѣ, коснусь только нѣкоторыхъ сто-

ронъ его. Продолжительная и упорная борьба чеченцевъ съ нами, пожалуй, не нуждается въ объясненіи ея присутствіемъ въ народѣ сознанія обще-народныхъ интересовъ. Эта борьба не противорѣчила основнымъ чертамъ характера чеченца, а напротивъ, вполнѣ гармонировала съ ними и сама какъ-бы питала и развивала ихъ. Набѣги, преслѣдованія, убійства, грабежи,—трудно придумать лучшую арену дѣятельности для человѣка тѣхъ качествъ, какими надѣлена природа нашего чеченца. Ничего нѣтъ, по этому, страннаго, что на такую арену одновременно и всѣхъ увлекали прямо ихъ личные вкусы и инстинкты, не руководимые никакими всенародными стремленіями; тѣмъ не менѣе, однако, въ общемъ выходила грандіозная борьба цѣлаго народа, какъ бы проникнутаго одною идеей. Затѣмъ, въ жизни чеченскаго народа существуетъ въ высшей степени важный элементъ, который, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ жизненности разсматриваемаго нами общественнаго организма. Элементъ этотъ—такъ называемые народные обычаи чеченцевъ. Откуда они взялись? Занесены-ли эти обычаи въ чеченскіе лѣса въ давно прошедшее время какими нибудь пришельцами, стоявшими на неизмѣримо-высшей ступени цивилизаціи, чѣмъ коренные жители? заимствованы-ли они чеченцами уже позже отъ сосѣднихъ съ ними народовъ, какъ народы Лезгистана, Кабардинцы, Кумыки? или-же они родились изъ нѣдръ народнаго духа, какъ необходимая реакція анти-общественнаго принципа родового союза?—рѣшать этого не берусь. Во всякомъ случаѣ обычаи или устные законы жизни чеченцевъ (имъ присвоено названіе *адата*) зиждутся на другихъ основаніяхъ, чѣмъ основанія родо-

вого союза, и дѣйствуютъ въ противовѣсъ послѣднему. Обычай стоитъ на почвѣ народности, а не фамиліи; не будучи въ силахъ измѣнить фамильныя традиціи, онъ въ однихъ случаяхъ (какъ въ дѣлѣ гостепріимства) разширяетъ ихъ до значенія традицій общественныхъ, въ другихъ (какъ напримѣръ, въ дѣлахъ кровомщенія, похищенія женщинъ и въ дѣлахъ хищничества) дополняетъ ихъ актами примиренія и соглашенія, стараясь держаться на высотѣ безпристрастія. Такіе обычаи, водворяясь среди людей, проникнутыхъ анти-общественными инстиктами и стремленіями, невольно съуживаютъ область проявленія этихъ инстинктовъ и стремленій — и въ этомъ и заключается ихъ значеніе для жизненности цѣлаго племени. Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи чеченскихъ народныхъ обычаевъ, ограничусь приведеніемъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы читатель по этимъ образцамъ могъ судить о характерѣ цѣлаго.

Обычай безусловно требуетъ уваженія всѣхъ младшихъ ко всѣмъ старшимъ и регламентируетъ свое требованіе такимъ образомъ. Старшій, гдѣ только возможно, сидитъ, а младшій стоитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ приглашенія садиться; когда въ комнатѣ нѣсколько человѣкъ пожилыхъ и нѣсколько человѣкъ молодежи, пожилые сидятъ въ порядкѣ старшинства, а молодежь стоитъ у порога. Ѣдятъ сначала старшіе, а младшимъ передаются остатки кушанья въ томъ видѣ, какъ они брошены первыми. Въ дорогѣ старшій ѣдетъ справа, младшій слѣва; если ѣдутъ трое—старшій въ срединѣ. Когда въ дорогѣ находится цѣлая компанія, младшіе составляютъ какъ-бы охранную стражу старшихъ: часть ихъ располагается впереди, часть сзади, остальные по бо-

камъ центра, составленнаго изъ старшихъ. Всякій старикъ безъ церемоніи требуетъ услугъ отъ всякаго молодого человѣка и послѣдній безпрекословно исполняетъ ихъ.

Обычай гостепріимства регламентируется такъ: гость хозяина—всякій, кто заѣхалъ въ его дворъ, будь это даже кровный врагъ гостепріимца; гость—старшій въ домѣ, а хозяева—его слуги; не покормить гостя или обидѣть его чѣмъ нибудь—значитъ показать себя недостойнымъ имени чеченца. Въ случаѣ надобности, гостя обязательно защищать, жертвуя своею жизнію; если гостя убили, то хозяинъ становится мстителемъ убійцѣ; если гостя обокрали, хозяинъ вознаграждаетъ его за причиненный ему вредъ.

По обычаю, случайно съѣхавшіеся на одномъ пути и продолжающіе путь вмѣстѣ считаются братьями и, какъ братья, должны беззавѣтно помогать и защищать другъ друга въ случаѣ опасности. По обычаю, преступно прикоснуться даже къ платью чужой женщины; по обычаю, мужчина не долженъ кричать и плакать отъ боли, хотя бы съ него кожу сдирали; обычай требуетъ черезъ селеніе ѣхать тихо, если бы даже за вами слѣдовала погоня, и т. д.

На случай совершенія убійства, обычай, заботясь объ устраненіи акта кровомщенія, вытекающаго изъ принципа родового союза, устанавливаетъ сложный обрядъ примиренія фамиліи обиженнаго съ фамиліею обидчика, — обрядъ, въ которомъ каждый шагъ, каждый жестъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ строго регламентированы. Такіе же обряды установлены обычаемъ и на случай примиренія въ дѣлѣ пораненія, въ дѣлѣ похищенія и оскорбленія женщинъ.

По дѣламъ воровства обычай въ заботахъ объ

устраненіи кроваваго мщенія за кражу опять устанавливаетъ чрезвычайно сложные обряды, съ помощью которыхъ достигается устраненіе вражды между воромъ и жертвою его дѣянія.

II.

Умъ у чеченца бойкій, но низменный и легкій. Чеченецъ любитъ пошутить, посмѣяться, поострить, поиграть словами. Мысль его постоянно вращается около простыхъ обыденныхъ предметовъ *), но и эти предметы она охватываетъ поверхностно, такъ сказать пластически, не проникая въ глубину ихъ. Точность и опредѣленность, свойственныя уму наблюдательному, идейность и отвлеченность, характеризующія собою умъ разсудочный,—уму чеченца не свойственны. Чеченецъ не столько мыслитъ, сколько представляетъ себѣ видѣнное и испытанное; не столько мыслитъ, сколько воспроизводитъ въ умѣ свои непосредственныя ощущенія. Воображеніе, если хотите, у него сильное, но оно не творческое, т. е., легко и ярко представляя въ умѣ реальныя картины, онъ способенъ еще измѣнять размѣры ихъ (преувеличивать или уменьшать), но ему чужда способность создавать по аналогіи другіе фантастическіе образы и картины,—вообще фантазія у него очень ограниченна. Можетъ быть, поэтому уму чеченца почти недоступны представленія о предметахъ и идеяхъ возвышенныхъ, относимыхъ къ такъ называемому духовному міру.

*) Исключеніе составляютъ религіозные фанатики, которые стараются постоянно размышлять о Богѣ; однако, представленія ихъ объ аттрибутахъ Божества также не выходятъ изъ круга обыденныхъ низменныхъ представленій.

Идея о міросозданіи почти не возбуждаетъ его вниманія; идея о раѣ и адѣ воплощаются для него въ картинахъ богатства, молодости, здоровья и широкаго удовлетворенія своихъ страстей и потребностей — съ одной стороны и бѣдности съ физическими страданіями—съ другой. Идею обязанностей своихъ передъ Богомъ чеченецъ не понимаетъ иначе, какъ въ смыслѣ формальнаго исполненія установленныхъ требованій и обрядовъ. Даже чертовщина не особенно занимаетъ его, и чеченскій чертъ, какъ и горецъ, ходитъ тоже въ черкескѣ и чувякахъ, только онъ непомѣрно-большого роста и продѣлки его крупнѣе продѣлокъ обыкновеннаго человѣка.

Способность разсуждать и комбинировать развита у чеченца главнымъ образомъ въ сферѣ двухъ категорій предметовъ; первая категорія относится къ дѣламъ по всякаго рода покушеніямъ на личность и имущество ближняго и по уничтоженію слѣдовъ исполненнаго дѣянія; вторая категорія—это дѣла общественно-политическаго характера. На второй категоріи стоитъ остановиться. Дѣло въ томъ, что прошлая продолжительная борьба съ нами не прошла безслѣдно для умственнаго развитія чеченца. Необходимость быть осторожнымъ и чуткимъ, необходимость каждую минуту знать, что дѣлается и въ станѣ враговъ и въ станѣ своихъ, и сообразовывать свои дѣйствія не только съ дѣйствіями своихъ одноаульцевъ, но и всего своего общества и народа; далѣе, важность знанія расположенія и численности непріятельскихъ отрядовъ, талантовъ и умѣнья непріятельскихъ военачальниковъ, ихъ плановъ и предначертаній и т. п.; затѣмъ личное или посредственное участіе каждаго не въ нападеніи и защитѣ только, но также въ обсужденіи

разнаго рода условій и договоровъ, въ составленіи плановъ набѣговъ и проч., — все это, естественно, развило въ чеченцѣ и вниманіе къ общественно-политическимъ вопросамъ, и смѣтливость, и догадливость въ этомъ отношеніи; словомъ чеченецъ въ дѣлѣ разумѣнія общественныхъ и политическихъ вопросовъ выросъ изъ самого себя *). Конечно, онъ не Богъ вѣсть ка-

*) Въ связи съ чуткостью чеченцевъ къ вопросамъ общественно-политическаго характера и съ пріобрѣтеннымъ ими навыкомъ сообразовывать свои дѣйствія съ даннымъ положеніемъ этихъ вопросовъ находится весьма важное качество разсматриваемаго народа, которое можно назвать общественной дисциплиной. Въ обыденной жизни, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, дѣти мало уважаютъ и еще меньше слушаются своихъ отцовъ, и сами отцы также не имѣютъ никакого значенія другъ для друга. Тѣмъ не менѣе всѣ вопросы, выходящіе изъ круга частныхъ интересовъ, затрогивающіе жизнь цѣлаго аула, общества или всего племени, разрѣшаются всегда на сходкахъ старшихъ (отцевъ) и рѣшенія сходокъ признаются обязательными для всѣхъ членовъ той или другой общественной группы, а если они приняты по вопросамъ, касающимся всего народа, то для всѣхъ истинныхъ членовъ его. Въ пору войны съ нами, преимущественно въ періодъ съ 1840 года, когда жизнью народа руководила воля Шамиля и когда народъ подвергался столькимъ соблазнамъ, общественная дисциплина значительно ослабѣла, причемъ кульминаціонная точка ослабленія, естественно, совпала съ моментомъ замѣны одного правительственнаго режима другимъ, т. е. съ моментомъ окончательнаго покоренія нами Чечни. Но послѣ того, хотя и не сразу, разумѣется, все опять вошло въ свое обычное русло и теперь общественно-политическая дисциплинированность народа проявляется съ замѣчательною силою. Въ этомъ отношеніи чеченцы существеннымъ образомъ отличаются отъ другихъ народностей Кавказа, напр., сосѣдей ихъ—кумыковъ, а въ особенности осетинъ. Въ кумыцкой народности уже сильно пробивается въ отдѣльной личности стремленіе къ обособленности и самоволію, а что касается осетинъ, то у нихъ, что ни родъ, ни семья, то свои сепаративныя стремленія, не рѣдко идущія въ разрѣзъ съ стремленіями, если не всего народа, то общества, къ которому принадлежитъ этотъ родъ или эта семья. Въ Чечнѣ личности съ сепаративными наклонностями—выродки изъ народа, подвергающіеся самому безпощадному остракизму, вообще-же чеченцы всѣ и всегда остаются въ подчиненіи у народной воли, выражаемой рѣшеніями старшихъ.

Въ силѣ и крѣпости общественной дисциплины въ чеченскомъ народѣ лежитъ ключъ къ разъясненію очень многихъ явленій въ его жизни и въ особенности явленій политическаго и административнаго значенія. Въ

кой политикъ; его соображенія и догадки по этой части въ большинствѣ случаевъ бываютъ переполнены множествомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и заблужденій, но все-таки, разговаривая съ чеченцемъ, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, чуткимъ къ такимъ явленіямъ общественной жизни, которыя почти недоступны, напр., нашему крестьянину среднихъ губерній.

Въ отношеніи другихъ сферъ мышленія умъ чеченца спитъ еще. Чеченецъ, напр., до сихъ поръ не составилъ себѣ сколько нибудь яснаго понятія о теченіи времени: ни одинъ чеченецъ не знаетъ, сколько ему лѣтъ, когда родились его дѣти, или когда случилось въ его жизни то или другое событіе. Невѣ-

---

нихъ причины, почему въ Чечнѣ правящей народомъ власти приходится больше считаться съ представителями общественнаго мнѣнія—группами старшихъ, чѣмъ съ тѣми или другими отдѣльными личностями. Неповиновеніе власти и всякаго рода своеволія со стороны отдѣльныхъ лицъ, какъ проявленія ихъ свободной воли, составляютъ здѣсь не болѣе, какъ отступленія отъ нормальнаго порядка вещей, самый же этотъ порядокъ заключается въ томъ, что если старшими рѣшено неповиноваться, то начинаются всякаго рода безчинства, переходящія обыкновенно въ открытый бунтъ, а если ими принято противоположное рѣшеніе, то всѣ желанія и требованія власти исполняются единодушно, легко и скоро. Возникаетъ-ли вопросъ о составленіи народной переписи, или объ уплатѣ того или другого налога, или о проведеніи дорогъ, или о выдачѣ извѣстныхъ преступниковъ—старшіе рѣшаютъ, какъ отнестись къ вопросу и въ зависимости отъ ихъ рѣшенія—или перепись оканчивается въ каждомъ аулѣ въ два-три дня, налогъ уплачивается безъ малѣйшей недоимки, дорога проводится съ такою скоростью, что приходится только удивляться, преступники сами являются къ мѣстному начальнику и просятъ только, что-бы эта добровольная явка была поставлена имъ въ заслугу, или-же загорается пожаръ, тушеніе котораго сопряжено съ массою хлопотъ и не рѣдко требуетъ значительныхъ жертвъ. Такъ и въ вопросахъ о разныхъ нововведеніяхъ съ цѣлью подъема народной нравственности, улучшенія экономическаго быта и проч. Вездѣ общество, народъ въ лицѣ главарей его (не тѣхъ, которыхъ мы выдвинули изъ народа, а тѣхъ, которыхъ народъ самъ считаетъ таковыми), а отдѣльная личность идетъ за главарями въ силу глубоко вкоренившагося въ ней чувства общественной дисциплины.

Примѣч. 1892 г.

жество въ данномъ случаѣ доходитъ до курьезовъ: событіе, случившееся въ только что минувшемъ году, относится ко времени событій, бывшихъ три—четыре года назадъ и обратно; вернувшійся изъ ссылки, въ которой пробылъ четыре—пять лѣтъ, часто на вопросъ о срокѣ ссылки, отвѣчаетъ: „не знаю“, или дѣлаетъ ошибку на два—на три года. Занимаясь земледѣліемъ, чеченецъ ни о временахъ года, ни о свойственныхъ этимъ временамъ атмосферическихъ явленіяхъ, не имѣетъ и сотой доли познаній крестьянина внутреннихъ губерній. Память чеченца короче памяти женщинъ. Даже тѣ изъ нихъ, кто принималъ наиболѣе активное участіе въ выдающихся событіяхъ минувшей войны, теперь не помнятъ ни именъ дѣйствующихъ лицъ, которыя были тогда у всѣхъ на устахъ, ни обстоятельствъ выдающихся эпизодовъ войны. Этимъ отсутствіемъ памяти у чеченцевъ, быть можетъ, и объясняется бѣдность и ординарность ихъ народныхъ преданій. Еще о происхожденіи народа существуютъ различныя сказанія, но о томъ, какъ народъ росъ и развивался, какова была его дальнѣйшая судьба до прихода на Кавказъ русскихъ, на этотъ счетъ, вмѣсто цѣльныхъ преданій, какъ у другихъ народовъ, чеченцы даютъ какіе-то жалкіе обрывки исторіи, безъ именъ и безъ характеристическихъ особенностей мѣста и времени. Любознательность чеченцевъ не идетъ дальше сплетень съ политическо-общественной окраской, а въ отдѣльныхъ случаяхъ дальше ознакомленія съ наилегчайшими способами пріобрѣтенія... Подражательность ихъ ограничивается заимствованіемъ кое-какихъ предметовъ внѣшней обстановки, но вообще они склонны къ косности и невниманію ко всему чужому. Малоразвитость чеченцевъ, между прочимъ, ха-

рактеризуется и положеніемъ въ народѣ мусульманской грамотности. Какъ въ Дагестанѣ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, населенныхъ горцами—мусульманами, въ Чечнѣ при всѣхъ значительныхъ мечетяхъ существуютъ школы, въ которыхъ обучаются арабскому языку и мусульманскому закону. Какъ и вездѣ, ученики этихъ школъ мучаются въ нихъ по десятку лѣтъ, чтобы пріобрѣсти познанія, необходимыя для сельскаго муллы, и однако въ Чечнѣ рѣшительно отсутствуютъ достаточно грамотные и развитые муллы, тогда какъ Дагестанъ переполненъ ими.

Вообще, надо сказать, что если чеченецъ нерѣдко и производитъ впечатлѣніе человѣка не глупаго и даже тонкаго, то тутъ главную роль играютъ сноровка, осмотрительность и тактъ. Идя къ лицу вліятельному, чеченецъ рѣдко упускаетъ случай освѣдомиться предварительно, кто это лицо, каковы его вкусы и какъ слѣдуетъ держаться съ нимъ, чтобы понравиться ему. Въ нужныхъ случаяхъ, чеченецъ ловко прикидывается знающимъ, но не желающимъ высказаться, глубокомысленнымъ, но таящимъ свои думы про себя. Въ этой страсти играть въ политику, если хотите, много и не чеченскаго, а обще-восточнаго, но чеченецъ, по свойству своей натуры, какъ-то глубже другихъ проникся ею.

Набросанная мною характеристика чеченца была бы не полна, въ особенности относительно современныхъ намъ поколѣній, если бы я не упомянулъ здѣсь о такомъ важномъ элементѣ, какъ мусульманская религія, исповѣдуемая всѣмъ чеченскимъ народомъ. Коснусь этого элемента лишь въ немногихъ словахъ. Есть много основаній полагать, что современная религія чеченцевъ стала оказывать вліяніе на жизнь на-

рода очень недавно. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія дѣйствіями чеченцевъ личнаго и общественнаго характера, очевидно, руководили народныя традиціи, покоющіяся на двухъ основныхъ принципахъ: на принципѣ родового союза, предполагающемъ существованіе недоброжелательныхъ отношеній между отдѣльными родами, и на принципѣ общественныхъ обычаевъ, ослабляющемъ разрушительное дѣйствіе перваго принципа и въ извѣстной мѣрѣ гарантирующемъ солидарность родовыхъ и общественныхъ группъ. Присутствія религіознаго элемента еще не замѣтно. Фактъ этотъ констатируется многими писателями, занимавшимися исторіею Кавказской войны. Между прочимъ, г. Романовскій, въ цитированномъ мною сочиненіи его, г. Фадѣевъ, въ книгѣ „Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны“, и г. Берже, въ книгѣ „Чечня и чеченцы“,—всѣ трое утверждаютъ, что среди чеченцевъ вліяніе религіи проявлялось въ весьма ничтожной степени. Но вотъ въ 1840 году среди чеченцевъ появляется Шамиль съ *шаріатомъ* *) въ одной рукѣ, съ планомъ рѣшительнаго внѣдренія его въ странѣ въ другой и съ пламенною проповѣдью *газавата* на устахъ **). Газаватъ сразу даетъ всѣмъ природнымъ вожделѣніямъ чеченца законную санкцію, намѣчаетъ для нихъ единую и всѣми видимую цѣль и притомъ возводитъ ихъ на степень религіознаго подвижничества. Понятно, что чеченецъ отдался новому ученію со всѣмъ увлеченіемъ слѣпого богатыря, долго незнавшаго, куда идти и на что истратить свои силы, но

*) Шаріатъ—кодексъ мусульманскихъ религіозныхъ и гражданскихъ законовъ.

**) Газаватъ—ученіе о святости и обязательности войны противъ невѣрныхъ.

вдругъ прозрѣвшаго и увидѣвшаго передъ собою яркую и заманчивую цѣль... Шамиль воспользовался первою минутою увлеченія и наложилъ руку на господствовавшіе въ странѣ народные обычаи, замѣнивъ ихъ постановленіями *шаріата* и на нѣкоторое время обезпечивъ строгое исполненіе ихъ. Это удалось ему не болѣе, какъ на одинъ моментъ, но и момента оказалось вполнѣ достаточно, чтобы идея, какова бы она ни была сама по себѣ, восторжествовала надъ хаосомъ, обременявшимъ голову чеченца: въ намѣченный моментъ мусульмане по имени превратились въ мусульманъ настоящихъ. Послѣ того произошло много перемѣнъ: Шамиля мы сняли со сцены, на мѣсто шаріата снова водворились народные обычаи, но идея мусульманства, притомъ еще въ той рѣзкой и извращенной формѣ, въ какой она была занесена въ чеченскія горы, не умерла; она напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше укореняется въ умахъ чеченцевъ, чему можно было-бы привести массу доказательствъ. Отсюда видно, что говоря о современномъ чеченцѣ, слѣдуетъ твердо помнить, что кромѣ другихъ элементовъ, на образованіе его характера и воззрѣній сильно вліяетъ теперь и мусульманская религія.

ОБРАЗЦЫ

чеченскихъ народныхъ сказаній, сказокъ и пѣсенъ.

Въ книжкѣ „Сказки и легенды чеченцевъ", изъ которой взяты помѣщаемые „Образцы чеченскихъ народныхъ сказаній и сказокъ", какъ уже упомянуто выше, сказкамъ и легендамъ предпослано предисловіе. Въ предисловіи есть мѣсто, объясняющее собою, когда и какъ собирались мною сказки и сказанія и при какихъ условіяхъ они были обработаны для печати. Полагая, что познакомиться съ этимъ мѣстомъ не безполезно для читателя, въ видахъ болѣе правильнаго отношенія къ даваемымъ мною „образцамъ" устной поэзіи чеченцевъ, привожу его здѣсь.

„Легенды и сказки собирались и записывались мною безъ всякой системы, случайно, во время разъѣздовъ по чеченскимъ селеніямъ по разнымъ надобностямъ. Само собою разумѣется, что многое изъ слышаннаго мною осталось вовсе не записаннымъ— за недосугомъ, за неимѣніемъ подъ рукою письменныхъ принадлежностей, или и потому, что записываніе въ присутствіи разскащика и слушателей-чеченцевъ оказывалось дѣломъ неловкимъ и способнымъ возбудить недоумѣніе или прямо неудовольствіе. Такъ, помнится, что однажды, лѣтъ десять тому назадъ, въ одномъ изъ ауловъ Большой Чечни (Гельдыгенъ, кажется) какой-то молодой сказочникъ два или три вечера занималъ меня разсказами изъ животнаго эпоса

чеченцевъ; фигурировали преимущественно волкъ, лисица и, если память мнѣ не измѣняетъ, еще заяцъ. Разсказы были довольно остроумные и мы—слушатели отъ души смѣялись имъ. Къ сожалѣнію, они, какъ и многое другое, остались не записанными мною.

При чтеніи сказокъ читатель, разумѣется, замѣтитъ, что многія изъ нихъ не отличаются самобытностью и напоминаютъ собою то наши русскія, то восточныя, (арабскія, персидскія и турецкія) сказки. Иначе и быть не можетъ у народа, не обладающаго ни памятью, ни воображеніемъ и вообще стоящаго на довольно не высокой степени умственнаго развитія. Однако, сказки героическія и нѣкоторыя волшебныя, а также всѣ легенды должны быть признаны полнымъ достояніемъ самихъ чеченцевъ. Героическія и волшебныя сказки (не заимствованныя), по всей вѣроятности, суть памятники прежнихъ религіозныхъ вѣрованій, фигурирующіе теперь въ сознаніи народа, какъ суевѣріе. Легенды (сказанія) въ данномъ случаѣ—проблески народной фантазіи, пришедшіе на помощь пытливости народнаго ума, пораженнаго нѣкоторыми странными или необычайными явленіями окружающей природы. Такихъ легендъ, какъ записанныя мною въ Ичкеріи, много и всѣ онѣ столь же несложны и наивны, какъ и легенды объ образованіи озера Эзень-амъ или о построеніи Хорачоевской башни. Печатаемыя героическія сказки и легенды принадлежатъ Ичкеринцамъ и неизвѣстны въ плоскостной Чечнѣ, гдѣ ихъ замѣняютъ другія. Остальныя сказки не принадлежатъ ни одному обществу въ отдѣльности, а разсказываются въ разныхъ мѣстахъ Чечни, куда, надо полагать, онѣ были занесены извнѣ и гдѣ, окрашенныя въ мѣстный колоритъ, пріобрѣли право

гражданства. Интересъ этихъ сказокъ заключается именно въ ихъ окраскѣ, въ тѣхъ чертахъ быта чеченцевъ и въ тѣхъ оттѣнкахъ склада народнаго ума, которые естественно должны пробиваться сквозь фабулу разсказовъ. Интересъ этотъ могъ-бы заключаться также и въ языкѣ сказокъ, если бы... Но здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о языкѣ чеченцевъ вообще и тогда само собою выяснится, почему сохраненіе въ переводѣ формъ и оборотовъ чеченской рѣчи оказывалось крайне труднымъ, а часто и невозможнымъ.

Языкъ чеченца варварскій языкъ. Словъ въ немъ очень немного и группировка ихъ весьма разнообразна. Краткость его можетъ быть сравнена съ краткостью языка ребенка, вынужденнаго прибѣгать для поясненія своихъ немногихъ словъ къ слезамъ, крику, показыванію предметовъ ручонками и разнымъ мимическимъ тѣлодвиженіямъ. Чеченецъ ни къ слезамъ, ни къ крику не прибѣгаетъ, но въ замѣнъ того онъ уснащаетъ свою рѣчь массою междометій и поясняетъ ее выразительною мимикою лица. На языкѣ чеченцевъ крайне трудно выразить сколько нибудь сложное понятіе, или болѣе или менѣе тонкіе оттѣнки мыслей и чувствъ. Какъ всѣ младенческіе языки, чеченскій языкъ образенъ и мѣтокъ, но лишь въ предѣлахъ самыхъ элементарныхъ понятій; для выраженія-же понятій высшаго порядка, ему, помимо недостаточности въ немъ словъ, не достаетъ и эластичности языковъ образованныхъ народовъ. Поясню примѣромъ. Когда чеченецъ говоритъ о чемъ нибудь чрезвычайно простомъ, напр., какъ онъ угостился у своего пріятеля (кунака), какъ застрѣлилъ кабана и проч.,—вы смотрите на него и удивляетесь: передъ вами ораторъ, съ рѣчью и жестикуляціею, полными красоты и какого-то

величія. Но тотъ же чеченецъ, усиливаясь убѣдить васъ, что вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ и можете довѣриться ему, или что его оклеветали враги его, является совсѣмъ другимъ. Онъ говоритъ, говоритъ, говоритъ... и въ концѣ концовъ оказывается, что въ продолженіе часа по двадцати разъ повторялись однѣ и тѣ-же несложныя фразы, только отчасти намекавшія на чувства и мысли говорящаго. Понятно, что обладая такимъ плохимъ орудіемъ для передачи своихъ мыслей, чеченецъ и сказки разсказываетъ чрезвычайно нескладно. Различные эпизоды, имѣющіе нѣкоторое сходство между собою, онъ передаетъ одними и тѣми-же словами и оборотами, причемъ каждый эпизодъ разсказываетъ кратко, не заботясь и о связи разсказываемаго съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Оттого, если слушать разскащика не совсѣмъ внимательно, то часто кажется, будто онъ бросилъ одинъ разсказъ и перескочилъ къ другому, новому. Въ такомъ нескладномъ видѣ сказки и легенды чеченцевъ вовсе не могли-бы появиться въ печати, такъ какъ безобразная форма лишила бы ихъ всякаго интереса. Вотъ почему я вынужденъ былъ пересказывать ихъ въ формѣ, болѣе сообразной съ требованіями русскаго языка и логическаго мышленія. Однако, поступая такъ, я, по мѣрѣ силъ, старался въ существенномъ не отступать отъ подлинныхъ разсказовъ. Фабулы сказокъ и легендъ (сказаній) сохранены мною во всей неприкосновенности, характертерныя выраженія разскащиковъ, по возможности, переведены точно; только въ сказкахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпущены эпизоды, или, очевидно, ненужные или циничные.“

I.

Сказанія о великанахъ и великаншахъ и о богатыряхъ.

1.

Давно, очень давно, когда не было на свѣтѣ не только насъ, но и отцовъ и дѣдовъ нашихъ, на одной горѣ жилъ человѣкъ, по имени Говда. Сила у Говды была такая, что никто изъ сосѣдей не смѣлъ не только обидѣть его, но даже посмѣяться надъ нимъ. Только зазнался онъ очень и сталъ хвастаться, что и на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка сильнѣе его. Разъ сказалъ онъ это женѣ своей, другой разъ сказалъ, а та не утерпи и скажи ему: „Напрасно, говоритъ, мужъ мой, ты хвалишься такъ своей силой: слыхала я, что на свѣтѣ есть богатыри, куда сильнѣе тебя!“ Разсердился Говда на жену за такое слово и крикнулъ ей: „Женщина! собери мужа въ дорогу: вотъ я изъѣзжу весь свѣтъ и посмотрю, кто поспоритъ со мною силою!“ Жена собрала мужа въ дорогу: осѣдлала ему коня, подала оружіе, плеть,— Говда сѣлъ на коня и поѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, сколько времени, того и самъ сказать не могъ, и доѣхалъ до одного большого города. На краю города видитъ дворъ, а во дворѣ у столба съ кольцами стоятъ семь осѣдланныхъ лошадей. Говда поставилъ около этихъ лошадей и свою лошадь, а потомъ на-

правился въ кунацкую. Но не сдѣлалъ онъ и десятка шаговъ, какъ дверь кунацкой отворилась и изъ нея вышло семь страшныхъ великановъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Говдѣ, поднялъ его на руки и, какъ щепку, перебросилъ къ другому богатырю, этотъ перебросилъ его къ третьему, третій къ четвертому и такъ они его перебрасывали, пока онъ не попалъ въ руки послѣдняго богатыря, младшаго изъ семи братьевъ. Младшій великанъ осмотрѣлъ его и потомъ крикнулъ остальнымъ: „Теперь намъ нечего хлопотать о закускѣ: вотъ она сама явилась къ намъ! Раскладывайте поскорѣе огонь и приготовимъ себѣ завтракъ!“ Надо вамъ сказать, что великаны были язычники и людоѣды.

На счастье Говда, когда братья переговаривались между собою, его увидѣла мать ихъ и сжалилась надъ нимъ: она выбѣжала изъ сакли, вырвала его изъ рукъ сыновей и отпустила со словами: „скачи отсюда, что есть духу!“. Говда вскочилъ на своего коня и полетѣлъ, какъ вѣтеръ. Летѣлъ онъ такъ—и заслышалъ позади себя конскій топотъ; оглянулся—а это великаны скачутъ за нимъ въ погоню: должно быть, не захотѣлось имъ остаться безъ закуски. Богатырь нашъ страшно испугался и сталъ сильно погонять своего коня, но великаны ѣхали шибче его и они навѣрное нагнали бы молодца, если бы онъ не наѣхалъ вдругъ въ лѣсу на одного слѣпого великана, который вырывалъ изъ земли огромные чинары и строилъ себѣ изъ нихъ шалашъ. Говда подскакалъ къ великану и сталъ просить его: „О могучій богатырь! Защити меня отъ злыхъ людоѣдовъ, которые скачутъ за мною въ погоню!“ Слѣпой богатырь сжалился надъ нашимъ молодцомъ, взялъ да и сунулъ

себѣ его за пазуху, да не одного, а съ конемъ и оружіемъ. Тѣмъ временемъ къ слѣпому великану подскакали людоѣды и спрашиваютъ его: не проѣхалъли тутъ всадникъ?—Кажется, проѣхалъ, сказалъ слѣпецъ и указалъ людоѣдамъ въ одну сторону. Великаны-людоѣды бросились по указанію слѣпого и вскорѣ скрылись изъ виду.

Послѣ того слѣпецъ вынулъ нашего богатыря изъ за пазухи, поставилъ его себѣ на ладонь и спрашиваетъ его: „кто ты и откуда?“ Говда разсказалъ все: изъ какого онъ аула и какъ и почему попалъ въ эту сторону. Великанъ дослушалъ его до конца, разсмѣялся, а потомъ и говоритъ: „Насъ было семь братьевъ и мы тоже думали, что такихъ силачей, какъ мы, нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Вотъ и пустились мы, какъ ты-же, путешествовать, искать, кто бы могъ осилить насъ. Пріѣхали мы въ одинъ городъ и встрѣтили тамъ такихъ великановъ, противъ которыхъ мы сами казались мальчиками. Великаны переловили насъ и хотѣли убить, но пока они рѣшали это дѣло, мы вскочили на своихъ коней и ускакали. Великаны поскакали за нами въ погоню и навѣрное изловили бы насъ, если-бы мы, къ счастью нашему, не замѣтили впереди себя, въ степи, огромнаго человѣческаго черепа. Въ этомъ черепѣ мы и спрятались съ нашими конями и оружіемъ. Доскакали до черепа великаны и начали разыскивать насъ; искали, искали и не нашли, такъ мы хорошо спрятались. Великаны махнули рукой и уѣхали, а мы все еще боялись выглянуть на свѣтъ Божій и просидѣли въ головѣ до полудня. Въ полдень къ мѣсту, гдѣ лежалъ черепъ, какой-то пастухъ пригналъ свое стадо. Посидѣлъ онъ около черепа, прикрываясь имъ отъ солнца, а когда

жара спала, онъ всталъ, осмотрѣлъ черепъ со всѣхъ сторонъ и со словами: „какая хорошая кость, возьмука ее и повѣшу передъ своимъ шалашемъ“, поднялъ его и понесъ одною рукой, какъ небольшой камушекъ. До самаго вечера пастухъ таскалъ черепъ, а потомъ—надоѣлъ онъ ему, что-ли!—только онъ взялъ да и швырнулъ его отъ себя. Черепъ попалъ на камень и разбился на мелкіе осколки, при этомъ шестеро моихъ братьевъ убились до смерти, а я хотя и живъ остался, но за то не знаю съ тѣхъ поръ, когда день, когда ночь.“

Послѣ этихъ словъ слѣпой богатырь спустилъ нашего богатыря съ ладони и отпустилъ его домой. Говда, поблагодаривъ слѣпого великана, поскакалъ домой шибче, чѣмъ олень бѣжитъ отъ волковъ, и радъ былъ, что живъ остался, а силою своею ужъ больше не хвастался.

2.

Колдуньи-великанши.

Поколѣній семь тому назадъ жили три брата — охотники. Отправились они однажды въ лѣсъ поохотиться на звѣрей. Проходили они по лѣсу цѣлый день и, ужъ должно быть, ихъ счастье такое было, ничего не нашли. Наконецъ, къ вечеру Богъ сжалился надъ ними и послалъ имъ козу. Старшій братъ прицѣлился и выстрѣлилъ—коза только подпрыгнула на мѣстѣ и тутъ же упала, раненая прямо въ сердце. Подняли братья свою добычу и весело пошли себѣ домой. Шли, шли они, ужъ и солнце закатилось и луна появилась на небѣ, а дороги все нѣтъ, какъ нѣтъ, только

лѣсъ становится все гуще. Догадались братья, что надъ ними *альмазъ* *) издѣвается, и думаютъ, что намъ теперь дѣлать? Въ это время одинъ изъ нихъ замѣтилъ вдали пещерку, братья обрадовались и направились къ пещерѣ въ надеждѣ покойно переночевать въ ней. Только подходятъ они къ пещерѣ, а на встрѣчу имъ выходятъ три страшныя одноглазыя женщины-великанши. Братья съ испуга остановились, не зная, что имъ дѣлать, но великанши подошли къ нимъ и сказали такъ: „вы не бойтесь насъ; пещера эта—наше жилище. Будьте нашими гостями". Охотники успокоились и вслѣдъ за женщинами вошли въ ихъ пещеру, а когда вошли, то старшій изъ нихъ взялъ убитую имъ козу и предложилъ ее женщинамъ со словами: „Вотъ Богъ послалъ намъ добычу, возьмите ее и приготовьте на ужинъ. — Ой! воскликнула старшая женщина — мать остальныхъ двухъ—на что намъ вашего козла? Развѣ мы не найдемъ, чѣмъ поужинать?" Сказавъ это, она обратилась къ своимъ дочерямъ и велѣла имъ принести изъ лѣсу какого нибудь звѣря. Дочери вышли изъ пещеры и черезъ нѣкоторое время вернулись, таща за собою живую серну. Серну зарѣзали и начали готовить ужинъ, а когда онъ былъ приготовленъ, то сестры пригласили своихъ гостей утолить голодъ, сказавъ имъ, чтобы костей серны они не разбрасывали, а складывали ихъ въ одну кучу. Братья подумали: тутъ что нибудь неладно, и когда они ужинали, то одинъ изъ нихъ незамѣтно для женщинъ спряталъ въ пазуху одну лопатку серны. Послѣ ужина женщины стали собирать

*) Альмазъ—чеченскій лѣшій женскаго пола. Альмазъ — женщина огромнаго роста, страшнаго вида, съ очень большими грудями и съ длинною рыжею косою.

кости и видятъ: одной лопатки не достаетъ. Не сказавъ братьямъ ни слова, они взяли кусокъ дерева, сдѣлали изъ него другую лопатку, кости серны и съ ними деревянную лопатку вложили въ шкуру ея и крикнули: „Серна! вернись въ лѣсъ!“ Серна ожила и, выскочивъ изъ пещеры, скрылась въ лѣсу.

Послѣ того женщины-колдуньи вызвали своихъ гостей на площадку передъ пещерой и принялись плясать при лунѣ и такъ плясали, что братья дрожали, какъ въ лихорадкѣ: страшно было имъ смотрѣть, какъ одноглазыя кружились съ поднятыми вверхъ руками, и съ закинутыми на спину грудями, хохотали и хлопали. Наплясались колдуньи и тутъ же упали и заснули, братья же спать не могли и просидѣли безъ сна вплоть до утра.

Утромъ они поблагодарили страшныхъ женщинъ за ночлегъ и отправились опять на охоту. Когда они уже выходили изъ лѣсу, наскакиваетъ на нихъ вдругъ серна. Средній братъ прицѣлился изъ своего ружья, раздалось—тау! и серна упала, убитая на повалъ. Теперь братья уже не мѣшкали: поднявъ свою добычу, они отправились съ ней домой, а пришедши, приказали своимъ женщинамъ приготовить ее на ужинъ. Между тѣмъ въ аулѣ узнали о прибытіи охотниковъ и начали собираться въ ихъ домъ—освѣдомиться: какъ шла охота и обо всемъ другомъ. Одинъ по одному сошлись родственники и всѣ хорошіе знакомые братьевъ и, по обычаю, стали съ ними ужинать. Ужинаютъ, вдругъ одинъ изъ гостей вытаскиваетъ изъ мяса серны деревянную лопатку и показываетъ ее собравшимся. Тутъ только братья догадались, какая серна попалась имъ сегодня подъ выстрѣлъ, и разсказали объ этомъ своимъ гостямъ; потомъ они показали имъ ту

лопатку серны, которая была спрятана однимъ изъ нихъ наканунѣ вечеромъ, за ужиномъ у проклятыхъ колдуній. Гости поняли, у кого въ гостяхъ были ихъ хозяева, и радостно поздравили ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ домой.

3.

Хорачоевское сказаніе *).

Нѣкогда въ Хорачоевскомъ ущельи жило гордое племя, состоявшее изъ семи братьевъ и матери ихъ.

*) Аулъ Хорачой расположенъ на днѣ глубокаго ущелья того же названія, въ которомъ пролегаетъ дорога, соединяющая укр. Ведень (Ичкерія) съ укр. Ботлихъ (Средній Дагестанъ). Отъ Ведень — нѣкогда резиденціи Шамиля—Хорачой отстоитъ верстахъ въ десяти. Мѣстоположеніе его очень живописно. Аульныя строенія расположены у подошвы высокой горы, извѣстной у русскихъ подъ названіемъ „Покосной“, по склону которой, обращенному къ аулу, по гладкой скалистой поверхности, съ шумомъ спадаютъ свѣтло-зеленыя струи ключевой воды, вытекающей у вершины горы. Впереди аула рѣчка Ахкъ, а за нею высятся голыя скалы, напоминающія собою каменистый и угрюмый Дагестанъ. Подобно гигантскому сказочному змѣю, безконечною широкою лентой извивается по этимъ горамъ казенная дорога, вырубленная въ скалистомъ грунтѣ, „Царская дорога“, какъ называютъ ее веденцы послѣ проѣзда по ней, въ 1871 году, Государя Александра Николаевича. Между двумя грядами горъ, образующихъ Хорачоевское ущелье, внизу, къ югу отъ аула, тянется высокая и узкая коса, на оконечности которой, верстахъ въ трехъ отъ аула, какъ на остріѣ меча, возвышается каменная башня, давно уже принявшая наклонное положеніе, полуразрушенная, но еще не развалившаяся. Башня формы четырехъ-гранной пирамиды, съ усѣченной верхушкой и сложена изъ дикаго камня. Что кладка башни была прочная, доказывается ея существованіемъ и въ настоящее время. Кѣмъ она построена—предками-ли нынѣшнихъ Ичкеринцевъ, или пришельцами изъ Дагестана, или другими невѣдомыми намъ обитателями страны?—на этотъ вопросъ ни сама башня, ни народныя сказанія не даютъ достовѣрнаго отвѣта; но я склоненъ думать, что строителями башни были Дагестанцы, такъ какъ по формѣ своей и по кладкѣ камня она ничѣмъ не отличается отъ подобнаго рода сооруженій въ Дагестанѣ. Между веденцами ходитъ мнѣніе, будто на потолкѣ башни высѣченъ или выложенъ каменный крестъ. Я этого не замѣтилъ, хотя и очень внимательно разсматривалъ потолокъ. Эта-то башня и послужила предметомъ приводимой здѣсь легенды.

Племя это называлось ***Эрбый*** *), а мать семи братьевъ носила имя Эрте-Эмиль. Если не было на свѣтѣ людей сильнѣе Эрбый, то и не было женщины красивѣе и пышнѣе Эрте-Эмиль. Изъ гордости братья построили себѣ высокую башню, а потомъ достали живой воды и хотѣли напиться ея, чтобы прожить до дня воскресенія (мертвыхъ). Найденную воду они спрятали въ башнѣ, а сами пошли сзывать къ себѣ своихъ друзей-пріятелей, желая и ихъ напоить живой водой. Когда они ушли, мать ихъ Эрте - Эмиль надумалась вымыть что-то изъ своей одежды; стала она искать воды и напала на живую воду, спрятанную ея сыновьями. Не зная свойства этой воды, она взяла ее, сначала отпила немного, а остальное употребила на мытье одежды. Окончивъ свое дѣло, Эрте-Эмиль вылила помои во дворъ, гдѣ ими утолили жажду пѣтухъ и барашекъ. Приходятъ домой братья Эрбый, начинаютъ разыскивать воду и не находятъ. Страшно разсердившись, они спрашиваютъ мать: „куда дѣвалась принесенная нами живая вода?“ — Живая? восклицаетъ мать;—про какую живую воду вы говорите? Была тутъ вода — я взяла да вымыла ею, что мнѣ было нужно изъ одежды. — Услышавъ это, братья сказали другъ другу: „Послѣ того, что сдѣлала съ нами мать наша, намъ нельзя дольше жить съ нею вмѣстѣ“,—и немедля ушли изъ родительскаго дома.

Шли они очень долго и въ одномъ мѣстѣ повстрѣчались со страшнымъ змѣемъ, пожиравшимъ и скотъ и людей.

Братья не испугались змѣя и начали войну съ нимъ. Воевали они съ нимъ долго, пока не обратили

---

*) *Эрбый*—тоже, что у осетинъ ***Нарты***.

его, наконецъ, въ бѣгство, но и тогда они не оставили врага: онъ бѣжитъ и они бѣгутъ за нимъ (гдѣ онъ бѣжалъ, земля опускалась подъ тяжестью его тѣла и такимъ образомъ по его слѣду образовалась глубокая балка, та самая, по которой нынѣ течетъ рѣка Сунжа), — и такъ бѣжали до тѣхъ поръ, пока не нагнали его, а нагнавши, не убили. Послѣ того братья пошли себѣ дальше, но куда они зашли и гдѣ поселились, — ни одинъ человѣкъ этого не знаетъ. Мать ихъ Эрте-Эмиль и пѣтухъ съ барашкомъ, напившіеся живой воды, живутъ — говорятъ люди — и теперь и будутъ жить до дня воскресенія. Еще говорятъ, что Эрте-Эмиль все ходитъ по свѣту, все ходитъ, разыскивая своихъ сыновей, и пѣтухъ съ барашкомъ вездѣ сопровождаютъ ее.

4.

Ялхой-мохкское сказаніе *).

Въ прежнія времена аулъ Ялхой-мохкъ противъ нынѣшняго былъ гораздо больше. Въ немъ жили семь братьевъ-богатырей, отличавшихся большой силой и молодечествомъ. Всѣ ихъ сильно боялись, такъ какъ они мужчинъ убивали, а женщинъ подвергали всякимъ насиліямъ. Была у братьевъ единственная сестра такой красоты, что, пожалуй, краcивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Однажды она вышла на родникъ и начала мыть въ немъ вату: вату она положила на серебря-

*) Ялхой-мохкъ — небольшой Ичкеринскій аулъ, на кладбищѣ котораго дѣйствительно свалена груда камней, по формѣ своей напоминающая обыкновенную насыпь, только въ большихъ размѣрахъ, дѣлаемую туземцами надъ могилами своихъ покойниковъ.

ную доску и, поливая ее водою изъ родника, била потомъ золотыми палками. Въ то время когда она это дѣлала, подошли къ роднику пастухи съ горъ и замѣтили, что у нее сквозь разорванное платье что-то бѣлѣется, какъ молоко или какъ только что выпавшій снѣгъ. Пастухи остановились и спросили сестру богатырей: „дѣвушка, что это у тебя бѣлѣется: лоскутокъ платья или тѣло твое?“ Она сказала: „тѣло“. —„Ой-ой! какое бѣлое тѣло!“ удивились пастухи и ушли себѣ. Сестра богатырей окончила свое дѣло и пошла домой, а вскорѣ послѣ того умерла отъ дурного глаза пастуховъ. Братья выкопали могилу и похоронили сестру. Потомъ младшій изъ нихъ пошелъ на рѣчку Гумсъ и отыскалъ каменный столбъ для памятника на могилѣ сестры. Столбъ былъ такой тяжелый, что восемь паръ быковъ не могли бы тронуть его съ мѣста, но младшій братъ взвалилъ его себѣ на плечи да одинъ и принесъ на кладбище; потомъ онъ одинъ же и сразу воткнулъ столбъ въ землю около могилы сестры. Стоитъ этотъ памятникъ и теперь, и на немъ ясно видны слѣды пальцевъ богатыря *).

Покончивъ съ похоронами сестры, братья сказали другъ другу: „теперь намъ нечего дѣлать здѣсь, пойдемте путешествовать по свѣту.“ И пошли они путешествовать по свѣту. Шли очень долго и почувствовали сильный голодъ. Тогда они завернули въ аулъ и зашли въ саклю одной бѣдной вдовы. Вдова приняла ихъ, какъ гостей, попросила сѣсть отдохнуть и начала готовить для нихъ закуску. Сначала она

*) Многіе Ичкеринцы увѣряли меня, что они сами видѣли памятникъ и что на немъ ясно сохранились слѣды цальцевъ гигантской руки. Конечно, въ ноздреватой поверхности каменныхъ глыбъ, долго подвергавшихся дѣйствію атмосферы, при извѣстной игрѣ воображенія можно отыскать все, что угодно.

разложила огонь и повѣсила надъ нимъ котелъ, да такой большой, что въ немъ навѣрное можно бы было сварить цѣлаго быка или лошадь, а потомъ взяла и бросила въ котелъ такой маленькій кусочекъ мяса, что видѣть нечего было. Замѣтивъ это, братья говорятъ одинъ другому: „что намъ въ этомъ кусочкѣ мяса?—Она хочетъ насъ оставить голодными“. Между тѣмъ мясо сварилось и вдова проситъ кого нибудь изъ братьевъ снять котелъ съ огня. Пошелъ старшій братъ: бился, бился онъ, но снять котѣлъ не могъ; пришелъ къ нему на помощь второй братъ, потомъ третій, потомъ четвертый, но и вчетверыхъ они ничего не могли сдѣлать. Тогда вдова пошла сама и одной рукой сняла котелъ съ огня. Начала она выкладывать изъ котла мясо и выложила его столько, какъ будто въ него былъ положенъ цѣлый быкъ. Затѣмъ она бросила въ котелъ голушки, приготовленныя изъ горсточки муки, и опять повѣсила его надъ огнемъ. Когда же и голушки сварились, вдова выложила ихъ вмѣстѣ съ мясомъ на нѣсколько огромныхъ блюдъ и предложила гостямъ закусить. Гости наѣлись до сыта, а мяса и голушекъ осталось еще столько, что хватило бы на сто человѣкъ. Утоливши голодъ, братья спрашиваютъ свою хозяйку: „какъ это ты сдѣлала, что изъ положенныхъ въ котелъ маленькаго куска мяса и горсточки муки у тебя наварилось такъ много мяса и голушекъ?“ Вдова не знала, что гости ея богатыри, и на вопросъ ихъ отвѣтила такъ: „Дай Богъ погибнуть всѣмъ нынѣшнимъ богатырямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти люди появились на свѣтъ, все въ мірѣ стало оскудѣвать; теперь ужъ нѣтъ и не будетъ ни той пшеницы, ни того мяса, которыя были прежде, и то, чѣмъ я васъ накормила,

это послѣдніе остатки прежнихъ произведеній.“ И еще разъ сказала: „пусть будетъ проклято народившееся племя богатырей“.

Печально выслушали братья проклятье старухи и, простившись съ нею, отправились обратно въ свой аулъ Ялхой-мохкъ, а когда пришли, то почувствовали, что имъ стало тяжело жить на свѣтѣ. Подумали они и рѣшились умереть. Отправившись на ялхой-мохкское кладбище, братья вырыли себѣ тамъ одну общую могилу и натаскали къ ней съ Гумса много камней. Потомъ, возвратившись въ аулъ, они собрали все аульное населеніе и объявили ему о своемъ рѣшеніи умереть, завѣщавъ, чтобы послѣ смерти ихъ всѣхъ положили въ одну общую могилу и надъ могилою сдѣлали курганъ изъ заготовленныхъ ими камней. Послѣ этихъ распоряженій братья расплавили въ огромномъ котлѣ красную мѣдь и начали пить ее изъ огромныхъ чашекъ; младшій братъ наполнялъ чашки и угощалъ шестерыхъ старшихъ, а когда шестеро старшихъ, напившись мѣди, попадали на полъ сакли, онъ поднялъ котелъ и самъ выпилъ все, что въ немъ оставалось. Но не сразу умерли братья; они еще долго мучились, восклицая одинъ за другимъ: „Ой, все кипитъ у меня внутри, ой, все кипитъ!..“ И сказали они собравшемуся народу: „Пусть дно котла будетъ вѣчно напоминать вамъ, какъ кипитъ у насъ внутри“. Послѣ смерти братьевъ народъ исполнилъ ихъ завѣщаніе: положилъ ихъ всѣхъ въ одну общую могилу и воздвигъ на ней курганъ изъ заготовленныхъ раньше камней.

Такъ умерли ялхой-мохкскіе богатыри, предки нынѣшнихъ ялхой-мохкцевъ, и дно котла донынѣ напоминаетъ всѣмъ объ ихъ страданіяхъ передъ смер-

тью. Налейте въ котелъ воды и поставьте его на огонь; когда огонь разгорится, въ котлѣ начнется шумъ: этотъ шумъ и напоминаетъ намъ о томъ, какою смертью умерли наши (ялхой-мохкцевъ) предки.

5.

Сказаніе объ образованіи озера Эзень-амъ *).

(Записано въ Ичкеріи.)

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро Эзень-амъ, нѣкогда былъ аулъ Эзеной, въ которомъ жили люди,

---

*) Озеро Эзень-Амъ пріютилось въ разсѣлинѣ Кавказскихъ горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Андійскаго хребта. Оно лежитъ въ 4—5 верстахъ къ югу отъ извѣстнаго Керкетскаго перевала, раздѣляющаго Ичкерію съ Дагестаномъ. Дорога изъ укр. Ведень въ укр. Ботлихъ пролегаетъ по восточному берегу озера, у самаго края отвѣснаго обрыва, упирающагося въ воду подъ прямымъ угломъ. Озеро лежитъ подъ 42°—47¹ сѣв. широты и 63°—49¹ восточ. долготы: высота его 6180 фут. надъ уровнемъ моря. Оно состоитъ какъ бы изъ двухъ продольныхъ озеръ, соединяющихся между собою почти подъ прямымъ угломъ. Первое озеро, сѣверное, имѣетъ въ длину около 400 и въ ширину около 150 саж.; второе, направляющееся отъ южной стороны перваго къ западу, имѣетъ въ длину 1—1½ версты и въ ширину 150—200 саж. Поразителенъ видъ этого озера съ сѣвера, съ Керкетскаго перевала. Представьте себѣ безконечныя гряды голыхъ и угрюмыхъ горъ съ тощею растительностью въ видѣ, чуть поднимающейся отъ земли травы и грудами темно-сѣрыхъ камней, то одиноко торчащихъ, какъ стѣны гигантскихъ крѣпостей и дворцовъ, то какъ будто намѣренно собранныхъ и сваленныхъ въ громадныя массы. Нигдѣ ни одного деревца, никакого признака жизни... Вы чувствуете себя совершенно подавленнымъ этою дикою и мертвою величавостью окружающей природы, — и вдругъ взору вашему открывается блестящая площадь воды, отливающей зеленью изумруда. Въ этой внезапности появленія воды, среди скалъ и на такой высотѣ, есть что-то причудливо-странное, сказочно-фантастическое. Но вотъ вы медленно спустились къ озеру по винтообразной дорогѣ, извивающейся по склону хребта; здѣсь уже другой видъ, столько-же своеобразный и поразительный, но производящій другое, какое-то отрадное впечатлѣніе. Прямо передъ вами справа, какъ колонны гигантскаго храма, поднимаются высокія сѣрыя скалы

не почитавшіе Бога. Они не знали никакой религіи, много грѣшили и главное — забыли обычай гостепріимства. Случилось, что въ аулъ этотъ спустился съ неба ангелъ Божій и подъ видомъ нищаго началъ

и между ними разстилается блестящее изумрудное зеркало, обрамленное зеленью кустарниковъ и камыша. Господствующій здѣсь полумракъ и вдали узкій проходъ между отвѣсныхъ скалъ, изъ котораго въ вечерній часъ брызжутъ на воду пурпурные лучи заходящаго солнца, дѣлаютъ этотъ уголокъ полнымъ величавой таинственности. Другая часть озера— западная — открывается только послѣ въѣзда въ проходъ и далеко не имѣетъ вида первой части. Окружающія ее горы ниже и отложе. Въ концѣ этой части мѣстность оживляется видомъ аула Хой, населеннаго чеченцами.

Какъ извѣстно, при Шамилѣ на Эзень-амѣ находилось селеніе, жители котораго состояли изъ отѣлыхъ русскихъ солдатъ. Шамиль, по разсказамъ туземцевъ, очень благоволилъ къ жителямъ колоніи, ограждалъ ихъ отъ своеволія и насилій со стороны окрестнаго населенія, но взамѣнъ того пользовался ихъ услугами въ качествѣ кузнецовъ, оружейниковъ, слесарей, плотниковъ, вообще ремесленниковъ. Этимъ колонистамъ, судя по воспоминаніямъ тѣхъ же туземцевъ, на Эзень-амѣ жилось не дурно; были у нихъ тамъ огороды для овощей, была лодка для ловли рыбы въ озерѣ; муку для хлѣба имъ поставляли туземцы и они выпекали для себя хлѣбъ такой, что окрестные жители смотрѣли на него, какъ на лакомство.

Не могу удержаться, чтобы не передать здѣсь слышаннаго мною на озерѣ разсказа о ловкости, съ какою Шамиль умѣлъ хоронить концы въ воду. Шамилю понадобилось зарыть въ землю какія-то драгоцѣнности. Онъ пришелъ ночью въ колонію на Эзень-амѣ, взялъ оттуда двухъ солдатъ и отправился съ ними въ горы. Выбравъ мѣсто, Шамиль заставилъ своихъ спутниковъ выкопать двѣ ямы. Когда ямы были готовы, онъ положилъ въ одну изъ нихъ свои драгоцѣнности и заставилъ солдатъ завалить яму и сравнять ее съ землею. Послѣ того онъ развелъ своихъ спутниковъ въ разныя стороны и, поставивъ одного изъ нихъ лицомъ въ одну сторону, а другого въ другую, противуположную, крикнулъ громкимъ голосомъ, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ оборачиваться, пока онъ не скажетъ. Подскочивъ затѣмъ къ одному солдату, Шамиль ловкимъ ударомъ кинжала отрубилъ ему голову; расправиться такимъ-же образомъ съ другимъ солдатомъ—было дѣломъ одной минуты. Покончивъ со своими жертвами, Шамиль стащилъ ихъ въ другую, ими же приготовленную яму и самъ закопалъ ихъ. Этимъ способомъ хитрый Имамъ навсегда избавился отъ лицъ, которыя бы могли, если не откопать драгоцѣнности, то хоть разгласить о ночной сценѣ, свидѣтелями которой они были, и тѣмъ породить охоту въ другихъ разыскать схороненную казну.

обходить дома, прося пищи и ночлега. Долго онъ ходилъ по аулу, обошелъ дома и почетныхъ и простыхъ людей, и богатыхъ и бѣдныхъ, но никто его къ себѣ въ домъ не принялъ и пищи ему не предложилъ; напротивъ того, нашлись люди, которые ругали его и травили собаками. Въ самомъ концѣ селенія жила одна бѣдная вдова, существовавшая кой-какъ своими трудами. Нищій, обошедши весь аулъ, подошелъ и къ ея дому и попросился ночевать къ ней. Вдова съ радостію приняла его, угостила, чѣмъ могла, и приготовила ему собственную постель для отдыха. Когда нищій поѣлъ и отдохнулъ, онъ обратился къ вдовѣ съ такимъ словомъ: „Я не нищій, я ангелъ Божій, пришедшій испытать Эзенойцевъ. Теперь вотъ Богъ видитъ, что Эзенойцы злой народъ, и за это они потерпятъ страшное наказаніе: земля раскроется и поглотитъ этотъ аулъ со всѣмъ, что есть въ немъ; послѣ же того, на память всѣмъ людямъ, здѣсь образуется глубокое озеро, которое будетъ существовать вѣчно“. Сказалъ это нищій и добавилъ: „собери ты все свое семейство и уходи на сосѣднюю гору, не открывая никому, что узнала отъ меня“. Вдова исполнила приказаніе нищаго: собрала все свое семейство и ушла съ нимъ на сосѣднюю высокую гору. И только что она успѣла подняться на гору, земля раскрылась и поглотила аулъ Эзеной со всѣми жителями, а послѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ аулъ, образовалось озеро Эзень-амъ на память людямъ. Разсказываютъ старики, что прежде ежегодно выходилъ изъ озера на берегъ быкъ съ золотыми рогами и потомъ опять уходилъ въ озеро. Можетъ быть, быкъ выходитъ и теперь, но его никто не видитъ.

II.

Сказки.

1.

Сказка о трехъ братьяхъ.

(Записана въ Ичкеріи).

Въ прежнія времена въ одномъ аулѣ жилъ одинъ человѣкъ, имѣвшій трехъ сыновей. Почувствовавъ приближеніе смерти, человѣкъ этотъ призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказалъ имъ: „скоро я умру, дѣти мои любезные! Послѣ моей смерти обязываю васъ поставить на моей могилѣ памятникъ и каждую ночь по очереди ходить караулить его". Человѣкъ умеръ и сыновья, исполняя его распоряженіе, поставили ему на могилѣ памятникъ и потомъ условились между собою, что въ первую ночь караулить его пойдетъ старшій братъ, во вторую—средній, а въ третью—младшій. Наступила первая ночь и старшій братъ, захвативъ съ собою оружіе, отправился на кладбище. Пришелъ, сѣлъ около памятника и сидитъ; просидѣлъ онъ такъ до полночи. Въ полночь вдругъ прилетаетъ на кладбище *страшная тьма* *). Старшій братъ испугался и бросился бѣжать безъ оглядки, а на утро пришелъ домой и объявилъ братьямъ, что продежурилъ всю ночь и ничего особеннаго не замѣтилъ.

*) Тьма—темная, нечистая сила.

На другую ночь пошелъ на кладбище второй братъ. До полночи онъ просидѣлъ у памятника спокойно; но въ полночь—откуда ни-возмись—прилетѣли къ памятнику двѣ ***страшныя тьмы***. Испугавшись ихъ, молодецъ бросился съ кладбища, какъ испуганный конь, а на утро, вернувшись домой, объявилъ, что просидѣлъ около памятника всю ночь и въ теченіи ночи ничего особеннаго не случилось.

На третью ночь пошелъ караулить памятникъ младшій братъ. Сидѣлъ онъ около памятника до полночи; въ полночь видитъ: вдругъ прилетѣли три ***страшныя тьмы*** въ видѣ коней—коня вороного, коня сѣраго и коня гнѣдого. Молодецъ подкрался къ нимъ и разомъ поймалъ всѣхъ трехъ. И стали кони просить его: „Слушай! отпусти ты насъ, мы тебѣ пригодимся; пожалуй, вырви у каждаго изъ насъ по три волоса и спрячь ихъ; если попадешься когда въ бѣду или случится у тебя надобность какая, то брось только въ огонь три волоса и тотъ изъ насъ, у котораго они вырваны, явится къ тебѣ немедленно". Младшій братъ согласился на просьбу коней: вырвалъ у нихъ у каждаго по три волоса и самихъ ихъ отпустилъ, а потомъ пошелъ себѣ домой.

Въ то время въ одномъ городѣ жилъ богатый князь, у котораго были три дочери, всѣ чудесной красоты. Однажды князь велѣлъ своимъ холопамъ вырыть глубокій ровъ и спустить въ него трехъ большихъ барановъ. Когда-же это было готово, онъ объявилъ по всѣмъ ауламъ и хуторамъ, чтобы всѣ, находящіеся подъ его властью, явились къ нему на коняхъ и съ оружіемъ. „Кто же осмѣлится не явиться—объявилъ онъ еще,—тому я отрублю голову". А сзывалъ онъ народъ, чтобы устроить скачку и каждому

изъ наѣздниковъ, который на всемъ скаку вытащитъ изо рва барана, отдать въ замужество одну изъ своихъ дочерей. Слухъ объ этомъ прошелъ по всѣмъ сосѣднимъ землямъ; дошелъ и до нашихъ трехъ братьевъ. Вотъ старшіе два брата стали собираться въ дорогу, намѣреваясь участвовать въ скачкѣ. Младшій, замѣтивъ это, говоритъ имъ: „Возьмите и меня съ собою.“—Куда тебѣ, дураку этакому, ѣхать съ нами! крикнули на него братья:—знай, сиди себѣ дома, около камина, а скучно будетъ, такъ рубаху свою обчищай *),—сами же сѣли на коней и уѣхали. Только что старшіе братья скрылись изъ виду, младшій бросилъ въ огонь три волоса—и въ ту-же минуту явился предъ нимъ вороной конь, осѣдланный, съ оружіемъ и платьемъ для всадника. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня и въ мигъ прискакалъ ко рву, удививъ весь собравшійся народъ своимъ конемъ, оружіемъ и одеждой.

Между тѣмъ, по приказанію князя, наѣздники начали по очереди перескакивать черезъ ровъ, чтобы вытащить барана. Много было отличныхъ наѣздниковъ и хорошихъ коней, однако, сколько они ни бились, а вытащить барана никто не могъ. Послѣ всѣхъ подскакалъ ко рву младшій братъ и въ мигъ и ровъ перескочилъ и барана вытащилъ. Народъ похвалилъ удальца за молодечество, а князь женилъ его на своей старшей дочери и отпустилъ домой. Младшій братъ взялъ свою жену, сѣлъ на коня и ускакалъ домой, а прискакавши — жену, оружіе, платье—все спряталъ, коня отпустилъ, затѣмъ одѣлся въ свою

*) Намекъ на обычное занятіе многихъ чеченцевъ въ часы досуга, при которомъ съ чрезвычайною ловкостью истребляется масса насѣкомыхъ.

старенькую одеженку и сѣлъ въ углу сакли, какъ-бы ничего съ нимъ и не бывало. Когда пріѣхали домой старшіе братья, онъ спрашиваетъ ихъ: „кому досталась старшая дочь князя?“—А тебѣ, дураку, какое дѣло—кому она досталась?—крикнулъ на него старшій братъ—и больше съ нимъ и говорить не сталъ.

На другой день старшіе братья опять собрались ѣхать на состязаніе къ князю. Младшій братъ еще сильнѣе проситъ ихъ взять его съ собою; но они только выругали его и бросили дома, а сами сѣли на коней и уѣхали. Только что братья скрылись изъ виду, младшій братъ бросилъ въ огонь три волоса и и въ ту-же минуту передъ нимъ явился сѣрый конь, съ хорошимъ сѣдломъ, платьемъ и оружіемъ. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня и поскакалъ ко рву. Когда онъ прискакалъ, всѣ уже перепробовали вытащить изъ рва барана, но никто въ этомъ не успѣлъ. Младшій братъ только гикнулъ: конь его понесся, какъ стрѣла, и въ одинъ мигъ перескочилъ черезъ ровъ, а всадникъ въ тотъ мигъ вытащилъ барана за шею. Народъ закричалъ отъ удивленія, а князь выдалъ за молодца замужъ свою среднюю дочь и отпустилъ ихъ домой. Какъ и въ первый разъ, младшій братъ раньше всѣхъ прискакалъ домой, потомъ все—жену, оружіе, платье—спряталъ въ потайное мѣсто, коня отпустилъ, надѣлъ на себя старенькую одеженку и сѣлъ около камина. Пришли домой старшіе братья, онъ и спрашиваетъ ихъ: „Кто выигралъ среднюю дочь князя?“ Братья ужасно разсердились на него за этотъ вопросъ и начали бить его, приговаривая: „Не лѣзь, дуракъ, съ своими глупыми вопросами! Знай—сиди себѣ и молчи!“.

Наступилъ третій день и старшіе братья въ третій

разъ собираются ѣхать ко рву. Младшій опять проситъ ихъ взять его съ собою, но они объ этомъ и слышать не хотятъ,—обругали его и уѣхали. Только что братья скрылись изъ виду, младшій братъ бросилъ въ огонь три волоса и въ ту же минуту передъ нимъ явился гнѣдой конь, отлично осѣдланный, съ дорогимъ оружіемъ и платьемъ. Младшій братъ одѣлся, сѣлъ на коня—и въ ту же минуту былъ около рва. На этотъ разъ вся площадь передъ рвомъ была покрыта всадниками, съѣхавшимися на состязаніе. Отличныхъ коней насчитывалось сотни, а превосходныхъ наѣздниковъ—тысячи, и все-таки никто вытащить барана изо рва не смогъ. Младшій-же братъ, какъ и въ первые два раза, мигомъ перескочилъ черезъ ровъ и вытащилъ барана за шею, возбудивъ въ народѣ еще большее удивленіе, чѣмъ въ первые два раза. Князь отдалъ ему въ жены свою младшую дочь и съ большими подарками отпустилъ его домой. Младшій братъ сѣлъ на коня и опять ускакалъ раньше всѣхъ, а когда пріѣхалъ домой, то жену, оружіе, платье и подарки спряталъ, коня отпустилъ и затѣмъ сѣлъ въ своемъ углу сакли, какъ будто нигдѣ и не былъ. Пріѣхали домой его старшіе братья,—онъ и спрашиваетъ ихъ: „кто выигралъ младшую дочь князя?“ Братьевъ такъ разсердилъ этотъ вопросъ дурака, что они накинулись на него и хотѣли избить его до полусмерти, но на этотъ разъ онъ не позволилъ имъ такой расправы съ собою, а взялъ да и открылъ свой секретъ, т. е. что никому другому, а ему, младшему брату, достались въ жены всѣ три дочери князя, а чтобы братья не сомнѣвались въ его словахъ, повелъ ихъ въ свое потайное мѣсто и показалъ и женъ своихъ и много всякаго другого добра.

Удивились братья всему видѣнному въ потайномъ мѣстѣ и, помня, какъ они били и ругали младшаго брата, почувствовали большое смущенье, но младшій братъ всячески успокаивалъ ихъ, говоря: „Не печальтесь, братья! Хоть вы и пренебрегаете мной, но Богъ меня не оставилъ безъ своей помощи".

Однако братья никакъ не могли успокоиться: стыдно имъ было, что младшій братъ перехитрилъ ихъ, да и завидно, что у него есть и жены—красавицы, и платье, и оружіе, у нихъ-же этого ничего нѣтъ. И задумали они погубить своего ненавистнаго брата, а погубивши, завладѣть его женами и прочимъ добромъ. Вотъ однажды приходятъ они къ нему и говорятъ: „ты, братъ нашъ, самый отважный между нами, такъ поѣзжай на тотъ свѣтъ къ нашей покойной матери и спроси ее: куда она передъ смертью спрятала деньги, оставленныя намъ отцомъ въ наслѣдство?" И сказали ему еще: „а когда узнаешь отъ нея, что нужно, пріѣдешь и скажешь намъ: мы добудемъ деньги и раздѣлимъ ихъ между собою по ровну, тогда будемъ мы богаче всѣхъ на свѣтѣ".

Младшій братъ согласился и поѣхалъ. Долго-ли—коротко-ли онъ ѣхалъ, и напалъ вдругъ на слѣдъ соболя. Не сворачивая ни вправо, ни влѣво, поѣхалъ онъ по этому слѣду, да какъ разъ и пріѣхалъ на тотъ свѣтъ, гдѣ тотчасъ-же повстрѣчался съ покойной матерью. Спрашиваетъ его покойная: „за какимъ дѣломъ пріѣхалъ ты ко мнѣ, сынъ мой?" Говоритъ ей младшій братъ: „посланъ я братьями спросить тебя: куда ты спрятала наши деньги—отцовское наслѣдство?"

— „Ойи! обманомъ живутъ братья твои, сказала ему мать,—не затѣмъ они послали тебя ко мнѣ, а затѣмъ, чтобы погубить тебя и завладѣть всѣмъ,

что ты имѣешь. Такъ не будетъ имъ счастья за это!" Затѣмъ она сказала еще: „возвращайся, сынъ мой, домой и, когда пріѣдешь, разрой землю передъ каминомъ въ саклѣ: тамъ ты найдешь кувшинъ, полный серебра и золота. И серебро и золото возьми себѣ, а братьямъ скажи: ***смущенье на ваши лица***, *) тогда они окаменѣютъ и ты заживешь себѣ счастливо".

Какъ мать велѣла, такъ младшій братъ и сдѣлалъ. Вернувшись съ того свѣта домой, онъ вырылъ изъ земли передъ каминомъ въ саклѣ кувшинъ съ серебромъ и золотомъ и взялъ его себѣ, братьямъ-же сказалъ: „Смущенье на ваши лица",—и они въ ту же минуту окаменѣли. Про случай этотъ дѣдушка мой слышалъ отъ своего дѣдушки, отецъ мой слышалъ отъ дѣдушки, а я отъ отца.

2.

Сказка о томъ, какъ ханскій сынъ Шейхъ-Исмаилъ въ погонѣ за одною обманщицею пріобрѣлъ себѣ трехъ женъ.

(*Записана въ Аухѣ*).

Жилъ одинъ ханъ, у котораго былъ сынъ по имени Шейхъ-Исмаилъ. Ханъ имѣлъ табунъ дикихъ лошадей, такихъ дикихъ, что никто не брался пригнать ихъ изъ степи въ селеніе хана. Разъ Шейхъ-Исмаилъ говоритъ своему отцу:

— Я пригоню тебѣ табунъ домой, но только на томъ конѣ твоемъ, которымъ ты дорожишь болѣе всего на свѣтѣ.

---

*) Таково въ буквальномъ переводѣ подлинное выраженіе разскащика.

— Пожалуй, бери моего любимаго коня, сказалъ ханъ, но помни: если ты не коня, но хоть волосъ изъ его шерсти потеряешь, то лучше тебѣ на глаза мнѣ не показываться.

Шейхъ-Исмаилъ сѣлъ на отцовскаго коня и поскакалъ въ степь къ отцовскому табуну; прискакавши, онъ повернулъ табунъ къ селенію и погналъ его домой. Гналъ онъ табунъ цѣлый день, ужъ и пора вечерняго богомолья миновала, а отцовскаго селенія все не видать. Шейхъ-Исмаилъ хотѣлъ уже заночевать въ степи, когда вдругъ завидѣлъ въ сторонѣ чей-то хуторъ; обрадованный, онъ погналъ табунъ къ хутору. На хуторѣ замѣтили ханскаго сына съ его табуномъ и, вышедши ему на встрѣчу, по обычаю гостепріимства, пригласили его ночевать, объяснивъ при этомъ, что хозяйка хутора—дочь сильнаго хана, прекрасная Арапъ-Зенгель. Когда ханскій сынъ пригналъ къ хутору свой табунъ, слуги ханши разспросили его, кто онъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, и затѣмъ говорятъ ему: „ты такой молодецъ и притомъ ханскій наслѣдникъ, — женись на нашей госпожѣ; она съ радостью выйдетъ за тебя—это вѣрно.“—Я согласенъ жениться, говоритъ ханскій сынъ, — и въ знакъ того поручаю вамъ взять моего коня (такихъ коней не много на свѣтѣ) и передать его отъ меня въ подарокъ родителямъ моей невѣсты. Слуги Арапъ-Зенгель тотчасъ исполнили приказаніе гостя: взяли его коня и отвели его къ своей госпожѣ.

Между тѣмъ ханскій сынъ, переночевавъ на хуторѣ, на другой день сѣлъ на другого коня и погналъ табунъ домой. Подъѣзжая къ своему селенію, онъ вспомнилъ наказъ родителя насчетъ любимаго коня его и ему стало очень стыдно. Чтобы не пока-

зываться на глаза отцу, онъ потихоньку загналъ табунъ въ свой дворъ и затѣмъ скрылся у своихъ знакомыхъ. Видитъ ханъ: табунъ пригнанъ, а сына нѣтъ, и говоритъ матери Шейхъ-Исмаила: „вѣрно, сынъ потерялъ моего любимаго коня и поэтому спрятался. Ступай, розыщи и приведи его!“ Мать пошла, розыскала сына и начала упрекать его: зачѣмъ онъ потерялъ отцовскаго коня. Шейхъ-Исмаилъ сознался матери, что коня хана онъ не потерялъ, а подарилъ родителямъ своей невѣсты, прекрасной и богатой ханши Арапъ-Зенгель. Мать очень обрадовалась словамъ сына, побѣжала домой и сообщила ихъ хану, мужу своему. Ханъ тоже обрадовался и помирился съ сыномъ.

Черезъ нѣкоторое время Шейхъ-Исмаилъ пригласилъ съ собою нѣсколько товарищей, такихъ-же молодцовъ, какъ онъ самъ, и отправился съ ними на хуторъ своей невѣсты. Ѣхали они цѣлый день и пріѣхали наконецъ на то мѣсто, гдѣ нужно быть хутору, а тамъ и слѣдовъ его не оказалось. Тутъ ханскій сынъ догадался, что его обманули, и передъ лицомъ своихъ спутниковъ — товарищей поклялся не возвращаться домой иначе, какъ или мужемъ хитрой Арапъ-Зенгель или убійцей ея. Давъ эту клятву, онъ простился со своими товарищами и одинъ поѣхалъ розыскивать обманщицу. Сколько онъ ни ѣхалъ, и заѣхалъ въ одну балку *); смотритъ, на травѣ спитъ всадникъ, подлѣ всадника лежитъ его оружіе, а въ сторонѣ пасется стреноженный конь. Шейхъ-Исмаилъ самъ тоже стреножилъ своего коня, снялъ съ себя оружіе и положилъ его въ изголовьи, потомъ легъ и заснулъ. Черезъ нѣкоторое время, проснув-

*) Оврагъ.

шись, онъ видитъ, что спавшаго рядомъ съ нимъ человѣка уже нѣтъ. Сѣлъ онъ на коня и погнался за неизвѣстнымъ ему всадникомъ. Скоро онъ нагналъ его и задалъ ему вопросъ: „развѣ ты не знаешь, что дорожный товарищъ тоже, что братъ родной? *)— Зачѣмъ же ты бросилъ меня и уѣхалъ?

— А съ какого это времени волка, рыскающаго въ полѣ, начали считать дорожнымъ товарищемъ?— спрашиваетъ неизвѣстный.

— Съ того времени, отвѣчаетъ Шейхъ-Исмаилъ,— какъ зайцы такіе, какъ ты, стали оказывать почтеніе волкамъ.

— Храбръ ты на словахъ, говоритъ неизвѣстный,—а не хочешь-ли на дѣлѣ помѣряться со мною силою?

Шейхъ-Исмаилъ принялъ вызовъ и противники, бросившись другъ на друга, начали бороться. Сначала неизвѣстный поборолъ ханскаго сына, но потомъ ханскій сынъ взялъ верхъ надъ своимъ врагомъ и схватилъ его за горло, чтобы задушить, — но въ это время у послѣдняго слетѣла папаха съ головы и Шейхъ - Исмаилъ увидѣлъ, что онъ боролся съ женщиной. Тогда онъ плюнулъ и сказалъ: „Женщина! ты обезчестила меня, заставивъ бороться съ тобою!“ —Не сердись, сказала женщина въ отвѣтъ,—я дала слово быть женою того, кто сильнѣе меня: ты меня поборолъ и я готова быть твоей женою.

Ханскій сынъ согласился жениться на женщинѣ, съ которою боролся, но съ тѣмъ, чтобы свадьба была послѣ возвращенія его домой.—„Теперь-же я тороплюсь ѣхать по очень нужному дѣлу,“ — сказалъ

*) Таковъ коренной взглядъ чеченцевъ на дорожнаго товарища.

онъ своей невѣстѣ и, простившись съ нею, поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ онъ мало-ли, много-ли и доѣхалъ до одного большого дворца. На обширномъ дворѣ дворца стояли два столба для привязи лошадей: столбъ золотой и столбъ серебряный. Привязавъ свою лошадь къ серебряному столбу, Шейхъ-Исмаилъ вошелъ во дворецъ и очутился въ богато убранной коврами, зеркалами и разной посудой комнатѣ, посреди которой стоялъ столъ, а на столѣ стояли очень хорошія закуски. Людей въ комнатѣ никого не было. Шейхъ-Исмаилъ прежде всего присѣлъ къ столу и закусилъ,какъ хотѣлось, а потомъ пошелъ по дворцу розыскивать хозяевъ. Переходя изъ комнаты въ комнату, онъ въ одной изъ нихъ увидѣлъ дѣвушку, сидѣвшую у окна и смотрѣвшую на дорогу. Подойдя къ дѣвушкѣ, онъ извинился за то, что самовольно закусилъ у нея въ домѣ, и затѣмъ спросилъ: „гдѣ же тѣ люди, для которыхъ была приготовлена эта закуска?“ Дѣвушка, взглянувъ на него заплаканными глазами, печально сказала: „Здѣсь живутъ со мною семь моихъ братьевъ; всѣ они отправились на войну противъ одного могучаго хана,—и кто изъ нихъ вернется, а кто нѣтъ—про то одинъ Богъ знаетъ.“— „Дѣвушка! мнѣ очень жаль тебя, говоритъ Шейхъ-Исмаилъ, но укажи мнѣ дорогу къ тому мѣсту, гдѣ воюютъ твои братья“. Дѣвушка повела его на самую высокую башню дворца и оттуда указала дорогу къ мѣсту войны.—„Прощай!“ сказалъ Шейхъ-Исмаилъ дѣвушкѣ, сѣлъ на своего коня и поскакалъ по указанной ему дорогѣ. Скоро онъ увидалъ передъ собою поле, а на полѣ войска, расположенныя двумя лагерями; въ одномъ лагерѣ было много шалашей и палатокъ, другой-же состоялъ

всего изъ семи палатокъ. Догадавшись, что послѣдній лагерь принадлежитъ семи братьямъ, Шейхъ-Исмаилъ направился къ нему и прискакалъ какъ разъ въ минуту самаго жаркаго боя. Поздоровавшись съ братьями, какъ съ друзьями, онъ, какъ соколъ, налетѣлъ вмѣстѣ съ ними на войска хана. Не трусы были ханъ и его войско, но Шейхъ-Исмаилъ и съ нимъ семь братьевъ покосили ихъ, какъ траву въ полѣ, и вскорѣ не осталось ни хана, ни слугъ его. Покончивъ съ врагомъ, братья забрали большую добычу и поѣхали домой, упросивъ ѣхать съ ними и Шейхъ-Исмаила, какъ дорогого гостя и вѣрнаго друга въ сраженіи. По пріѣздѣ домой, братья угостили своего гостя всѣмъ, что только у нихъ было, а потомъ предложили ему въ жены сестру свою. Шейхъ Исмаилъ согласился жениться на сестрѣ братьевъ, но съ тѣмъ, что это совершится, когда онъ будетъ возвращаться домой.—„Теперь же я долженъ ѣхать по очень нужному дѣлу,“—сказалъ онъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ онъ долго-ли, коротко-ли и пріѣхалъ въ одинъ большой городъ, пріѣхалъ и думаетъ: „куда же мнѣ заѣхать?“ Опустилъ онъ поводья коня и ждетъ: конь прошелъ одну улицу, другую и повернулъ въ одинъ дворъ, гдѣ и остановился около столба съ кольцами для привязи лошадей. Шейхъ-Исмаилъ слѣзъ съ коня и направился въ домъ. На порогѣ дома его встрѣтила старуха—хозяйка и пригласила войти дорогимъ гостемъ, посланнымъ Богомъ. Когда же Шейхъ-Исмаилъ вошелъ, старуха угостила его закуской и во время закуски разсказала ему, что у нея есть три сына, которые служатъ у хана, владѣльца города и всей окрестной земли. Въ это время вошли три мо-

лодыхъ человѣка—сыновья старухи. Познакомившись со своимъ гостемъ, они разсказали ему, что у хана есть дочь—прекрасная Арапъ-Зенгель, которая выходитъ за мужъ за *Купуръ-хана*.

— „Не быть этой свадьбѣ!“ вскричалъ Шейхъ-Исмаилъ и тутъ-же повѣдалъ своимъ новымъ знакомымъ, какъ Арапъ-Зенгель, давъ ему обѣщаніе быть его женой, потомъ обманула его, бѣжавъ съ того мѣста, гдѣ расположилась хуторомъ. Разсказъ свой онъ закончилъ такъ: „прошу васъ, друзья мои, ступайте во дворецъ хана и передайте его дочери, что тотъ, котораго ты обманула,—здѣсь и говоритъ тебѣ: я далъ клятву предъ Богомъ вернуться домой или твоимъ мужемъ или твоимъ убійцей!“ Братья пошли и передали его слова Арапъ-Зенгель, а отъ нея получили такой отвѣтъ: „я давно хочу быть женою Шейхъ-Исмаила, но братья мои этого не желаютъ; молодцы крадутъ себѣ женъ.“ Сыновья старухи поспѣшили передать Шейхъ-Исмаилу слова ханши и за такую радостную вѣсть тутъ-же получили отъ него богатые подарки. Потомъ всѣ подумали и придумали, какъ украсть ханскую дочь. Въ одну ночь Арапъ-Зенгель секретно вышла изъ дворца, а Шейхъ-Исмаилъ и друзья его подхватили ее, посадили на коня, сѣли на коней сами и поскакали въ ханство отца Шейхъ-Исмаила. Во дворцѣ однако скоро хватились ханской дочери и поскакали въ погоню за похитителями ея. Хоть и хорошіе были кони у Шейхъ-Исмаила и его товарищей, но у братьевъ Арапъ-Зенгель кони были еще лучше и вскорѣ они стали догонять нашихъ воровъ. Замѣтивъ, что ихъ нагоняютъ, Шейхъ-Исмаилъ и его друзья—нечего дѣлать—выхватили изъ чехловъ свои винтовки и начали перестрѣлку, а когда

разстрѣляли всѣ заряды, то схватились за шашки и отлично расправились со своими врагами: черезъ самое короткое время многіе изъ нихъ были убиты, а кто остался въ живыхъ, уѣзжалъ домой безъ оглядки.

Избавившись отъ враговъ и отъѣхавъ такъ далеко, что нельзя было опасаться новой погони, ханскій сынъ простился со своими друзьями, сыновьями старухи, у которой останавливался въ городѣ, поклявшись имъ въ вѣчной дружбѣ, и поѣхалъ себѣ дальше со своею женою, прекрасною Арапъ-Зенгель. Сначала заѣхали они во дворецъ семи братьевъ, гдѣ оставалась невѣста Шейхъ-Исмаила и гдѣ Шейхъ-Исмаила давно уже ожидали. По пріѣздѣ его, тотчасъ-же устроили свадьбу и по этому случаю и поѣли, и попили, и повеселились всласть. А на другой день Шейхъ-Исмаилъ со своими двумя женами отправился на то мѣсто, гдѣ оставалась первая невѣста его. Тамъ уже стоялъ большой дворецъ и слуги женщины—силача давно ожидали жениха своей госпожи и встрѣтили его, какъ своего будущаго князя. И обрадовались-же всѣ прибытію Шейхъ-Исмаила, а въ особенности сама хозяйка дворца, сдѣлавшаяся женою такого храбраго богатыря. Какая тамъ свадьба была—я и разсказать не съумѣю. Хорошая свадьба была! Сколько тамъ съѣли, сколько выпили!—и мяса, и *бузы*, и *чапы* *)! Молодые люди устроили скачки и больше всѣхъ на нихъ отличился одинъ мой родственникъ, который получилъ за это отличнаго кабардинскаго коня. Это правда, ей Богу!

Я былъ генераломъ **) на этой свадьбѣ, то бишь...

---

*) *Буза*—напитокъ изъ ячменя, *чапа*—вареное виноградное вино.

**) Чеченцы имѣютъ обыкновеніе изъ числа свадебныхъ гостей выбирать одного въ генералы. Генералъ этотъ рядится въ бумажные эпо-

отецъ мой, нѣтъ! отецъ моего отца и мой прадѣдушка (чтобы ему покойно лежалось въ могилѣ!). Такъ вотъ мой прадѣдушка былъ генераломъ на свадьбѣ и разсказывалъ про нее такія чудеса, что... Эхъ! будь я мулла, я вралъ бы вамъ цѣлую ночь, а теперь и охота есть, да не умѣю...

Ну, послѣ свадьбы Шейхъ-Исмаилъ взялъ всѣхъ трехъ своихъ женъ и отправился съ ними домой, а потомъ зажилъ себѣ, какъ дай Богъ жить всякому.

3.

Сказка о томъ, какъ простой андіецъ Карнай, благодаря своей холопкѣ Задай, женился на княжеской дочери.

Записана въ Гамаевскомъ обществѣ.

Въ одномъ френгскомъ (европейскомъ) государствѣ жилъ-былъ князь; у него была дочь красавица, какой не сыскать во всемъ свѣтѣ. Когда для княжеской дочери наступила пора замужества, отецъ объявилъ по всѣмъ сосѣднимъ государствамъ, что отдастъ свою дочь за мужъ за того, кто съумѣетъ вызвать ее на разговоръ съ собою. При этомъ онъ объявилъ еще, что если кто захочетъ заставить ее заговорить и не добьется этого, тому онъ отрубитъ голову. Надо сказать, что при княжеской дочери находилось 30 слугъ и 30 прислужницъ, которые должны были доносить обо всемъ князю. Много перебывало у князя княжескихъ дѣтей и другихъ знаменитыхъ людей, но сколько ихъ ни было, заставить княжескую дочь заговорить

леты, сажается на самое почетное мѣсто и съ важно-надутой миной блюдетъ за порядкомъ. Въ его распоряженіе отдается нѣсколько помощниковъ—стражниковъ и исполнителей его воли, чрезъ которыхъ генераломъ и разсылаются палочные удары нарушителямъ порядка.

съ собою никому изъ нихъ не удалось, и князь всѣмъ имъ отрубилъ головы.

Въ то время въ Андіи жилъ одинъ человѣкъ по имени Карнай, который никогда еще въ жизни не любилъ женщины. И задумалъ Карнай отправиться къ княжеской дочери—заставить ее заговорить съ собою, а потомъ и жениться на ней. Была у Карная холопка Задай; видитъ она, что Карнай собирается куда-то въ дорогу, и спрашиваетъ его: куда онъ собирается? Карнай говоритъ, что ѣдетъ къ княжеской дочери—заставить ее заговорить съ собою, а потомъ жениться на ней. „Возьми и меня съ собою, проситъ Задай,—я тебѣ пригожусь, только я пойду съ такимъ условіемъ: когда ты женишься на княжеской дочери, то сдѣлаешь мнѣ подарокъ, какой я пожелаю". Карнай согласился и вмѣстѣ съ Задай отправился туда, гдѣ жилъ князь со своею дочерью. Когда они стали подъѣзжать къ дому князя, Задай говоритъ Карнаю: „какъ мы придемъ къ дочери князя, я спрячусь въ стѣнѣ ея сакли, а ты разскажи ей что нибудь и попроси ея рѣшенія. Остальное потомъ узнаешь".

Пріѣхалъ Карнай со своей холопкой Задай въ домъ князя. Задай, по уговору, спряталась въ стѣнѣ, а Карнай вошелъ въ саклю княжеской дочери, произнесъ обычное привѣтствіе, на которое не получилъ никакого отвѣта, и началъ свою рѣчь такъ: „Я пришелъ не милостыню просить или пріюта, а пришелъ по очень важному дѣлу. Сдѣлай милость, выслушай это дѣло и потомъ рѣши его. Послѣ этого онъ приступилъ къ разсказу:

— Въ нѣкоторой странѣ жили три брата и каждый изъ нихъ имѣлъ по тысячѣ рублей золотомъ. Захотѣли братья заняться торговлей и поѣхали они

розыскивать большіе торговые города. Ѣхали они три мѣсяца и пріѣхали въ городъ Римъ. Здѣсь старшій братъ купилъ за тысячу рублей такое зеркало, что посмотрѣть въ него—увидишь все, что есть на небѣ и на землѣ; средній за свою тысячу рублей купилъ бурку такую, что если сѣсть на нее, то можно въ одинъ часъ пролетѣть все пространство между небомъ и землею; а младшій братъ, тоже за тысячу рублей, купилъ чашку, имѣвшую такое свойство: если напоить изъ нея только-что умершаго, то онъ въ ту-же минуту воскреснетъ. Каждый изъ братьевъ оставилъ на родинѣ любимую дѣвушку и вотъ, когда они сдѣлали свои покупки, младшіе братья стали упрашивать старшаго посмотрѣть въ зеркало: что дѣлаютъ ихъ возлюбленныя. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что невѣста одного изъ нихъ лежитъ мертвая. Не мѣшкая, братья сѣли на бурку, купленную среднимъ братомъ, и въ одинъ мигъ прилетѣли на ней на родину. Здѣсь они отправились въ домъ умершей дѣвушки, и младшій братъ, набравъ въ свою чашку немного воды, влилъ ее въ ротъ покойной, которая въ ту-же минуту ожила. Тогда братья заспорили между собою о томъ, кому должна принадлежать ожившая дѣвушка. Старшій говорилъ:—„Мнѣ, потому-что я чрезъ свое зеркало узналъ, что она умерла, и только поэтому мы поспѣшили домой и оживили ее.“ Средній братъ говорилъ:—Мнѣ, потому-что только благодаря моей буркѣ мы прилетѣли домой во время, чтобы оживить покойную.“—Младшій же братъ говорилъ:—„Нѣтъ, мнѣ, потому-что не важно то, что мы узнали о смерти дѣвушки и прилетѣли домой, а важно то, что я вернулъ ее къ жизни, напоивъ ее водою изъ своей чудесной чашки.“—Теперь прошу тебя, княжеская дочь, рѣшить мнѣ, кто же

изъ трехъ братьевъ долженъ получить дѣвушку?

Задай, сидѣвшая въ стѣнѣ, крикнула: „Тотъ, у котораго было зеркало!“

— Что ты знаешь, стѣна! произнесла княжеская дочь, разсердившись:—развѣ не тотъ сдѣлалъ больше всѣхъ, кто оживилъ мертвое тѣло?

Тотчасъ дали знать князю, что дочь его говорила съ такимъ-то.

— Хорошо! сказалъ князь: если она говорила съ нимъ сегодня, то посмотримъ, заговоритъ ли еще завтра?

Выйдя отъ княжеской дочери, Задай сказала Карнаю: „Завтра ты опять раскажи подобный же случай. Я спрячусь въ кровати дочери князя и, когда ты кончишь разсказъ, увидишь, что она опять заговоритъ съ тобою“.

На другой день Карнай и холопка его Задай отправились къ дочери князя. Задай спряталась въ кровати, а Карнай, войдя въ комнату, сказалъ обычное привѣтствіе и потомъ началъ свою рѣчь такъ:

— Я пришелъ не милостыню просить или чего другого, а пришелъ разсказать одно дѣло, которое прошу тебя, княжеская дочь, разрѣшить мнѣ. Жили два брата и поѣхали они путешествовать, а съ ними и жена одного изъ нихъ. Къ ночи они пріѣхали въ лѣсъ и, выбравъ полянку, расположились на ней на ночлегъ. При этомъ одинъ изъ братьевъ, оставивъ своихъ спутниковъ, отправился розыскивать воду для омовенія и питья. Прошло довольно много времени, а ушедшій не возвращался. Тогда пошелъ за нимъ другой братъ и тоже пропалъ. Такъ какъ ночь была очень темная, то женщина не посмѣла идти розыскивать братьевъ и ночевала тамъ, гдѣ находилась; когда-же занялась утренняя заря, она встала и пошла ро-

зыскивать братьевъ. Подходитъ она къ рѣчкѣ и видитъ: оба брата лежатъ мертвые и каждый изъ нихъ въ поясницѣ разрубленъ на двѣ части, а части разбросаны какъ попало. Женщина собрала части убитыхъ и сложила ихъ вмѣстѣ, но того не замѣтила, что къ верхней части мужа она приложила нижнюю часть брата его, а къ верхней части брата приложила нижнюю часть мужа. Исполнивъ это, она начала усердно молить Бога, чтобы онъ оживилъ братьевъ, и когда она молилась, надъ головой ея вдругъ пролетѣла стая птицъ и набросала много перьевъ. Женщина догадалась, что перья эти—помощь, посланная ей отъ Бога, и собравъ ихъ, потерла ими тѣла убитыхъ. Мертвые братья ожили, какъ будто пробужденные отъ глубокаго сна, и вернувшись къ жизни, заспорили между собою изъ за того, кто изъ нихъ мужъ женщины, вернувшей ихъ къ жизни? Тотъ, у котораго была нижняя часть тѣла настоящаго мужа, утверждалъ, что мужъ онъ, потому что онъ отецъ ея дѣтей; имѣвшій же верхнюю часть тѣла мужа говорилъ: „нѣтъ, она моя жена, потому что языкомъ своимъ и рукой своей я повѣнчался съ нею“. Прошу княжескую дочь рѣшить, который изъ двухъ братьевъ мужъ этой женщины?

Задай, спрятанная въ кровати, крикнула: „Тотъ, у котораго нижняя часть тѣла ея прежняго мужа“.

— Неправда! возразила княжеская дочь разсердившись,—развѣ не голова, хранительница разума, самая важная часть тѣла человѣческаго?

Въ ту же минуту доложили князю, что дочь его снова говорила съ такимъ-то.

— Хорошо! сказалъ князь:—посмотримъ, заговоритъ-ли она съ нимъ въ третій разъ?

По выходѣ отъ княжеской дочери, Задай сказала Карнаю:—„Завтра я спрячусь въ свѣчкѣ, а ты опять разскажи дочери князя какой нибудь случай, похожій на разсказанный сегодня. Когда же ты потребуешь отвѣта на свой вопросъ, я, какъ и сегодня, скажу одно, а княжеская дочь не утерпитъ и скажетъ другое, значитъ, заговоритъ въ третій разъ.

На другой день Задай спряталась въ свѣчкѣ, а Карнай вошелъ къ княжеской дочери, поздоровался съ нею, причемъ на него не обратили никакого вниманія, и началъ такъ:

— Я пришелъ не милостыню просить или чего другого, а пришелъ разсказать одно дѣло и прошу рѣшить мнѣ его. Въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, были четыре человѣка: кадій, серебрякъ, столяръ и купецъ. Было это въ лунную ночь и всѣ они спали. Столяръ, проснувшись, нашелъ около себя круглое дерево и, такъ какъ ему спать не хотѣлось, то онъ взялъ и сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины и затѣмъ легъ и снова заснулъ. Проснулся послѣ того купецъ и, увидѣвъ фигуру женщины, одѣлъ ее въ самое лучшее платье, затѣмъ легъ и заснулъ. Потомъ проснулся серебрякъ, увидѣлъ ту-же фигуру женщины, надѣлъ на нее самыя лучшія серебряныя украшенія и легъ и заснулъ. Проснулся, наконецъ, кадій; видитъ онъ фигуру женщины и думаетъ про себя: этому подобію женщины только души недостаетъ, чтобы быть настоящей женщиной—красавицей. Всталъ онъ на молитву и началъ усердно просить Бога вложить въ фигуру женщины душу. Онъ молился усердно и Богъ услышалъ его молитву: фигура женщины вдругъ превратилась въ живую дѣвушку. Въ это время проснулись и всѣ другіе товарищи муллы и каждый изъ нихъ сталъ увѣ-

рять, что дѣвушка должна принадлежать ему. Столяръ говоритъ: „дѣвушка моя, потому что я первый сдѣлалъ фигуру ея“. Купецъ говоритъ: „нѣтъ, она моя, потому что еслибъ я не одѣлъ ее въ лучшее платье, она бы не была такъ красива и на нее никто не обратилъ бы вниманія“. Серебрякъ говоритъ: „вы оба ошибаетесь: она моя, потому что я украсилъ ее серебромъ и послѣ того она, дѣйствительно, стала привлекательна, а ваши украшенія ничто противъ моихъ“. Кадій же говорилъ, что дѣвушка принадлежитъ ему, такъ какъ по его молитвѣ Богъ вложилъ въ нее душу. Прошу тебя, княжеская дочь, рѣшить, кому слѣдуетъ отдать дѣвушку?

Холопка Задай отвѣтила изъ свѣчки:—столяру, потому что, вѣдь, онъ сдѣлалъ ее.

— Ты, свѣча, совсѣмъ безъ разсудка, съ сердцемъ сказала княжеская дочь,—только душа дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, и по чьей молитвѣ Богъ далъ фигурѣ душу, тому онъ и предназначилъ дѣвушку.

Тотчасъ дали знать князю, что дочь его въ третій разъ говорила съ такимъ-то.

— Хорошо! сказалъ князь и выдалъ ее за мужъ за андійца Карная. Справили они свадьбу, и Карнай, получивъ отъ князя богатые подарки, уѣхалъ съ женою домой, а пріѣхавъ домой, отблагодарилъ холопку, какъ она сама пожелала. *)

---

*) Нельзя сомнѣваться, что эта сказка арабскаго происхожденія, и весьма вѣроятно, что она занесена въ чеченскія горы богомольцами изъ Мекки. Подобныя сказки въ Чечнѣ—достояніе не народа, а муллъ, книжниковъ, большихъ любителей разсказовъ съ нравственно-философскою подкладкою.

4.

Хитрый кадій.

Записано въ Ичкеріи.

Въ одномъ аулѣ жилъ ученый кадій, который постоянно сидѣлъ въ мечети и разбиралъ споры и жалобы приходившаго къ нему народа. Кадій заподозрилъ свою жену въ любовной связи съ однимъ изъ своихъ односельцевъ, но уличить ее въ этомъ никакъ не могъ. Вотъ приходитъ онъ разъ изъ мечети домой и говоритъ женѣ.

„Слышишь, жена! въ мечеть къ намъ пришелъ святой человѣкъ, угадывающій всѣмъ ихъ прошлое, настоящее и будущее. Многія женщины обращались къ нему и узнали отъ него всю правду;—сходи, пожалуй, и ты, только сама ему не показывайся, а подай въ окно мечети свое приношеніе и, стоя въ сторонкѣ, жди слова святого человѣка“. Обрадовавшись тому, что слышала отъ мужа, жена кадія наскоро напекла блиновъ, положила ихъ въ блюдо и понесла въ мечеть. Тѣмъ временемъ кадій незамѣтно тоже прошелъ въ мечеть, сѣлъ на свое мѣсто и ждетъ. Подходитъ къ мечети его жена и просовываетъ въ окно свое приношеніе, отвернувшись лицемъ въ сторону. Принявъ приношеніе, кадій измѣнилъ голосъ, чтобы жена не могла его узнать, и заговорилъ такъ: „Знаю, женщина, какое у тебя горе: ты не любишь своего мужа, а любишь другого своего односельца и хотѣла бы свободно жить съ любовникомъ, да мѣшаетъ онъ тебѣ, мужъ твой. Такъ слушай: придешь домой, возьми—зарѣжь одну изъ трехъ своихъ коровъ и мясомъ ея корми своего мужа, пока онъ не съѣстъ все; послѣ зарѣжь другую корову и пусть мужъ твой

съѣстъ и ее, за второю зарѣжь и третью ему-же, да чтобы, кромѣ него, никто этого мяса и не попробовалъ. Когда мужъ твой съѣстъ мясо всѣхъ трехъ коровъ, онъ ослѣпнетъ и ты станешь свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто у тебя нѣтъ совсѣмъ мужа".

Выслушала женщина совѣтъ святого, побѣжала домой и тотчасъ же распорядилась зарѣзать одну изъ своихъ коровъ. Вечеромъ приходитъ домой кадій и узнаетъ, что жена его зарѣзала корову. Какъ будто очень удивленный, онъ спрашиваетъ ее: „зачѣмъ ты это сдѣлала?" — А такъ святой человѣкъ велѣлъ, отвѣчаетъ жена, — твой мужъ, говоритъ, человѣкъ, угодный Богу, ты ничего не жалѣй для него: коровы у тебя есть — такъ зарѣжь коровъ, чтобы онъ не жилъ безъ мясного". Кадій ничего не сказалъ, а сталъ себѣ съѣдать корову за коровой; когда же съѣлъ послѣдній кусокъ мяса послѣдней коровы, то прикинулся, будто ослѣпъ. Обрадовалась жена кадія тому, что мужъ ея ослѣпъ, и посылаетъ за своимъ любовникомъ. Пришелъ любовникъ и, узнавъ, что кадій ослѣпъ, тутъ-же, въ его присутствіи, началъ любезничать съ его женою. Кадій смотрѣлъ, смотрѣлъ, да улучивъ минуту, когда любовники, занятые своимъ дѣломъ, совсѣмъ забыли объ немъ, схватилъ топоръ и убилъ ихъ обоихъ; потомъ онъ взвалилъ себѣ на плечи трупъ любовника и понесъ его за аулъ.

Шелъ, шелъ кадій съ трупомъ на плечахъ и пришелъ на одно мѣсто, гдѣ паслось стадо барановъ, охраняемое пастухами и собаками. Здѣсь кадій свалилъ съ плечъ трупъ любовника, поставилъ его на землю и подперъ сзади хворостиной, а самъ, отбѣжавъ въ сторону, спрятался. Скоро собаки замѣтили

присутствіе чужого человѣка и съ лаемъ бросились на него; за собаками прибѣжали на мѣсто проснувшіеся пастухи и, подумавъ, что напали на вора, стали бить его палками такъ сильно, что трупъ свалился на землю. Того только и нужно было кадію: онъ выскочилъ изъ своей засады и бросился къ пастухамъ съ крикомъ: „Ахъ, ахъ! За что вы убили моего товарища, котораго я послалъ къ вамъ попросить огня!“ Пастухи испугались и начали упрашивать кадія никому не говорить о томъ, что они сдѣлали, обѣщаясь платить ему за это ежегодно по 12 барановъ. Кадій взялъ съ нихъ клятву, что они исправно будутъ отдавать ему обѣщанную плату, а потомъ снова взвалилъ мертвеца себѣ на плечи и пошелъ съ нимъ дальше. Шелъ, шелъ онъ и пришелъ къ одной мельницѣ. Снявъ съ себя мертвеца, онъ прислонилъ его къ дверямъ и началъ кричать, чтобы отперли двери. Проснувшійся мельникъ не хотѣлъ было отпирать, но когда кадій сталъ стучать въ двери палкой, то, разсердившись, онъ вынулъ дверной засовъ и рванулъ дверь, что было силы. Дверь распахнулась настежъ, и прислоненный къ ней мертвецъ бухнулся въ мельницу и растянулся на полу. За мертвецомъ вскочилъ и кадій и началъ кричать на мельника: „Что ты сдѣлалъ? Что ты сдѣлалъ? Ты убилъ моего товарища!“ Мельникъ испугался и сталъ просить кадія, чтобы тотъ никому не говорилъ о случившемся несчастіи, обѣщаясь за это платить кадію ежегодно по двѣнадцати мѣшковъ пшеничной муки. Кадій согласился и, взявъ съ мельника клятву въ исправной уплатѣ обѣщаннаго имъ вознагражденія, поднялъ трупъ и понесъ его обратно въ аулъ. Пришелъ онъ въ аулъ въ то время, когда пѣли первые пѣтухи, и

направился прямо къ дому убитаго, пришелъ и кричитъ его женѣ голосомъ, похожимъ на голосъ ея мужа: „Отвори, жена!“

— Какъ-же, отворю я тебѣ, отзывается изъ комнаты,—гдѣ ты провелъ время до полночи, можешь тамъ же провести его и до утра.

Кричитъ кадій опять: „Отопри, жена, а то я съ досады поднимусь на саклю и брошусь оттуда внизъ головой!“

— А бросайся!—отзывается женщина изъ комнаты.

Кадій влѣзъ съ мертвецомъ на крышу сакли, размахнулся и бросилъ оттуда мертвеца внизъ, прямо противъ дверей сакли, а сдѣлавъ это, ушелъ себѣ домой. Обождавъ нѣкоторое время, женщина вышла посмотрѣть, что такое грохнулось объ землю и куда дѣвался ея мужъ? Вышла, смотритъ: на землѣ лежитъ тѣло ея мужа съ разбитой головой. Тутъ женщина подняла тревогу и, когда затѣмъ сбѣжался народъ, то всѣ слышали, какъ она кричала: „охъ! охъ! зачѣмъ же ты бросился съ крыши сакли внизъ головой!“ Всѣ слышали и повѣрили, что мужъ ея умеръ, какъ она говорила.

На другой день пришелъ кадій и похоронилъ покойника. Разсказалъ кадій при этомъ народу, что и у него въ домѣ случилось большое несчастіе: ночью умерла его жена. Народъ пожалѣлъ кадія и его жену и помогъ ему похоронить покойницу. Чрезъ нѣкоторое время кадій взялъ себѣ другую жену и, получая ежегодно отъ пастуховъ по 12 барановъ и отъ мельника по 12 мѣшковъ пшеничной муки, сталъ себѣ жить да поживать на радость своихъ родственниковъ и добрыхъ знакомыхъ.

5.

Отрывки изъ шуточной сказки про муллу Насыръ-Эддина.

Записано со словъ жителя аула Дарго, въ Ичкеріи, Хатама.

Въ прежнія времена жилъ у насъ въ Чечнѣ ученый мулла, по имени Насыръ-Эддинъ. Не знаю, право, умный-ли онъ былъ человѣкъ или дуракъ. Въ народѣ разсказываютъ объ немъ различно: кто говоритъ, что онъ былъ человѣкъ очень умный, но любилъ прикидываться дуракомъ, чтобы посмѣшить людей; что будто-бы онъ любилъ и самъ смѣяться, и другихъ смѣшить и что не обижался даже, когда ему приходилось за этотъ смѣхъ выносить пинки и тычки. Другіе говорятъ, что Насыръ-Эддинъ людей смѣшилъ, но и себя не забывалъ. Народъ, бывало, смѣется надъ нимъ, а у него, смотришь, черезъ этотъ смѣхъ и деньги есть, и баранина, и хлѣбъ. А то говорятъ еще, что Насыръ-Эддинъ былъ святой человѣкъ и имѣлъ разрѣшеніе отъ самого Бога дѣлать все, что захочетъ: говорятъ, что ему ничего не ставилось въ вину—и когда онъ умеръ, то ангелы Божіи слетѣли на землю за его праведной душой. Дѣлъ Насыръ-Эддина такъ много, что ни одинъ человѣкъ ихъ не перескажетъ всѣхъ. Я знаю ихъ очень немного и разскажу вамъ то, что знаю. А вы уже сами судите, каковъ былъ мулла Насыръ-Эддинъ.

Насыръ-Эддинъ былъ еще очень молодъ, когда ему захотѣлось жениться. Говоритъ онъ объ этомъ своему отцу.

— Ты еще молодъ, отвѣчаетъ отецъ, не позволю я тебѣ жениться.

Насыръ-Эддинъ началъ каждый день повторять

отцу о своемъ желаніи. Отецъ все молчалъ, но разъ, когда ему надоѣли приставанія сына, онъ сказалъ ему: „Хорошо! позволяю тебѣ жениться. Завтра утромъ, еще до зари, ты выйдешь на рѣчку и спрячешься около того мѣста, куда наши женщины каждое утро приходятъ съ кувшинами за водой. Какая женщина первая придетъ за водой, на той тебѣ и жениться". Насыръ-Эддинъ — нечего дѣлать — согласился исполнить требованіе отца, хотя у него давно уже была на примѣтѣ своя невѣста.

На другой день утромъ, чуть свѣтъ, онъ вышелъ на рѣчку и спрятался около того мѣста, гдѣ женщины набираютъ воду. Вотъ подходитъ къ рѣчкѣ одна женщина—Насыръ-Эддинъ сидитъ себѣ въ своей засадѣ; за первой приходитъ другая, за другою третья; каждая наберетъ въ кувшинъ воды и уходитъ съ рѣчки. Насыръ-Эддинъ все сидитъ. Наконецъ приходитъ на рѣчку его родная бабушка съ отцовской стороны. Долго не думая, Насыръ-Эддинъ кидается къ ней, обхватываетъ руками ея станъ и объявляетъ, что долженъ жениться на ней. Бабушка, вырвавшись изъ его рукъ, бросается домой и со слезами разсказываетъ своему сыну—отцу Насыръ-Эддина—о томъ, что внукъ хотѣлъ жениться на ней. Отецъ Насыръ-Эддина, выслушавъ слова своей матери, схватилъ ружье и бросился розыскивать сына, чтобъ застрѣлить его, какъ собаку; нашелъ онъ Насыръ-Эддина и кричитъ ему: вотъ я тебя застрѣлю, какъ собаку!

— Ой! За что-же? спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

— А за то, что ты хотѣлъ жениться на моей матери...

— Такъ дай-же мнѣ ружье, отецъ, — крикнулъ Насыръ-Эддинъ,—я сначала тебя застрѣлю. Я только

хотѣлъ жениться на твоей матери, а ты на моей ужъ тридцать лѣтъ женатъ!..

Отецъ Насыръ-Эддина, чтобы не толковать больше съ дуракомъ, позволилъ ему жениться, на комъ онъ хочетъ.

Женился Насыръ-Эддинъ и думаетъ, чѣмъ-же я теперь буду жить съ женою? Собралъ онъ черепки разбитаго горшка, истолокъ ихъ въ порошокъ, насыпалъ въ мѣшочекъ и пошелъ по аулу, крича: „покупайте порошки для истребленія крысъ“! Крикъ его дошелъ до слуха одного человѣка, у котораго въ саклѣ было много крысъ; выбѣжалъ онъ къ Насыръ-Эддину, сторговался и купилъ у него порошки. Насыръ-Эддинъ получилъ деньги и идетъ себѣ дальше. Тѣмъ временемъ купившій порошки вспомнилъ, что онъ не справился, какъ употреблять ихъ въ дѣло; нагоняетъ онъ продавца и спрашиваетъ: „какъ-же этими порошками истреблять крысъ?“

— Очень просто, говоритъ Насыръ-Эддинъ,— надо поймать крысу и насыпать ей немного порошка въ ноздри,—она тутъ-же и околѣетъ.

— Да вѣдь если я поймаю крысу, то я просто могу убить ее, чѣмъ случится, — возражаетъ купившій порошки.

— А это будетъ еще лучше, умный человѣкъ, отвѣчаетъ Насыръ-Эдинъ,—тогда и крысы переведутся и порошки будутъ цѣлы“.

Пришло однажды къ Насыръ-Эддину много гостей. Нужно угостить ихъ калмыцкимъ чаемъ, а котелокъ у него въ домѣ совсѣмъ маленькій, такъ что если сварить въ немъ чай, то на всѣхъ не хватитъ.

Побѣжалъ онъ къ сосѣду и занялъ у него котелъ, сварилъ чаю, угостилъ своихъ гостей, а когда они ушли, вложилъ въ большой котелъ свой маленькій и понесъ оба котла къ сосѣду. Принесъ и отдаетъ ему ихъ. Сосѣдъ заглянулъ въ свой котелъ и видитъ, что въ немъ лежитъ еще другой, маленькій, котелокъ

— Что это за котелокъ?—спрашиваетъ онъ Насыръ-Эддина,—я тебѣ его не давалъ.

— Котелокъ! какой котелокъ? спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

— Да этотъ вотъ,—указываетъ ему сосѣдъ на маленькій котелъ.

— Ей Богу, не знаю, говоритъ Насыръ-Эддинъ, у меня такого тоже не было. Видно, ты угоденъ Богу, и пока я несъ къ тебѣ твой котелъ, Богъ (для Него ничего нѣтъ невозможнаго) повелѣлъ большому котлу родить другой котелокъ маленькій.

Послѣ этого сосѣдъ взялъ оба котла, а Насыръ-Эддинъ ушелъ себѣ домой.

Черезъ нѣсколько времени Насыръ-Эддинъ опять приходитъ къ сосѣду просить котла. Тотъ съ радостью исполняетъ просьбу, и Насыръ-Эддинъ уноситъ котелъ домой. Проходитъ затѣмъ день, проходитъ два, три дня, а Насыръ-Эддинъ котла все не несетъ. Сосѣдъ самъ идетъ въ домъ къ Насыръ-Эддину съ просьбою возвратить ему котелъ.

— Бѣдный сосѣдъ мой!—восклицаетъ Насыръ-Эддинъ, твой котелъ давно уже покоится въ могилѣ!

— Какъ такъ?съ изумленіемъ спрашиваетъ сосѣдъ.

— Умеръ твой котелъ,—печально произноситъ Насыръ-Эддинъ,—никто какъ Богъ! Въ прошлый разъ Онъ повелѣлъ ему родить, а теперь прекратилъ дни его жизни, и сынъ его пусть будетъ тебѣ утѣшеніемъ.

Сосѣдъ Насыръ-Эддина ничего не могъ возразить противъ этого, да такъ и ушелъ безъ котла.

Условился однажды Насыръ-Эддинъ съ пророкомъ посѣять пополамъ пшеницу. Трудъ и сѣмена Насыръ-Эддинъ взялъ на себя, а пророкъ обязался дать благопріятную погоду. Пшеница выросла такая, какой ни прежде того, ни послѣ никогда не было. Видитъ это Насыръ-Эддинъ и жаль ему стало отдавать пророку половину пшеницы. Подумалъ онъ и придумалъ: сжалъ и обмолотилъ всю пшеницу, потомъ спряталъ ее въ лѣсу, прикрывъ травой и хворостомъ такъ, что ея ни откуда нельзя было видѣть и самъ сѣлъ подлѣ спрятаннаго. Пророкъ спрашиваетъ Насыръ-Эддина: „мулла Насыръ-Эддинъ! гдѣ-жѳ моя половина пшеницы?“

— Да тамъ-же, гдѣ и моя, отвѣчаетъ Насыръ-Эддинъ: далъ-бы ты хорошую погоду—была-бы пшеница, а теперь и у меня ничего нѣтъ—хоть помирай съ голоду. Пророкъ разсердился на слова Насыръ-Эддина и, чтобы наказать его за обманъ, послалъ на землю страшную грозу; молнія во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывала то мѣсто, гдѣ была спрятана пшеница Насыръ-Эддина, и мѣсто это освѣщалось, какъ днемъ, хотя и была ночь. Насыръ-Эддинъ терпѣлъ, терпѣлъ, да и вскрикнулъ, обращаясь къ пророку: „Будетъ, будетъ уже.... Вѣдь и днемъ свѣтлѣе не бываетъ, а пшеницы моей ты все-же не видишь*)“. Разсмѣшили пророка слова Насыръ-Эддина и онъ подарилъ ему и свою половину пшеницы.

---

*) Другой варіантъ: Насыръ-Эддинъ крикнулъ: „Ой! много ты свѣчей позажигалъ въ небѣ; но зажги ихъ еще тысячу, ты все-таки не найдешь моей пшеницы“.

Однажды Насыръ-Эддинъ узналъ, что одинъ человѣкъ вывелъ продавать свою корову. А ему корова была нужна. Вотъ выходитъ онъ къ этому человѣку на встрѣчу и спрашиваетъ его: „Продаешь, что-ли, козла?“

— Какого козла?—спрашиваетъ хозяинъ коровы.

— А вотъ этого, котораго ты ведешь...

— Ты видно слѣпъ, потому и принимаешь корову за козла.

— Не слѣпъ я, говоритъ Насыръ-Эддинъ, но съ тобою должно быть *джинъ* *) повстрѣчался, а то не выдавалъ-бы ты козла за корову.

Хозяинъ коровы сильно разсердился, обругалъ Насыръ-Эддина и пошелъ дальше. Насыръ-Эддинъ забѣжалъ впередъ и, замѣтивъ кучку народа, мимо которой долженъ былъ пройти продавецъ коровы, упросилъ народъ въ шутку сказать, что продавецъ ведетъ не корову, а козла. Подходитъ къ этой кучкѣ хозяинъ коровы и кричитъ: „кто корову купитъ?“

— Козла—ты хочешь сказать! кричитъ народъ.

— Да корову же я продаю, а не козла—возражаетъ продавецъ.

Народъ сталъ смѣяться и говорить: „должно быть этотъ человѣкъ потерялъ свой умъ: вывелъ козла и увѣряетъ всѣхъ, что это корова.“ Разсерженный продавецъ пошелъ дальше, а Насыръ-Эддинъ успѣлъ тѣмъ временемъ уговорить другую кучку народа, стоявшую подальше и тоже по дорогѣ продавца, посмѣяться надъ хозяиномъ коровы и увѣрить его, что онъ ведетъ козла. Подошелъ продавецъ къ этой кучкѣ и говоритъ: „вотъ корова, не нужна ли кому?“

---

*) *Джинъ*—злой духъ, отъ встрѣчи съ которымъ сходятъ съ ума.

— Корова! Какъ корова? смѣется народъ.—Ведетъ козла, а предлагаетъ купить у него корову.

Хозяинъ коровы оставилъ и эту кучку и пошелъ дальше, идетъ и думаетъ: должно быть, я въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, а то какъ же: мнѣ кажется, что это корова, а всѣ другіе видятъ козла? Въ это время ему опять встрѣчается Насыръ-Эддинъ, переодѣвшійся въ другое платье, чтобы его нельзя было узнать, и спрашиваетъ: „продаешь что-ли козла?“

— Продаю, козла продаю! отвѣтилъ хозяинъ коровы, да такъ и продалъ Насыръ-Эддину свою корову за козла.

Приходитъ однажды къ Насыръ-Эддину сосѣдъ его съ просьбою дать ему на день осла. Насыръ-Эддину не хотѣлось уважить просьбу сосѣда, но чтобы не обидѣть его прямымъ отказомъ, онъ говоритъ ему: „да осла моего дома нѣтъ, онъ на работѣ.“ Сосѣдъ уже направился-было домой, но въ это время послышался крикъ осла Насыръ-Эддина, стоявшаго въ сараѣ.

— Какъ же ты сказалъ, что осла твоего дома нѣтъ?—замѣтилъ сосѣдъ Насыръ-Эддину.—Слышишь, онъ самъ кричитъ, что дома.

— Глупый ты человѣкъ, какъ я вижу,—замѣтилъ на это Насыръ-Эддинъ:—ты мнѣ, муллѣ, служителю Бога, не вѣришь, а ослу моему вѣришь.

Насыръ-Эддинъ какъ-то разъ сильно нуждался въ деньгахъ. Онъ давно уже замѣтилъ, что мимо его сакли по вечерамъ проходитъ въ мечеть для молитвы одинъ богатый и благочестивый человѣкъ, питающій къ нему, Насыръ-Эддину, особенное уваженіе. Вотъ однажды Насыръ-Эддинъ, въ ожиданіи прохода около

его сакли богатаго человѣка, начинаетъ громко просить Бога: повелѣть ангелу своему спустить ему въ трубу камина 200 рублей. „А чтобы я зналъ, что эти деньги посланы тобою, Боже, пусть ихъ будетъ ровно 200 рублей; если же денегъ будетъ меньше или даже больше, то я подумаю, что это подарокъ *шайтана* и не приму ихъ, а обратно выброшу въ трубу". Такъ повторялъ Насыръ-Эддинъ свою молитву, а богатый человѣкъ, проходившій въ это время въ мечеть и слышавшій слова муллы, рѣшился испытать его. Вернулся онъ домой, отсчиталъ 200 рублей безъ десяти копеекъ, завернулъ ихъ въ тряпку, обвязалъ ее веревочкой и затѣмъ, взобравшись на саклю Насыръ-Эддина, бросилъ ему деньги въ трубу. Насыръ-Эддинъ радостно схватилъ ихъ и началъ пересчитывать, разъ пересчиталъ — недостаетъ десяти копѣекъ, пересчиталъ въ другой разъ—тоже, въ третій—тоже. „Какъ же это, думаетъ Насыръ-Эддинъ,—вѣдь десяти копеекъ не хватаетъ... Ахъ, глупый я человѣкъ! спохватился онъ вдругъ,—а тряпка и веревочка? онѣ вѣдь какъ разъ стоятъ десять копѣекъ, — вотъ и выходитъ ровно 200 рублей." Потомъ онъ завернулъ деньги въ тряпочку и спряталъ ихъ. Богатый человѣкъ все это видѣлъ и порѣшилъ на другой день взять у Насыръ-Эддина обратно свои деньги.

На другой день приходитъ онъ къ Насыръ-Эддину съ требованіемъ своихъ денегъ.

— Какія деньги? Когда я у тебя ихъ бралъ?— спрашиваетъ Насыръ-Эддинъ.

Богатый человѣкъ разсказалъ ему все: какъ онъ ночью проходилъ мимо его сакли, какъ услышалъ его молитву, и желая испытать его честность, бросилъ ему въ трубу 200 рублей безъ десяти копеекъ. На-

сыръ-Эддинъ выслушалъ разсказъ и говоритъ: ты врешь все; деньги я просилъ у Бога, и Онъ прислалъ ихъ мнѣ со своимъ ангеломъ.

— Когда такъ, говоритъ богатый человѣкъ, то пойдемъ разбираться у нашего кадія.

— Пойдемъ, согласился Насыръ-Эддинъ.

Пошли они къ кадію, но только что вышли изъ аула, Насыръ-Эддинъ остановился и объявилъ, что не пойдетъ дальше.

— Пойдемъ, пожалуйста, упрашиваетъ его богатый человѣкъ.

— Нѣтъ, не пойду. Ты вотъ на конѣ въ хорошемъ платьѣ и оружіи, а я пѣшій и въ изодранномъ платьѣ. Придемъ мы къ кадію, ты богатый, а я бѣдный: онъ конечно тебя оправдаетъ, а меня обвинитъ.

— Если въ этомъ дѣло, говоритъ богатый человѣкъ,—то вотъ тебѣ мой конь, мое платье и оружіе. Мое дѣло правое и я не боюсь показаться на глаза кадія въ плохомъ платьѣ и пѣшкомъ.

Насыръ-Эддинъ надѣлъ на себя платье и оружіе своего спутника, сѣлъ на его коня и поѣхалъ въ домъ кадія. Когда онъ пріѣхалъ, къ тому же времени пришелъ пѣшкомъ и богатый человѣкъ. Кадій спрашиваетъ ихъ: по какому дѣлу вы пришли ко мнѣ? Богатый человѣкъ разсказалъ, какъ Насыръ-Эддинъ хитростью выманилъ у него 200 рублей безъ десяти копеекъ, и просилъ присудить муллу къ уплатѣ этихъ денегъ. Спрашиваетъ кадій Насыръ-Эддина: правду-ли говоритъ этотъ человѣкъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Насыръ-Эддинъ, денегъ я у него не бралъ, а онъ, должно быть, подслушалъ мою молитву къ Богу о ниспосланіи мнѣ 200 рублей и подсмотрѣлъ, какъ ангелъ небесный спускалъ мнѣ ихъ

въ трубу, — вотъ онъ и хочетъ теперь неправдою отнять у меня эти деньги.

— *Валлаги, биллаги, таллаги* !*) началъ клясться богатый человѣкъ. — Положи коранъ, обратился онъ къ кадію, — я присягну на немъ, что не ангелъ небесный, а я спустилъ Насыръ-Эддину въ трубу 200 рублей безъ десяти копеекъ.

— О кадій! крикнулъ Насыръ-Эддинъ: этотъ человѣкъ хочетъ обмануть Бога также, какъ онъ обманываетъ тебя! Въ чемъ онъ не присягнетъ? онъ присягнетъ даже въ томъ, что я стою предъ тобою въ его платьѣ!

— Да мое-же на тебѣ платье, — отозвался богатый человѣкъ.

— Слышишь, кадій! Ужъ не твое-ли и оружіе на мнѣ? обратился Насыръ-Эддинъ къ истцу.

— Мое!

— Скажи еще, что и конь, на которомъ я пріѣхалъ сюда, тоже твой!

— Мой!

— Видишь, кадій! Если онъ не лгунъ, то сумасшедшій! произнесъ Насыръ-Эддинъ.

Выслушавъ разговоръ Насыръ-Эддина съ богатымъ человѣкомъ, кадій обратился къ послѣднему: — ты, конечно, лжецъ и въ твоемъ первомъ заявленіи должно быть столько-же правды, сколько и въ послѣднихъ. — Потомъ онъ отказалъ ему въ искѣ съ Насыръ-Эддина 200 рублей.

Такъ Насыръ-Эддинъ и сдѣлался полнымъ хозяиномъ денегъ, платья, оружія и коня богатаго человѣка.

---

*) Первыя слова мусульманской присяги; употребляются и какъ клятва.

III.

Пѣсня о юномъ Эстемирѣ.

Узналъ юный Эстемиръ, что аульная молодежь, собираясь въ набѣгъ за Терекъ, пригнала въ аулъ коней, ловитъ и сѣдлаетъ ихъ.

Взялъ онъ свою уздечку, пришелъ къ молодцамъ и сказалъ имъ:

„Саламъ-алейкомъ, старшіе мои братья! Буду вамъ вѣрнымъ товарищемъ въ пути и неизмѣннымъ другомъ въ сраженіи,—возьмите меня съ собою.

— Во-алейкомъ-саламъ, Эстемиръ! Для товарища въ пути ты слишкомъ молодъ и молодъ также сражаться съ врагомъ,—такъ взять тебя съ собою мы не можемъ.

Сѣлъ Эстемиръ на своего коня и тихо направился домой, досадливо качая головою и опираясь правою рукою на заднюю луку сѣдла.

Дома сѣлъ онъ на трехногій стулъ, взялъ въ руки трехструнную балалайку и печально запѣлъ старинную пѣсню.

Услышала пѣсню его родная мать, подошла она къ нему и спросила его: „Что ты опустилъ голову и такъ грустно поешь?“

И сказалъ онъ ей: „Узналъ я, что наши аульные молодцы ловятъ коней, собираясь въ набѣгъ за добычей; пошелъ я къ нимъ и сказалъ:

— „Саламъ-алейкомъ, старшіе мои братья! Буду вамъ вѣрнымъ товарищемъ въ пути и неизмѣннымъ другомъ въ сраженіи,—возьмите меня съ собою.

„И сказали они мнѣ:—Во-алейкомъ-саламъ, Эстемиръ! Для товарища въ пути ты слишкомъ молодъ и молодъ также сражаться съ врагомъ, — такъ взять тебя съ собою мы не можемъ.

„Мать моя родная! Собери меня въ дорогу: приготовь мнѣ съѣстныхъ припасовъ и осѣдлай мнѣ коня.

„Я поѣду за Терекъ и отобью тамъ конный табунъ кабардинскаго князя Тепсарко, что пасется въ притеречныхъ болотахъ.“

Надѣлъ на себя юный Эстемиръ кабардинскую одежду, опоясался оружіемъ, вскочилъ на коня и отправился въ путь.

И встрѣтила его на пути его невѣста. Разрумянившись, какъ солнце, и закрывая лицо шелковымъ рукавомъ, она спросила его, что съ нимъ случилось и куда онъ ѣдетъ?

Отвѣтилъ ей Эстемиръ: „Узналъ я, что наши молодые люди ловятъ коней, собираясь въ набѣгъ за добычей.

„Пришелъ я къ нимъ и сказалъ: — буду вамъ вѣрнымъ товарищемъ въ пути и другомъ неизмѣннымъ въ сраженіи,—возьмите меня съ собою.

„А они отвѣтили мнѣ: — для товарища въ пути ты слишкомъ молодъ и молодъ также сражаться съ врагомъ,—такъ взять тебя съ собою мы не можемъ!

И теперь я ѣду за Терекъ. Тамъ пасется конный табунъ кабардинскаго князя Тепсарко: я отобью его и отдамъ въ калымъ за тебя.“

И полетѣлъ юный Эстемиръ, какъ стрѣла.

За Терекомъ онъ напалъ на табунъ Тепсарко,

выбралъ изъ него много коней и отогналъ ихъ на чеченскую землю.

А тамъ произошла большая тревога — и князь Тепсарко впереди, а лихіе кабардинцы позади погнались за удалымъ джигитомъ.

Они нагнали его и крикнули ему: „эй, брось свою добычу и самъ уходи! Такъ и быть, мы мальчику жизнь его оставляемъ!“

А имъ Эстемиръ: „видали-ли вы, чтобы ястребъ, поймавъ голубя и несясь съ нимъ въ горы, бросилъ свою добычу, когда его настигнутъ бѣлохвостые коршуны?“

Тогда крикнулъ ему Тепсарко: „такъ приготовься къ сраженію: заряжающееся—заряди и навастриваемое—навостри!“

Спрыгнулъ Эстемиръ съ коня, высыпалъ снаряды на разостланную бурку и вступилъ въ сраженіе.

И когда сражались Эстемиръ и кабардинцы, то отъ дыма ихъ выстрѣловъ образовалась большая туча, скрывшая ихъ другъ отъ друга.

И разстрѣлялъ Эстемиръ всѣ свои заряды и послѣ того крикнулъ Тепсарко, чтобы онъ остановилъ сраженіе.

Потомъ сказалъ онъ Тепсарко: „обѣщалъ я своей невѣстѣ пригнать въ аулъ табунъ твой и отдать его въ калымъ за нея.

„Но вотъ я вернусь въ свой аулъ и она выйдетъ мнѣ на встрѣчу—что я скажу ей?“

Князь Тепсарко сбросилъ съ себя свое оружіе, подошелъ къ Эстемиру и обнялъ его.

„Съ этихъ поръ мы друзья съ тобою на всю жизнь,—сказалъ онъ,—и подарилъ Эстемиру табунъ свой, чтобы онъ отдалъ его въ калымъ за невѣсту.

Весело стрѣляя, ѣхалъ Эстемиръ въ аулъ свой и подлѣ аула увидѣлъ свою невѣсту, вышедшую къ нему на встрѣчу.

И сказала ему невѣста его: „дай Богъ тебѣ еще тысячу разъ возвращаться домой съ такою добычей!“

И прибавила: „тѣ молодые люди наши, что отказались отъ тебя, сидятъ теперь, несчастные, на островѣ Терека, окруженные русскимъ войскомъ.

— Такъ прими отъ меня мою добычу! — приказалъ Эстемиръ своей невѣстѣ, я же поѣду къ нашимъ одноаульцамъ и, подъѣзжая къ нимъ, взгляну на нихъ издали“.

Еще сказалъ онъ коню своему: „лети прямо къ Тереку, забывъ о дорогахъ!“

Прискакалъ онъ къ Тереку и крикнулъ своимъ одноаульцамъ: „Не нуженъ ли вамъ вѣрный товарищъ въ пути и другъ неизмѣнный въ сраженіи?“

— Клянемся Богомъ и Пророкомъ его! воскликнули молодые люди;—мы отказались взять тебя, Эстемиръ, щадя твою юность и слабость!

— Ну, смотрите, джигиты, какъ юноша будетъ рубить шашкой и стрѣлять изъ ружья!

Такъ вскричалъ Эстемиръ и направился на русскихъ и началъ поражать ихъ на право и на лѣво.

И тогда, когда одноаульцы его, перепуганные, бросились бѣжать домой, онъ побилъ все русское войско и отнялъ у него все имущество.

Потомъ онъ обратился къ одноаульцамъ: „не бѣгите, друзья! А я клянусь всемогущимъ Богомъ, что никому не скажу о вашемъ бѣгствѣ отъ русскихъ!“

Съ небольшою раною и большою добычею возвратился Эстемиръ въ свой аулъ и, когда возвратился, то всю добычу свою роздалъ сирымъ и бѣднымъ.

ЧЕЧЕНЦЫ-АРХЕОЛОГИ.

(Наброски любителя этнографіи и археологіи).

Чеченцы народъ живой и страстный. Спокойная и ровная жизнь имъ не понутру и поэтому они вѣчно колобродятъ, вѣчно окружаютъ себя атмосферой исключительныхъ жизненныхъ явленій. Только что въ Чечнѣ окончились несложныя полевыя работы, которыми народъ былъ занятъ лѣтомъ и раннею осенью, какъ смотришь, уже наступилъ сезонъ *джигитскихъ* поединковъ чеченской молодежи изъ за самыхъ вздорныхъ причинъ, да какихъ поединковъ? — на кинжалахъ и пистолетахъ, съ обычнымъ роковымъ исходомъ для участвующихъ въ нихъ... Мнѣ припоминается нѣсколько такихъ поединковъ, въ которыхъ падали мертвыми оба противника; помню я не мало и такихъ, послѣ которыхъ на аренѣ битвы оставался одинъ, но и другой уходилъ или, лучше сказать, другого уносили съ нея израненнымъ такъ, что онъ очень не долго переживалъ своего соперника. На моей памяти былъ и такой случай. Въ драку, затѣянную двумя, вмѣшалось человѣкъ по пяти родственниковъ обоихъ соперниковъ... Схватка продолжалась не долго, но результатомъ ея были четыре трупа и пять изувѣченныхъ храбрецовъ, изъ которыхъ двое умерли отъ ранъ черезъ нѣсколько дней. За сезономъ поединковъ

изъ за грубаго или остраго слова, изъ за нѣжнаго взгляда, брошеннаго кѣмъ нибудь на чужую невѣсту, изъ за удара палкою чужой собаки,—тотчасъ, безъ передышки, наступаетъ другой—сезонъ борьбы джигитовъ съ принципомъ собственности или, говоря проще, сезонъ воровства. Что-бы ни лежало въ основѣ страсти чеченца къ посягательствамъ на чужое добро, не подлежитъ сомнѣнію, что страсть эта, между прочимъ, питается и любовью нашего горца къ исключительнымъ и сильнымъ ощущеніямъ. Это таинственное слѣдованіе въ темную, какъ могила, ночь по глубокимъ балкамъ, въ густой травѣ или въ камышахъ, это тихое и осторожное перелѣзаніе черезъ какой нибудь заборъ или уничтоженіе той или другой преграды, мѣшающей добраться до соблазнительнаго предмета, до того тихое, что удальцу отчетливо слышно, какъ колотится сердце въ его груди... потомъ овладѣніе соблазнительнымъ предметомъ и осторожное бѣгство съ нимъ по воровскимъ балкамъ, поросшимъ густымъ кустарникомъ... опасеніе погони, смѣшанное съ чувствомъ злобно-отважной готовности встрѣтиться и сразиться хоть съ самимъ чертомъ, — во всемъ этомъ для истаго чеченца таится неизъяснимая прелесть, увлекающая его поохотиться на чужую собственность такъ же сильно, какъ сильно въ немъ желаніе полакомиться мясомъ чужого быка или даромъ заполучить нѣсколько рублей за чужую лошадь. Подобною охотою пробавляются до выпаденія снѣга и наступленія вмѣстѣ съ нимъ свѣтлыхъ ночей, когда покушенія на чужихъ быковъ и лошадей по неволѣ прекращаются или, по крайней мѣрѣ, доводятся до minimum'а. Въ указанную пору посягательства на чужую собственность и не выгодны и черезъ-чуръ ри-

скованны. Съ одной стороны, домашній скотъ—главный объектъ кражъ въ Чечнѣ,—находится не въ полѣ, не въ табунѣ, а во дворѣ своего хозяина, на конюшнѣ, охраняемой, кромѣ злыхъ собакъ, еще самимъ хозяиномъ, который при первомъ шорохѣ или шумѣ, какъ изъ земли, появляется передъ непрошеннымъ гостемъ съ очень острымъ кинжаломъ и начиненнымъ крупною картечью пистолетомъ, съ другой,—коварный снѣгъ съ фотографическою точностью снимаетъ слѣды ногъ и самого вора и похищеннаго имъ скота и отдаетъ эти снимки въ полное распоряженіе потерпѣвшаго. Вообще глубокою зимою занятіе воровствомъ—игра, не стоющая свѣчъ. Но надо же нашему горцу и въ это время года утолять свою неодолимую жажду сильныхъ ощущеній. И вотъ онъ на досугѣ затѣваетъ тяжбы, иногда по дѣламъ оконченнымъ 10, 15 и 20 лѣтъ тому назадъ, поднимаетъ мудреные бытовые, этическіе и теологическіе вопросы, а главное—накидывается на политику, на ту своеобразную чеченскую политику, которая до сихъ поръ создавала намъ столько тревогъ и хлопотъ. Не весною, какъ привыкли у насъ думать, а именно зимою, въ пору снѣга и холодовъ, изготовлялись до сихъ поръ въ Чечнѣ сюрпризы общественно-политическаго характера, подносившіеся намъ съ наступленіемъ теплаго времени года. Зимою чеченцы перебираютъ прошлое, анализируютъ настоящее и фантазируютъ насчетъ будущаго. Зимою между ними разносятся всевозможные слухи и пропагандируются всевозможныя идеи. И если, напр., раннею весною въ Чечнѣ заговорили о переселеніи въ Турцію или, подъ прикрытіемъ одѣвшихся въ зелень лѣсовъ, начали вытанцовывать религіозный танецъ, извѣстный подъ име-

немъ *зикръ* или *зикро*, то знакомый съ народомъ не сомнѣвается, что то или другое изъ этихъ явленій—ничто иное, какъ осуществленіе фантазій, развившихся зимою. Такъ было всегда, такъ было, между прочимъ, и въ достопамятномъ 1877 году, когда весеннее возстаніе явилось живымъ проявленіемъ возбужденія, созданнаго зимою пропагандою турецкихъ эмиссаровъ и мѣстныхъ *хаджи* *).

Выдаются, однако, для чеченцевъ и такія зимы, когда для работы мысли въ общественно-политическомъ направленіи прямо не хватаетъ матеріала, и вотъ такою именно и оказалась зима съ 1887 на 1888 годъ. Прежнія три-четыре зимы были посвящены чеченцами разработкѣ пресловутаго вопроса о привлеченіи ихъ къ несенію военной службы. Всѣ помыслы народа были направлены именно въ эту сторону. Чего только не говорили, чего не измышляли на эту жгучую тему! Тутъ было и обращеніе всѣхъ въ христіанство, и выдача чеченскихъ дѣвушекъ въ замужество за русскихъ солдатъ, и много другого подобнаго-же вздора. Въ результатѣ такого настроенія народа получились извѣстныя замѣшательства 1886 года, когда дѣло чуть не дошло до общаго возстанія въ Чечнѣ. Данной темы хватило еще и на зиму 86—87 годовъ. Но лѣтомъ 87 года вопросъ получилъ окончательное рѣшеніе и при томъ такого рода, что даже вѣчно протестующіе чеченцы должны были признать себя удовлетворенными и стихнуть **). Наступила затѣмъ послѣдняя

*) Хаджи—человѣкъ, побывавшій въ Меккѣ и Мединѣ для поклоненія гробу Магомета и священной „каабѣ“ и, въ силу этого, сдѣлавшійся авторитетнымъ въ народѣ.

**) Чеченцевъ, какъ и другихъ кавказскихъ горцевъ-мусульманъ, освободили отъ натуральной воинской повинности, замѣнивъ ее весьма необременительнымъ для населенія денежнымъ налогомъ.

зима—и наши горцы очутились вдругъ безъ всякихъ политическихъ вопросовъ и темъ, вносившихъ прежде въ ихъ жизнь столько оживленія и задора. Чеченцы удивились было такому необычному положенію вещей, но однако не на долго: благодаря живости и плодовитости своей фантазіи, они очень скоро нашли себѣ выходъ изъ него. Какой? Не-чеченцу никогда не угадать, что это за выходъ. Да и какъ угадать, что съ цѣлью употребить въ дѣло избытокъ своей энергіи, съ цѣлью удовлетворить своей страсти къ экстраординарнымъ приключеніямъ, они надумались заглянуть въ нѣдра разбросанныхъ по ихъ территоріи могильныхъ кургановъ!..

Когда-то, надо думать много столѣтій тому назадъ, на пространствѣ нынѣшней плоскостной Чечни жилъ какой-то народъ, или жили какіе-то народы, насыпавшіе холмы надъ могилами своихъ покойниковъ. Послѣ этихъ народовъ на томъ же мѣстѣ жили другіе народы, потомъ пришли на него чеченцы и живутъ уже по меньшей мѣрѣ два—три столѣтія (говорю о плоскости собственно; что-же касается нагорной полосы Чечни, то нынѣшніе чеченцы, *меджехи* или *меджехеты* древности, обитаютъ на ней съ незапамятныхъ временъ). Могильные курганы стояли себѣ на плоскости, какъ безмолвные свидѣтели жизни минувшихъ вѣковъ, и всѣ оставляли ихъ въ покоѣ. Но вотъ у безпокойныхъ людей явился досугъ—и памятники сѣдой старины начали подвергаться энергическому разрушенію.

Началось съ того, что по Чечнѣ пронесся слухъ, будто-бы около одного изъ чеченскихъ ауловъ, расположенныхъ на правомъ берегу рѣки Сунжи, на востокъ отъ города Грознаго, носящаго названіе *Алды*,

кто-то нашелъ въ курганѣ необычайной величины алмазъ. Говорили, что нашедшій алмазъ, по незнанію достоинства находки, продалъ его какому-то армянину за 80 рублей, а послѣдній отвезъ камень въ Москву и взялъ за него тамъ 12 тысячъ. Рядомъ съ этимъ слухомъ разнесся другой—будто-бы на горѣ *Сюринъ-кортъ*, возвышающейся на лѣвой сторонѣ рѣки Аргуна, верстахъ въ семи—десяти отъ того же Грознаго по направленію къ югу, въ курганѣ зарыты сокровища, принадлежавшія когда-то какому-то калмыцкому хану. Распространители слуха утверждали, что источникомъ его была калмычка, стодесятилѣтняя старуха, жившая въ Караногайскихъ степяхъ лѣтъ 30—40 тому назадъ. Эта калмычка дала, будто бы, самыя точныя указанія относительно способа отысканія сокровищъ, которыми въ свое время почему-то никто не воспользовался. Стоило только отыскать между могильными курганами, разбросанными вокругъ Сюринъ-корта, мѣсто зарытой въ землю большой кабаньей головы и отъ этого мѣста направиться къ кургану, находящемуся отъ него ровно въ десяти шагахъ взрослаго человѣка. Найденный такимъ способомъ курганъ нужно было разрывать до тѣхъ поръ, пока откроется массивный камень, привезенный на свое мѣсто на сорока парахъ воловъ. Подрыться подъ камень будетъ неимовѣрно трудно, но наградой за труды явятся безцѣнныя сокровища, которыя обогатятъ сотни людей. Эти слухи сами по себѣ уже сильно распалили воображеніе чеченцевъ, а тутъ еще кто-то пустилъ въ ходъ молву, что жители Малой Кабарды давно уже обогащаются насчетъ курганныхъ находокъ. Чаша терпѣнія чеченцевъ переполнилась. Послѣдняя вѣсть огласилась приблизительно въ половинѣ декабря 1887 года,

а къ концу января слѣдующаго года множество кургановъ плоскостной Чечни было уже разрыто. Хорошо еще, что мѣстная администрація поспѣшила энергически воспретить археологическія экскурсіи любознательныхъ *джигитовъ*, иначе на всемъ пространствѣ плоскостной Чечни на мѣстѣ древнихъ кургановъ въ настоящее время красовались бы однѣ волчьи ямы.

II.

Въ началѣ февраля прошлаго *) года пишущій эти наброски находился въ небольшомъ укрѣпленіи Ведень, лежащемъ въ самомъ сердцѣ восточной части нагорной Чечни, носящей названіе Ичкеріи. Это то самое укрѣпленіе, близъ котораго находился предпослѣдній (послѣднимъ былъ знаменитый Гунибъ) оплотъ бывшаго имама кавказскихъ горцевъ, Шамиля, взятый нашими войсками штурмомъ въ 1859 году. Оно расположено на одномъ изъ рукавовъ извѣстной чеченской рѣки Хулхулау и въ настоящее время занято весьма незначительнымъ гарнизономъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстопребываніемъ мѣстныхъ административныхъ чиновниковъ. Отношенія между гарнизономъ укрѣпленія и окрестнымъ населеніемъ теперь до того мирныя и дружественныя, что нѣкоторые изъ представителей населенія живутъ въ самомъ укрѣпленіи, а за стѣнами его еженедѣльно, въ воскресные дни, устраиваются базары, на которые отовсюду стекаются со своими сельскими произведеніями не только мужчины-чеченцы, но и жены и

*) 1888.

дѣти ихъ. Я находился въ Ведень временно (не въ первый, впрочемъ, разъ) и въ тотъ день, которымъ начинается настоящій разсказъ, собирался выѣхать въ Грозный, ожидая только окончанія всѣхъ сборовъ въ дорогу и прихода ко мнѣ моего постояннаго спутника—переводчика съ чеченскаго на русскій языкъ. Переводчикъ не заставилъ себя долго ждать. Было часовъ десять утра, когда онъ явился ко мнѣ и съ обычною чеченцамъ церемонною вѣжливостью пожелалъ мнѣ добраго здоровья. Чтобы познакомить съ нимъ читателя, скажу, что это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25—26, высокій, широкоплечій и вообще коренастый. Крупные и округленные черты лица его—большой безформенный носъ, большой ротъ съ толстыми пунцовыми губами, крупныя скулы и пухлыя щеки,—да при этомъ еще смуглый цвѣтъ кожи сразу выдавали въ немъ плоскостного чеченца восточной полосы Чечни, въ жилахъ котораго несомнѣнно течетъ значительная доза ногайской крови. Что въ этомъ чеченцѣ было оригинальнаго, хотя и не особенно рѣдкаго въ сынахъ его племени,—это контрастъ между цвѣтомъ его лица и цвѣтомъ глазъ. Хакимъ — такъ звали моего переводчика,—будучи по лицу и волосамъ сильнымъ брюнетомъ, имѣлъ глаза небесно-голубого цвѣта, глядѣвшіе вдобавокъ довольно наивно. Нельзя было сомнѣваться, что въ этомъ контрастѣ лежала причина и крайне страннаго выраженія его лица или, точнѣе говоря, отсутствія въ его лицѣ всякаго опредѣленнаго выраженія. Кроткіе и благодушные глаза выражали одно, всѣ другія черты, проникнутыя энергіею и физическою мощью, выражали другое, а въ общемъ получалось что-то двойственное, туманное и безхарактерное.

— Вы готовы, Н. С.? обратился ко мнѣ Хакимъ: насчетъ лошадей я уже распорядился: скоро будутъ.

— Готовъ, почти. Остается только покончить съ укладкой вещей.

— Да, спохватился переводчикъ: — сейчасъ я былъ на базарѣ и видѣлъ тамъ чеченца, пріѣхавшаго съ плоскости; онъ по секрету продаетъ какіе-то предметы, выкопанные изъ кургана, — есть и золотые. Васъ вѣдь это интересуетъ.

— Конечно, интересуетъ. Бѣги скорѣе на базаръ и тащи сюда этого чеченца.

Хакимъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ—благо, квартира моя находилась около самыхъ крѣпостныхъ воротъ, —явился съ продавцемъ курганныхъ предметовъ, чеченцемъ изъ аула Серженъ-юртъ, расположеннаго у входа въ Хулхулауское ущелье, верстахъ въ 20 отъ Веденъ. Чеченецъ, мѣднолицый, съ грубыми манерами, вошелъ въ комнату тяжелою походкою и, остановившись у порога, слегка приподнялъ свою папаху въ знакъ привѣтствія.

— Ну, показывай свои вещи, обратился къ вошедшему Хакимъ, — ты не безпокойся: приставъ не узнаетъ.

Я тоже поспѣшилъ увѣрить продавца курганной добычи, что онъ внѣ всякой опасности.

Чеченецъ молча подошелъ къ моему письменному столу и, не торопясь, высыпалъ на него изъ кожаннаго кошелька какіе-то блестящіе мелкіе предметы. Я и Хакимъ принялись разсматривать ихъ. Самыми крупными между ними оказались двѣ парныя пряжки, весьма замѣчательныя по тонкости и изяществу отдѣлки. Каждая пряжка состояла изъ овальнаго бронзоваго обода, обвитаго тонкою золотою проволо-

кою; ободъ этотъ одною изъ широкихъ сторонъ своихъ входилъ въ перегибъ золотой пластинки, сложенной вдвое. Одна сторона пластинки, лицевая, представляла четырехъугольникъ, имѣвшій въ длину 3 и въ ширину $1^3/_4$ сант.; края пластинки окаймлялись филигранною золотою цѣпочкою, а во внутреннемъ полѣ ея находилось пять гнѣздъ, обложенныхъ такою-же цѣпочкою. Одно гнѣздо, побольше, въ формѣ неправильнаго круга, занимало центръ пластинки; а четыре остальныхъ, каждое въ формѣ сердца, располагались по угламъ ея, на діагональныхъ линіяхъ. Центральное гнѣздо было пустое, въ другихъ же четырехъ находились прекрасные аметисты красноватаго цвѣта. Между среднимъ и угловыми гнѣздами блестѣли три чуть замѣтныхъ камушка, укрѣпленныхъ въ самомъ полѣ пластинки. Задняя сторона пластинки, такихъ-же размѣровъ, какъ и передняя, была совершенно гладкая, безъ всякихъ украшеній; въ ней виднѣлись только двѣ дырочки, въ которыя входили, конечно, металлическіе шпеньки, скрѣплявшіе пряжку съ ременнымъ поясомъ. Въ срединѣ перегиба пластинки имѣлся четырехъугольный вырѣзъ и въ немъ, на бронзовомъ шпенькѣ, укрѣплялся корень обтянутаго золотомъ бронзоваго язычка пряжки. Все вмѣстѣ представляло вещицу красивую и вполнѣ пригодную для практическихъ цѣлей.

Кромѣ пряжекъ въ числѣ высыпанныхъ на столъ предметовъ были: а) десятка полтора шарообразныхъ, маленькихъ и гладкихъ зеренъ золотого бисера, съ отверстіями для продѣванія нитки, б) съ десятокъ круглыхъ плоскихъ зеренъ бисера изъ зеленаго стекла, в) маленькіе кусочки бронзы и мѣди неопредѣленной формы, г) два небольшихъ бронзовыхъ гвоздика съ

грибовидными шляпками и раздвоенными концами, д) бирюзовый камушекъ, можетъ быть, часть камня, находившагося въ среднемъ гнѣздѣ пряжки, и. е) множество очень маленькихъ кусочковъ золота въ формѣ коротенькихъ палочекъ, угольничковъ и дугъ, имѣвшихъ на лицевой, выпуклой сторонѣ одинаковые поперечные нарѣзы. По всѣмъ признакамъ, эти разрозненные кусочки золота составляли одно цѣлое, покрывавшее собою какой-то предметъ изъ металла или изъ дерева, успѣвшій разрушиться отъ времени.

Пересмотрѣвъ вещи, я обратился къ чеченцу съ разспросами о мѣстѣ и способѣ нахожденія ихъ. Изъ словъ его оказалось, что онъ, совмѣстно съ нѣсколькими своими односельцами, раскопалъ одинъ изъ кургановъ, находящихся у предгорья такъ называемыхъ здѣсь Черныхъ горъ, т. е. лѣсистыхъ, близъ почтовой дороги, идущей изъ укрѣпленія Ведень въ г. Грозный. Объяснить внутреннее строеніе кургана и положеніе въ немъ найденныхъ вещей чеченецъ оказался не въ состояніи: онъ видимо обращалъ очень мало вниманія на обстановку, въ которой производилъ свои работы, поглощенный одною мыслію—найти въ нѣдрахъ кургана нѣчто такое, что могло бы обогатить его.

— Кромѣ того, что ты принесъ, вы больше ничего не нашли въ курганѣ?—спросилъ я своего собесѣдника.

— Хорошаго больше ничего не нашли.. Были тамъ кости, нѣсколько человѣческихъ череповъ—одинъ толстый, большой и такой крѣпкій, что мы насилу разбили его камнемъ. Каменная чашка была: ее мальчишки взяли. А больше ничего... Другіе нашли разныя вещи...

— Какія-же именно? Можетъ быть, оружіе, посуду, металлическую одежду?..

— Говорятъ, за Аргуномъ *) нашли въ курганѣ золотой поясъ съ хорошими, дорогими камнями. Въ Грозномъ, говорятъ, за него дали 200 рублей. Въ Герменчукѣ **) нашли шашку, еще печать нашли, двѣ медали...

— Какъ медали? Какія? Вродѣ теперешнихъ?

— Да, медали; говорятъ, ихъ носить на груди можно.

Я спросилъ чеченца, что онъ хочетъ за свое золото.

— А ты что дашь? отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ.

Не зная цѣны вещей, но готовый пріобрѣсти ихъ, какъ археологическую рѣдкость, я на угадъ предложилъ ему за нихъ 15 рублей.

Чеченецъ не сказалъ ни да, ни нѣтъ, а только подошелъ къ столу, высыпалъ вещи обратно въ кошелекъ и снова положилъ его въ пазуху.

— Что же ты ничего не говоришь? Сколько-же тебѣ за нихъ?

— Мнѣ нашъ серебрякъ за каждый камушекъ по 5 руб. даетъ, да золото...

Я отказался сдѣлать такую дорогую покупку и чеченецъ ушелъ, неуклюже протянувъ мнѣ на прощанье свою массивную руку.

„Шашка, печать, медали...“—раздумывалъ я,

---

*) Самый большой притокъ рѣки Сунжи, начинающійся въ снѣговой линіи Кавказскаго хребта и вплоть до Сунжи протекающій по чеченской территоріи.

**) Герменчукъ—аулъ, расположенный на рѣкѣ Джалкѣ, протекающей параллельно Аргуну, къ востоку отъ него.

послѣ ухода отъ меня бронзолицаго чеченца. „Если-бы самому посмотрѣть эти предметы... А что же!“.

Я рѣшился воспользоваться предстоявшею мнѣ поѣздкою, что-бы лично осмотрѣть разрытые чеченцами курганы и, если окажется возможнымъ, пріобрѣсти покупкою нѣкоторые изъ найденныхъ ими предметовъ.

Черезъ часъ послѣ приведеннаго разговора мы уже мчались съ Хакимомъ по отличной шоссированной дорогѣ, проложенной въ Хулхулаускомъ ущельѣ. Вправо и влѣво отъ насъ одни кряжи горъ смѣнялись другими. Вѣковые чинаровые лѣса, покрывающіе скаты горъ, засыпанные снѣгомъ, стояли полчищами застывшихъ великановъ. Снизу доносился гулъ бѣшено несущагося потока. Было ясно и морозно. Спутникъ мой, какъ страстный любитель всякаго рода переѣздовъ и, вообще, шатаній по свѣту, былъ въ наилучшемъ настроеніи духа и съ упоеніемъ разсказывалъ мнѣ объ удовольствіяхъ минувшаго вечера, проведеннаго имъ на вечеринкѣ (*лаузарг*—по чеченски) у чеченца-лавочника. Такъ какъ я уже описалъ наружность своего переводчика, то, пользуясь дорожнымъ досугомъ, скажу еще два слова объ его душевныхъ качествахъ. Какъ большинство чеченской молодежи, онъ—легкомысленное и взбалмошное дитя, подчасъ своенравное, черствое и злое, способное на очень дикіе поступки, но чаще грубо-простодушное, понимающее жизнь съ одной только стороны—со стороны возможно легкаго удовлетворенія своихъ простыхъ инстинктовъ.

Въ моемъ Хакимѣ одна изъ преобладающихъ страстей—это сытно и жирно покушать, но не иначе, какъ на чужой счетъ. Онъ никогда не бываетъ такъ

беззаботно веселъ, такъ словоохотливъ, и толстыя губы его никогда не складываются въ такую блаженную улыбку, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нимъ красуются на низенькомъ туземномъ столикѣ аппетитныя чеченскія блюда: свѣжая молодая баранина, яичница, отлично приготовленная курица и чашка со свѣжимъ душистымъ медомъ. Энергично истребляя кушанья, онъ никогда не ждетъ вторичныхъ приглашеній хозяина, а напротивъ, самъ разбрасываетъ приглашенія направо и налѣво, подкладывая куски то тому, то другому изъ своихъ сотрапезниковъ. Ѣстъ онъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не отрыгнетъ въ честь хозяина на всю саклю, и послѣ того впадаетъ въ состояніе апатіи и сонливости. Но этою грубою страстью не исчерпывается его любовь къ радостямъ жизни. Не меньше аппетита къ жирной баранинѣ великъ въ немъ аппетитъ и ко всякаго рода увеселеніямъ, въ особенности къ вечеринкамъ съ танцами дѣвушекъ подъ звуки зурны или гармоники и съ громовыми выстрѣлами изъ азіатскихъ пистолетовъ. Танцуетъ онъ прекрасно и подъ пару себѣ выбираетъ обыкновенно самую красивую дѣвушку изъ числа участвующихъ въ вечеринкѣ. Взгляните. Вотъ онъ граціозно и медленно направился слѣдомъ за плывущей павой—горской красавицей. Сначала походка его какъ будто даже вялая и только руки, и плечи, и весь станъ его играютъ и колышутся въ тактъ музыкѣ. Но вдругъ онъ, изогнувшись и подобравъ полы черкески, началъ выдѣлывать ногами изумительныя па, ежеминутно перерѣзывая красавицѣ дорогу и каждый разъ только на мигъ останавливаясь передъ нею на кончикахъ большихъ пальцевъ. Красавица, какъ испуганная лань, уносится отъ него безъ оглядки, но,

какъ ловкій охотникъ, онъ ни на мигъ не упускаетъ ея изъ виду и все преслѣдуетъ. Вотъ она какъ будто въ его объятьяхъ, какъ будто онъ хватаетъ ее съ намѣреніемъ убѣжать съ нею изъ круга... Но онъ уже бросилъ ее, онъ какъ будто забылъ объ ней и, очутившись на срединѣ круга, опять выдѣлываетъ ногами мудреныя фигуры, смотря или внизъ или прямо передъ собою. Но это только уловка: мигомъ повернувшись къ красавицѣ, онъ снова преслѣдуетъ ее... У самыхъ ногъ его раздается выстрѣлъ, потомъ другой, третій... Окружающіе танцующую пару бѣшено бьютъ въ ладоши, восклицая: „ха! иха!“... Зурна заливается, а въ Хакимѣ жажда веселья разгорается все сильнѣе и сильнѣе...

Любитъ онъ погарцовать или, какъ у насъ выражаются, поджигитовать на конѣ и на всемъ скаку пострѣлять въ брошенную на дорогу дырявую шапченку какого нибудь пастуха, любитъ часа по два просиживать праздно въ компаніи такихъ-же безцечальныхъ людей, какъ и самъ онъ, очень серьезно напрягая свою мысль, чтобы выдавить изъ себя наивно-острое словцо и, когда ему это удается, самъ-же первый награждаетъ себя такимъ беззавѣтно веселымъ и громкимъ смѣхомъ, что смотрящему на него становится неотразимо весело; любитъ нарядиться въ красивую черкеску, стянутую въ таліи узенькимъ ременнымъ поясомъ, увѣшать себя оружіемъ и разными серебряными тесемками и въ этомъ видѣ изображать изъ себя военнаго рыцаря несуществующаго ордена... За то ничего серьезнаго, никакого напряженнаго труда онъ не любитъ. Профессія его—служба въ качествѣ переводчика, и служитъ онъ, какъ большинство чеченцевъ, довольно исправно, но чисто формально.

Душа его внѣ этой службы, какъ вообще внѣ всего того, что не имѣетъ значенія веселыхъ и праздныхъ развлеченій.

Боясь упрека въ томъ, что вмѣсто археологіи, даю читателю наброски портретовъ живыхъ людей, замѣчу, что и самая статья моя названа мною набросками любителя прежде всего этнографіи, а потомъ уже археологіи. Съ чисто археологическимъ матеріаломъ мы познакомимся съ читателемъ попутно, но почему-же намъ за одно, и даже преимущественно, не знакомиться также и съ самими оригинальными археологами, тѣмъ болѣе, что они, эти археологи, въ извѣстномъ смыслѣ тоже не болѣе, какъ живые представители археологической древности. Для строго научной статьи такое смѣшеніе курганныхъ бронзъ съ живыми людьми не совсѣмъ удобно, но я и не задавался мыслію писать строго научную статью....

Въ Серженъ-юртъ я пріѣхалъ подъ вечеръ и остановился тамъ у стараго кунака своего Саадулы. Саадула—чеченецъ съ матово-блѣднымъ, немного плоскимъ лицомъ, живыми темно-карими глазами и длиннымъ, сильно искривленнымъ, носомъ, — человѣкъ пріятный и бывалый. Когда-то онъ служилъ въ своемъ аулѣ старшиною, но былъ за что-то смѣненъ. Самъ онъ думаетъ, что гнѣвъ начальства обрушился на него изъ-за интригъ его недоброжелателей и завистниковъ, но другіе говорятъ, что смѣстили его съ должности за интимности съ ночными охотниками на чужихъ лошадокъ и бычковъ. Теперь онъ занимается кое-какою торговлею, разъѣзжаетъ не только по Чечнѣ, но и по Кабардѣ и Кумыцкой плоскости и поэтому знаетъ все и всѣхъ. Онъ, какъ и большинство чеченцевъ, очень любитъ поболтать о внутренней поли-

тикѣ, при чемъ проявляетъ замѣчательную способность мѣтко и не безъ юмора характеризовать персоналъ мѣстной администраціи. Какъ сынъ своего народа, считающій гостепріимство одною изъ первыхъ добродѣтелей, Саадула принялъ меня очень радушно. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего пріѣзда къ нему, въ занятой мною кунацкой уже весело горѣлъ огонь въ каминѣ, а спустя съ полъ-часа я, мой хозяинъ и Хакимъ уже попивали дымящійся чай, оживленно бесѣдуя о новостяхъ дня. Воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, я сообщилъ Саадулѣ о цѣли своего пріѣзда.

— Что-же ты раньше не пріѣзжалъ? замѣтилъ онъ,—нѣсколько дней тому назадъ нашелъ-бы весь нашъ аулъ на раскопкахъ кургановъ: и старый и малый были заняты этимъ дѣломъ, потому—у насъ теперь время досужное. Наши таки не мало кургановъ раскопали, да много и осталось еще...

— Значитъ, ихъ будутъ раскапывать послѣ?

— Нѣтъ, теперь ужъ нельзя: запрещено. Да и муллы наши не хвалятъ за это: грѣшно, говорятъ, открывать кости старыхъ покойниковъ.

— Хорошо; но что выкопали, то, конечно, берегутъ. Вотъ эти предметы мнѣ и хотѣлось бы видѣть: если есть цѣнныя вещи, я бы купилъ, пожалуй.

— Трудно будетъ добыть что нибудь теперь, замѣтилъ Саадула:—послѣ запрещенія раскопокъ стали скрывать добычу: боятся, чтобы приставъ не отнялъ. А все-же попытаюсь, поищу. Тутъ у меня есть свои (родственники), я вотъ къ нимъ пошлю.

Саадула велѣлъ набравшейся въ кунацкой молодежи сходить къ названнымъ имъ лицамъ и попро-

сить ихъ принести или прислать то, что ими найдено въ курганахъ.

— Цѣннаго у насъ почти ничего не нашли, обратился онъ ко мнѣ послѣ ухода молодыхъ людей,— золотыя пряжки, которыя ты видѣлъ, да бисеръ золотой-же—вотъ и все. Находили больше мѣдныя вещи, пустыя...

Между тѣмъ вошелъ одинъ изъ посланныхъ Садулы и подалъ мнѣ плоскую каменную чашку съ отбитымъ угломъ, найденную, какъ онъ объяснилъ, въ одномъ изъ кургановъ, находящихся къ сѣверу отъ укрѣпленія Эрсеной *). По величинѣ, чашка нѣсколько менѣе обыкновенной обѣденной тарелки; края ея загнуты внутрь. Она сдѣлана не изъ глины, а какъ будто изъ превращеннаго частью въ порошокъ, частью въ мелкія зерна какого-то камня, даже двухъ камней. Сердцевина стѣнокъ ея черная, зернистая и съ примѣсью еще мелкихъ бѣлыхъ зернушекъ, отъ середины-же къ поверхности стѣнокъ черный цвѣтъ переходитъ въ сѣрый и зернистость смѣняется плотною массою. Чашка обожжена, но плохо и сдѣлана весьма грубо.

Другой молодой человѣкъ принесъ красный кувшинчикъ. Кувшинчикъ былъ невысокій, пузатый и съ широкимъ устьемъ; формою своею онъ очень напоминалъ кувшинчики или крынки, въ которыхъ наши крестьянки держатъ молоко, только послѣднія дѣлаются обыкновенно безъ ручекъ, а курганный кувшинчикъ имѣлъ двѣ ручки, расположенныя одна противъ другой; сдѣланъ онъ былъ изъ красной глины и какъ будто подвергался обжиганію.

---

*) Укрѣпленіе это нынѣ упразднено, хотя постройки его стоятъ по прежнему. Оно расположено у входа въ Хулхулауское ущелье, на чертѣ, отдѣляющей Нагорную Чечню (Ичкерію) отъ плоскостной.

Тотъ-же молодой человѣкъ подалъ мнѣ найденную въ курганѣ небольшую овальную бронзовую пряжку, весьма сходную съ пряжками, которыя находятъ въ каменныхъ могилахъ, разбросанныхъ въ нагорной полосѣ Чечни (Ичкерія). Пряжка эта, а также описанная каменная посуда даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что курганы на плоскости и разбросанные по всей Ичкеріи, а также по сосѣдству съ нею, въ Чаберлоевскомъ обществѣ (Чеченскаго-же племени), каменныя могилы, вродѣ описанныхъ мною въ статьѣ „Загадочныя могилы“ *), суть памятники одного времени и одного народа. У обладателя пряжки оказались еще тоненькіе, какъ бумага, кусочки мѣди и нѣсколько обломковъ какихъ-то бронзовыхъ предметовъ.

Ничего больше серженъ-юртовцы мнѣ не показали, хотя Саадула сомнѣвался, чтобы имъ нечего было показать. Разочарованный результатомъ своей остановки въ аулѣ, я ухватился за мысль попытать счастья въ слѣдующемъ, лежавшемъ на моемъ пути въ Грозный, аулѣ Герменчукѣ. Мыслію этою я тутъ же подѣлился съ Саадулой.

— И отлично! объявилъ мой кунакъ: я съ удовольствіемъ поѣду съ тобою. Сегодня-же распоряжусь насчетъ верховыхъ лошадей и завтра утромъ все будетъ готово. За почтовыми лошадьми мы пошлемъ въ Эрсеной послѣ, когда окончимъ дѣло въ Герменчукѣ.

— Ей Богу, хорошо будетъ, вставилъ свое слово Хакимъ.—Знаешь что, Саадула, обратился онъ затѣмъ къ нашему хозяину:—пошли-ка ты сегодня-же кого нибудь изъ молодыхъ людей въ Герменчукъ—

*) Помѣщена въ газетѣ „Кавказъ“ за 1887 г., въ № 325.

извѣстить о нашемъ пріѣздѣ, все лучше, если будутъ знать: хорошую закуску приготовятъ...

На принятомъ рѣшеніи я и остановился.

III.

На другой день я выѣхалъ въ Герменчукъ въ сопровожденіи Саадулы и Хакима. Нѣкоторое время мы ѣхали котловиной, образуемой здѣсь послѣдними отрогами Черныхъ горъ; потомъ котловина стала расширяться и около опустѣвшаго теперь укрѣпленія Эрсеной передъ нами открылась необозримая равнина, извѣстная подъ именемъ Чеченской Плоскости. Впереди насъ, къ сѣверу, лежала громкая въ исторіи покоренія Кавказа Большая Чечня; налѣво, на краю горизонта, сквозь бѣловатый утренній туманъ, виднѣлась еще болѣе громкая въ историческомъ отношеніи Малая Чечня, а направо въ полумглѣ скрывались селенія мичиковскаго общества, охваченныя выдвинувшимся изъ Черныхъ горъ, такъ называемымъ Качкалыковскимъ хребтомъ. Вблизи насъ, по сторонамъ дороги, мѣстность была покрыта небольшими кустарниками и казалась нѣсколько волнообразною. Я много разъ проѣзжалъ по ней и она до того мнѣ примелькалась, что теперь я не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Курганы хочешь посмотрѣть? обратился ко мнѣ съ вопросомъ Саадула.

— Разумѣется, да гдѣ они?

— А вотъ здѣсь, смотри.

Саадула указалъ рукою на находившіяся впереди и по бокамъ насъ небольшія возвышенности, казав-

шіяся, изъ за покрывающихъ ихъ кустарниковъ, природными подъемами мѣстности. Замѣчаніе Саадулы заставило меня внимательнѣе осмотрѣться вокругъ себя и тутъ только я замѣтилъ, что раньше ошибался насчетъ характера поля, которымъ мы ѣхали. Поле это, само по себѣ совершенно ровное, кажется волнистымъ, благодаря лишь массѣ разбросанныхъ по нему кургановъ. Курганы находятся одинъ отъ другого на различныхъ разстояніяхъ, но всѣ образуютъ собою обособленную группу, занимающую площадь, размѣрами въ квадратную версту или даже болѣе. Высота кургановъ не одинаковая: иные поднимаются надъ уровнемъ поля всего аршина на 2, на $2^1/_2$, другіе имѣютъ высоты 3—5 аршинъ, а въ срединѣ площади гордо возвышается курганъ аршинъ въ 7 — 8 по вертикальной линіи и въ нѣсколько десятковъ шаговъ въ окружности. Замѣчательно, что площадь кургановъ смотритъ прямо въ Хулхулауское ущелье, отстоя отъ выхода изъ него верстахъ въ четырехъ. Это, конечно, не случайность. Можно предположить, пожалуй, что такъ какъ черезъ эту площадь въ самыя древнія времена, какъ и нынѣ, должна была пролегать дорога изъ горъ на плоскость, то курганное кладбище было устроено тутъ въ знакъ уваженія къ покойникамъ. По крайней мѣрѣ, нынѣшніе мусульманскіе обитатели Кавказа, по побужденіямъ, имѣющимъ тотъ-же источникъ, ставятъ своимъ покойникамъ памятники на перекресткахъ дорогъ или на отдѣльныхъ возвышенностяхъ. Но представляется болѣе основательнымъ предположить, что мѣста нахожденія курганныхъ кладбищъ свидѣтельствуютъ о мѣстахъ кровавыхъ столкновеній народовъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что въ отдаленной древности, какъ и въ

недавно минувшее время, обитатели горъ нелегко допускали къ себѣ разныхъ плоскостныхъ завоевателей. Аланамъ, гуннамъ, хазарамъ, монголамъ, калмыкамъ, прежде чѣмъ они проникали въ горы, приходилось, конечно, не разъ вступать въ ожесточенныя схватки съ воинственными горцами. Естественно, что схватки эти происходили на ровныхъ плато, разстилающихся передъ устьями ущелій,—и вотъ здѣсь и скрывается вѣроятнѣйшая причина существованія у входа въ Хулхулауское ущелье курганнаго кладбища.

Полагаю, что такія курганныя кладбища существуютъ вблизи многихъ ущелій Кавказскихъ горъ. Самъ я видѣлъ еще такое кладбище, притомъ очень большое, захватившее поле въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, передъ входомъ въ ущелье рѣки Акташа (сѣверо-восточный уголъ Кавказа) на лѣвомъ берегу рѣки, немного ниже кумыцкаго аула Эндрей. Въ послѣднемъ кладбищѣ въ особенности замѣчательно то, что грандіозностью своихъ размѣровъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ теперешнимъ этнографическимъ условіямъ мѣстности, въ которой находится. Акташинское ущелье въ настоящее время лежитъ на рубежѣ территорій трехъ воинственныхъ кавказскихъ народовъ—чеченцевъ, лезгинъ и кумыковъ. Если кумыки, быть можетъ, и позднѣйшіе пришельцы на берегахъ рѣки Акташа, то лезгины и чеченцы навѣрное обитаютъ на верховьяхъ ея съ незапамятныхъ временъ. При такихъ условіяхъ, гдѣ-же и могъ произойти болѣе ожесточенный споръ между плоскостными завоевателями и обитателями горъ, какъ не у воротъ, запирающихъ дорогу къ двумъ отважнѣйшимъ кавказскимъ племенамъ, каковы лезгины и чеченцы?

Изъ указанныхъ мнѣ кургановъ многіе были рас-

копаны и снова засыпаны землей. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ валялись черепки разбитыхъ кувшиновъ и чашекъ, вынутыхъ изъ курганныхъ склеповъ. Костей нигдѣ не было видно, такъ какъ чеченцы считаютъ долгомъ снова бросать ихъ въ ямы и закрывать землею. Миновавъ другіе курганы, я направился къ самому высокому, который былъ тоже разрытъ, но еще не засыпанъ. Внутреннее устройство его представляетъ слѣдующую картину. По вертикальной линіи отъ вершины кургана къ его основанію сначала лежитъ пластъ земли, толщиною около $^1/_2$ аршина, очевидно, взятый изъ окрестныхъ мѣстъ (темный суглинокъ). За этимъ пластомъ начинается другой, весьма твердый, представляющій собою цементную массу, приготовленную изъ рѣчного гравія, весьма мелкаго щебня и бѣлой, какъ снѣгъ, извести. Замѣчательно, что хотя курганъ находится вблизи рѣки Хулхулау, гравій, употребленный для цементной массы, судя по цвѣту и величинѣ зеренъ, взятъ не изъ этой рѣки, а изъ рѣки Аргуна, протекающей отсюда верстахъ въ 15 къ западу. Пластъ твердой цементной массы опускается до уровня окрестной почвы, а далѣе идетъ крупный булыжный камень, лежавшій, повидимому, на дубовыхъ балкахъ, составлявшихъ сводъ склепа. Балки эти рухнули и погребены подъ упавшими внизъ кусками цемента и каменьями, но въ начинающихся съ этого мѣста каменныхъ стѣнахъ склепа виднѣются большія дыры, служившія, безъ сомнѣнія, гнѣздами для концовъ балокъ. Ниже дыръ идутъ стѣны склепа, сложенныя изъ большихъ, пригнанныхъ одинъ къ другому, но не особенно тщательно, неотесанныхъ камней. Четыре стѣны склепа представляютъ грани прямоугольнаго параллелепипеда. Можетъ быть, склепъ

имѣетъ форму куба, но этого нельзя было изслѣдовать, потому что нижняя часть его, какъ я уже сказалъ, была засыпана цементомъ и камнями. Во всякомъ случаѣ, размѣры склепа весьма значительны, такъ какъ боковыя стѣны имѣютъ каждая въ поперечникѣ около трехъ аршинъ. Изъ четырехъ стѣнъ склепа три глухія, а въ четвертой, восточной, находится четырехъугольное отверстіе, на подобіе дверей, заваленное снаружи огромнымъ камнемъ. Ясно, что отверстіе дѣйствительно служило дверью, черезъ которую были внесены въ склепъ покойникъ или покойники и все то, что находится въ немъ. По окончаніи работы въ склепѣ, входъ въ него завалили такимъ камнемъ, чтобы онъ не могъ быть сдвинутъ съ мѣста, потомъ уже произвели обвалку всего сооруженія цементною массою и послѣднюю засыпали землею.

Осмотрѣвъ на половину раскопанный курганъ, я очень пожалѣлъ, что не имѣлъ ни времени ни средствъ взять на себя доведеніе дѣла до конца. Зная чеченцевъ, я былъ убѣжденъ, что, не смотря ни на какія запрещенія, они доберутся-таки до основанія склепа и, быть можетъ, найдутъ въ немъ не мало драгоцѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ. Что они сдѣлаютъ съ ними?—Все, не имѣющее цѣны на рынкѣ, будетъ ими разломано и брошено, а предметы изъ благородныхъ металловъ попадутъ въ руки невѣжественныхъ серебряковъ — тавлинцевъ, которые поспѣшатъ употребить ихъ въ дѣло, т. е. перелить въ пряжки, гайки и т. п. предметы, которыми украшаются оружіе, одежда и конская сбруя.

За невозможностью осмотрѣть вполнѣ раскопанный и не засыпанный еще курганный склепъ, я обратился за разъясненіемъ нѣкоторыхъ подробностей къ

окружавшей меня кучкѣ чеченцевъ, успѣвшихъ сбѣжаться сюда изъ Серженъ-юрта. Изъ словъ ихъ оказалось, что полъ склепа обыкновенно сдѣланъ изъ цементной-же массы и отличается необыкновенною твердостью. На полу, среди камней и мусора, лежатъ раздавленныя и разломанныя кости, между которыми находятъ по два, по три и болѣе человѣческихъ череповъ, большихъ и малыхъ. Въ одномъ случаѣ нашли, будто бы, сохранившійся въ цѣлости черепъ странной формы: имѣя непомѣрную длину отъ лба къ затылку, онъ былъ очень узокъ по линіи отъ виска къ виску. Какой-то любознательный чеченецъ, съ цѣлью опредѣлить его крѣпость, пустилъ въ него камнемъ, и черепъ, разумѣется, разлетѣлся. Разныя металлическія вещицы отыскиваются въ томъ же мусорѣ, при чемъ иногда ихъ находятъ въ какихъ-то истлѣвшихъ и почернѣвшихъ оберткахъ, расползающихся при прикосновеніи къ нимъ. Такъ какъ окружавшіе меня чеченцы ничего болѣе о курганахъ сообщить мнѣ не могли, то я отправился съ своими спутниками дальше, въ аулъ Герменчукъ.

IV.

Верстахъ въ двухъ отъ Герменчука насъ встрѣтилъ предупрежденный наканунѣ о моемъ пріѣздѣ пріятель Саадулы—Чими, выѣхавшій изъ селенія верхомъ на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ, въ сопровожденіи двухъ молодыхъ чеченцевъ, составлявшихъ его почетный конвой. При моемъ приближеніи Чими сталъ съ своимъ конвоемъ перпендикулярно къ дорогѣ и, когда я поровнялся съ нимъ, ловко и красиво сдѣ-

лалъ „подъ козырекъ“, произнеся съ нѣкоторою торжественностью: „*марша-алва!*“ (Здравствуй). Потомъ онъ почтительно пожалъ мнѣ руку и поѣхалъ рядомъ со мною, ежеминутно уступая мнѣ дорогу, если къ тому встрѣчалась хоть малѣйшая надобность. Въ одномъ мѣстѣ дорогу перерѣзывала канава, наполненная водою. Когда мы были шагахъ въ пяти отъ нея, Чими ударилъ свою лошадь плетью и быстро переѣхалъ канаву прямо противъ моей лошади, предупреждая этимъ возможность безпокойства съ моей стороны. Тоже онъ сдѣлалъ, когда мы подъ самымъ ауломъ переѣзжали черезъ очень жиденькій мостикъ. Чими по наружности было около 30—31 года. Лицо его, продолговатое и сухое, съ тонкими выразительными чертами — большимъ орлинымъ носомъ, очень тонкими губами, длиннымъ и остроконечнымъ подбородкомъ, узкимъ прямымъ лбомъ и большими темно-карими глазами—дышало живостью и энергіею; тою-же энергіею и какою-то душевною бодростію вѣяло и отъ всей его фигуры, высокой, сухой и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкой, какъ у молодой дѣвушки. Сразу было видно, что мой новый знакомый принадлежитъ къ тому особому типу чеченцевъ, который встрѣчается почти исключительно въ одной пріаргунской Чечнѣ.

Русскіе, живущіе на Кавказѣ, а еще чаще тѣ, кто случайно заглядываетъ въ этотъ уголокъ Россіи, говоря о нѣкоторыхъ кавказскихъ горцахъ, въ томъ числѣ и о чеченцахъ, не рѣдко характеризуютъ ихъ словомъ „рыцари“. Вообще говоря, называть чеченцевъ рыцарями значитъ или чрезвычайно съуживать значеніе слова рыцарь, или чрезвычайно преувеличивать нѣкоторыя черты характера чеченца, забывая о существованіи многихъ другихъ чертъ. Однако чечен-

цамъ типа Чими во многихъ отношеніяхъ трудно отказать въ правѣ на этотъ лестный эпитетъ. Какъ сыны своего народа, они подчасъ и задорны, и вспыльчивы, и мстительны, и легкомысленны, но за то въ нихъ много безспорно привлекательныхъ качествъ. По манерѣ держаться, по тонкой и изящной предупредительности въ обращеніи съ людьми — это настоящіе джентльмены. Потомъ имъ не чужды и прямодушіе и вѣрность данному слову. Какъ истые рыцари-воины, они умѣютъ и любятъ только одно— служить предержащей власти въ качествѣ какъ-бы національныхъ гвардейцевъ. За то, что это за гвардейцы! Исполнительные, отважные, находчивые, рѣшительные... Что-бы вы ни возложили на Чими, будьте увѣрены, что онъ исполнитъ ваше порученіе не только правильно и точно, но еще бодро, пылко и красиво. Служитъ онъ не столько ради жалованья, сколько изъ гордаго желанія быть впереди другихъ, больше всего дорожа сознаніемъ своего участія въ правительственной машинѣ, да нѣкоторою тѣнью власти надъ народною массою, да еще пріязнію и довѣріемъ (онъ страшно дорожитъ довѣріемъ) своего повелителя. Какъ извѣстно, чеченцы не подраздѣляются на сословія, представляя изъ себя сплошную демократическую массу, но глядя на чеченцевъ, вродѣ Чими, контингентъ которыхъ и въ Малой Чечнѣ не великъ, невольно останавливаешься на мысли, что когда нибудь въ этомъ народѣ существовало особое сословіе воиновъ, подобное польской шляхтѣ *), и что въ

*) Къ слову сказать: *шляхъ*, *ляхъ* *лехъ*, или *легъ*—слово, которое у многихъ кавказскихъ народовъ (аварцы, осетины) означаетъ *человѣкъ*. Въ особенности интересно существованіе этого слова у кавказскихъ аварцевъ (лезги, лезгины), вѣтвь которыхъ когда-то обитала на пространствѣ нынѣшней Польши подъ именемъ аваровъ.

лицѣ Чими и подобныхъ ему видишь передъ собою обломки этого сословія. Можетъ быть, надо предполагать не сословіе даже, а иную народность, такъ какъ иначе весьма трудно объяснить существованіе въ народѣ, откровенно говоря, грубомъ и съ низменными наклонностями, класса воиновъ, отличающихся благороднымъ профилемъ лица и возвышенными душевными качествами.

Въ пору моего посѣщенія Чими служилъ начальникомъ одного изъ чеченскихъ кордонныхъ постовъ. Какъ онъ самъ сообщилъ мнѣ съ гордымъ самодовольствомъ, начальство его любило и оказывало ему честь возложеніемъ на него сложныхъ и трудныхъ порученій. Потомъ я узналъ, что онъ пользовался уваженіемъ и даже послушаніемъ со стороны своихъ подчиненныхъ, что́ необходимо поставить ему въ заслугу, такъ какъ чеченецъ-подчиненный рѣшительно не способенъ слушаться чеченца-начальника. Добавлю, что Чими, какъ и Саадула, не дурно говорилъ и понималъ по русски.

— Знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ къ тебѣ?—спросилъ я симпатичнаго своего хозяина, послѣ того какъ мы заѣхали къ нему на дворъ и вошли въ его кунацкую.

— А зачѣмъ мнѣ знать? произнесъ онъ съ почтительно-любезною улыбкою. — Пріѣхали — значитъ вы мой гость и мой долгъ угодить вамъ, чѣмъ могу.

Я перевелъ разговоръ на курганы и раскопки. Чими, подобно Саадулѣ, выразилъ опасеніе за счастливый исходъ моихъ поисковъ, сославшись на строгость приказанія начальства. Но когда я разъяснилъ ему, что приказаніе не распространяется на предметы, уже найденные при раскопкахъ, то онъ изъявилъ го-

товность оказать мнѣ посильную помощь для достиженія моей цѣли. Вслѣдъ затѣмъ онъ извинился, что оставляетъ меня на нѣкоторое время, и своею театрально-величавою походкою вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ Чими вновь вернулся въ саклю и, съ выраженіемъ удовольствія на лицѣ, подалъ мнѣ какой-то кусокъ бронзы.

— Кое-что намъ принесутъ — я распорядился, произнесъ онъ,—а пока вотъ одна вещица, которую я сейчасъ выпросилъ у своего знакомаго:—онъ нашелъ ее при разрытіи кургана, что находится верстахъ въ трехъ отъ нашего селенія на берегу *Джалки*.

Поданный мнѣ кусокъ бронзы походилъ и на археологическій топорикъ съ отломанною переднею частью и плоскою дугообразною приставкою къ задней сторонѣ шейки топорика, и на гайку ноженъ какого-то холоднаго оружія, можетъ быть, ножа или кинжала съ узкимъ клинкомъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ, пожалуй, нѣкоторое отдаленное сходство этого куска бронзы съ поперечными металлическими перекладинками, которыя обыкновенно помѣщаются у корня рукоятокъ мечей, сабель, шашекъ. Никакихъ украшеній и рисунковъ на бронзѣ не оказалось. Поверхность ея была гладкая, тусклая и съ небольшими зелеными пятнами ржавчины. Въ противолежащихъ стѣнкахъ шейки топорика имѣются по одному круглому отверстію и каждое изъ нихъ съ наружной стороны окаймляется круглою выпуклостью.

Пока я разсматривалъ бронзу, вошелъ въ саклю чеченецъ, державшій въ рукахъ какой-то глиняный кувшинъ и кромѣ того холщевую сумочку. По мѣстному обычаю, чеченецъ издали кивнулъ мнѣ головою,

произнеся на своемъ родномъ языкѣ: „здравствуй! хорошо-ли живешь!“ и протянулъ мнѣ кувшинъ, въ которомъ при этомъ прозвенѣли какія-то металлическія вещи. Сумочки онъ не далъ мнѣ въ руки, а положилъ ее подлѣ меня на стоявшій тутъ низенькій трехногій стулъ. Кувшинъ формою своею былъ подобіемъ кувшинчика изъ красной глины, описаннаго мною раньше; сдѣланъ онъ былъ, впрочемъ, аккуратнѣе и симметричнѣе послѣдняго. Высота его была 18 сант., діаметръ дна равнялся 10 сант., въ мѣстѣ наибольшей выпуклости стѣнокъ діаметръ круга составлялъ $16^1/_2$ сант., а кругъ верхняго обрѣза имѣлъ въ діаметрѣ $9^1/_2$ сант. Вмѣсто двухъ ручекъ краснаго кувшинчика у этого была только одна ручка. Изъ высыпанныхъ изъ кувшина металлическихъ предметовъ, частью цѣльныхъ, частью сломанныхъ, прежде всего мнѣ бросилась въ глаза серебряная пластинка довольно своеобразной формы. Очень тонкая и не большихъ размѣровъ (длина 11 сант. и ширина $1/_3$ сант.), она однимъ концомъ своимъ представляетъ наконечникъ копья, охваченный съ боковъ двумя полукружіями *); отъ мѣста соединенія обоихъ полукружій идетъ внизъ узкая четырехъ-угольная пластинка, чуть-чуть расширяющаяся книзу. Пластинка гладкая, но у боковыхъ сторонъ ея виднѣются небольшія выемки и надрѣзы, а по средней линіи ея въ двухъ мѣстахъ имѣются круглыя сквозныя отверстія. Кромѣ этой цѣльной пластинки изъ высыпанныхъ изъ кувшина осколковъ я составилъ еще такихъ-же три пластинки, изъ которыхъ одна была тоже серебряная, а остальныя двѣ—бронзовыя. Нельзя было сомнѣваться,

*) Очень напоминаетъ собою вѣнчикъ архіерейскаго жезла, только крестикъ замѣняется оконечностью копья.

что всѣ четыре пластинки составляли два тождественныхъ предмета. Серебряныя пластинки, очевидно, служили лицевою стороною предметовъ, а бронзовыя были изнанкою; въ срединѣ же между тѣми и другими пластинками помѣщалось что-то менѣе прочное, можетъ быть, дерево или кожа, истлѣвшая отъ времени. Пластинки и сердцевина ихъ скрѣплялись между собою металлическими гвоздиками, на что ясно указываютъ симметрически расположенныя отверстія въ пластинкахъ, а также найденный въ осколкахъ бронзовый гвоздикъ, свободно входящій въ отверстія. Въ той-же кучкѣ обломковъ оказались еще плоская серебряная пряжка и двѣ маленькія бронзовыя пряжки.

По поводу пряжекъ нужно сказать, что ихъ попадается очень много, какъ въ курганахъ, разбросанныхъ на плоскости Чечни, такъ и въ каменныхъ могилахъ (дольмены) Ичкеріи. Въ собранной мною небольшой коллекціи предметовъ, добытыхъ изъ кургановъ и каменныхъ могилъ, пряжекъ больше, чѣмъ всякихъ другихъ вещей. И замѣчательно, что онѣ до крайности разнообразны, какъ по металлу, изъ котораго сдѣланы, такъ и по формѣ и величинѣ. Изъ этихъ пряжекъ бронзовыя отличаются большею частью массивностью, серебряныя и мѣдныя бываютъ обыкновенно плоскія, а золотыя, какъ наприм., описанная выше пряжка, извлеченная изъ серженъ-юртовскаго кургана, сдѣланы съ такою экономіею въ металлѣ, что остается предположить, что въ пору употребленія всѣхъ этихъ пряжекъ золото цѣнилось дороже даже, чѣмъ теперь.

Обиліе пряжекъ въ могилахъ и отсутствіе въ нихъ крючковъ и пуговицъ (нѣчто, похожее на пуговицы, было найдено только въ одномъ курганномъ склепѣ,

о чемъ говорится дальше) заставляютъ думать, что эти пряжки употреблялись взамѣнъ всякаго рода иныхъ застежекъ. Въ виду результатовъ раскопокъ, произведенныхъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа, напр., въ Осетіи, можно позволить себѣ въ отношеніе пряжекъ еще одно соображеніе. Въ Осетіи, въ могилахъ болѣе древняго происхожденія находятъ родъ булавокъ съ очень большими плоскими бляхами на одномъ концѣ да еще такъ называемыя *фибулы*. Пряжекъ въ этихъ могилахъ еще не находятъ. Въ ичкеринскихъ могилахъ мною найдены тѣ-же булавки и фибулы, но неизмѣримо меньшихъ размѣровъ. Въ послѣднихъ могилахъ рядомъ съ фибулами и булавками попадаются уже и пряжки; точно также въ могилахъ Осетіи позднѣйшаго времени тоже находятъ больше пряжекъ, чѣмъ булавокъ и фибулъ, а затѣмъ послѣдніе предметы пропадаютъ вовсе и вмѣсто нихъ появляются пряжки всевозможныхъ видовъ и формъ. Завзятые археологи остановились на мнѣніи, что булавки были принадлежностью головного убора древней женщины. Это мнѣніе позволительно оспаривать по слѣдующимъ соображеніямъ. Толстый и массивный стержень археологическихъ булавокъ доходитъ иногда до 10—14 вершковъ въ длину, причемъ служащая головкою его бляха имѣетъ вершка четыре въ длину и вершковъ 6—8 въ ширину. Если оставить въ сторонѣ невѣжественное мнѣніе о великанахъ и великаншахъ, населявшихъ Кавказъ въ пору возведенія вскрываемыхъ нынѣ могилъ, то не возможно ничѣмъ убѣдить себя, что древняя женщина добровольно обременяла свою голову такою непомѣрною тяжестью. Не забудемъ, что эта женщина, какъ доказывается могильными находками, носила еще довольно грубыя и тяжелыя

подвѣски и, по всей вѣроятности, вплетала въ свои волоса множество стеклянныхъ и каменныхъ бусъ. Съ другой стороны, бросается въ глаза полное несоотвѣтствіе булавокъ, какъ предполагаемаго головного украшенія, съ другими украшеніями древняго человѣка. Бусы того времени, въ общемъ, нисколько не больше, напр., теперешнихъ бусъ. Браслеты, кольца, даже серьги — все это по размѣрамъ развѣ чуть только превосходитъ размѣры подобныхъ-же предметовъ, употребляемыхъ женщиною нашихъ дней... Но въ такомъ случаѣ что-же представляютъ собою эти булавки и въ чемъ заключается связь ихъ съ фибулами и пряжками? Полагаю, что мы стоимъ тутъ передъ образною исторіею искусства одѣваться и украшать предметы одежды. Былъ моментъ, когда наглухо сшивать части одежды (конечно, ремешками или высушенными жилами животныхъ, съ помощью бронзоваго шила или бронзовой иглы) уже умѣли, но еще не существовало удовлетворительныхъ приспособленій для временнаго соединенія частей одежды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глухіе швы были не удобны, напр., на груди, т. е. не существовало ни пряжекъ, ни пуговицъ, ни крючковъ. Мѣсто этихъ болѣе или менѣе удобныхъ приспособленій или орудій, по всей вѣроятности, и занимали тогда первобытныя булавки, употреблявшіяся, надо думать, не по одной, а по двѣ, и укладывавшіяся на груди такимъ образомъ, что получался косой крестъ. Въ то-же время для скрѣпленія пояса употреблялась четырехугольная бляха съ очень грубымъ крюкомъ, запускавшимся прямо въ кожу пояса *). Потомъ для той-же надобности—ска-

*) Бляхи эти въ большомъ числѣ попадаются въ каменныхъ могилахъ восточной Ичкеріи.

лыванія одежды—изобрѣли *фибулы,* а отъ нихъ перешли уже къ пряжкамъ. Въ силу слабаго развитія въ тогдашнемъ человѣкѣ изобрѣтательной способности, на переходы отъ одного типа пряжекъ къ другому потребовалось, конечно, не мало времени, и этимъ объясняется, почему могилы, въ которыхъ встрѣчаются пряжки, носятъ явные слѣды болѣе новаго происхожденія, чѣмъ могилы съ булавками. Однако, художественное чутье подсказало древнему кавказскому человѣку, что симметрически расположенныя на груди двѣ одинаковыя дощечки или двѣ бляхи очень украшаютъ грудь и, разъ понявъ это, онъ пристрастился къ своему первобытному украшенію, хотя прежняя надобность въ немъ и миновала. Не здѣсь-ли таится источникъ происхожденія круглыхъ бляхъ, къ которымъ я перейду сейчасъ, а также происхожденія тѣхъ двухъ рядовъ блестящихъ гозырей, которые придаютъ такую красоту черкескѣ современнаго намъ кавказскаго горца?

Въ сумочкѣ, положенной около меня чеченцемъ, оказались слѣдующіе предметы:

1) Три круглыхъ бронзовыхъ бляхи, почти одинаковыхъ размѣровъ (діаметр. 5—6 сант.), одна цѣльная, а двѣ другія безъ сегментовъ. Поверхность бляхъ съ одной стороны совершенно гладкая, какъ бы отполированная, съ другой же—шероховатая и на этой сторонѣ на каждой бляхѣ имѣются по двѣ петли.

2) Часть такой же бляхи съ одною петлею.

3) Бронзовая бляха овальной формы; на одной сторонѣ ея, гладкой, находится петля, а на другой вырѣзанъ рисунокъ.

4) Бронзовая круглая бляха діаметромъ 7 сант. Одна сторона бляхи гладкая, на другой-же сторонѣ

въ срединѣ петля, а между петлей и окружностью рельефное изображеніе какого то звѣря, повторяющееся три раза. Голова звѣря похожа на волчью, но хвостъ какъ будто собачій, хотя художникъ не сумѣлъ завить конецъ хвоста кольцомъ, а сдѣлалъ его въ формѣ кисточки. По окружности бляхи идетъ ободокъ, поднимающійся надъ стороной съ петлей.

5) Бронзовая бляха съ петлей на оборотной, плоской сторонѣ. Рельефъ лицевой стороны напоминаетъ лошадиную голову, какъ бы распластанную и изображенную на одной плоскости. На мѣстѣ морды сдѣланъ дугообразный выемъ, въ которомъ совершенно ненатурально укрѣплены зубы. Рельефъ вообще очень странный.

6) Бронзовая чашечка; стѣнки ея очень толстыя, а въ днѣ чашечки имѣется круглое отверстіе.

7) Шесть штукъ бронзовыхъ пуговицъ въ формѣ полушарій съ ручками.

Чеченецъ, принесшій осмотрѣнные предметы (кстати сказать, чеченецъ этотъ, Хаспулатъ по имени, и обликомъ лица, и манерами сильно напоминалъ еврея или, въ болѣе общемъ смыслѣ—сына семитской группы народовъ *), разсказалъ, что серебряная пластинка, а также серебряная и двѣ бронзовыя пряжки найдены въ скалѣ кургана, лежащаго у подошвы Черныхъ горъ, между рѣками Аргуномъ и Джалкой. Что касается бронзовыхъ бляхъ, также бронзовыхъ чашечки и пуговицъ, то онѣ добыты изъ другого большого кургана, возвышающагося на берегу рѣки

*) Хаспулатъ не единственный въ своемъ родѣ. Чеченцы съ характерными особенностями семита встрѣчаются весьма часто на всей территоріи Чечни, но въ особенности въ мѣстности, занятой ауховскимъ обществомъ.

Урусъ-Мартана (протекаетъ западнѣе Аргуна), около аула того же названія. По словамъ чеченца, въ другихъ курганахъ, разбросанныхъ на пространствѣ между Джалкой и Урусъ-Мартаномъ, было найдено множество подобныхъ же предметовъ, серебряныхъ и бронзовыхъ. Всѣ эти предметы отъ владѣльцевъ ихъ перешли къ мѣстнымъ сéребрякамъ, распорядившимся съ ними по своему: серебряные предметы были обращены въ слитки, а бронзовые, какъ ни на что негодные, поло́маны и брошены.

Окончивъ осмотръ предметовъ, мы пустились въ разсужденіе объ ихъ значеніи. Ни чеченцы ни я рѣшительно не могли придумать назначенія для серебрянныхъ и бронзовыхъ пластинокъ, и вопросъ объ этомъ мы оставили открытымъ. Относительно же круглыхъ бляхъ я объяснилъ своимъ собесѣдникамъ, что ученые люди считаютъ ихъ зеркальцами, употреблявшимися вмѣсто теперешнихъ зеркалъ. Чеченцы съ этимъ не согласились, а высказали свое мнѣніе, что бляхи носились на одеждѣ, подобно тому, какъ и теперь носятся (дагестанцами, осетинами, кабардинцами) на черкескахъ, выше гозырей, металлическія бляшки, къ которымъ тянутся цѣпочки отъ головокъ гозырей. По ихъ убѣжденію, петли на бляхахъ служили для продѣванія въ нихъ цѣпочекъ, оборотная же сторона бляхъ дѣлалась гладкою потому, что этою стороною бляхи прилегали къ одеждѣ. Кто правѣе въ настоящемъ случаѣ: археологи или простые горцы?—рѣшать не берусь.

Чими кто-то вызвалъ изъ сакли. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, весело улыбаясь, объявилъ мнѣ, что сейчасъ явится еще одинъ молодецъ, у котораго тоже есть курганная добыча.

V.

Вслѣдъ за словами Чими изъ двора донеслись до моего слуха громкіе удары плети по бокамъ лошади. Одинъ изъ бывшихъ въ саклѣ молодыхъ людей выбѣжалъ на дворъ и помогъ прибывшему всаднику слѣзть съ топтавшагося на мѣстѣ разгоряченнаго коня. Затѣмъ на порогѣ сакли показался широкоплечій, коренастый чеченецъ, средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ замѣчательно характерною физіономіею. Физіономія эта была совершеннымъ воплощеніемъ идеи безпечнаго смѣха и въ тоже время въ ней было что-то волчье. Смѣялись небольшіе и острые глаза, окруженные пуками лучистыхъ морщинъ, смѣялись толстыя губы, смѣялся какъ будто толстый и широкій носъ, но въ смѣхѣ этомъ не было ничего заразительнаго и отъ него вѣяло холодомъ. Раздвинутыя смѣхомъ губы выказывали два ряда длинныхъ, широкихъ и, казалось, страшно — острыхъ зубовъ, и вотъ они-то — эти зубы, да еще какой-то животный огонекъ въ глазахъ придавали лицу чеченца волчье выраженіе или, пожалуй, выраженіе хищнаго звѣря, находящагося въ состояніи полнаго самодовольства. Итальянскіе криминалисты, взглянувъ на такую смѣющуюся физіономію, навѣрное вписали бы обладателя ея въ списокъ будущихъ тяжкихъ преступниковъ. Но въ Чечнѣ, въ особенности на плоскости, такихъ физіономій очень много и въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть лишь одно, что народъ въ массѣ своей еще не перешагнулъ за черту полудикаго состоянія.

Эльдаръ (такъ назывался пріѣхавшій чеченецъ), подойдя ко мнѣ, размашисто протянулъ мнѣ свою широкую руку, сопровождая этотъ жестъ обычными при-

вѣтствіями. Произнося привѣтствія, онъ особенно налегалъ на гортанные звуки, отъ чего казалось, что онъ какъ будто даже немного хрипитъ.

— Очень радъ твоему приходу, обратился я къ нему: — слышалъ вотъ, что у тебя есть вещи, найденныя въ курганахъ, и хотѣлъ бы посмотрѣть ихъ.

— Что у меня есть? одна только вещь есть... хорошая вещь, да не моя она: велѣли продать и деньги принести... Передо мною промелькнули волчьи зубы собесѣдника.

Я попросилъ показать мнѣ хорошую вещь.

Чеченецъ вытащилъ изъ пазухи грязную тряпицу, концы которой были связаны, и положилъ ее на ближайшій подоконникъ. Потомъ онъ медленно развязалъ узлы, порылся пальцами въ лежавшихъ на тряпицѣ какихъ-то темно-сѣрыхъ металлическихъ обломкахъ и, найдя розыскиваемый предметъ, подалъ мнѣ его со словами: „вотъ, смотри!“

Поданный мнѣ предметъ былъ какой-то синій камушекъ формы четырехгранной усѣченной пирамиды. Основаніе его имѣло въ длину $1\frac{3}{4}$ сант. и въ ширину 1 сант.; плоскость верхняго сѣченія была приблизительно втрое меньше. Сквозь тѣло камушка, параллельно длинной сторонѣ основанія, проходило круглое отверстіе, служившее, вѣроятно, для продѣванія нитки. Интересъ камушка сосредоточивался на его основаніи, на которомъ видѣнъ былъ какой-то не то выдавленный, не то вырѣзанный рисунокъ. Я сталъ внимательно разсматривать рисунокъ, стараясь разобрать его, но это мнѣ удавалось плохо. Замѣтивъ мои усилія, Эльдаръ вытащилъ изъ своей папахи (шапки) какую-то грязную бумажку и сунулъ мнѣ ее въ руку.

— Ты вотъ тутъ смотри!—ткнулъ онъ пальцемъ въ бумажку: — отлично видно... люди тамъ есть, лошадь.

На бумажкѣ былъ отчетливый оттискъ съ камушка, на которомъ была воспроизведена сцена битвы между двумя воинами, коннымъ и пѣшимъ. Первый воинъ сидитъ на конѣ съ красиво-выгнутой шеей и тонкими ногами. На головѣ у него высокая шапка съ круглымъ верхомъ, напоминающая шишакъ, а за его спиною виднѣется узкая длинная полоса, изображающая, конечно, копье. Второй воинъ стоитъ прямо противъ перваго, явно защищаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ нападая на своего противника. Ноги у него для большей устойчивости широко раздвинуты и корпусъ наклоненъ нѣсколько впередъ. Передъ нимъ, противъ головы лошади противника, виднѣнъ щитъ, изображенный сбоку, а за спиною его дугою протянулась узкая полоса, представляющая, конечно, правую руку. На линіи между кистью руки пѣшаго борца и головою всадника повисло въ воздухѣ что-то тонкое и длинное, съ небольшимъ утолщеніемъ въ срединѣ. Едвали можно сомнѣваться, что это копье или дротъ, пущенный во всадника рукою пѣшаго воина.

Неразборчивость рисунка на камушкѣ объяснилась тѣмъ, что онъ сдѣланъ на немъ въ обратную сторону, а это указываетъ, что камушекъ служилъ печатью. Камушекъ показался мнѣ очень интереснымъ и я возъимѣлъ желаніе пріобрѣсти его.

— Что-же ты просишь за свою вещицу?—обратился я съ вопросомъ къ Эльдару.

— Да ты купишь развѣ?—Вѣдь она дорогая!—заявилъ чеченецъ, желая какъ бы подзадорить меня и заставить быть тароватѣе.

— Пожалуй, куплю,—ты скажи цѣну.

— Да я бы и такъ отдалъ тебѣ ее, кунакъ, вотъ только чужая... игралъ словами чеченецъ, насмѣшливо смотря на меня своими наглыми глазами.

— Ну, говори-же, за сколько ты продаешь камушекъ?

— Да хозяинъ велѣлъ пять тюмень (тюмень—10 рублей) взять; камень, говоритъ, хорошій, дорогой, дороже золота.

Заявленіе продавца заставило меня внимательнѣе разсмотрѣть камень, и къ изумленію своему, я открылъ, что это даже не камень, а простое мутноватое стекло темно-синяго цвѣта. Открытіемъ своимъ я подѣлился съ окружающими, выразивъ, что цѣна стеклышка ничтожная, а если что имѣетъ цѣну, то рисунокъ на немъ.

Съ лица Эльдара моментально сбѣжало насмѣшливое выраженіе и на минуту оно сдѣлалось бездушно—злымъ. Потомъ онъ снова разсмѣялся хищнымъ смѣхомъ и, потянувшись за камушкомъ, произнесъ:

— Ты не знаешь... Въ *Чахъ-Кери* *) одинъ офицеръ три тюмень давалъ; въ Грозномъ я шесть возьму... Давай сюда!..

Онъ почти вырвалъ у меня изъ рукъ свое стеклышко и сунулъ его въ пазуху.

Чими, Саадула, Хакимъ, Хаспулатъ,—всѣ они возмутились поведеніемъ Эльдара и накинулись на него съ бранью. Энергичнѣе всѣхъ, хотя и тише другихъ, бранился Чими, изъ устъ котораго раза два вылетѣло: „*авдолг*“ (дуракъ, безумный).

Протестъ окружающихъ заставилъ смириться ди-

*) Укрѣпленіе Воздвиженское, расположенное у входа въ ущелье рѣки Аргуна.

каря. На лицѣ его опять показался безпечный и холодный смѣхъ.

— Тебѣ, должно быть, не надо этой вещи, произнесъ онъ въ тонѣ примиренія, — вотъ и не покупаешь... какъ хочешь...

— Мнѣ она, правда, не особенно нужна, поспѣшилъ я подтвердить догадку чеченца и, чтобы окончательно успокоить его, добавилъ: ты, однако, не огорчайся: навѣрное найдутся охотники, которые тебѣ хорошо заплатятъ.

На этомъ прекратился разговоръ о камушкѣ и я взялся за тряпицу, на которой лежали какіе-то куски желѣза.

— Это все тоже изъ кургановъ? спросилъ я Эльдара.

— Да, въ курганахъ нашли... Думали что золотое найти, обратился онъ къ сидѣвшимъ въ саклѣ чеченцамъ,—сколько работали, а нашли вотъ... изъ этой дряни и гвоздя для подковы кузнецъ не выкуетъ.

Между желѣзками я сначала нашелъ небольшой трехгранный наконечникъ стрѣлы, потомъ нашелъ три такихъ-же наконечника, сварившихся въ землѣ вмѣстѣ. Еще оказался кусочекъ желѣза, сплетенный жгутомъ. Кромѣ этихъ предметовъ было много обломковъ, совершенно неопредѣленной формы, и между ними лежало три куска, показавшихся мнѣ частями одного цѣлаго предмета. Когда я положилъ эти куски въ одну линію, одинъ подлѣ другого, то къ величайшему моему удивленію, получилась фигура, удивительно походившая на крокодила, обвитаго кольцами змѣи. На одномъ концѣ фигуры, сквозь трещины въ желѣзѣ и ржавчины, виднѣлись закрытая пасть и одинъ глазъ крокодила, другой конецъ ея предста-

влялъ собою прямой и длинный хвостъ его, а средина фигуры была какъ-бы туловищемъ животнаго, охваченнымъ въ трехъ мѣстахъ толстыми кольцами какой-то змѣи. Въ хвостѣ крокодила виднѣлось круглое отверстіе, сдѣланное, конечно, для какихъ нибудь практическихъ цѣлей. Длина всѣхъ трехъ кусковъ, вытянутыхъ въ одну линію, равнялась шести дюймамъ, но такъ какъ куски не приходились одинъ къ другому, то естественно было заключить, что фигура въ первоначальномъ ея видѣ была гораздо длиннѣе.

Продолжая далѣе перебирать и пересматривать желѣзные обломки, я невольно обратилъ еще вниманіе на одинъ изъ нихъ, напоминавшій собою верхнюю часть небольшого креста. Обломокъ этотъ состоялъ изъ двухъ небольшихъ брусковъ, изъ которыхъ одинъ выступалъ изъ средины другого подъ прямымъ угломъ, образуя съ нимъ такимъ образомъ фигуру, напоминающую обратно поставленную букву Т. Въ горизонтальномъ брускѣ, на продолженіи линіи вертикальнаго бруска, видѣнъ былъ изломъ, указывавшій, что отсюда внизъ шелъ другой брусокъ, составлявшій продолженіе верхняго. Что въ особенности придавало осколку сходство съ крестомъ—это узенькая и ровная полоска какого-то бѣлаго металла на горизонтальномъ брускѣ, наложенная совершенно такъ, какъ и нынѣ на кресты изъ того или другого матеріала накладываются иногда полоски другого матеріала, обыкновенно болѣе цѣннаго.

— Въ такомъ видѣ вы и нашли этотъ кусочекъ желѣза,—обратился я къ Эльдару,—или онъ былъ больше и имѣлъ другую фигуру?

Эльдаръ взялъ осколокъ въ руки, внимательно разсмотрѣлъ его и, какъ бы вспомнивъ что-то, замѣ-

тилъ: „какъ-же, она, желѣзка эта, была больше. Вотъ отсюда (онъ указалъ на изломъ въ поперечномъ брускѣ) шла еще полоска, лежавшая такъ же, какъ эта (поперечный брусокъ). Бѣлое золото (такъ чеченцы называютъ платину) было и на нихъ. Одинъ подержалъ ее въ рукахъ, другой, третій—и вотъ только и осталось".

Чеченецъ явно хотѣлъ изгладить во мнѣ впечатлѣніе предыдущей сцены и потому былъ любезнѣе и словоохотливѣе. Воспользовавшись его настроеніемъ, я подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги и попросилъ нарисовать мнѣ желѣзку въ томъ видѣ, въ какомъ она была найдена въ курганномъ склепѣ. Просьба эта и удивила, и разсмѣшила его, но онъ не рѣшился все-таки отказать въ исполненіи ея. Присѣвъ къ окну, мой милый художникъ какъ-то особенно нелѣпо вложилъ карандашъ между среднимъ и безымяннымъ пальцами правой руки, крѣпко притиснулъ его съ другой стороны толстымъ, какъ обрубокъ дерева, большимъ пальцемъ и съ отчаянными гримасами на лицѣ началъ водить имъ по бумагѣ. Работа тянулась безконечно долго: художникъ чертилъ, перечеркивалъ и снова принимался чертить. Наконецъ изъ подъ его пальцевъ вырисовалась фигура, не оставлявшая сомнѣнія въ томъ, что въ курганѣ дѣйствительно былъ найденъ крестъ. При этомъ рождалось еще убѣжденіе, что на лицевой сторонѣ креста находилось, если не распятіе, то уменьшенное повтореніе креста изъ серебра или, быть можетъ, дѣйствительно изъ платины.

На мои распросы Эльдаръ разъяснилъ, что печать найдена въ одномъ курганѣ, а желѣзныя вещицы въ другомъ. Оба кургана находятся въ близкомъ

другъ отъ друга разстояніи, не далеко отъ аула Чеченъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣки Аргуна.

Вещи, принесенныя Эльдаромъ, очевидно, очень далеки по типу отъ вещей Хаспулата. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли, преобладаютъ бронза и глина, между тѣмъ первыя состоятъ изъ желѣза, стекла и какого-то бѣлаго металла. На хаспулатовскихъ вещахъ лежитъ печать первобытной грубости и неумѣлости въ техникѣ; вещи-же Эльдара, въ особенности печать, указываютъ на довольно высокую культуру. Отсюда само собою вытекаетъ выводъ, что какъ эти археологическія находки, такъ и курганы, изъ которыхъ онѣ извлечены,—суть памятники различныхъ эпохъ, отстоящихъ одна отъ другой, быть можетъ, на разстояніи многихъ столѣтій. Опредѣлить, хотя бы приблизительно, эпоху сооруженія кургановъ съ Хаспулатовскими находками, имѣющими—къ слову сказать — нѣкоторое сходство съ археологическими находками въ Осетіи, дѣло въ высшей степени трудное, да едва-ли даже и возможное при современномъ состояніи археологіи, какъ науки. Трудно, конечно, опредѣлить и время сооруженія кургановъ съ находками Эльдара, но въ этомъ отношеніи возможны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя догадки. Въ числѣ послѣднихъ находокъ есть крестъ—символъ христіанства*).

*) Для тѣхъ, кто можетъ скептически отнестись къ моему свидѣтельству о находкѣ въ курганѣ креста, сообщаю здѣсь, что кресты и другіе символы христіанства были находимы на чеченской территоріи и раньше. Въ укрѣпленіи Воздвиженскомъ, въ оградѣ церкви, и теперь стоитъ большой каменный крестъ, найденный въ землѣ при копаніи земли для фундамента крѣпостныхъ стѣнъ. Въ одной изъ многихъ древнихъ башенъ неизвѣстнаго происхожденія, разбросанныхъ по многочисленнымъ вѣтвямъ Аргунскаго ущелья, я самъ видѣлъ на куполообразномъ потолкѣ башни крестъ лѣпной работы, совершенно того же типа, какъ крестъ, нарисованный Эльдаромъ. Въ Аргунскомъ-же ущельи, въ древнемъ мо-

слѣдовательно, курганъ, изъ котораго крестъ этотъ извлеченъ, не могъ быть сооруженъ раньше появленія христіанства на Кавказѣ. Хотя христіанская религія, черезъ посредство Грузіи и греческихъ колоній на восточномъ берегу Чернаго моря, проникла на сѣверный Кавказъ еще въ первые вѣка по Р. Х., однако трудно предполагать, чтобы въ районъ распространенія ея въ эту отдаленную эпоху входила и территорія нынѣшней Чечни, лежащая на сѣверо-восточномъ углу кавказскаго перешейка. При томъ, въ то время она и въ западной части Кавказа не могла стоять такъ высоко, чтобы къ послѣдователямъ ея принадлежали правители и именитые люди, удостоившіеся могильныхъ кургановъ. Въ виду этого нужно искать другую эпоху сооруженія кургановъ на чеченской плоскости для поклонниковъ креста, и такой эпохой всего естественнѣе считать время процвѣтанія въ юго-восточной Европѣ царства Хозарскаго, т. е. VII — X вѣка христіанской эры. Какъ извѣстно, въ Хозаріи одновременно пользовались всѣми правами гражданства три религіи—христіанство, мусульманство и іудейство. Извѣстно также, что въ предѣлы Хозарскаго царства весьма долго входилъ также весь западный берегъ Каспійскаго моря съ приморскими городами *Семендеромъ* и *Ганжей* (нынѣшній Петровскъ). Чеченская плоскость, составляющая продолженіе прикаспійской степи, неизбѣжно, должна была тоже входить во владѣнія хозарскихъ кагановъ, а потому христіанство и на ней пользовалось одинаковыми правами съ другими, существовавшими въ государствѣ,

---

гильникѣ, открытомъ около аула Соной, года два тому назадъ, былъ найденъ бронзовый полушарикъ съ рельефнымъ изображеніемъ женскаго лика, окруженнаго зубчатымъ вѣнчикомъ.

религіями. Вотъ въ этихъ данныхъ и лежитъ основаніе къ догадкѣ, что курганы съ христіанскими памятниками относятся къ указанной эпохѣ. Можно спросить: почему-же не къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ время существованія разноплеменной Хозаріи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ сама исторія, свидѣтельствующая, что съ момента паденія хозарскаго царства и вплоть до начала настоящаго столѣтія сѣверо-восточный уголъ Кавказа или западное побережье Каспійскаго моря находилось въ безпрерывномъ и безраздѣльномъ распоряженіи мусульманскаго міра, а этотъ міръ, представителями котораго были здѣсь татары—монголы, проявилъ себя, какъ злѣйшій врагъ и истребитель всякихъ слѣдовъ христіанства *).

Нахожденіе въ курганѣ печати съ описаннымъ выше рисункомъ нисколько не противорѣчитъ приведенному мною соображенію, а скорѣе подтверждаетъ его. Съ одной стороны, художественность рисунка на печати переноситъ насъ къ порѣ довольно высокой культуры хозаръ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ представительницею цивилизаціи того времени — Византіей, а съ другой, самое существованіе рисунка указываетъ на домусульманскую эпоху въ странѣ, такъ какъ съ водвореніемъ господства ислама должны были исчезнуть всякія воспроизведенія людей и животныхъ. Что касается искуственнаго крокодила, то это можетъ быть и амулетъ юго-восточнаго происхожденія, а можетъ быть, и просто какое нибудь украшеніе одежды или конской сбруи. Вообще, судя по археологическимъ находкамъ, сдѣлан-

*) Многими безспорными данными установлено, что съ половины XVI столѣтія на чеченской территоріи обитали также православные русскіе' но могильные курганы насыпаны, конечно, не ими.

нымъ не на Кавказѣ только, но и въ другихъ мѣстахъ Европы и Азіи, человѣкъ минувшаго времени больше, чѣмъ мы, любилъ придавать предметамъ домашняго обихода формы представителей животнаго царства.

Еще одно замѣчаніе, чисто археологическаго свойства. Не смотря на рѣзкое несходство курганной добычи, представленной мнѣ двумя чеченцами, самые курганы, изъ которыхъ она извлечена, находятся на одной и той же, относительно не большой, чеченской плоскости и весьма недалеко другъ отъ друга. Это указываетъ, что къ курганнымъ находкамъ нужно относиться очень осмотрительно, отнюдь не довѣряясь территоріальному размѣщенію кургановъ, таящихъ находки въ своихъ нѣдрахъ. Если курганы, находящіеся на разстояніи десятковъ и даже сотенъ верстъ другъ отъ друга, могутъ быть памятниками одной эпохи и одного народа, то, съ другой стороны, курганы, стоящіе рядомъ, не рѣдко представляютъ собою сооруженія различныхъ народовъ, жившихъ въ данной мѣстности одинъ послѣ другого.

Вспомнивъ слова серженъ-юртовца, сказанныя мнѣ въ Ведень, о находкѣ кѣмъ-то шашки, я спросилъ объ этомъ своихъ собесѣдниковъ.

— Разспрашивалъ я уже о шашкѣ, заявилъ Чими,—говорятъ, будто нашли, но кто нашелъ и у кого она теперь—не разберешь.

— Слышалъ про шашку и я, замѣтилъ Хаспулатъ; ее тоже чечень—аульцы нашли. Разсказывали мнѣ, что клинокъ шашки отъ рукоятки до средины широкій, шире теперешнихъ клинковъ, а нижняя половина его узкая, конецъ-же совсѣмъ какъ заостренная палочка. Толкуютъ наши, что этими шашками кололи чрезъ желѣзную рубашку (панцырь).

— Ну, если шашку трудно отыскать, то Богъ съ нею; а скажите-ка мнѣ, обратился я къ Эльдару и Хаспулату, что вамъ заплатить за ваши вещицы?

Хаспулатъ энергически отказался отъ всякой платы. Эльдаръ послѣдовалъ его примѣру (относительно печати подразумѣвалось, что она остается у хозяина), но выразилъ свой отказъ такъ двусмысленно, что чувствовалось его желаніе получить что нибудь. Поручивъ ему приносить мнѣ курганныя вещицы, если онѣ попадутся ему въ руки, я подъ этимъ предлогомъ подалъ ему трехрублевую ассигнацію. На лицѣ чеченца появилась какая-то кислая улыбка, предназначавшаяся выразить собою его смущенье, но деньги онъ взялъ *).

Чими накормилъ насъ сытнымъ туземнымъ обѣдомъ, послѣ котораго дали знать о прибытіи перекладной, заказанной мною утромъ на Эрсеноевской почтовой станціи. Когда я началъ собираться ѣхать, гостепріимный хозяинъ распорядился приготовить верховыхъ коней, чтобы по обычаю проводить меня вёрсты двѣ—три верхомъ. Искренно поблагодаривъ симпатичнаго юнкера и его семью за гостепріимство и простившись со всѣми, я сѣлъ на перекладную, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Хакимомъ, — и къ вечеру того-же дня прибылъ въ Грозный.

1887 года.
Укр. Ведень.

*) Почти всѣ описанные здѣсь археологическіе предметы, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые остались въ рукахъ чеченцевъ, были переданы мною весной 1888 г. графу Бобринскому — предсѣдателю Петербургскаго археологическаго общества, въ бытность его въ Терской области.

ПРЕДАНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

(Переводъ арабской рукописи, принадлежащей кадію Шамилю Каратаеву).

Какъ сказано мною въ другомъ мѣстѣ *), у чеченцевъ есть нѣсколько преданій объ ихъ происхожденіи или—точнѣе—о приходѣ ихъ предковъ на территорію, занимаемую народомъ въ настоящее время. Преданія эти разбиваются на устныя и письменныя. Извѣстныя мнѣ устныя чеченскія преданія, если только они не составляютъ вольнаго пересказа письменныхъ, отличаются блѣдностью красокъ и несложностью содержанія и, главнымъ образомъ, вертятся около собственнаго имени народа — ***Нахчу*** или ***Нахчой***. Дѣло, въ сущности, заключается въ слѣдующемъ. Народное имя чеченцевъ—***Нахчу*** разбивается на два слова: ***нахъ*** и ***чу***. ***Нахъ*** по чеченски значитъ люди, народъ, ***чу*** можно перевести словами внутри, тутъ, въ этомъ мѣстѣ. Подобнымъ же образомъ составлены другія чеченскія названія, напр., ***Гехинъ-чу*** — мѣстность, населенная мало-чеченцами, ***Ченъ-чу***— мѣстность Большой Чечни, ***Гезенъ-чу***—аулъ, ***Ахкенъ-чу***—тоже аулъ и

*) Въ „Замѣткѣ о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ чеченцевъ".

другъ. *). Слѣдовательно, ***Нахчу*** означаетъ мѣсто обитанія народа, а то-же слово въ другой формѣ—***Нахчой*** означаетъ самый народъ. Однако чеченцы этого не знаютъ или, зная, не осмысливаютъ. А между тѣмъ, по какой то случайности, слово ***нахчу***, мягче—***нахчи***, совпадаетъ съ другимъ чеченскимъ словомъ—***нахче***, означающимъ сыръ и творогъ. Вотъ это совпаденіе имени народа съ названіемъ одного изъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и послужило исходнымъ пунктомъ для созданія нѣсколькихъ легендъ—догадокъ о происхожденіи народа.

Въ одной такой легендѣ, слышанной мною отъ чеченца ауховскаго общества, Муртазали Аджіева, разсказывается, напр., что когда то изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится теперь г. Астрахань, бѣжалъ какой то богатырь (***Турпалъ***) и поселился на горѣ ***Сюринъ-кортъ*** **) На новомъ мѣстѣ жительства онъ занялся скотоводствомъ и, конечно, сталъ выдѣлывать сыръ. Вскорѣ у него произошли крупныя столкновенія съ коренными обитателями страны. Послѣднимъ все хотѣлось погубить его, но такъ какъ богатырь постоянно разрушалъ ихъ замыслы, то имъ осталось одно: дать ему насмѣшливое прозвище ***нахче*** (сырный) и на этомъ успокоиться. У богатыря Нахче современъ родилось семь сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками чеченскаго народа. Отъ отца прозвище

*) Весьма интересно, что то-же ***чу*** мы встрѣчаемъ въ названіяхъ многихъ населенныхъ пунктовъ на территоріи Китайской имперіи. Такъ, въ среднемъ и восточномъ Китаѣ есть города *Ланъ-чу*, *Канъ-чу*, *Хуанъ-чу*, *Су-чу*, *Фу-чу* и друг.

**) *Сюринъ-Кортъ* (вечерняя гора, т. е. западная) лежитъ на правой сторонѣ рѣки Аргунъ, верстахъ въ 5—10 отъ г. Грознаго. Это одна изъ двухъ лежащихъ другъ противъ друга горъ, проходъ между которыми извѣстенъ подъ громкимъ въ исторіи покоренія Кавказа именемъ *Хункальскаго* ущелья (ущелье ханской крѣпости).

Нахче перешло къ дѣтямъ, а потомъ оно превратилось въ общенародное названіе всего ихъ потомства.

По другой устной легендѣ, записанной авторомъ брошюры: „Чечня и Чеченцы“ *) Берже, имя чеченцевъ—***Нахчи*** имѣетъ такое происхожденіе. Нѣкогда у родоначальника чеченцевъ Али родился сынъ со сжатымъ кулачкомъ правой руки. Когда, обмывая ребенка, разжали ему кулачекъ, то въ послѣднемъ нашли кусочекъ сыру. Это послужило основаніемъ назвать мальчика Нахчи, а потомъ именемъ мальчика, сдѣлавшагося патріархомъ чеченскаго народа, былъ названъ и весь народъ.

По третьему сказанію, передаваемому г. Лаудаевымъ въ статьѣ его, напечатанной въ „Сборн. Свѣд. о кавказскихъ горцахъ“ **), у родоначальника чеченцевъ, вышедшаго изъ Шама (Сирія), было нѣсколько сыновей, изъ которыхъ младшій носилъ имя Нахчи. Этому младшему сыну достались въ удѣлъ нынѣшнія чеченскія горы, а потому обитатели этихъ горъ, его потомки, получили названіе Нахчи.

Въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что передатчикъ сказанія, г. Лаудаевъ, природный чеченецъ, относясь къ передаваемому имъ преданію скептически, замѣняетъ его догадкою отъ себя. Догадка заключается въ томъ, что плоскостные чеченцы въ прежнее время преимущественно занимались скотоводствомъ и имѣли много сыру. Кичась передъ своими сосѣдями, обитателями горъ, своимъ сырнымъ богатствомъ, они, должно быть, назвали себя сырными, по чеченски же это вышло ***нахчой***. Нельзя сказать, чтобы догадка принадлежала къ чис-

*) Издана въ Тифлисѣ, въ 1859 году.

**) Вып. VI. Тифлисъ, 1872.

лу особенно счастливыхъ, но она интересна тѣмъ, что указываетъ на направленіе, въ которомъ работаютъ по данному вопросу умы природныхъ чеченцевъ.

Письменныя преданія чеченцевъ, по многимъ признакамъ, имѣютъ иной источникъ происхожденія. Рукописи этихъ преданій написаны всѣ по арабски и принадлежатъ мулламъ, между которыми весьма много дагестанцевъ. Во многихъ такихъ рукописяхъ сначала разсказывается о прошлыхъ судьбахъ Дагестана, о внесеніи въ нѣдра его ислама, о борьбѣ дагестанскихъ владѣтелей съ арабскими полководцами, и проч., а потомъ уже приводится исторія происхожденія и разселенія чеченцевъ. Одно это указываетъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣло велось гораздо серіознѣе, чѣмъ въ измышленіи приведенныхъ мною устныхъ преданій, и велось, вѣроятно, дагестанскими учеными—людьми, чуждыми наклонности къ вымысламъ и проникнутыми любовью къ исторической правдѣ. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ выводить заключенія, что все, находимое нами въ рукописяхъ, исторически вѣрно. Въ нихъ, конечно, не мало ошибочнаго, а иногда и несообразнаго, что объясняется многими причинами. Съ одной стороны, авторы рукописей, естественно, многое вписывали въ нихъ по наслышкѣ, рабски повторяя, въ силу своей правдивости, все то, что имъ разсказывали „свѣдущіе“ люди; съ другой, мусульманская ученость этихъ авторовъ не мѣшала имъ, конечно, оставаться глубокими невѣждами въ общеобразовательномъ отношеніи и принимать поэтому на вѣру всякаго рода сказки и басни. Кромѣ того, если допустить, что составленіе первоначальныхъ рукописей относится ко временамъ давно

минувшимъ, то необходимо признать, что текстъ ихъ неизбѣжно подвергся значительнымъ искаженіямъ со стороны позднѣйшихъ переписчиковъ. Какъ бы то ни было, но излагаемое въ рукописяхъ—не догадки проницательныхъ людей, а отголоски дѣйствительныхъ событій, поэтому рукописи заслуживаютъ полнаго вниманія и изученія.

Арабскихъ рукописей, трактующихъ о происхожденіи чеченцевъ, всего было у меня въ рукахъ четыре. Одна изъ нихъ принадлежитъ жителю селенія Ножай-юртъ, ичкеринскаго общества (Нагорная Чечня) ***Шахъ-булату***, другая — жителю селенія Ярыкъ-су, ауховскаго общества, муллѣ ***Темурко Урусханову***, третья—жителю селенія Цонторой (Ичкерія), муллѣ ***Арсануко*** и четвертая—бывшему Ичкеринскому кадію ***Шамилю Каратаеву***. Первыя двѣ рукописи сильно разнятся съ послѣдними двумя, не будучи сходны и между собою. Рукописи же Арсануко и Шамиля-кадія въ общемъ тожественны и расходятся одна съ другой только въ частностяхъ. Всѣ эти рукописи были разновременно переведены мною съ арабскаго при помощи словесныхъ переводчиковъ; но тщательно точный переводъ рукописи Шамиля - кадія, сверхъ того, былъ сдѣланъ для меня еще однимъ вполнѣ компетентнымъ переводчикомъ съ арабскаго *). Этотъ переводъ, снабженный мною необходимыми примѣчаніями и справками по рукописи муллы Арсануко, и помѣщается здѣсь ниже.

---

*) Полковникомъ А. Я. Чернышевымъ.

Во имя Бога милосердаго и милостиваго! [1])

Хвала Богу, единому Господу вселенной! [2])

Да будетъ благословеніе и миръ надъ тѣмъ, послѣ котораго нѣтъ пророка [3]).

Лѣтопись выхода предковъ племени *Нахчу* [4]) изъ селенія *Нахчувана* [5]) въ 17-й день мѣсяца Раджаба [6]) 63 года послѣ *гиджріи* [7]), по смерти пророка—да будетъ надъ нимъ благословеніе и миръ.

Изъ вышеупомянутаго благословеннаго селенія Нахчувана вышли три брата: *Абдулъ-Ханъ*, *Рашидъ-Ханъ* и *Гамзатъ-Ханъ*, сыновья *Сеида-Али-Шами*, носившаго въ свое время титулъ *Сейедуль Умараи Султану Салатини* [8]), жившаго сто лѣтъ и умершаго—да помилуетъ его Богъ—въ *Шами* [9]).

---

[1]) Этимъ воззваніемъ начинается каждая глава (сура) корана.

[2]) Первый стихъ первой главы корана.

[3]) Т. е. надъ пророкомъ Магометомъ.

[4]) Чеченцевъ.

[5]) Нахичевань. Здѣсь говорится или объ извѣстномъ городѣ Нахичеванѣ или о деревнѣ Нахичевань, находящейся въ Кагызманскомъ округѣ, Карсской области, *Нахчуванъ*, очевидно, образовалось изъ двухъ словъ: *Нахчу*—названіе чеченцевъ — и *Ванъ*—названіе озера, лежащаго на юго-востокѣ отъ Эрзерума, въ предѣлахъ Турціи (оз. Ванъ-гель), а также находящагося на восточномъ берегу его города Ванъ. Въ этомъ, полагаю, доказательство, что чеченцы дѣйствительно вышли изъ тѣхъ мѣстъ, на которыя указывается въ преданіи.

[6]) Іюль.

[7]) *Гиджрія*—начало мусульманскаго лѣтосчисленія, совпадающее съ 622 годомъ Христіанской Эры. 63 годъ гиджріи соотвѣтствуетъ 682 году Христ. Эры.

[8]) Т. е. князь правителей и властелинъ властелителей. Титулъ этотъ принадлежитъ арабскимъ халифамъ и турецкимъ султанамъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ употребленъ, вѣроятно, для возвеличенія предка Чеченцевъ.

[9]) *Шами*, *Шамъ*—древнее названіе, по мнѣнію однихъ, города Дамаска, по мнѣнію другихъ, всей Сиріи. Въ преданіи подъ этимъ названіемъ подразумѣвается, вѣроятно, Сирія, а не Дамаскъ, который мусульмане называютъ *Дамышки* или *Дамешки*, а иногда *Шамъ-шааромъ* (*шааръ* городъ).

Послѣ смерти отца ихъ княжеская и султанская власть перешла въ руки людей неправедныхъ (буквально: сыновей неправды), а именно, мѣсто его занялъ *Омаръ-бену-Хасанъ-Шами*. Вслѣдствіе этого братья бѣжали въ Нахчуванъ. Изъ Нахчувана они ушли въ *Кагызманъ* [1]), гдѣ жили родственники отца ихъ, въ томъ числѣ ихъ дядя Гази-Гамзатъ. Тамъ они прожили десять лѣтъ. Младшій братъ Гамзатъ-Ханъ тамъ и умеръ. Изъ Кагызмана Абдулъ-Ханъ и Рашидъ-Ханъ перешли въ Арзуманъ [2]), гдѣ прожили шесть лѣтъ. Тамъ умеръ второй братъ Рашидъ-Ханъ,— да помилуетъ его Всевышній Богъ; онъ былъ *заидъ* [3]). Абдулъ-Ханъ перешелъ въ *Галибъ* [4]) со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ трехъ сыновей, четырехъ дочерей, жены и племянника—сына Рашидъ-Хана. Здѣсь племянникъ Абдулъ-Хана женился на дочери князя *невѣрныхъ* [5]) Албулата. Оставивъ племянника въ Галибѣ, Абдулъ-Ханъ перешелъ съ своимъ семействомъ въ одно мѣсто, гдѣ кромѣ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей никого больше не было и гдѣ протекала небольшая рѣчка *Басханъ* [6]). Тамъ онъ построилъ нѣсколько каменныхъ башенъ. Изъ родившихся у него на томъ мѣстѣ сыновей одного онъ назвалъ Басханомъ. Тамъ онъ и умеръ — да помилуетъ его Всевышній Богъ.

[1]) Городъ Карсской области, лежащій на Араксѣ.

[2]) Арзерумъ (Эрзерумъ).

[3]) Человѣкъ святой жизни.

[4]) Въ рукописи Арсануко стоитъ: *Халибъ*. Народъ *халибы*, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей, обиталъ на юго-восточномъ прибрежьѣ Чернаго моря.

[5]) Т. е. не мусульманъ.

[6]) *Баксанъ*, впадающій въ Малку, притокъ Терека. Догадка эта кромѣ сходства названій подтверждается тѣмъ, что Баксанъ находится въ Кабардѣ, а въ рукописи Темурко Урусханова прямо говорится, что родоначальникъ чеченцевъ пришелъ въ землю *кабаровъ* (кабардинцевъ).

Послѣ Абдулъ-Хана осталось три сына: ***Шамъ-Ханъ***, ***Сеидъ-Али*** и ***Фахруддинъ*** и четыре дочери: ***Заидатъ***, ***Фатиматъ***, ***Хабисатъ*** и ***Зайнабъ***. Онъ умеръ, будучи девяноста лѣтъ отъ роду.

Я, ***факиръ*** [1]) ***Шамъ-Ханъ***, пишущій эти строки, [2])— третье поколѣніе отъ нашего предка Сеида-Али-Шами. Въ 153 году послѣ гиджріи я выдалъ сестеръ своихъ замужъ [3]) за князей Абазака [4]) и у нихъ взялъ себѣ жену, дочь Сурхая. Изъ-за сестеръ моихъ между мною и абазаками возникли вражда и ненависть, вслѣдствіе чего мы — я и братья мои — переселились съ Басхана къ небольшой рѣчкѣ [5]), гдѣ основали свое мѣстожительство. У брата моего Сеида-Али послѣ того родился сынъ, котораго мы назвали ***Аргункомъ***. Сеидъ-Али на этомъ мѣстѣ и остался [6]), для Фахруддина мы избрали мѣстомъ жительства ***Байна-Саврайни*** [7]), а я ушелъ въ ***Нашахъ*** [8]) и поселился тамъ въ по-

[1]) *Факиръ*-бѣдный. У мусульманъ принято употреблять этотъ эпитетъ въ знакъ ничтожества передъ Богомъ.

[2]) Здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ мѣстахъ рукописи, разсказъ отъ автора смѣняется монологомъ героя повѣствованія. Въ настоящемъ переводѣ въ точности соблюдена форма подлинника.

[3]) 153 году гиджріи соотвѣтствуетъ 770 г. Х. Э., а такъ какъ выходъ отца Шамъ-Хана-Абдулъ-Хана изъ Нахчувана падаетъ на 682 г. Х. Л., то оказывается, что дочери послѣдняго были выданы своимъ братомъ замужъ черезъ 88 лѣтъ послѣ приведеннаго событія, что совершенно невѣроятно. Это указываетъ на необходимость къ хронологіи рукописи относиться съ крайнею осторожностью.

[4]) Абхазія, въ которую лѣтописецъ включаетъ и Кабарду.

[5]) По рукописи Арсануко, переселились къ *Аргуну*. Рѣка эта протекаетъ въ срединѣ Чечни и впадаетъ въ Сунжу, притокъ Терека. Въ настоящее время она довольно многоводна и занимаетъ широкое ложе.

[6]) Въ рукописи Арсануко стоитъ: Сеидъ-Али остался жить въ аулѣ *Чечень*. Аулъ этотъ существуетъ и теперь; онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Аргуна, верстахъ въ 15 отъ г. Грознаго.

[7]) Названіе *Байна-Саврайни* мнѣ неизвѣстно, но въ рукописи Арсануко вмѣсто него стоитъ другое — *Сюринъ-кортъ* (вечерняя вершина). См. примѣч. на стр. 210.

[8]) *Нашахъ* возвышенное плоскогоріе въ верховьяхъ рѣки *Мартанъ*

строенной мною каменной башнѣ. Это было въ 213 году послѣ *гиджріи* [1]).

Шамъ-ханъ умеръ въ Нашахѣ. Послѣ того въ Нашахѣ образовалось тринадцать колѣнъ [2]).

Я, *факиръ* Гамзатъ, сынъ Шамъ-Хана, четвертый потомокъ нашихъ предковъ (повѣствую): Аргунъ, сынъ Сеида-Али, оставилъ свое мѣстожительство [3]) своимъ братьямъ и перешелъ на жительство въ *Махкеты* [4]),

---

и притока ея *Рошня*. Мартанъ протекаетъ въ Чечнѣ же, нѣсколько западнѣе Аргуна и впадаетъ въ Сунжу. Здѣсь умѣстно замѣтить, что всѣ преданія чеченцевъ о мѣстѣ первоначальнаго поселенія ихъ предковъ на территоріи нынѣшней Чечни, какъ письменныя, такъ и устныя сходятся въ томъ, что этимъ мѣстомъ былъ *Нашахъ* или *Нашахо*. Отдѣльныя чеченскія общества: *Ичкеринское*, *Аухозское*, *Гехинское* (Малая Чечня) и другія—всѣ утверждаютъ, что предки ихъ жили именно въ Нашахѣ. Возможно, что *Нашахъ* тоже, что *Машахъ*; послѣднее же слово, какъ названіе народа, разновременно и разными писателями и народами измѣнявшееся въ *Мешехъ*, *Мосохъ*, *Мосхъ*, *Мосхи*, *Мечеги*, *Меджехи*, *Меджехеты*, *Мехизы*, *Мичигиши*, съ одной стороны, уноситъ насъ въ глубочайшую древность, когда, по библіи и греческимъ и армянскимъ источникамъ, сначала въ срединѣ Малой Азіи, потомъ на юго-востокъ Чернаго моря, восточнѣе *Халибовъ*, а потомъ въ Кавказскихъ горахъ, за аланами, обитали *Мешеки* или *Мосхи*, съ другой — даетъ намъ право отождествлять съ *Мешехами* чеченцевъ, которыхъ сосѣди ихъ, кумыки, и теперь называютъ *Мичигиши*.

[1]) Въ рукописи Арсануко стоитъ: „...было въ 170 году *гиджріи*". 213 годъ соотвѣтствуетъ 828, а 170 г.—786 г. Хр. лѣт. Такимъ образомъ, по рукописи Шамиля-кадія переходъ Шамъ-Хана въ Нашахъ состоялся черезъ 58 лѣтъ послѣ выдачи имъ своихъ сестеръ замужъ, а по рукописи Арсануко, то-же событіе отстоитъ отъ замужества сестеръ Шамъ-хана на 16 лѣтъ. Послѣднее, какъ болѣе вѣроятное, должно быть ближе къ истинѣ.

[2]) Въ рукописи состоитъ: *племенъ*, но мнѣ показалось болѣе правильнымъ слово *колѣнъ*.

[3]) Въ рукописи Арсануко: и оставилъ *Чечень-аулъ*.

[4]) Аулъ *Махкеты* лежитъ въ верховьяхъ рѣки Бассъ, въ предѣлахъ Ичкеріи (нагорная Чечня). Чеченцы произносятъ это названіе *Мохкеты*, что значитъ на ихъ языкѣ *земля Кетовъ*. Въ Чечнѣ есть еще другой аулъ, лежащій на рѣчкѣ Аксай, носящій названіе *Мас-кеты*. Въ дополненіе къ помѣщенному выше примѣчанію относительно названія *Нашахъ* замѣчу здѣсь, что и *Масса-геты*, а также *Мец-геты* историческими источниками отождествляются съ названіемъ *Меджехеты*, т. е. чеченцы

вмѣстѣ съ нимъ перешелъ туда и дядя нашъ Фахруддинъ. Тамъ они прожили десять лѣтъ, я же оставался жить въ Нашахѣ, на *галѣ* [1]). Однажды мы съ Аргуномъ и Фахруддиномъ, по уговору, пошли осматривать окрестныя горы и нашли въ нихъ одно прекрасное мѣсто, покрытое лѣсомъ. Аргунъ переселился на это мѣсто и тамъ образовался большой аулъ, названный ***Аргуномъ*** [2]). Фахруддинъ не остался тамъ, а перешелъ на жительство ко мнѣ въ Нашахъ. Въ то время на горахъ, кромѣ ауловъ Аргуна и ***Карата*** [3]), другихъ не было. Тогда-же пришли въ ***Аваръ*** (въ Аварскія горы) ханы ***Кабатійскіе*** (?) ***Суракатъ*** и ***Кагаръ***. Суракатъ поселился въ Аварѣ, а Кагаръ въ Чиръ-юртѣ [4]). Это было въ 370 году послѣ гид-

(„Истор. Грузіи“ кн. Баранова, изд. 1865 г., „Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа“ Ивана Шопена, ст. 490, пр. 40).

[1]) *Гала, галонъ*—башня.

[2]) Въ Чечнѣ въ настоящее время аула Аргунъ нѣтъ. Въ Андійскомъ округѣ, Дагестанской области, есть аулъ *Аргуани* (Гумбетовскаго общества), но онъ, во первыхъ, черезчуръ далеко отстоитъ отъ Махкеты, во вторыхъ, находится въ совершенно безлѣсной мѣстности. (Можетъ быть, впрочемъ, тамъ и былъ лѣсъ въ пору разсказываемыхъ событій).

[3]) По рукописи Арсануко *Карада*. Карада, Карата—аулъ Каратинскаго общества, Андійскаго округа (Дагестанъ), лежащій на правой сторонѣ Андійскаго Койсу. Въ той же рукописи рядомъ съ названными аулами стоитъ еще Нашахъ.

[4]) Въ рукописи Арсануко послѣ именъ Сураката и Кагара стоятъ слова: *джуутъ* князья, т. е. еврейскіе князья, что, какъ мнѣ кажется, нужно понимать хозарскіе князья, такъ какъ послѣдніе, по свидѣтельству арабскихъ писателей, исповѣдывали іудейскую вѣру. Нужно замѣтить впрочемъ, что въ Дагестанѣ Суракатъ (*Сураке*) признается за русскаго князя. Тамъ же (въ рук. Арсануко) оба князя называются братьями. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Суракатѣ и Кагарѣ, по крайней мѣрѣ, о первомъ изъ нихъ, называемомъ *Сураке*, имѣются въ дагестанскихъ лѣтописяхъ (См. статью о Дагестанск. лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухамеддомъ Рафи. Сб. свѣд. о кавк. горц. выпускъ V). Здѣсь приведу только любопытную генеалогію Сураката, найденную мною въ рукописи Темурко Урусханова. *Суракатъ* (Сурахатъ) былъ сынъ *Султана*, сына *Аулхана*, сына *Умахана*, сына *Прусъ-шаха*, сына *Бакыра*, сы-

жріи [1]).

Всю плоскость занимали калмуки, царемъ которыхъ былъ ***Наврузъ-Ханъ,*** жившій на Терекѣ. Владѣнія Наврузъ-Хана находились между ***Темирказыкомъ*** [2]), ***Сарисиномъ*** [3]), лежащимъ между двумя валами [4]), и Абазакомъ. Наврузъ-Ханъ и сынъ его ***Карабитъ*** [5]), владѣли этомъ мѣстомъ ***163 года*** [6]).

Потомъ явился шахъ ***мутазилиновъ*** [7]), по имени ***Таймасханъ*** [8]), и завладѣлъ пространствомъ отъ ***Терека*** до ***Гурджистана*** [9]) и отъ ***Темирказыка*** до Сарисина [10]), но на третій годъ онъ возвратился изъ этого края въ свою страну, гдѣ и умеръ.

Послѣ Таймазъ-Хана явился нѣкто ***Темиръ-Султанъ-ханъ***, шахъ мутазилиновъ, и завладѣлъ всѣмъ

на *Намруда*, сына *Баяра*, сына *Переда* (можетъ быть, *Берда*), сына *Тахмаза*, сына *Саита*, сына *Амира*, а Амиръ былъ сыномъ *Пираума* (Фараона?). Отъ Адама до Пирауна было 98 поколѣній людей.

[1]) Дата, несомнѣнно, ошибочная. 370 годъ мусульманскаго лѣтосчисленія соотвѣтствуетъ 980 году Хр. лѣт.; между тѣмъ, изъ дальнѣйшаго повѣствованія видно, что Суракатъ воевалъ съ арабами—мусульманами, явившимися въ Дагестанъ, какъ извѣстно, въ срединѣ VIII столѣтія.

[2]) *Темиръ-казыкомъ* (по татарски желѣзный колъ) кумыки называютъ сѣверную полярную звѣзду, а также сѣверъ вообще. Трудно сказать, какое мѣсто подразумѣвается здѣсь подъ этимъ названіемъ.

[3]) *Сарисинъ*, Хозарскій *Сарашенъ*, нашъ Царицинъ (?).

[4]) Въ первоначальной рукописи, можетъ быть, стояло: за двумя валами, т. е. окруженный валами въ двѣ линіи. Вѣроятно, Сарисинъ былъ Хозарской крѣпостью, въ родѣ *Саркела* (*Сарыгала*—желтая крѣпость) на Дону.

[5]) Въ рукоп. Арсан. *Гарамбитъ*.

[6]) Вещь невѣроятная, чтобы царствованіе двухъ лицъ, отца и сына, продолжалось 163 года. Можетъ быть, нужно подразумѣвать царствованіе цѣлой династіи.

[7]) Совратившихся съ истиннаго пути, заблудившихся, т. е. мусульманъ—шіитовъ, персовъ.

[8]) У Арсануко: Темиръ-Ханъ.

[9]) Грузія.

[10]) Можетъ быть нужно подразумѣвать: отъ дальняго сѣвера до Грузіи (югъ), на западъ до Сарисина и на востокъ до устья Терека, т. е. до Каспійскаго моря.

краемъ. Онъ предпринималъ со своими войсками, подобно своему предшественнику, военныя движенія и кое чего изъ задуманнаго имъ достигъ. Въ Сарисинѣ онъ оставилъ лѣтопись, чтобы извѣстны были дѣла прежнихъ правителей страны [1]). Потомъ онъ возвратился изъ Сарисина въ Притеречный край и потомъ куда то исчезъ. Былъ ли онъ живъ или умеръ—никто не зналъ, кромѣ одного человѣка [2]). Этотъ человѣкъ разсказывалъ, что видѣлъ его въ царствѣ злыхъ духовъ (джиновъ), женатымъ на дочери царя духовъ; *онъ былъ прикрытъ покрываломъ* [3]). Войско его, сильно опечаленное, разсѣялось. Большая часть этого войска поселилась на горахъ, въ странѣ, называемой *Найрайни* [4]), и послѣ того въ *Найрайни* стали жить *мутазилиты* [5]). Это было въ 430 году послѣ гиджріи [6]).

Я, факиръ Аргунъ, *пятый* [7]) потомокъ нашихъ

---

[1]) По рукописи Арсан. „въ Сарисинѣ оставилъ память для своихъ наслѣдниковъ."

[2]) Въ рукоп. Арсануко добавлено: *чародѣя*.

[3]) Напечатанныхъ курсивомъ словъ въ рукописи Арсануко нѣтъ. Понять все это мѣсто весьма трудно. Можетъ быть, шахъ былъ убитъ въ сраженіи или при другихъ обстоятельствахъ и, такъ какъ трупа его не нашли, то довѣрились разсказамъ какого нибудь знахаря, вѣщуна, увѣрявшаго, что онъ видѣлъ шаха въ аду, т. е. умершимъ.

[4]) Т. е. въ странѣ двухъ рѣкъ; найрайни—род. пад. отъ найрани—двѣ рѣки.

[5]) Въ рукописи Арсануко мѣсто это изложено яснѣе: „Войска его (Темиръ-Султанъ-Хана), потерявъ своего хана, разсѣялись, и теперь живущіе на пространствѣ отъ Сарисина до Койсу люди, не знающіе своего происхожденія, суть потомки ихъ. Судя по этому, *Найрайни*—пространство между Волгою и Сулакомъ (Койсу).

[6]) Т. е. въ 1038 году Хр. лѣт. Повторяю, что къ хронологическимъ указаніямъ рукописи нельзя относиться иначе, какъ скептически.

[7]) Явная ошибка. Отецъ Аргуна Сеидъ Али, братъ Шамъ-Хана—представитель третьяго поколѣнія, по этому Аргунъ является представителемъ четвертаго, а не пятаго поколѣнія. Ошибка, по всей вѣроятности принадлежитъ позднѣйшему списывателю рукописи, введенному въ заблужденіе тѣмъ, что выше разсказъ ведется отъ представителя *четвертаго*

предковъ, былъ княземъ въ горахъ. Другихъ князей не было, кромѣ Сураката и Кагара. Они были невѣрные, а я былъ мусульманинъ [1]). Исламъ явился къ намъ съ востока и начался съ ***Кара-Хайдака*** [2]), гдѣ сталъ имамомъ ***Шейхъ-Ахматъ***, получившій титулъ ***Зу-Сайфиль-Маслюли-Айшайхуль-Кабиру-Шагиду*** [3]), прибывшій туда съ ***Абдулою*** и ***Абдулъ-Муслимомъ*** [4]). Всѣ они были изъ дома пророка (корейши) — да будетъ надъ ними благословеніе и миръ. Они распространили исламъ войною отъ Кара-Хайдака до Чиръ-Юрта. Кагара они убили, разрушили мѣсто его пребыванія, сожгли его башни и затѣмъ ушли. Вскорѣ Шейхъ-Ахматъ и Абдула были убиты [5]), остался одинъ Абдулъ-Муслимъ, выступившій съ своими войсками противъ Сураката, жившаго въ горахъ [6]). Сураката онъ убилъ [7]), забралъ всѣ его сокровища и драгоцѣнности, сжегъ всѣ его башни, истребилъ все его владѣніе и самъ остался жить въ Аварѣ, какъ ***Имамъ*** [8]) всего Дагеста-

---

поколѣнія Гамзата, сына Шамъ-хана. Такимъ же путемъ проникли, должно быть, въ рукопись и всѣ хронологическія ошибки.

[1]) Доказательство, что предки чеченцевъ принесли съ собою мусульманство изъ мѣста прежняго своего обитанія—Шама или Нахчувана.

[2]) Хайдакъ, Кайтагъ, раздѣляясь на верхній и нижній, входитъ въ Кайтаго-Табасаранскій округъ (Южный Дагестанъ), *Кара* (черный), Хайдакъ, вѣроятно, одна изъ частей Хайтага.

[3]) Что значитъ: владѣтель обнаженнаго мѣста, старикъ преклонныхъ лѣтъ и мученикъ за вѣру.

[4]) Это вполнѣ согласно съ данными исторіи. Въ халифатство Мервана II (744—650 год.) мусульманство занесено въ Дагестанъ арабскими полководцами Бекиръ-бенъ-Абдуллахомъ (Абдулла), Шейхъ Ахматомъ и Абдулъ Муслимомъ (Русск. перев. Шлосс. т. V, 102).

[5]) По рукоп. Арсануко, Шейхъ Ахматъ и Абдулла были убиты въ войнѣ съ Кагаромъ.

[6]) Въ ней же: „жившаго въ Хунзахѣ“.

[7]) По дагестанскимъ лѣтописямъ, въ пору прихода въ Аварію мусульманъ въ ней царствовалъ уже не Суракатъ (Сураке), а сынъ его Байеръ или Бяяръ (См. „Дагест. лѣтописи“ и проч. 218 стр. 4 пр.).

[8]) *Имамъ*—высшее духовное лицо у мусульманъ.

на и каждаго мусульманина [1]). Послѣ смерти Абдулъ-Муслима Хунзахомъ опять завладѣлъ потомокъ Сураката. Родъ Сураката современемъ умножился и власть переходила въ немъ по наслѣдству отъ одного къ другому. Слѣдовательно, всѣ князья Хунзаха происходятъ отъ Сураката, а не отъ посланника Божьяго— да будетъ надъ нимъ благословеніе и миръ. Весь Дагестанъ, вплоть до *Яссы* [2]), остался въ ихъ власти. Описанное произошло въ 645 году послѣ гиджріи [3]).

Въ концѣ рукописи Шамиля — кадія находится слѣдующая приписка:

„Эта лѣтопись (надо подразумѣвать: составлена или переписана въ годъ) появленія нашего великаго Имама Гази-Мухамеда гимрійскаго въ 1244 году послѣ гиджріи [4]), который впослѣдствіи, послѣ третьяго *намаза* [5]), въ понедѣльникъ, 12 *рабіуль-ахира* [6]) 1248 года гиджріи, умеръ мученикомъ въ рукопашномъ бою во время сраженія съ невѣрными [7]).

---

[1]) Въ рукописи Арсануко говорится: „Сдѣлался *джайскимъ* княземъ." Джайцами чеченцы называютъ ближайшее къ нимъ Дагестанское племя андійцевъ.

[2]) До земли осетинъ.

[3]) Т. е. въ 1247—1248 г. Хр. лѣт. Трудно сказать, къ какому именно событію относится эта дата.

[4]) 1828 г.

[5]) Богомолья.

[6]) Апрѣль.

[7]) Имамъ Гази-Мухаммедъ (Кази-мулла) убитъ въ 1832 году въ сраженіи съ нашими войсками подъ ауломъ Гимры.

КУМЫКИ.

КТО ТАКІЕ ОБИТАТЕЛИ КУМЫЦКОЙ ПЛОСКОСТИ?

(Опытъ этнографическо-историческаго изслѣдованія).

I.

Кумыцкою плоскостью называется равнина, лежащая въ сѣверо-восточномъ углу Кавказскаго перешейка, у подошвы Андійскаго хребта. Границами этой равнины служатъ: съ сѣвера—южный рукавъ дельты Терека, съ востока—западный берегъ Аграханскаго залива, съ юга—рѣка Сулакъ и подошва нижнихъ отроговъ Андійскаго хребта, извѣстныхъ подъ именемъ Салатавскихъ и Ауховскихъ горъ, и съ запада—сначала рѣка Аксай, потомъ черта, отдѣляющая земли чеченскихъ селеній Энгель-юрта и Азаматъ-юрта отъ земель кумыцкихъ селеній, и далѣе рѣка Терекъ. Величина равнины въ направленіи съ сѣвера къ югу—отъ 45 до 65 верстъ и въ направленіи съ востока къ западу—отъ 60 до 70 верстъ. Равнина имѣетъ склонъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку и въ этомъ направленіи по ней протекаютъ рѣчки: Аксай, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акташъ. Пограничныя рѣки равнины—Терекъ и Сулакъ, какъ извѣстно, принадлежатъ къ крупнѣйшимъ рѣчнымъ системамъ Сѣвернаго Кавказа. Что-же касается остальныхъ названныхъ рѣчекъ, то онѣ имѣютъ характеръ всѣхъ второстепенныхъ пото-

ковъ гористаго Кавказа. Въ пору дождей и таянія снѣговъ, весною и осенью, рѣчки эти, переполненныя водою, съ бѣшеною стремительностью проносятся почти черезъ всю равнину, тамъ и тутъ затопляя обширныя низменности, и частью достигаютъ моря (Аграханскій заливъ), частью разливаются въ прибрежной степи, образуя въ ней непроходимыя болота. Въ остальное время года рѣчки эти до того маловодны, что едва достигаютъ средняго пояса равнины, и въ эту пору нижняя часть ея превращается въ сухую, безплодную степь.

Климатъ равнины теплый, благопріятный для культурныхъ растеній средняго и даже южнаго пояса, но не отличается ровностью и постоянствомъ. Главная причина этому—постоянно господствующіе здѣсь восточные и западные вѣтры, чрезвычайно капризно чередующіеся между собою. Восточный вѣтеръ приноситъ съ собою тепло и лѣтомъ засуху; вѣтеръ западный, отчасти юго-западный, направляющійся отъ горъ, является на равнину, какъ вѣстникъ дождей—лѣтомъ и стужи и снѣга—зимою. При этомъ и восточный и западный вѣтры, въ особенности первый, отличаются необыкновенною стремительностью, чѣмъ еще болѣе усиливаютъ безпорядокъ въ атмосферныхъ явленіяхъ на равнинѣ.

Относительно плодородія равнину можно раздѣлить на три пояса: верхній, средній и нижній. Верхній поясъ, начинающійся у подошвы Ауховскихъ и Салатавскихъ горъ, по плодородію представляетъ собою одно изъ прекрасныхъ мѣстъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Почва здѣсь черноземная и вода въ изобиліи, благодаря легкой возможности искусственно разносить ее по равнинѣ изъ такого воднаго бассейна, какъ Су-

лакъ, и изъ всѣхъ другихъ рѣчекъ плоскости. За исключеніемъ узкой полосы, лежащей на южной границѣ плоскости у самыхъ горъ, возвышенной и плохо орошаемой, на пространствѣ этого пояса, отлично вызрѣваютъ всѣ хлѣбныя растенія, въ томъ числѣ кукуруза и чалтыкъ, дающіе обильный урожай, а также достигаютъ полной зрѣлости яблоки, груши, вишня, черешня, абрикосы, персики, шелковичное дерево и виноградъ, послѣдній мѣстами обладаетъ еще замѣчательно высокими качествами (въ сел. Муцалъ-аулѣ и сосѣднихъ съ нимъ). Въ этомъ поясѣ много садовъ и есть, хоть небольшіе, но богатые растительностью лѣса. Средній поясъ теплѣе верхняго, но вода въ немъ распредѣляется весьма неравномѣрно: мѣстами она захватываетъ огромныя площади, мѣстами—совершенно отсутствуетъ. Въ этомъ поясѣ хлѣбныя растенія, въ особенности чалтыкъ, даютъ роскошный урожай, но садовъ здѣсь мало, а лѣсовъ—совсѣмъ нѣтъ. Что касается послѣдняго пояса, протянувшагося по берегу Аграханскаго залива, то культивировка его представляетъ неимовѣрныя трудности. Почва въ этой полосѣ состоитъ изъ песчаника, перемѣшаннаго съ морскимъ иломъ; во время разлива рѣкъ воды въ этой полосѣ такое изобиліе, что повсюду образуются громадныя стоячія болота; но лѣтомъ, когда рѣки пересыхаютъ, мѣста, не занятыя болотами, подъ палящими лучами солнца превращаются въ безплодную степь; болота-же покрываются цѣлыми камышевыми лѣсами, способствующими лишь развитію саранчи, разныхъ болотныхъ птицъ, звѣрей и насѣкомыхъ.

II.

На описанной плоскости обитаютъ два народа: ногайцы и такъ называемые кумыки. Ногайцы занимаютъ нижній поясъ ея, группируясь здѣсь въ два большія общества, называемыя Костековскимъ и Аксаевскимъ. Оставляя въ сторонѣ ногайцевъ [1]), остановимся на кумыкахъ. Народъ, носящій названіе кумыковъ, населяетъ верхній и средній поясы плоскости. Въ настоящее время [2]) въ немъ считается до 28.500 душъ обоего пола, живущихъ въ 27-ми большихъ и малыхъ аулахъ и значительномъ числѣ поселковъ и хуторовъ. Между аулами первенствующія мѣста занимаютъ три: ***Эндрей*** (русскіе называютъ его Андрей и Андреево), ***Аксай*** или ***Яхсай*** и ***Костекъ*** или ***Кустекъ***. Первый аулъ (до 650 двор.) лежитъ на правомъ берегу Акташа, при горномъ ущельѣ того-же названія, на самой южной оконечности Кумыцкой плоскости. Аксай, называемый также ***Ташъ-гечу*** (1,1[illegible] двор.), раскинулся на правомъ берегу рѣки Аксая въ сѣверо-западномъ углу плоскости, а Костекъ до (76[illegible] двор.) находится на лѣвой сторонѣ Сулака, на южной границѣ Кумыцкой территоріи, въ 25 верст. отъ Эндрея и 32—33 верст. отъ Аксая. Можно думать, что когда-то только эти три селенія, взаимное положеніе которыхъ наводитъ на мысль о стратегическомъ треугольникѣ, да еще селеніе Кази-юртъ, лежащее верстахъ въ 12-ти отъ Костека, въ направленіи къ востоку, пользовались названіемъ ауловъ или городовъ: что-же касается всѣхъ остальныхъ, то они были ни чѣмъ болѣе, какъ хуторами, находивши-

[1]) Имъ посвященъ здѣсь особый очеркъ.
[2]) Въ 1890 году.

мися подъ покровительствомъ и защитою первыхъ. Эндрей, какъ увидимъ ниже, еще лѣтъ 170 тому назадъ представлялъ собою азіатскій городъ съ многочисленнымъ населеніемъ и обширною торговлею. Разрушенный въ 1722 году сподвижниками Петра Великаго при движеніи нашихъ войскъ въ Персію онъ оказался безсильнымъ возстановить послѣ того свое прежнее значеніе, и это значеніе съ теченіемъ времени перешло къ аулу Аксай. Въ наши дни Аксай представляетъ собою единственный въ своемъ родѣ торговый пунктъ въ сѣверо-восточномъ углу Кавказа. Базары на подобіе ярмарокъ бываютъ въ немъ три дня въ недѣлю въ теченіе круглаго года и на нихъ съѣзжаются со скотомъ, хлѣбомъ, кожами, лѣсомъ, оружіемъ и другими мѣстными произведеніями не только изъ всѣхъ мѣстъ Хасавъ-юртовскаго округа, но также изъ Дагестана, Чечни и Ногайскихъ степей. Въ Аксаѣ множество лавокъ съ красными товарами и масса мастерскихъ, въ которыхъ изготовляются азіатское оружіе, металлическая посуда, земледѣльческія орудія, конская сбруя, обувь и проч. Что касается Костека, то въ торговомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ Аксаю, хотя и въ немъ бываютъ еженедѣльные базары; кромѣ того онъ богатъ хлѣбомъ, чалтыкомъ и виноградомъ.

Кромѣ перечисленныхъ ауловъ на плоскости есть еще нѣсколько значительныхъ селеній, къ которымъ принадлежатъ названный выше Кази-юртъ, Темиръ-аулъ, Камбулатъ-юртъ, Адиль-Чанка-юртъ, Магоматовъ-Мостъ, но эти селенія никакого выдающаго значенія не имѣютъ.

Обитатели Кумыцкой плоскости въ недавнемъ прошломъ, до освобожденія холоповъ, послѣдовав-

шаго въ шестидесятыхъ годахъ, дѣлились на множество сословій. Во главѣ сословій стояли *біи* или князья, за ними шли *чанка* или княжескія дѣти отъ неравныхъ браковъ, далѣе тянулись *сала-уздени* или независимые дворяне, *уздени* или дворяне, находящіеся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ князьямъ, *чагары* или землепашцы, изъ которыхъ одни были вольными, другіе находились въ зависимости отъ князей и узденей и платили имъ ясакъ (оброкъ) или обрабатывали ихъ земли, наконецъ *кули* или рабы, составлявшіе собственность своихъ хозяевъ. Были еще и такъ называвшіеся *терекеменцы* или переселенцы, явившіеся на плоскость изъ Персіи. Освобожденіе холоповъ, съ одной стороны, и надѣленіе представителей непривиллегированныхъ сословій землею на общинномъ правѣ—съ другой, повели къ уничтоженію большей части сословныхъ перегородокъ. Въ настоящее время населеніе плоскости, въ сущности, дѣлится всего на два класса: на классъ землевладѣльцевъ-собственниковъ и классъ народа. Въ первый входятъ сначала *біи* и *чанка*, извѣстные подъ общимъ именемъ князей, а потомъ *уздени* всѣхъ прежнихъ наименованій, обозначаемые словомъ уздень. То-же слово уздень употребляютъ въ примѣненіи къ себѣ и всѣ выходцы изъ народа, такъ или иначе пріобрѣвшіе въ собственность клочки земли. Въ классѣ свободнаго народа, имѣющемъ общинное устройство, растворились всѣ прежніе *чагары*, *терекеменцы*, *кули* и проч., признающіе себя теперь равноправными во всѣхъ отношеніяхъ.

III.

Языкъ обитателей занимающей насъ мѣстности— татарскій, т. е. универсальный языкъ Азіи; религія— мусульманство. Но они не фанатики въ дѣлѣ религіи и, не обладая, подобно населенію Дагестана, страстью къ теологіи, не отличаются также большою приверженностью къ религіозному формализму, подобно сосѣдямъ ихъ—чеченцамъ. Можно сказать, что религіозность нашихъ кумыковъ обыденная, житейская, безъ той исключительной страстности, которою, вообще говоря, отличаются послѣдователи ученія Магомета.

Образъ жизни кумыковъ, ихъ нравы и обычаи, въ общемъ сходны съ образомъ жизни, обычаями и нравами другихъ кавказскихъ племенъ. Однако между кумыками и этими другими племенами существуетъ въ этомъ отношеніи и весьма характерное различіе. Тѣ самые обычаи, которые чеченцами и ногайцами, напр., до-сихъ-поръ признаются единственными устоями частной и общественной жизни и примѣняются на практикѣ безъ всякихъ отступленій, въ глазахъ кумыковъ имѣютъ уже другое значеніе. Кумыки видятъ въ нихъ лишь кодексъ правилъ житейской мудрости, подлежащій измѣненію и дополненію, сообразно практическимъ требованіямъ. Если, по мнѣнію чеченца и ногайца, обычаи — неприкосновенная святыня, преемственно перешедшая къ нимъ отъ предковъ, то кумыки обычаи только уважаютъ, но не благоговѣютъ передъ ними и во многихъ случаяхъ безтрепетно отступаютъ отъ нихъ. Такъ, обычай гостепріимства у нихъ сильно подчиненъ соображеніямъ объ общественномъ положеніи хозяина и гостя и объ ихъ вза-

имныхъ отношеніяхъ. Правда, есть представители княжескихъ и узденьскихъ фамилій, считающіе дѣломъ чести принять и угостить всякаго, кто въѣдетъ въ ихъ дворъ и привяжетъ свою лошадь къ традиціонному столбу посреди двора; но большинство населенія тяготится безразличными пріемами и безъ церемоній уклоняется отъ нихъ. Обычай кровной мести въ этомъ народѣ, къ чести его, не проникнутъ жгучею страстностью, какъ у горцевъ Дагестана, чеченцевъ, кабардинцевъ и др., а потому и примиреніе по кровнымъ дѣламъ устраивается довольно просто и легко. Куначества, какъ залога беззавѣтной связи между собою лицъ разныхъ фамилій, у кумыковъ почти не существуютъ. Вліяніе родства среди кумыковъ ограничивается предѣлами двухъ-трехъ послѣднихъ поколѣній отъ одного главы, не распространяясь на всѣхъ представителей отдѣльной фамильной группы, какъ напримѣръ, въ чеченскомъ племени. Обычаи сватовства и женитьбы соблюдаются, какъ отличный предлогъ для пированія и вообще пріятнаго препровожденія времени, существенныя-же стороны этихъ актовъ держатся на почвѣ торговыхъ сдѣлокъ. Даже общеизвѣстные традиціонные взгляды кавказскихъ горцевъ на хищничество, какъ на актъ молодечества, среди кумыковъ, опять-таки къ великой чести ихъ, вовсе не пользуются авторитетомъ непоколебимой истины. Кумыки въ большинствѣ, а не въ меньшинствѣ своемъ, выросли изъ этого младенческаго положенія и смотрятъ на хищниковъ, какъ на представителей зла, а не добра.

То-же отсутствіе фанатизма и то-же свободомысліе, какъ въ дѣлѣ религіи и обычаевъ, проявляется у кумыковъ и въ отношеніи образа жизни. Если у

горцевъ Дагестана и Чечни весь строй домашней жизни какъ-бы отлитъ въ одну на всегда застывшую форму и какъ-бы проникнутъ одною идеею, то у кумыковъ этой однообразной цѣлостности и систематичности вовсе незамѣтно. Они живутъ въ сакляхъ одного обще-горскаго типа, но во внутреннемъ убранствѣ саклей господствуетъ полное смѣшеніе стилей, начиная отъ чисто европейскаго и кончая чисто персидскимъ. Одѣваются кумыки, подобно другимъ горцамъ, въ черкеску, папаху, бешметъ, чювяки и пр., но случается, что папаху замѣняютъ фуражкою и затѣмъ съ большимъ удовольствіемъ носятъ русскую обувь и русское пальто военнаго покроя вмѣсто народной шубы. Въ селеніи Аксаѣ женщины и дѣвушки носятъ даже модныя ботинки вмѣсто чювякъ и на вечеринкахъ и празднествахъ появляются съ вѣерами и зонтиками послѣднихъ фасоновъ. Ѣдятъ кумыки, что угодно и когда угодно, избѣгая, разумѣется, всего запрещеннаго кораномъ, и разнообразятъ пищу до безконечности, благо женщина-кумычка знакома съ кулинарнымъ искусствомъ Востока и Запада. Какъ мусульмане, они вина не пьютъ (не безъ исключеній однако), за то отъ напитковъ, подвергавшихся кипяченію, какъ пиво, водка, вареное виноградное вино, никогда не отказываются.

Вообще народъ, обитающій на Кумыцкой плоскости и извѣстный подъ именемъ кумыковъ, къ обычаямъ и формамъ жизни, которыхъ онъ держится, относится довольно индифферентно. Онъ видимо не чрезмѣрно глубоко проникнутъ ими, не достаточно твердо увѣренъ въ ихъ цѣлесообразности, какъ будто эти обычаи и формы среди него подвергались различнымъ испытаніямъ, какъ будто они колеба-

лись подъ напоромъ другихъ образцовъ жизни и при столкновеніяхъ съ послѣдними теряли въ своей интенсивности.

Закончу этотъ абрисъ населенія плоскости двумя-тремя словами объ его характерѣ и умственномъ складѣ. Въ этомъ отношеніи трудно сказать что-нибудь такое, что опредѣляло-бы собою физіономію всего населенія, но можно отмѣтить интересный фактъ преобладанія въ немъ трехъ теченій, которыя позволю себѣ назвать: одно—чеченскимъ, другое—ногайскимъ и третье—персидскимъ. Въ жителяхъ Эндрея и всѣхъ мелкихъ ауловъ самаго верхняго пояса плоскости, населенныхъ по преимуществу отпрысками чеченскаго племени, явно проявляются черты характера ихъ родичей—чеченцевъ. Фанатическая страстность въ отношеніи себя и другихъ, какая-то суровость и злость, узкоколейность мышленія и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, преобладаніе чувства надъ мыслью, приверженность къ старымъ формамъ жизни, фамильный эгоизмъ,—вотъ выдающіяся особенности чеченскаго характера. И эти особенности на каждомъ шагу пробиваются въ пестромъ контингентѣ жителей указанной мѣстности, хотя здѣсь онѣ значительно ослаблены вліяніемъ моральныхъ элементовъ, внесенныхъ представителями другихъ народностей. Объ эндрейцахъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. о старыхъ коренныхъ жителяхъ селенія, справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что имъ въ значительной степени чужды нѣкоторыя изъ перечисленныхъ особенностей и что въ характерѣ и мышленіи ихъ часто преобладаютъ благородство и любовь къ правдѣ.

Преобладаніе персидскаго или вообще восточнаго характера замѣтно въ Аксаѣ и прилегающихъ къ нему

мелкихъ селеніяхъ. Большинство населенія отличается здѣсь безпечностью, легкомысліемъ и веселостью. Аксаевцы любятъ ловкую плутню, острую шутку, веселое бездѣлье, пѣсню и пляску. Въ Аксаѣ есть замѣчательные виртуозы по части пѣнія и лезгинки, есть даже свои скрипачи. Аксаевецъ купитъ, продастъ, обманетъ, украдетъ, подерется и убьетъ,—все съ легкимъ сердцемъ, чуть не съ улыбкой, и что-бы ни сдѣлалъ,—на все махнетъ рукой. Думать крѣпко онъ не любитъ, но хватается за ту мысль, которая ему кажется болѣе игривой. Торговлю онъ любитъ больше, чѣмъ земледѣліе, а случайную наживу путемъ какого-нибудь нелегальнаго подвига—больше, чѣмъ торговлю. Конечно, и въ Аксаѣ есть люди, даже цѣлыя группы людей серьезныхъ, религіозныхъ, даже фанатически религіозныхъ, благоразумныхъ и трудолюбивыхъ, но рѣчь идетъ о преобладающемъ тонѣ въ населеніи.

Затѣмъ въ Костекѣ, Кази-юртѣ и близкихъ къ нимъ селеніяхъ замѣчается теченіе, которое названо выше ногайскимъ. Народъ здѣсь болѣе мирныхъ наклонностей, чѣмъ въ первыхъ двухъ мѣстностяхъ, и въ этомъ районѣ преступленій меньше. Костековцы въ мѣру трудолюбивы, немного апатичны, не особенно отважны, весьма религіозны, а главное—большіе созерцатели и философы. На всей кумыцкой плоскости нѣтъ такихъ говоруновъ, какъ въ описываемой мѣстности, и притомъ разговоры происходятъ обыкновенно на темы самаго забористаго свойства. Костековецъ весьма часто предается размышленіямъ о способахъ искоренить дурныя наклонности въ людяхъ, упразднить всякаго рода преступленія, повсюду насадить добродѣтель и вообще устроить на землѣ царство Божіе.

IV.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ Кумыцкою плоскостью и характеромъ ея обитателей, перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кто именно эти обитатели плоскости?

По наружному облику своему, населеніе кумыцкой плоскости принадлежитъ къ народамъ Кавказскаго племени и ближайшимъ образомъ напоминаетъ собою—то горцевъ Дагестана, то чеченцевъ и кабардинцевъ, то персіянъ. Встрѣчаются однако въ этомъ населеніи и облики съ характерными особенностями типа ногайцевъ, тюркскаго племени, а еще чаще попадаются лица, представляющія собою смѣшеніе чертъ двухъ расъ—кавказской и тюркской. Уже эти особенности въ наружности обитателей плоскоски указываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ одноплеменною массою, а съ представителями разныхъ народностей, разбросанныхъ по Кавказскому перешейку или живущихъ въ Азіи. Но эта особенность, взятая отдѣльно, еще не даетъ намъ отвѣта на поставленный вопросъ, и потому мы поищемъ его въ другомъ, а именно, въ тѣхъ сказаніяхъ занимающаго насъ народа, которыя, по свѣжести и ясности своей въ народной памяти, скорѣе относятся къ области историческихъ фактовъ, чѣмъ къ темнымъ народнымъ преданіямъ. Сказанія эти представляются тѣмъ болѣе достовѣрными, что подтверждаются, съ одной стороны, преданіями племенъ, живущихъ по сосѣдству съ кумыками, а съ другой—множествомъ этнографическихъ терминовъ, не вышедшихъ изъ употребленія и въ наши дни.

Селеніе Эндрей дѣлится въ настоящее время на

четыре большихъ квартала, изъ которыхъ два носятъ названія *Тюмень-аулъ* (Туманъ-аулъ) и *Гуэнъ-аулъ*. По сказаніямъ не однихъ кумыковъ, но и сосѣдей ихъ ауховцевъ (чеченскаго племени), тюменцы или таманцы были первымъ народомъ, поселившимся первоначально въ мѣстности, лежащей нѣсколько выше Эндрея по рѣкѣ Акташу (она называется *Чумлы*), а потомъ перешедшимъ на нынѣшнее мѣсто этого селенія. Кварталъ *Тюмень* существуетъ также и въ Аксаѣ и потомъ отдѣльныя небольшія группы тюменцевъ разбросаны по всей Кумыцкой плоскости [1]). *Гуэны* или *гуэнцы*, также многочисленные и также имѣющіе своихъ представителей во многихъ селеніяхъ плоскости, въ свою очередь, считаютъ себя аборигенами страны, не оспаривая, впрочемъ, старшинства поселенія у тюменцевъ [2]). Тюменцы помнятъ, что предки ихъ вели кочующій образъ жизни, и сами отожествляютъ ихъ съ ногайцами, а гуэнцевъ считаютъ выходцами изъ чеченскаго аула *Гуни* [3]). Въ виду этого нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что первые изъ нихъ — извѣстные въ исторіи тюменскіе татары-ногайцы, а вторые—или чеченцы или отпрыски народа, слившагося съ чеченцами, во всякомъ случаѣ—не кумыки [4]).

---

[1]) Первоначальной своей родиной тюменцы считаютъ мѣсто, лежащее на правой сторонѣ рѣки Сулака, между селеніями *Темиръ-кую* и *Кумторкалы* въ Дагестанѣ. На этомъ мѣстѣ и теперь видны остатки бывшаго водопровода.

[2]) Въ ногайскихъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ хановъ Золотой Орды XIV и XV столѣтій, селеніе Эндрей называется *Гуэнъ-кала*, т. е. Гуэнская крѣпость.

[3]) „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ". Дубровинъ I, 623.

[4]) Разскажу здѣсь, кстати, преданіе гуэнцевъ и тюменцевъ, указывающее, что въ прежнее время племена эти находились между собою въ равноправныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, причемъ во главѣ каждаго племени стояли свои самостоятельные князья.

Третій изъ Эндреевскихъ кварталовъ называется *„Бораганъ-аулъ“*. Бораганъ-аульцы, имѣющіе въ своихъ рядахъ много дворянскихъ (узденьскихъ) фамилій, каковы фамиліи Тутушевыхъ, Карабудаковыхъ и др., считаютъ себя выходцами изъ селенія Брагуны, нынѣ признаваемаго чеченскимъ. Какъ-бы въ подтвержденіе ихъ мнѣнія, одна изъ переправъ черезъ рѣчку Аксай, на дорогѣ между Брагунами и Эндреемъ, и теперь носитъ названіе *Бораганъ-гечу*, что значитъ: бродъ бораганцевъ. Бораганцы далѣе помнятъ, что они вышли изъ Крыма во времена передвиженій крымскихъ татаръ къ Прикаспійскимъ степямъ и первоначально осѣли на берегу Терека при сліяніи этой р. съ Сунжею. А что память имъ не измѣняетъ, доказывается словами одной ногайской пѣсни, въ которой категорически утверждается, что при Мамаѣ часть крымцевъ направилась къ Тереку подъ начальствомъ Бора-хана и что устроенный ханомъ *юртъ* былъ названъ его именемъ.

Гуэнцы какимъ-то образомъ убили тюменскихъ князей, но сдѣлали это такъ секретно, что тюменцы никакъ не могли открыть убійцъ. Въ одно время гуэнцы и тюменцы находились вмѣстѣ на пиру, и гуэнскій пѣвецъ, въ порывѣ вдохновенія, вставилъ въ свою импровизацію нѣсколько стиховъ, которыми выдалъ секретъ своего народа. Между обоими племенами возгорѣлась вражда и, чтобы прекратить ее, гуэнцы пригласили къ себѣ представителей обиженной стороны для устройства примиренія. Тюменцы явились и приняли предложенное имъ угощеніе, но когда гуэнцы подносили имъ вина, то они неизмѣнно говорили: „якши-юлъ“, что буквально значитъ: добрый путь, а въ переносномъ смыслѣ—пей на здоровье. Гуэнцы, принимая это, согласно обычаю, за особенную любезность со стороны гостей, въ угожденіе имъ выпивали вино сами и такимъ образомъ пили до тѣхъ поръ, пока не свалились съ ногъ. Тюменцамъ этого и нужно было. Въ отомщеніе за своихъ князей они перебили пьяныхъ гуэнцевъ и затѣмъ благополучно вернулись домой. Со времени этого случая гуэнцы на всякихъ пирушкахъ отклоняютъ отъ себя честь пить на „якши-юлъ“ и всякаго, кто предлагаетъ имъ эту честь, заставляютъ въ наказаніе выпить сряду три стакана вина.

Четвертый кварталъ Эндрея населенъ *теркеменцами*, т. е. выходцами изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно изъ Персіи.

Въ двухъ другихъ крупныхъ кумыцкихъ аулахъ, *Костекъ* и *Кази-юртъ*, населенныхъ главнымъ образомъ эндреевскими выходцами, есть цѣлыя фамильныя группы, твердо помнящія, что онѣ происходятъ отъ ногайцевъ. Современный представитель одной изъ такихъ группъ, старикъ Суюнчъ-гирей Токаевъ, въ составленной имъ для меня запискѣ, поименно перечисляетъ десять послѣдовательныхъ представителей своего рода, останавливаясь на главѣ рода — ногайскомъ мурзѣ Терханѣ, жившемъ въ Эндреѣ.

Перейдемъ къ первому по народонаселенію аулу Кумыцкой плоскости — Аксаю. Въ Аксаѣ 8 кварталовъ или отдѣльныхъ ауловъ, которые носятъ названія: 1) *Захъ-аулъ*, 2) *Урусханъ-аулъ*, 3) *Коджаръ-аулъ*, 4) *Али-кей-аулъ*, 5) *Сабанай-аулъ*, 6) *Тюмень-аулъ*, 7) *Чагаръ-аулъ* и 8) *Тобенъ-аулъ*. Кварталъ Тюмень-аулъ, какъ видно изъ самаго названія, населенъ тюменскими татарами, перешедшими сюда изъ Эндрея; въ *Чагаръ*-кварталѣ живутъ потомки бывшихъ крѣпостныхъ аксаевскихъ князей, ставшихъ въ такія отношенія къ князьямъ именно потому, что они пришли на плоскость позже послѣднихъ, въ то время, когда земли были уже разобраны по рукамъ. Это обстоятельство прямо указываетъ, что чагары не принадлежатъ къ аборигенамъ страны; да они и сами помнятъ, что одинъ изъ Тавліи, другой изъ Чечни, третій изъ Бораганъ-аула и т. д. Что касается *Коджаръ-аула*, то онъ и по названію и въ дѣйствительности персидскій аулъ. Населяющіе его потомки персіянъ нисколько не сомнѣваются въ своемъ персидскомъ происхожденіи и

утверждаютъ, что посели лись въ Аксаѣ во время обладанія плоскостью персидскихъ шаховъ. Эти коджарцы и обликомъ своимъ сильно напоминаютъ сыновъ Ирана. Названія остальныхъ аксаевскихъ кварталовъ ничего не говорятъ собою, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *Захъ*, *Урусханъ*, *Аликей* и *Сабанай* происходятъ отъ собственныхъ именъ, другія какъ *Тобенъ-аулъ*, имѣютъ этнографическое значеніе (Тобенъ-аулъ—нижній-аулъ). Но благодаря тому, что населеніе этихъ кварталовъ до сихъ поръ еще не успѣло настолько ассимилироваться, чтобы представлять собою однородную массу, разрѣшеніе вопроса о происхожденіи этого населенія теперь еще не заключаетъ въ себѣ никакихъ трудностей. Захцы, Урусхановцы, Аликейцы и другіе—просто мичигишевцы (чеченцы), ичкеринцы, тавлинцы и вообще люди, пришедшіе на плоскость съ разныхъ мѣстъ Кавказа, и притомъ настолько недавно, что на большинствѣ изъ нихъ донынѣ еще лежитъ печать ихъ происхожденія. Въ Аксаѣ не мало также горскихъ евреевъ, исповѣдывающихъ свою религію и живущихъ особнякомъ.

Идемъ далѣе.

Почти въ центрѣ Кумыцкой плоскости находится аулъ Баташъ-юртъ, населеніе котораго кабардинской крови. Нынѣшній глава Баташъ-юртовскихъ узденей Тохтабій Баташевъ знаетъ, что фамилія его происходитъ отъ кабардинскаго рода Тамбіевыхъ и чуть-ли не находится въ сношеніяхъ съ потомками этого рода. У Баташева имѣются грамоты Персидскаго шаха, свидѣтельствующія, что предки его лѣтъ двѣсти тому назадъ пользовались благоволеніемъ повелителя Ирана и тогда-же поселились въ предѣлахъ его владѣній—на Кумыцкой плоскости. Въ другихъ кумыцкихъ

аулахъ также есть потомки кабардинцевъ, напримѣръ, фамиліи Азнауровыхъ, Качалаевыхъ и др. Кабардинцами же считаются и жители селенія Байрамъ-аулъ.

Въ той самой полосѣ плоскости, гдѣ находятся Баташъ-юртъ и Байрамъ-аулъ, а именно, въ верхнемъ, лучшемъ поясѣ ея, разбросано до десяти ауловъ, населенныхъ по крайней мѣрѣ на половину чеченцами. Многія фамиліи этихъ чеченцевъ успѣли уже утратить свой природный языкъ и свои народные обычаи, другія, между ними переселившіяся въ относительно недавнее время владычества въ горахъ Шамиля, до сихъ поръ хорошо говорятъ по чеченски и въ домашнемъ обиходѣ держатся чеченскихъ адатовъ (обычаевъ).

V.

Какъ сказано выше, одно изъ кумыцкихъ сословій до освобожденія крестьянъ носило названіе „сала-уздень“ (народъ употребляетъ его и теперь), переводимое словами „независимые дворяне“. Дворяне эти—Кандауровы, Паштовы, Баматъ-аджіевы и Тавліевы—всѣми признаются выходцами изъ Гумбета или Салатавіи [1]) и эпитетъ ихъ „сала“ объясняется названіемъ рѣчки *Сала-су*, протекающей въ послѣдней мѣстности.

Исторія кумыцкихъ біевъ или князей (говорю исторія, а не преданіе, потому что выдающіеся моменты ея установлены путемъ строгой провѣрки), разсказанная въ двухъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ.

[1]) Т. е. Дагестанцами аварской народности.

Триста лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ, когда на Кумыцкой плоскости несомнѣнно уже существовали крупныя селенія: ***Гельбахъ*** (на р. Сулакъ, выше нынѣшняго Чиръ-юрта), ***Эндрей***, ***Костекъ*** и старый ***Яхсай*** (въ нѣсколькихъ верстахъ выше нынѣшняго, по рѣкѣ Аксаю),—по сосѣдству, въ городѣ ***Тарки*** (нынѣшній Петровскъ) жилъ владѣтельный ханъ, носившій титулъ ***Шамхала***. Владѣнія Шамхала, по преданію, потомка предводителя воинственныхъ арабовъ, внѣдрившихъ на Кавказѣ мусульманскую религію, были весьма обширны: они занимали пространство отъ бывшаго Кюринскаго ханства до Терека, Сунжи и Каспійскаго моря. Каковы были отношенія Шамхала къ отдаленнымъ частямъ его владѣній, какъ Кумыцкая плоскость, части Ногайскихъ степей и Чечни,—неизвѣстно, но можно предполагать, что провинціи эти были отъ него лишь въ вассальной зависимости, участвуя съ нимъ въ военныхъ походахъ и платя ему цѣлыми обществами небольшую дань на военныя нужды. Между тѣмъ въ семействѣ Шамхала Андія (онъ-же Муртузаали, онъ-же Чопалау) произошло событіе, явившееся впослѣдствіи яблокомъ раздора между его дѣтьми. Имѣя отъ первой жены двухъ сыновей—Гирея и Эльдара, Андія вторично женился на кабардинкѣ изъ рода Анзоровыхъ, не имѣющаго княжескаго званія, и прижилъ съ нею третьяго сына—Султанъ-Мута. Послѣ смерти отца старшіе братья отказались признать въ Султанъ-Мутѣ равнаго себѣ члена семейства, въ виду рожденія его отъ неравнаго брака, и лишили его слѣдовавшей ему части наслѣдства. Султанъ-Мутъ призналъ рѣшеніе братьевъ эгоистическимъ и несправедливымъ и взялся измѣнить его. Отправившись въ Кабарду, онъ съ помощью

своихъ родственниковъ по матери набралъ тамъ нѣсколько сотъ, а можетъ быть, и тысячъ конныхъ молодцовъ и съ этимъ отрядомъ вернулся въ Гельбахъ. Гельбаховцы приняли его безъ драки и даже изъявили готовность помочь ему въ борьбѣ съ братьями. Опираясь на значительную военную силу, младшій сынъ Андія властно потребовалъ отъ братьевъ выдѣла ему законной части наслѣдства и послѣ угрозъ, ссоръ и переговоровъ, картинно передаваемыхъ народными преданіями, добился-таки своего: братья оказались вынужденными уступить ему въ полное владѣніе, во-первыхъ, часть земель на правомъ берегу Сулака, отъ моря и до Черкеевскихъ горъ (вѣроятно, доля собственно Шамхальскихъ земель), и во-вторыхъ, пространство отъ Сулака на сѣверъ и западъ до Терека и Сунжи и на востокъ до Каспійскаго моря (вѣроятно, земли, условно считавшіяся Шамхальскими [1]). Окончивъ такъ счастливо распрю съ братьями, Султанъ-Мутъ сначала поселился съ своими кабардинцами въ Гельбахѣ [2]), а потомъ перешелъ въ Эндрей, какъ въ пунктъ болѣе привлекательный по климатическимъ условіямъ и болѣе удобный въ военномъ отношеніи. Эндрей, такимъ образомъ, сдѣлался резиденціею центральной власти и,

---

[1]) Въ одной кумыцкой пѣснѣ Султанъ-Мутъ такимъ образомъ характеризуетъ самого себя:

„Тотъ, кому осѣдлали лошадь въ Таркахъ;
„Тотъ, кто привелъ изъ Кабарды несмѣтное войско;
„Тотъ, кто по договору съ Шахомъ окружилъ Тифлисъ;
„Тотъ, кто отъ самаго Шаухала силою отобралъ свою часть,—
„Этотъ младшій сынъ Шаухала—я; я тотъ мужъ,
„Котораго именуютъ Султанъ-Мутомъ".

[2]) По одной, бывшей у меня въ рукахъ, кумыцкой рукописи, древнѣй Гельбаха, на мѣстѣ нынѣшняго Чиръ-юрта, существовалъ городъ *Аграмъ*, называемый иногда *Игранъ*.

при весьма выгодномъ своемъ положеніи на грани трехъ народностей—салатовской, ауховской и кумыцкой—и вблизи пути изъ Персіи въ Крымъ, весьма быстро разросся до размѣровъ большого восточнаго города. Народъ живо помнитъ еще то цвѣтущее для Эндрея время, когда онъ велъ обширную торговлю съ Персіею, Дагестаномъ, Черкесіею и Крымомъ. Однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли были рабы—дѣти, развозившіяся отсюда на югъ и востокъ. Гдѣ торгъ, тамъ и евреи и армяне. И въ Эндреѣ были въ то время цѣлые кварталы, населенные евреями и армянами, открыто отправлявшими свои національныя богослуженія и имѣвшими свои синагоги и христіанскіе храмы. Что въ военномъ отношеніи Эндрей представлялъ собою весьма внушительную силу,—доказывается преданіемъ, обратившимся въ поговорку: „Эндрей выслалъ на войну триста всадниковъ на пестрыхъ лошадяхъ“, т. е. войско его было такъ многочисленно, что однихъ всадниковъ на рѣдкихъ пестрыхъ лошадяхъ набиралось не менѣе трехсотъ. Почти нельзя сомнѣваться, что именно въ это время послѣдовало окончательное утвержденіе власти Эндреевскаго эмира надъ обитателями Кумыцкой плоскости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принципіальное признаніе плоскости его собственнымъ достояніемъ, за исключеніемъ участковъ, захваченныхъ дружинниками мурзы—гельбаховцами и кабардинцами.

Со смертью Султанъ-Мута (достовѣрно извѣстно, что онъ убитъ въ кровопролитномъ сраженіи съ русскими войсками, бывшемъ въ 1605 году на берегу Каспійскаго моря, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Петровска) владѣнія его перешли къ двумъ его сыновьямъ—Айдемиру и Казаналипу. Братья, хотя и раз-

дѣлили между собою полученное наслѣдство, но сами остались жить въ Эндреѣ. Однако внуки и правнуки ихъ, получившіе въ свои удѣлы земли, лежавшія вдали отъ Эндрея, покинули резиденцію своихъ отцовъ и переселились — одни въ Яхсай, другіе въ Костекъ и Кази-юртъ, гдѣ мы застаемъ ихъ и нынѣ *). Вмѣстѣ съ ними естественно разселились по плоскости и ихъ уздени, потомки кабардинцевъ. Затѣмъ, по ихъ примѣру, должны были разойтись во всѣ концы плоскости и всѣ пришлые обитатели Эндрея, послѣ утраты этимъ городомъ своего прежняго значенія.

Такимъ образомъ, и въ исторіи происхожденія кумыцкихъ князей, а также величія и паденія селенія Эндрей, мы опять встрѣчаемся съ фактомъ заселенія Кумыцкой плоскости представителями народностей, не принадлежащихъ къ аборигенамъ страны, при чемъ эти представители въ моментъ поселенія имѣли уже свои опредѣленныя нравственныя физіономіи и свои особыя названія.

VI.

Итакъ, переходя на Кумыцкой плоскости отъ селенія къ селенію, отъ фамиліи къ фамиліи, отъ сословія къ сословію, мы встрѣчаемся съ представителями весьма многихъ народовъ, начиная отъ арабовъ и кончая чеченцами и ногайцами. По довольно распространенному преданію, въ составъ разноплеменныхъ группъ, образовавшихъ собою населеніе плоскости, вошли даже русскіе, когда-то, лѣтъ 400 тому назадъ.

---

*) Въ настоящее время представителями княжескаго рода Султанъ-Мута на Кумыцкой плоскости являются одинадцать фамилій: *Казанилиновы, Темировы, Айдемировы, Муртазали-Аджіевы, Капкановы, Хамзаевы, Уміевы, Эльдаровы, Махтіевы, Алибековы и Арсланбековы.*

пришедшіе сюда подъ начальствомъ атамана Андреева и построившіе селеніе, названное въ честь атамана Андреевымъ (нынѣшній Эндрей). Только одного народа мы не встрѣчаемъ здѣсь—кумыковъ, давшихъ однако свое имя всѣмъ обитателямъ территоріи отъ Сулака до Терека. Какъ объяснить это?

Когда историческій фактъ на лицо, а между тѣмъ для объясненія его не имѣется данныхъ—ни историческихъ, ни даже легендарныхъ, тогда позволительно прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ.

Кумыками называются также горцы, обитающіе къ югу отъ Сулака, на плоскости и нижнихъ терассахъ Дагестанскихъ горъ. Кумыки эти говорятъ на томъ-же языкѣ, что и обитатели занимающей насъ плоскости и кромѣ того обычаи тѣхъ и другихъ вполнѣ тожественны между собою. Въ виду этого приходится остановиться на одномъ изъ трехъ предположеній. Возможно, что когда-то засулакскіе кумыки занимали и все пространство между Сулакомъ и Терекомъ. Но степная часть западнаго берега Каспійскаго моря, въ которую входитъ это пространство, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила воротами для прохода народовъ, двигавшихся изъ Азіи въ Европу и обратно. Могло случиться, что какой-либо изъ этихъ странствующихъ народовъ разгромилъ обитателей Кумыцкой плоскости въ такой мѣрѣ, что послѣ ухода его на ней остались только жалкіе остатки аборигеновъ. Съ теченіемъ времени плоскость стала заселяться небольшими группами представителей другихъ племенъ, но такъ какъ эти группы находили уже здѣсь племя, хотя и небольшое, но все-же превосходившее ихъ числомъ, и притомъ родственное съ сильнымъ засу-

лакскимъ племенемъ, то каждая изъ нихъ невольно перенимала языкъ и нравы найденныхъ на мѣстѣ аборигеновъ. Когда исподволь селившіяся группы образовали собою многочисленное населеніе, то аборигены могли раствориться въ немъ и забыть свое происхожденіе, между тѣмъ какъ языкъ и нравы ихъ сдѣлались полнымъ достояніемъ пришельцевъ. Возможно, что кумыки, давніе обитатели Засулакскихъ горъ и равнины, на сѣверную сторону Сулака въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вовсе не переходили и тѣмъ не менѣе дали свое имя и свои обычаи населенію этой страны. Имя могло явиться, какъ послѣдствіе вассальныхъ отношеній эндреевцевъ, ахсайцевъ и костековцевъ къ Шамхалу, коренные подданные котораго были настоящіе кумыки, а обычаи могли быть переняты отъ послѣднихъ, какъ отъ народа съ установившимся складомъ жизни. Не даромъ наши кумыки за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ недоразумѣній по обычному праву въ прежнее время обращались, какъ къ источнику знаній по этому предмету, къ обществамъ засулакскихъ кумыцкихъ селеній—Эрпели, Карабудакентъ, Губдене и въ особенности Карачи.

Наконецъ, названіе кумыковъ и кумыцкіе обычаи могли быть навязаны обитателямъ плоскости кумыцкими князьями, потомками Султанъ-Мута, послѣ того какъ они водворились въ ней. А что касается татарскаго языка, то можно предположить и то, что настоящіе кумыки говорили на немъ сами по себѣ, а на Кумыцкой плоскости онъ распространился чрезъ посредство тюменцевъ.

Если голыя предположенія большой цѣны и не имѣютъ, то все-же необходимо признать, что внѣ

какого-нибудь изъ приведенныхъ предположеній или аналогичнаго съ ними остается необъяснимымъ фактъ существованія кумыцкаго народа изъ фамильныхъ группъ, пять шестыхъ которыхъ отлично знаютъ, что онѣ не кумыки, а одна шестая можетъ быть отнесена къ кумыцкой народности развѣ потому только, что она не знаетъ своего просхожденія.

ОЧЕРКИ

народныхъ обычаевъ Кумыковъ Терской области.

ОТЪ АВТОРА.

Представляемые вниманію читателя три очерка *Кумыцкихъ народныхъ обычаевъ* составляютъ часть предпринятаго мною въ 1880 и 1881 годахъ труда по изложенію обычнаго права кумыцкаго народа. Въ трудъ этотъ кромѣ очерковъ, посвященныхъ: одинъ—юридическимъ обычаямъ по дѣламъ кровомщенія, другой—обычаямъ, относящимся до положенія женщины, и третій—юридическимъ же обычаямъ по дѣламъ похищенія скота и иного движимаго имущества,—должны были войти еще слѣдующіе очерки: а) очеркъ обычаевъ по дѣламъ о посягательствѣ на чужое имущество въ видѣ грабежа, поджога и зарѣзанія чужой скотины, б) такой же очеркъ обычаевъ по дѣламъ объ оскорбленіи чести, въ видѣ брани, угрозъ, побоевъ, убійства чужой собаки, обрѣзанія хвоста у чужой лошади и вообще изувѣченія домашнихъ животныхъ, а также проникновенія въ чужой домъ и, наконецъ, разбоя, в) такой же очеркъ по дѣламъ исковымъ и тяжебнымъ, и г) очеркъ обычаевъ вседневной жизни со включеніемъ въ него обычаевъ похоронныхъ. Какъ это часто бываетъ съ авторами, занимающимися ли-

тературными работами урывками, въ часы досуга, окончить задуманный трудъ въ свое время мнѣ не удалось, а потомъ я не имѣлъ уже случая взяться за него вновь. Люди, принимавшіе на себя подобныя работы, хорошо знаютъ, какъ тяжело бываетъ автору оставлять ихъ незавершеннымъ, но я нахожу утѣшеніе въ томъ, что съ чисто научной точки зрѣнія можно не придавать особенно важнаго значенія этому, во всякомъ случаѣ, очень досадному обстоятельству. Для науки важно имѣть такое количество данныхъ по изучаемому предмету, какое необходимо для опредѣленія общихъ началъ, открытія, такъ сказать, коренныхъ устоевъ, на которыхъ возведено все зданіе. Въ этомъ же отношеніи написанные мною три очерка даютъ, если не все, то существенную часть того, что могло-бы быть извлечено изъ вполнѣ законченнаго сочиненія. Такъ, указанные мною выше отдѣлы кумыцкаго народнаго права по дѣламъ посягательства на чужую собственность не въ видѣ кражи и по дѣламъ о нарушеніи чести всецѣло зиждутся на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ стоятъ отдѣлы права по дѣламъ воровства въ прямомъ смыслѣ слова и оскорбленія чести убійствомъ или насиліемъ надъ женщиной. Правда, въ этихъ очеркахъ нѣтъ данныхъ для сужденія объ обычаяхъ народа по дѣламъ исковымъ и тяжебнымъ, но съ той-же научной точки зрѣнія это вполнѣ неважно, потому что у кумыковъ, какъ у мусульманъ, послѣдній отдѣлъ права явно сложился подъ вліяніемъ шаріата, хотя въ частностяхъ въ него вошли и нѣкоторыя требованія обычнаго права. Предполагая поговорить объ источникахъ и значеніи кумыцкихъ обычаевъ ниже, доскажу здѣсь то, что касается печатаемыхъ очерковъ.

Въ пору, когда они писались, я исполнялъ обязанности предсѣдателя Хасавъ-Юртовскаго горскаго суда. Такъ какъ горскому суду подвѣдомы почти всѣ виды воровства (воровство простое, при оружіи, со взломомъ, партіею, не составляющею шайки), то мнѣ пришлось практически изучить народные обычаи, относящіеся къ этой категоріи правонарушеній. Этимъ, конечно, объясняется, что очеркъ обычаевъ по дѣламъ воровства вышелъ у меня полнѣе и разностороннѣе сравнительно съ другими двумя очерками. Дѣла по убійствамъ и пораненіямъ и дѣла по нарушенію чести женщинъ подвѣдомы горскому суду въ ограниченныхъ предѣлахъ (убійство и пораненіе случайное во время ссоры и драки, убійство нечаянное, оскорбленіе женщинъ словомъ и дѣйствіемъ, похищеніе женщинъ и проч.),—отсюда то, что я могъ практически узнать ихъ не въ полной мѣрѣ. Для пополненія пробѣловъ въ своихъ знаніяхъ, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ наблюденіямъ внѣ суда и къ распросамъ болѣе развитыхъ и болѣе свѣдущихъ кумыковъ, которыхъ къ чести этой народности въ средѣ ея не мало. Работая при такихъ условіяхъ, я могъ кое-что пропустить, но главное и существенное, какъ мнѣ кажется, не ускользнуло отъ моего вниманія,—порукою въ этомъ служатъ мнѣ высокія интеллектуальныя качества и большая авторитетность тѣхъ кумыковъ, отъ которыхъ я пользовался свѣдѣніями. Объ одномъ изъ нихъ, нынѣ уже умершемъ, аксаевскомъ жителѣ Садыкѣ Алхановѣ, не могу не сказать здѣсь два слова въ видѣ дани уваженія его обширному и свѣтлому уму.

Садыкъ Алхановъ былъ простой кумыкъ, выдвинувшійся на постъ депутата горскаго суда отъ поло-

вины населенія кумыцкой плоскости, благодаря своимъ выдающимся способностямъ. Тучный неповоротливый, съ широкимъ, хотя благообразнымъ и выразительнымъ лицомъ, съ нѣсколько заплывшими, какъ обыкновенно у полныхъ людей, но умными и насмѣшливыми глазами, онъ все и всегда зналъ и понималъ и обо всемъ говорилъ только самое нужное и самое вѣрное. Умъ его, при удивительной плодовитости, отличался тѣмъ весьма рѣдкимъ свойствомъ, что работалъ всегда въ направленіи кратчайшей линіи между точками отправленія и окончательнаго заключенія. Сколько разъ случалось, что этотъ простой горецъ спокойно и просто выводилъ насъ, членовъ горскаго суда, изъ тяжелыхъ затрудненій, въ которыя мы попадали вслѣдствіе сложности и запутанности основъ, служащихъ руководствомъ для горскаго суда. Коротенькій перечень самыхъ важныхъ обстоятельствъ дѣла, нѣсколько логическихъ доводовъ и затѣмъ заключеніе, всегда вѣрное, какъ аксіома, — вотъ что онъ обыкновенно благодушно предъявлялъ намъ и что мы охотно принимали отъ него съ сознаніемъ, что лучшаго ничего не придумаешь. Всестороннее знаніе народныхъ обычаевъ не дѣлало его рабомъ ихъ, — нѣтъ, поднявшись надъ ними вверхъ или опустившись на дно ихъ, онъ оттуда обозрѣвалъ весь свой матеріалъ и дѣлалъ изъ него выводы, близкіе къ выводамъ математиковъ изъ цифровыхъ данныхъ. Это нашъ Гамбета! — говорили про него образованные кумыки, и я охотно соглашался съ ними и теперь съ удовольствіемъ свидѣтельствую, что среди туземцевъ Кавказа попадаются умственные самородки, способные приводить на память величайшіе умы цивилизованной Европы.

Покойный Садыкъ былъ моимъ главнымъ сотрудникомъ въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ по кумыцкимъ народнымъ обычаямъ и поэтому я полагаю, что если они не отличаются особенною полнотою, то во всякомъ случаѣ освѣщены совершенно правильно *).

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Внимательно разсматривая обычаи кумыковъ, часто тождественные съ обычаями другихъ народностей, обитающихъ на Кавказскомъ перешейкѣ, а въ другихъ случаяхъ аналогичные съ ними, проникаешься убѣжденіемъ, что одни изъ нихъ должны быть признаны коренными или основными обычаями, родившимися и выросшими на почвѣ младенческаго состоянія человѣческихъ обществъ, другіе же суть позднѣйшія наслоенія на первоначальные обычаи, явившіяся подъ вліяніемъ историческихъ судебъ кумыцкой народности. Въ кругъ основныхъ обычаевъ входятъ тѣ, которые и донынѣ составляютъ главный источникъ всѣхъ выдающихся добродѣтелей и пороковъ не кумыковъ только, но почти всѣхъ кавказскихъ горцевъ, таковы: обычай обязательной солидарности однофамильцевъ или членовъ цѣлыхъ, иногда очень многочисленныхъ группъ, связанныхъ между собою сознаніемъ происхожденія отъ одного общаго предка, обычаи куначества или братства по оружію и по

*) Кромѣ Садыка, мнѣ въ особенности помогали въ дѣлѣ собиранія и разъясненія обычаевъ кн. Абдулъ-Маджидъ-Хамзаевъ и гг. Магомадъ эфенди Османовъ и Гирей Бекмурзаевъ. Пользуюсь случаемъ выразить имъ здѣсь, за оказанную мнѣ помощь, свою искреннюю благодарность.

общности симпатій и обязательнаго гостепріимства, обычаи кровомщенія, похищенія женщинъ и свободнаго посягательства на чужое имущество, а также всѣ обычаи, въ основѣ которыхъ лежитъ преувеличенное представленіе о чести и достоинствѣ мужчины и пренебрежительный взглядъ на женщину (проявленія радости при рожденіи мальчика и огорченія при рожденіи дѣвочки и др.). Обычаи, наслоившіеся на коренные, по источнику своего происхожденія большею частью не имѣетъ ничего общаго съ коренными обычаями, и основою ихъ существованія служитъ идея общественнаго благоустройства, являющаяся антитезою идеи личнаго и фамильнаго эгоизма, проникающей коренные обычаи.

О времени и условіяхъ проникновенія собственно въ кумыцкій народъ обычаевъ второй категоріи говорится здѣсь дальше, а теперь мы остановимся на нѣкоторыхъ соображеніяхъ о происхожденіи коренныхъ обычаевъ, не пріурочивая ихъ прямо къ занимающей насъ народности, а имѣя въ виду всѣ тѣ кавказскія племена, для которыхъ сказанные обычаи и въ наши дни имѣютъ значеніе первостепенныхъ устоевъ жизни.

Представимъ себѣ, что народа, какъ цѣлаго, не существуетъ вовсе, а есть только обособленныя родовыя группы или, какъ полагаетъ профессоръ М. М. Ковалевскій въ своемъ капитальномъ трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ“, *агнатическіе* союзы, [1]) живущіе одинъ подлѣ другого. Каждый союзъ внутри себя

---

[1]) Союзы мужчинъ, связанныхъ между собою не по крови, а по общности интересовъ и цѣлей („Законъ и обычай на Кавказѣ“, т. I. ст. 17). Нѣкоторая аналогія: древне-русскія шайки вольницы, Запорожская Сѣчь, Кавказское Гребенское казачество и проч.

устроился на тѣхъ или иныхъ началахъ, напр., патріархальныхъ, демократическо-республиканскихъ, но для отношеній одного союза къ другому, отношеній, вызываемыхъ сосѣдствомъ, столкновеніями и скрещиваніями разнородныхъ бытовыхъ интересовъ, не существуетъ еще никакихъ положеній и нормъ. Вопросъ, что и какъ дѣлать въ этой области, каждый разъ является новымъ вопросомъ, на который не имѣется готоваго отвѣта. И вотъ, естественно и невольно подчиняясь инстинкту самосохраненія и огражденія своихъ только интересовъ, каждый союзъ рѣшаетъ его въ духѣ самовластія, самообороны, самовозмездія. Образуется множество самодержавныхъ и самоуправныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое, стоя на стражѣ своихъ интересовъ, въ силу отсутствія политическаго здраваго смысла, не только игнорируетъ интересы сосѣдняго государства, но еще постоянно своевольно посягаетъ на нихъ, въ видахъ достиженія для себя возможно большаго благополучія. Какія-же формы примутъ въ такомъ случаѣ взаимныя отношенія отдѣльныхъ союзовъ?—Понятно, что каждый союзъ очутится врагомъ другого союза; каждый союзъ будетъ стремиться причинить другому какъ можно больше зла и въ тоже время будетъ безпощадно мстить за зло, причиненное ему самому, не заботясь о соотвѣтствіи между зломъ и отплатою за него (за убійство одного, при случаѣ, убьютъ десятерыхъ) и не вникая въ причины совершенія зла (намѣренно или случайно и пр.). Долго или недолго будетъ продолжаться такой порядокъ вещей,—во всякомъ случаѣ подъ его вліяніемъ создадутся воззрѣнія, которыя залягутъ въ міросозерцаніе народа и получатъ значеніе общихъ принциповъ права. Съ такими принципами мы и встрѣ-

чаемся прежде всего въ коренныхъ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ. Приведу нѣкоторые изъ нихъ. По воззрѣніямъ нашихъ горцевъ (они въ особенности ярко выступаютъ въ воззрѣніяхъ чеченцевъ, менѣе другихъ отошедшихъ отъ своего древняго прототипа), преступныхъ дѣйствій въ абсолютномъ смыслѣ не существуетъ, но всякое дѣйствіе, считаемое нами преступнымъ, имѣетъ относительное значеніе, въ зависимости отъ того, противъ кого оно направлено: если противъ члена своей фамиліи, своего союза (*тайпа*— по-чеченски, *тухумъ* — по-кумыцки), оно преступно, если-же противъ члена другого союза, оно, напротивъ, похвально, доблестно. Затѣмъ, такъ какъ нарушителемъ чьихъ либо правъ причинено зло только обладателю этихъ правъ (разумѣя и собирательную единицу—тухумъ, тайпу) и никому больше, то по тѣмъ-же воззрѣніямъ, никто не вправѣ преслѣдовать нарушителя, кромѣ пострадавшаго отъ нарушенія, а также никому дѣла нѣтъ до того, какъ пострадавшій разсчитается со своимъ обидчикомъ (кстати сказать, на этомъ принципѣ построена вся процессуальная сторона уголовнаго судопроизводства въ существующихъ горскихъ судахъ). Далѣе, по тѣмъ соображеніямъ, что въ союзѣ должны быть всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ, какъ мстителями за правонарушеніе, такъ и подлежащими отомщенію признаются всѣ члены заинтересованныхъ союзовъ,— и не только взрослые, но и дѣти, не только живущіе, но и имѣющіе родиться въ будущемъ. Къ этой-же категоріи принциповъ права принадлежитъ и тотъ (очень удивляющій европейцевъ), въ силу котораго не принимаются во вниманіе мотивы преступленій или правонарушеній. При какихъ-бы обстоятельствахъ преступленіе ни совершилось, воз-

мездіе за него опредѣляется самымъ родомъ преступленія, а не этими обстоятельствами (создавшими, между тѣмъ, въ европейскихъ уголовныхъ законахъ цѣлую скалу самыхъ разнородныхъ взысканій). Ставъ однако на точку зрѣнія члена агнатическаго союза, мы должны будемъ сознаться, что онъ совершенно правъ въ своемъ взглядѣ на дѣло. По какимъ соображеніямъ союзъ, пострадавшій отъ дѣянія, причиненнаго представителемъ другого союза, будетъ взвѣшивать мотивы дѣянія? Да для него, при враждебныхъ отношеніяхъ союзовъ, и трудно разобраться въ этомъ вопросѣ, а потому онъ, естественно, всѣ однородныя по послѣдствіямъ дѣянія относитъ къ одной категоріи, не отличая намѣреннаго отъ случайнаго.

Но приведенными принципами права далеко не исчерпывается значеніе существованія народа въ условіяхъ враждебныхъ агнатическихъ союзовъ. Гораздо важнѣе этихъ принциповъ то, что въ пору агнатическихъ союзовъ образъ мужчины-воина, дружинника, защитника союза, поднимается на степень всеобъемлющаго народнаго идеала, накладывающаго свою печать на всю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Какъ долженъ былъ рисоваться этотъ образъ передъ умственнымъ взоромъ древняго кавказскаго горца,—объ этомъ мы можемъ судить по воззрѣніямъ чеченцевъ-же, народа, весьма слабо поддающагося вліянію времени и обстоятельствъ. Истинный воинъ, по этимъ воззрѣніямъ, прежде всего долженъ обладать всѣми свойствами и качествами воина героической эпохи человѣчества; онъ долженъ быть очень равнодушенъ къ жизни, долженъ любить не миръ и покой, а всякаго рода опасности и бранныя тревоги, долженъ быть отваженъ, непоколебимо твердъ, терпѣливъ и выносливъ. Подобно

суровому спартанцу или столь-же суровому казаку Запорожской Сѣчи, такой воинъ обязанъ презирать матеріальныя блага и пользоваться ими лишь попутно, между прочимъ, при совершеніи подвиговъ, направленныхъ къ возвышенію его личнаго и фамильнаго достоинства. Съ этими качествами онъ, какъ членъ своего союза—тайпы, долженъ быть затѣмъ проникнутъ беззавѣтною преданностью къ ней и, стремясь къ достиженію ея цѣлей, не останавливаться ни передъ какими жертвами, не стѣсняться никакими средствами. Въ борьбѣ съ врагами тайпы его долгъ проявлять не только храбрость, находчивость, силу и ловкость, но и изворотливость, хитрость, коварство, если нужно, жестокость и готовность на всякаго рода хищничество. За то въ отношеніи членовъ своей тайпы онъ долженъ быть безпредѣльно снисходителенъ, помогать и слабому и сильному, покрывать виновнаго, дѣлиться всѣмъ съ имущимъ и неимущимъ, быть правдивымъ и рыцарски вѣрнымъ данному слову.

Таковъ нравственный обликъ мужчины временъ агнатическихъ союзовъ, какъ воина „безъ страха и упрека“. Однако указанными чертами не исчерпываются еще всѣ свойства и качества его, просто какъ человѣка съ извѣстнымъ складомъ ума и извѣстными воззрѣніями на себя и на все окружающее. Какъ человѣкъ, какъ личность, мужчина-воинъ или просто мужчина (ибо въ пору напряженной борьбы за существованіе всякій жизнеспособный мужчина обязательно былъ воинъ) не могъ не сознать своего значенія зиждителя и охранителя своего союза, и это было причиною, что онъ невольно проникся чувствами гордаго самомнѣнія и самообожанія, вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивъ на все, что не онъ, высокомѣрно-пренебрежительный

взглядъ. Міръ представился ему ареною только для его дѣйствій; вездѣ и всегда онъ сталъ видѣть одного себя, свою честь, свои интересы, всему-же остальному отвелъ мѣсто обстановки, существующей не для себя, а именно для него, да еще для его друзей, такихъ-же, какъ онъ, полноправныхъ членовъ тайпы. „Я есмь, все мое и все для меня; мои желанія—священны, желанія-же другихъ—ничтожны", —вотъ приблизительныя формулы, въ которыхъ выразилось его міросозерцаніе. Качества второй категоріи были ничѣмъ больше, какъ вожделѣніями мужчины, сознавшаго свое привилегированное, такъ сказать, положеніе въ собственной тайпѣ. Но онъ, мужчина, былъ дѣйствительно всемогущъ—и вотъ поэтому его вожделѣнія стали наряду съ его доблестями, а потомъ тѣ и другія слились въ народномъ сознаніи въ идеалѣ воина, ставшемъ могучимъ началомъ для дальнѣйшаго развитія народной жизни и народныхъ обычаевъ *).

Такимъ образомъ, пора агнатическихъ союзовъ, съ одной стороны, создала нѣсколько особенныхъ критеріевъ народныхъ обычаевъ, а съ другой—обусловила установленіе начала, сдѣлавшагося исходнымъ пунктомъ для появленія и развитія многихъ другихъ первоначальныхъ или коренныхъ народныхъ обычаевъ.

Въ видѣ примѣра привожу здѣсь нѣкоторые изъ

*) Всемірная исторія сохранила намъ удивительно яркій образецъ состоянія небольшого общества (союза) въ указанной мною стадіи развитія. Говорю объ обществѣ спартанцевъ, историческій ростъ котораго, несомнѣнно, шелъ по пути, аналогичному съ тѣмъ, который я предполагаю для кавказскихъ горцевъ. Въ гордомъ сознаніи своихъ воинскихъ доблестей, съ одной стороны, и въ высокомѣрномъ презрѣніи ко всему, что не обладало ихъ качествами—съ другой, спартанцы—воины, какъ извѣстно, дошли до того, что стали убивать своихъ физически слабыхъ дѣтей, находя, что какъ неспособные осуществить идеалъ воина, они не имѣютъ права даже на жизнь.

обычаевъ кавказскихъ горцевъ, существованіе которыхъ легко объясняется или началомъ почитанія личности мужчины, или указанными выше первоначальными принципами права, или тѣми и другими вмѣстѣ.

Кумыкъ, чеченецъ, кабардинецъ, да чуть ли не всѣ кавказскіе горцы радостно привѣтствуютъ рожденіе мальчика и съ унынiемъ встрѣчаютъ появленіе на свѣтъ дѣвочки. Дѣло, очевидно, въ томъ, что мальчикъ—будущій защитникъ тайпы, тухума, будущая сила, честь и слава союза, словомъ—живое воплощеніе дорогого народу идеала, между тѣмъ какъ дѣвочка въ этомъ смыслѣ—ничто или даже нѣчто отрицательное, потому что ее придется охранять и защищать отъ враждебныхъ поползновеній сосѣдняго союза.

Вступленіе въ бракъ и затѣмъ самая супружеская жизнь у кавказскихъ горцевъ обставлены многими обычаями, довольно своеобразными. Еще до момента прибытія невѣсты въ домъ жениха, послѣдній уходитъ изъ него къ кому нибудь изъ сосѣдей и остается тамъ, какъ во время свадьбы, такъ и послѣ того въ теченіи многихъ дней. Въ первое время послѣ вступленія въ бракъ молодой мужъ видится съ женою тайкомъ, ночью, стараясь пройти къ ней и уйти отъ нея такъ, чтобы его не замѣтили, въ особенности отецъ, братья, т. е. ближайшіе къ нему члены тухума. Потомъ онъ поселяется съ женою въ одномъ домѣ, но живутъ они въ разныхъ отдѣленіяхъ дома. Въ присутствіи постороннихъ мужъ никогда не зайдетъ въ комнату жены; онъ никогда не обратится къ ней ни съ какимъ вопросомъ, а если явится настоятельная необходимость, то задастъ вопросъ въ без-

личной формѣ („готова закуска?“ „сдѣлано то-то?“), смотря не на жену, а въ пространство. Мужъ обидится, если его спросятъ о здоровьи жены, дѣтей, вообще семейства. Дѣтей своихъ отецъ никогда не приласкаетъ въ присутствіи чужихъ людей и проч.

Вникнувъ во всѣ эти странности въ поведеніи мужчины, мы легко поймемъ ихъ, если взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія воина, черты котораго набросаны мною выше. Воину-спартанцу должны быть чужды такія вожделѣнія, какъ устройство домашняго очага, семейное благополучіе, супружескія и родительскія нѣжности и ласки. Его домашній очагъ — бранное поле, его семья—друзья-дружинники, любить и ласкать онъ можетъ и долженъ своего коня, свое оружіе. „Постелью мнѣ служитъ листъ лопуха, а обнимаю я не женщину, а свою винтовку!“ — восторженно восклицаетъ чеченецъ-абрекъ въ одной чеченской пѣснѣ *). Для такого воина актъ вступленія въ бракъ равносиленъ акту отреченія отъ своего призванія, измѣны своему знамени,—и въ этомъ причина его странныхъ на первый взглядъ поступковъ, проникнутыхъ однако одною мыслію — утаить отъ членовъ своей тайпы свой предосудительный, почти позорный поступокъ, оставивъ ихъ въ убѣжденіи, что онъ остается вѣрнымъ призванію „джигита.“

Возьмемъ обычаи обиходной жизни того же горца. Женщина не смѣетъ сѣсть въ присутствіи мужчины, и мужчина-чеченецъ, напр., никогда не станетъ ѣсть съ нею вмѣстѣ. Тонъ чеченца въ разговорѣ съ женщиною всегда властный, повелительный. Если чеченка дѣлаетъ что нибудь на глазахъ своего мужа, поднимаетъ, напримѣръ, какую нибудь тяжесть,

*) Помѣщена въ разсказѣ „День въ аулѣ.“

она можетъ надрываться, падать, — мужъ ни въ какомъ случаѣ не подойдетъ къ ней и не окажетъ ей помощи; въ дорогѣ мужъ идетъ съ пустыми руками, развлекаясь осматриваньемъ своего оружія да окрестныхъ горъ, а жена сгибается подъ бременемъ навьюченной на нее ноши, причемъ ей и въ голову не приходитъ сказать мужу: „я устала, помоги мнѣ.“

Здѣсь опять сказывается вліяніе міросозерцанія, сложившагося подъ угломъ зрѣнія мужчины-воина, для котораго женщина, какъ и все другое, не болѣе какъ обстановка, существующая для его удовольствія.

Ограничиваюсь приведенными примѣрами и перехожу къ дальнѣйшему развитію своихъ положеній.

Въ томъ состояніи вѣчной взаимной вражды отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, на которое я указалъ выше, никакое человѣческое общество долго существовать не можетъ, потому что оно таитъ въ себѣ черезъ-чуръ много элементовъ безпокойства и несчастія. Сильная группа уничтожаетъ слабую и послѣдняя страдаетъ. Но и слабая группа, озлобленная наносимыми ей обидами, можетъ превратиться въ безпощаднаго мстителя и, хотя и рискуя своимъ существованіемъ, стать источникомъ злосчастія для сильной группы. Такъ, одинъ — два отчаянныхъ головорѣза становятся иногда бичемъ для многочисленнаго населенія, даже вооруженнаго и отважнаго. При томъ группа, сильная сегодня, можетъ сдѣлаться слабою завтра и — наоборотъ. Играютъ роль и всякаго рода случайности. Достаточно, напр., появленія въ той или иной группѣ (тайпѣ, тухумѣ) отважнаго и энергичнаго предводителя или обратно, удаленія такого предводителя со сцены—и взаимное положеніе группъ уже подверглось перестановкѣ. Наступаетъ моментъ

сознанія невозможности дальнѣйшаго существованія въ данныхъ условіяхъ — и тогда въ жизни одноплеменныхъ группъ или союзовъ совершается событіе, аналогичное съ тѣмъ, о которомъ повѣствуется на первыхъ страницахъ нашей исторіи въ связи съ именемъ легендарнаго патріарха Гостомысла. Представители разныхъ союзовъ, подчиняясь настоятельнымъ требованіямъ жизни, соглашаются временно пріостановить сведеніе счетовъ между собою съ тѣмъ, чтобы совмѣстно обсудить положеніе дѣла. Выбирается высокая гора или могила славнаго героя или иное знаменательное мѣсто, и на немъ устраивается собраніе старшихъ или патріарховъ племени, собраніе, знаменующее собою нарожденіе новой идеи — идеи общественной власти, общаго руководства всѣми или многими союзами. Какимъ образомъ осуществится идея на практикѣ, — это зависитъ отъ многоразличныхъ условій существованія племени. Можетъ случиться, что представители союзовъ рѣшатъ призвать общаго главу и организатора племени изъ-за моря, могутъ они выбрать его и изъ среды самихъ себя, но можетъ состояться и иное рѣшеніе, именно, вовсе не устанавливать единой общественной власти, а ограничиться простымъ упорядоченіемъ взаимныхъ отношеній союзовъ путемъ созданія такихъ дополнительныхъ обычаевъ, благодаря которымъ существующіе обычаи перестанутъ быть такимъ источникомъ бѣдствій для племени. Не касаясь послѣдствій первыхъ двухъ изъ приведенныхъ рѣшеній, мы остановимся на послѣднемъ изъ нихъ. Несомнѣнно, что если представители союзовъ остановятся на урегулированіи обычаевъ, то они ни въ какомъ случаѣ не отнесутся отрицательно къ основамъ существующихъ обычаевъ. Эти

основы будутъ признаны неприкосновенными, но на нихъ возведутъ новое зданіе, руководствуясь цѣлью собранія,—достигнуть такимъ путемъ возможно большаго благополучія для членовъ каждаго союза.

Обычай кровомщенія, напр., останется въ своей силѣ, но онъ будетъ дополненъ такимъ образомъ, что за одно убійство должно быть отплачиваемо только однимъ-же убійствомъ—не болѣе; въ дѣлахъ поврежденія здоровья будетъ признано обязательнымъ ожидать послѣдствій поврежденія, не приступая ранѣе того къ акту отомщенія, и въ случаѣ, если поврежденіе не повлечетъ за собою смерти, отплачивать поврежденіемъ-же, а не лишеніемъ жизни. По дѣламъ похищенія имущества собраніе установитъ, что мщеніе за похищеніе должно ограничиться похищеніемъ-же равно или болѣе цѣннаго имущества, не касаясь жизни и здоровья похитителя. Оно установитъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ спорящія стороны могутъ обращаться къ посредничеству стариковъ—представителей тухумовъ, не участвующихъ въ спорѣ, а старикамъ предложитъ при рѣшеніи споровъ дѣйствовать въ духѣ примиренія и соглашенія и проч. За первымъ собраніемъ послѣдуетъ второе, за вторымъ—третье, десятое собраніе, на которыхъ переработка обычаевъ будетъ продолжаться безостановочно, въ уровень съ ростомъ въ народѣ самосознанія и общественно-политическаго здраваго смысла. Родится мысль о возможности примиренія по дѣламъ правонарушенія и установятся, какъ формы такихъ примиреній, такъ и нормы матеріальнаго вознагражденія потерпѣвшимъ, въ случаѣ ихъ согласія на полученіе его. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ отвѣтственности за вину одного члена всѣхъ остальныхъ членовъ даннаго тухума, народное собра-

ніе выработаетъ, однако, извѣстную градацію въ этомъ отношеніи: первымъ отвѣтчикомъ будетъ признанъ самъ совершитель преступленія, за нимъ будутъ поставлены его отецъ и братья съ отцовской стороны, а сзади послѣднихъ—болѣе дальніе родственники. При этомъ народъ въ лицѣ своихъ стариковъ—патріарховъ отведетъ также широкое мѣсто моральному элементу въ его жизни,—чести и достоинству мужчины-воина, носителя народнаго идеала. Стоя на той точкѣ зрѣнія, что для воина указаннаго выше типа каждое посягательство на его матеріальное достояніе есть прежде всего актъ пренебреженія къ его воинской доблести, т. е. оскорбленіе его воинской чести, и что поэтому стимуломъ къ борьбѣ съ посягателемъ является для него болѣе стремленіе къ возстановленію нарушенной чести, чѣмъ забота о вознагражденіи за матеріальныя потери, онъ, народъ, создастъ цѣлый рядъ обрядовъ, направленныхъ къ нравственному удовлетворенію оскорбленнаго посягательствомъ при самой желательной для него обстановкѣ. Окажется въ такомъ случаѣ, что правонарушитель, кромѣ матеріальнаго вознагражденія за причиненный вредъ, долженъ будетъ, какъ мы это видимъ у чеченцевъ, кумыковъ и другихъ кавказскихъ горцевъ, испрашивать прощенья, кланяться, угощать, словомъ — всячески унижаться передъ тѣмъ, кто оскорбленъ посягательствомъ. Окажется также, что похищеніе изъ жилища есть болѣе важное правонарушеніе, чѣмъ похищеніе изъ всякаго другого мѣста, такъ какъ похититель для совершенія его имѣлъ дерзость проникнуть туда, гдѣ находится самъ хозяинъ—воинъ. Дальнѣйшее развитіе этого начала приведетъ народъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отнесется съ полнѣй-

шимъ пренебреженіемъ къ матеріальной сторонѣ дѣла, сосредоточившись на одной нравственной. Такъ, кумыки давно уже отказались отъ вознагражденія за кровь убитаго, но очень ревниво охраняютъ каждую мелочь въ ритуалѣ удовлетворенія чести родственниковъ жертвы убійства.

Все, высказанное мною выше, не болѣе, какъ соображенія, которыхъ я и не выдаю за что либо иное; но имъ, полагаю, нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи въ смыслѣ гипотезы, съ помощью которой довольно легко разрѣшаются вопросы, возникающіе при изученіи коренныхъ обычаевъ кавказскихъ горцевъ. Гипотеза эта построена на трехъ положеніяхъ: первое изъ нихъ то, что первобытные народы, потомки которыхъ извѣстны намъ подъ именемъ чеченцевъ, кумыковъ и проч., существовали въ условіяхъ обособленныхъ группъ или сплоченныхъ союзовъ, отношенія которыхъ на зарѣ ихъ жизни не могли быть иными, какъ враждебными; второе то, что борьба союзовъ должна была неизбѣжно вызвать къ жизни, во первыхъ, нѣкоторые принципы юридическаго права и, во вторыхъ, идеалъ мужчины — воина, подъ вліяніемъ котораго сложились другіе принципы того же права, и третье, наконецъ, то, что вслѣдствіе политическаго и общественнаго роста народа первоначальныя обычныя нормы подвергались различнымъ исправленіямъ и дополненіямъ, но послѣднія находились въ полной логической связи со своими прообразами. Выше я привелъ нѣсколько примѣровъ, достаточно убѣждающихъ въ правильности гипотезы, а теперь попробую еще приложить ее къ разъясненію такихъ фундаментальныхъ обычаевъ, какъ обычаи гостепріимства и похищенія женщинъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ жизни первобытныхъ агнатическихъ союзовъ въ экономическомъ отношеніи долженъ былъ господствовать принципъ коммунизма. Съ теченіемъ времени отдѣльные союзы, подъ вліяніемъ разнородныхъ обстоятельствъ, стали вступать между собою въ дружескія связи, получившія названія куначества, и вслѣдствіе этого коммунистическія начала экономической жизни получили болѣе широкое примѣненіе. Потомъ и агнатическіе и федеративные союзы растворились въ союзахъ племенныхъ и между-племенныхъ, жизнь усложнилась, окрѣпъ новый экономическій союзъ — семейный, и тогда прежній принципъ общности имущественныхъ достатковъ по неудобопримѣнимости его переродился въ обычай обязательнаго гостепріимства. Говорю обязательнаго, потому что гостепріимство горцевъ остается такимъ и до нашихъ дней. Горецъ обязанъ принимать, какъ гостя, всякаго, кто въѣхалъ въ его дворъ, не справляясь объ его національности, религіи и не принимая въ соображеніе—другъ это или врагъ. Гость располагается у него въ домѣ, какъ полноправный хозяинъ: властно приказываетъ накормить и напоить своего коня, требуетъ себѣ умываться, объявляетъ, что и когда намѣренъ дѣлать, и располагается въ занятомъ имъ помѣщеніи, какъ ему вздумается. Когда онъ кушаетъ, хозяинъ стоитъ и прислуживаетъ ему; разговоръ ведется на поднимаемыя имъ темы. Покушавъ, отдохнувъ и пожелавъ отправиться въ путь, онъ требуетъ себѣ коня, садится на него при содѣйствіи хозяина и уѣзжаетъ, не поблагодаривъ за гостепріимство ни однимъ словомъ. Онъ можетъ не сказать даже своего имени и не подѣлиться тѣмъ, откуда и куда ѣдетъ. Въ то-же время ему не возбра-

няется предложить хозяину помѣняться одеждой, оружіемъ или просто похвалить какія нибудь изъ хозяйскихъ вещей, выразивъ такимъ образомъ желаніе получить ихъ въ даръ, и хозяинъ обязанъ не только безъ колебаній, но и съ радостью удовлетворить это желаніе. Согласитесь, что это больше походитъ на вступленіе гостя въ имущественный коммунальный союзъ съ хозяиномъ, чѣмъ на любезный пріемъ хозяиномъ посторонняго человѣка, да горецъ такъ и смотритъ на дѣло, признавая гостя, съ момента вступленія его въ домъ, какъ бы „названнымъ“ старшимъ членомъ своего семейства. Идея союза въ горскомъ гостепріимствѣ проявляется и въ томъ, что хозяинъ грудью защищаетъ гостя отъ его враговъ, хотя въ данномъ случаѣ преобладающее значеніе принадлежитъ не ей, а идеѣ чести и достоинства хозяина.

Что касается обычая похищенія женщинъ, то его слѣдуетъ объяснить такимъ образомъ. При существованіи народа въ условіяхъ разрозненныхъ агнатическихъ союзовъ, похищенія женщинъ могутъ быть и дѣломъ необходимости, когда въ томъ или другомъ союзѣ не хватаетъ представительницъ прекраснаго пола, и дѣломъ мщенія—во время враждебныхъ столкновеній союзовъ, и дѣломъ корыстнаго разсчета или прихоти. Съ возведеніемъ въ народный идеалъ мужчины—воина, добывающаго все силою оружія, похищеніе женщины получаетъ значеніе акта воинской доблести и поэтому естественно становится народнымъ обычаемъ *). Подобнымъ же образомъ превращается въ обычай и похищеніе всякаго другого имущества.

*) Высказанное положеніе, какъ нельзя лучше, подтверждается фактами изъ исторіи того древнѣйшаго періода жизни Еллады и сосѣднихъ съ ней странъ, когда надъ полумладенческими или полуварварскими на-

II.

До сихъ поръ я говорилъ объ основныхъ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ, вообще, а также объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которымъ они могли подвергнуться подъ вліяніемъ самобытнаго роста народа. Перехожу теперь къ обычаямъ кумыцкаго народа и къ тѣмъ именно, которые въ началѣ замѣтки названы наслоеніями на коренные обычаи.

Какъ и всякая другая народность Кавказа, кумыки въ теченіе своего роста не оставались въ положеніи оазиса въ пустынѣ. На пространствѣ времени они подвергались всевозможнымъ чуждымъ вліяніямъ и эти вліянія наложили свою печать и на

родами господствовали во всей своей силѣ принципы права, родившіеся въ нѣдрахъ агнатическихъ союзовъ. По Геродоту („Исторія въ девяти книгахъ", кн. 1-я, гл. 1, 2, 3. Переводъ Ѳ. Мищенко), финикійскіе купцы, прибывъ на своихъ корабляхъ въ Аргосъ съ цѣлью торговли, пользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы похитить дочь аргосскаго царя Инаха Іо съ нѣсколькими ея подругами. Здѣсь мы видимъ похищеніе женщины изъ прихоти, подъ вліяніемъ внезапнаго увлеченія. Еллины, въ свою очередь, бросаются въ финикійскій городъ Тиръ и похищаютъ царскую дочь Европу. Это похищеніе—актъ мщенія враждебному союзу. Послѣ того выростаетъ новое поколѣніе (такъ по Геродоту, но въ дѣйствительности могло вырости не одно, а очень много новыхъ поколѣній), и сынъ троянскаго царя Пріама Александръ уже сознательно рѣшаетъ добыть себѣ жену путемъ похищенія эллинки и осуществляетъ свое рѣшеніе тайнымъ увозомъ красавицы Елены. Въ настоящемъ случаѣ уже ясно сказывается новая тенденція. Царскій сынъ Александръ легко могъ, разумѣется, найти себѣ красивую жену въ собственномъ отечествѣ, но ему нужно было осуществить народный идеалъ воина, исполнить обычай, по которому пріобрѣтеніе подруги жизни должно сопровождаться актомъ воинской доблести, вотъ это и побуждаетъ его совершить дѣло, имѣвшее для его родины такія роковыя послѣдствія.

Интересно, что по свидѣтельству-же Геродота (гл. 4), персы признали глупостью со стороны эллиновъ затѣять войну съ троянцами изъ-за похищенія женщины. „Благоразумнымъ людямъ вовсе не подобаетъ заботиться о похищенныхъ"... „Обитатели Азіи, говорятъ персы, не обращали вниманія на похищенныхъ женщинъ"... Это — категорическое признаніе разумности и цѣлесообразности окрѣпшаго обычая похищенія женщинъ.

ихъ обычаи. Измѣненія и дополненія кумыцкихъ обычаевъ, явившіяся результатомъ столкновеній народа съ другими племенами и народами или же подпаденія его подъ власть этихъ народовъ или какихъ либо сословій ихъ,—уже не были въ такой логической связи съ первоначальными обычаями народа, какъ исправленія обычаевъ, произведенныя по требованіямъ внутренняго роста народа; напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ они оказались въ полномъ противорѣчіи съ этими обычаями, такъ какъ заключали въ себѣ положенія и нормы, по существу своему отрицавшія нормы и положенія послѣднихъ. Эти обычаи-наслоенія по источникамъ своего происхожденія разбиваются на три серіи. Къ первой относятся тѣ изъ нихъ, ***которые сложились по нормамъ мусульманскаго права;*** вторую серію составляютъ обычаи, ***созданные появленіемъ въ народѣ правящей аристократіи,*** а въ составъ третьей серіи входятъ правовыя нормы и положенія, ***созданныя и искусственно спаянныя съ народными обычаями правящею административною властью.***

Почти всѣ гражданскія дѣла разрѣшаются у кумыковъ на основаніи мусульманскаго шаріата. Въ отношеніи нѣкоторыхъ категорій такихъ дѣлъ, къ которымъ принадлежатъ дѣла брачныя, семейныя, наслѣдственныя, шаріатъ прямо вытѣснилъ собою древніе народные обычаи и сталъ на ихъ мѣсто подъ своимъ собственнымъ именемъ; другія гражданскія дѣла разрѣшаются какъ будто по обычаямъ, но если всмотрѣться пристальнѣе, то окажется, что сами эти обычаи сложились подъ явнымъ вліяніемъ шаріата же. Напр., всѣ исковыя дѣла рѣшаются на основаніи показаній свидѣтелей, которыхъ безъ особенной

крайности не должно быть менѣе двухъ по каждому дѣлу и которые требуются въ судъ независимо отъ того, желаютъ они или не желаютъ являться въ него. Между тѣмъ, по началамъ коренныхъ народныхъ обычаевъ, свидѣтелей, какъ постороннихъ людей, не заинтересованныхъ въ томъ или иномъ рѣшеніи дѣла, никто къ участію въ разрѣшеніи спорнаго вопроса привлекать не можетъ. По этимъ началамъ, всякое дѣло, уголовное или гражданское, есть споръ между двумя заинтересованными сторонами, которыя могутъ избрать одинъ изъ трехъ способовъ рѣшенія его: или ***выбрать по взаимному согласію медіаторовъ***, или ***согласиться на подтвержденіе однимъ изъ нихъ требованія клятвою***, иногда единоличною, иногда съ родственниками или знакомыми, или-же ***прибѣгнуть къ свидѣтельству и посторонняго лица, но такого, которое за извѣстное вознагражденіе само согласилось выступить въ роли свидѣтеля*** (*айгакъ* или доказчикъ). Къ обычаямъ, внесеннымъ въ народъ мусульманствомъ-же, относятся почти всѣ обычаи свадебные, похоронные и другіе, перечисленіе которыхъ заняло-бы много мѣста.

Обычаи, привитые кумыкамъ чуждою имъ аристократіею въ пору захвата послѣднею власти въ свои руки, въ свою очередь весьма многочисленны. Можно полагать, что появленіе аристократіи на Кумыцкой плоскости относится ко времени прихода на нее князей изъ рода шамхаловъ Тарковскихъ *) (лѣтъ триста тому назадъ). Поселившись на плоскости въ качествѣ полноправныхъ владѣтелей ея, потомки шамхаловъ весьма естественно внесли многія

*) См. предыдущую статью.

аристократическія тенденціи сперва въ жизнь, а потомъ и въ правовые обычаи народа. Сами они представили собою первое, высшее сословіе населенія; за ними стали ихъ дружинники-уздени, образовавшіе собою второе сословіе. Народъ былъ отодвинутъ на третье мѣсто и, подчиняясь внесеннымъ въ него тенденціямъ, въ свою очередь разбился на нѣсколько сословій. Вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіемъ на сословія послѣдовало раздѣленіе правъ и обязанностей каждаго изъ нихъ. Одни получили право повелѣвать, другіе должны были подчиняться имъ и вслѣдствіе этого, многое, дозволенное первымъ, сдѣлалось недозволеннымъ для вторыхъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ народные обычаи, по существу своему глубоко демократичные, должны были подвергнуться поправкамъ и измѣненіямъ иного значенія. Князь легально сталъ безотвѣтственнымъ за нѣкоторыя правонарушенія, какъ въ силу своего превосходства надъ другими, такъ и во имя общественнаго блага, по положенію главы административной власти. Совершивъ убійство, онъ уже не становился кровникомъ родственниковъ убитаго (какъ отчасти и его уздень). Его домъ преимущественно предъ всякимъ другимъ домомъ сдѣлался убѣжищемъ для убійцъ и никакой мститель не смѣлъ и подумать проникнуть въ это убѣжище. Въ то время какъ за похищеніе, произведенное у простого человѣка, похититель платилъ по стоимости похищеннаго, съ добавленіемъ лишь расходовъ по розыску предмета похищенія, похищеніе имущества у князя влекло за собою уплату за похищенное въ девять разъ больше того, что оно стоитъ. Пусть первоначальнымъ источникомъ этого обычая были іудейскіе законы, какъ указываетъ

г. Ковалевскій *), въ извѣстное время перешедшіе въ Аравію и оттуда уже проникшіе на Кавказъ **). Для насъ важно лишь то, что онъ привитъ кумыцкимъ обычаямъ извнѣ и именно въ пору господства аристократическо-административнаго элемента. Князь-правитель добавилъ къ обычаямъ и еще несвойственное имъ начало—общественныя кары за преступленія: онъ началъ взыскивать съ вора штрафъ и подвергать его аресту. Въ то же время развитіе принципа сословности дало начало безправности рабовъ или холоповъ, столь-же чуждое первобытнымъ обычаямъ, сколько чуждо имъ освобожденіе кого-либо отъ личной отвѣтственности за убійство.

Заслуживаютъ большого вниманія данныя, указывающія на борьбу, произшедшую когда-то между коренными обычаями и обычаями, внесенными въ народъ аристократами-правителями, причемъ отчетливо сказалась живучесть первыхъ изъ нихъ. Въ дѣлахъ убійства, напр., князь не добился все-таки полной невмѣняемости, а долженъ былъ пойти на соглашеніе, выразившееся въ томъ, что онъ дѣлаетъ матеріаль-

*) ibid. 157.

**) Въ іудейскихъ законахъ или ветхозавѣтной библіи находятся прообразы не одного этого обычая кавказскихъ горцевъ, но и многихъ другихъ. Есть въ нихъ постановленія и о кровомщеніи, почти тождественныя съ обычными у горцевъ, и о городахъ убѣжища для убійцъ, въ которыхъ послѣдніе были въ полной безопасности. Описанный въ этихъ законахъ ритуалъ гостепріимства вполнѣ сходенъ съ ритуаломъ гостепріимства горцевъ; къ женщинамъ они относятся совершенно также, какъ горскіе обычаи („Бытіе“, гл. 18, ст. 4—7, 10, гл. 34, ст. 12, „Исх.“, гл. 21, ст. 12 — 13, гл. 22, ст. 3, 6, 15, 16, 23, „Числа“, гл. 35, ст. 19, 23 — 27, „Левит.“, гл. 21, ст. 4, гл. 27, ст. 3—7). Однако трудно видѣть въ этомъ доказательство, что обычаи, о которыхъ мы говоримъ, заимствованы у іудеевъ; кажется, вѣроятнѣе другое предположеніе, именно то, что сами іудеи, какъ и арабы, находились подъ властью обычаевъ, господствовавшихъ вообще на пространствѣ древняго востока, включая въ него и Кавказъ.

ное вознагражденіе пострадавшимъ и приноситъ кромѣ того очистительную жертву въ формѣ взноса на богоугодныя дѣла. По дѣламъ воровства онъ накладываетъ на виновныхъ штрафы, но самъ не пользуется ими, а обязательно отдаетъ ихъ подлежащему сельскому обществу. Демократическіе основы обычнаго судопроизводства переживаютъ эпоху аристократическаго режима и остаются неприкосновенными до нашихъ дней. Переживаетъ ее также демократическое устройство законодательной власти въ сферѣ обычаевъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда кумыки были уже подчинены нашей власти, въ кумыцкомъ селеніи Андреевѣ состоялось народное собраніе ихъ съ цѣлью нѣкотораго исправленія обычаевъ, и постановленія его были приняты къ руководству организованными нами судами. Еще ярче выразилось подчиненіе аристократическаго начала демократическому въ той роли, которая выпала на долю князя въ исполненіи обряда примиренія кровниковъ. Въ ритуалъ этого обряда, между прочимъ, входитъ довольно щекотливая для самолюбія участвующихъ въ ней церемонія шествія депутаціи отъ воротъ двора до воротъ дома родственниковъ убитаго съ непокрытою головою, а потомъ стояніе, съ непокрытою же головою, у порога дома до тѣхъ поръ, пока оскорбленные убійствомъ не объявятъ своего согласія или несогласія на примиреніе. Едва-ли князю нравилось находиться въ такомъ унизительномъ положеніи, однако старые обычаи потребовали его участія въ церемоніи, какъ почетнѣйшаго члена общества, и онъ долженъ былъ подчиниться этому. Останавливавшее на себѣ вниманіе изслѣдователей быта кавказскихъ горцевъ доброжелательное, а во многихъ отношеніяхъ

и равноправное отношеніе господина къ рабу, не говоря уже о совершенно фамильярныхъ отношеніяхъ селянина къ аристократу, носомнѣнно составляло результатъ той-же интенсивности коренныхъ демократическихъ обычаевъ народа.

Дальнѣйшее и довольно значительное вліяніе на измѣненіе коренныхъ обычаевъ кумыковъ, главнымъ образомъ юридическихъ, имѣли дѣйствія и распоряженія нашей административной власти, управляющей народомъ почти съ начала настоящаго столѣтія. Уже въ 1819 году нашимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, генераломъ Ермоловымъ былъ учрежденъ въ селеніи Андреевѣ „Андреевскій городовой судъ", съ возложеніемъ на него обязанности дѣйствовать по данной инструкціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены различныя общественно-административныя кары за разнородныя правонарушенія. Съ того времени кумыцкіе народные обычаи, примѣняемые въ народномъ судѣ, подвергались постояннымъ измѣненіямъ подъ авторитетнымъ вліяніемъ представителей нашей администраціи. Весьма вѣроятно, что эти представители рѣдко знали обычаи и ихъ основы, но за то имъ были извѣстны цѣли, къ которымъ они должны были приходить съ помощью обычаевъ, цѣли, заключавшіяся въ томъ, чтобы разрѣшать всѣ вопросы народной жизни въ духѣ политическаго спокойствія, общественнаго благоустройства и правды и справедливости въ русско-европейскомъ смыслѣ этихъ словъ. Такъ какъ обычаи, какъ само собою разумѣется, оказывались несостоятельными въ этомъ отношеніи, то ихъ то урѣзывали, то дополняли, то измѣняли, не стѣсняясь соображеніями о внутреннемъ смыслѣ всего того, что оставлялось, и объ идейной связи его съ тѣмъ, что вводилось. Такъ,

въ дѣла по правонарушеніямъ уголовнаго характера ввели преимущественную отвѣтственность правонарушителей передъ общественною властью, оставивъ въ тоже время почти неприкосновеннымъ весь прежній процессуальный порядокъ судопроизводства, по которому виновный отвѣтственъ передъ потерпѣвшимъ—и ни передъ кѣмъ больше. Ввели свидѣтелей, требуемыхъ судомъ и наказываемыхъ за неявку, и оставили свидѣтелей, являющихся въ судъ за плату отъ потерпѣвшаго; ввели уголовныя кары и оставили взысканіе двойной стоимости украденнаго (въ Чечнѣ, въ Ичкеріи). Къ гражданскимъ дѣламъ примѣняли то правила адата, то правила шаріата. Въ дѣлѣ опредѣленія общественныхъ взысканій весьма долго держались системы штрафовъ, имѣвшихъ вполнѣ произвольный характеръ. У меня въ рукахъ было нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, хранившихся въ архивѣ Хасавъ-Юртовскаго окружнаго управленія и относящихся къ 1858 году, которыми отлично характеризуется тогдашняя система штрафовъ. Въ одномъ изъ нихъ, составленномъ начальникомъ Андреевскаго участка, княземъ Чопаномъ Хамзаевымъ, излагается: если кто нибудь уведетъ чью-либо дочь или сестру, съ того штрафа 50 руб., если кто войдетъ съ дурнымъ намѣреніемъ къ чьей-либо дочери или сестрѣ,—штрафа 50 руб., если кто войдетъ къ замужней женщинѣ,—штрафа 100 руб., если въ чьемъ дворѣ произойдетъ намѣренное убійство, то сколько бы человѣкъ ни было во дворѣ, съ каждаго штрафа—50 руб., если кто украдетъ лошадь или вещь, по цѣнности равную лошади, напр., ружье, шашку и проч., то съ него штрафа—30 руб., за воровство изъ дома—50 руб., за кражу овцы или нѣсколькихъ овецъ—10 рублей;

если кто ранитъ другого и, по мнѣнію лѣкаря, рана опасна, то штрафа 25 руб., если же рана не опасна, то штрафа—5 руб.; если въ тяжбѣ двухъ человѣкъ свидѣтель покажетъ ложь и эта ложь будетъ доказана, то съ такого человѣка штрафъ—50 руб.; если кто украдетъ въ полѣ сѣно, плоды или хлѣбъ, то съ него въ штрафъ стоимость украденнаго и пр. Въ другомъ документѣ, подписанномъ маіоромъ кн. Казаналиповымъ (вѣроятно, тоже былъ участковымъ начальникомъ), говорится: „Если кто ранитъ другого, то съ него взыскивать въ штрафъ—25 руб. (подраздѣленія ранъ на опасныя и не опасныя уже не дѣлается) и представлять его начальству; если кто *захочетъ* жениться насильственно, безъ согласія родителей или родственниковъ, то взыскивать съ него 30 руб.; за воровство на сумму менѣе 25 руб. (кн. Хамзаевъ беретъ за норму 30 руб.) взыскивать съ вора въ штрафъ 25 руб., если же украдено на сумму свыше 25 руб., то представлять вора начальству (о штрафѣ уже не упоминается); если кто совершитъ убійство, то конфисковать все его имѣніе (т. е. штрафовать въ неограниченномъ размѣрѣ) и въ случаѣ совершенія имъ самимъ побѣга розыскивать и представлять его начальству“ и проч. Изъ другихъ документовъ не буду дѣлать выписокъ, чтобы не утомить читателя. Оба документа были отвѣтами на требованіе окружнаго начальника кн. Святополкъ-Мирскаго доставить ему соображенія о размѣрѣ штрафовъ за разнаго рода проступки и преступленія. Въ дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ эти документы, не оказалось окончательныхъ распоряженій по поднятому вопросу, поэтому я лишенъ возможности указать, въ какой мѣрѣ нормы дѣйствительно налагавшихся штрафовъ соотвѣтство-

вали приведеннымъ проектнымъ нормамъ. Но и фактомъ существованія проектовъ вполнѣ подтверждается высказанная выше мысль о произвольности карательныхъ мѣръ въ видѣ штрафовъ и отсутствіи всякой логической связи между ними и народными обычаями. Рядомъ со штрафами примѣнялись и кары уголовнаго характера, по личному усмотрѣнію властей. Потомъ наказанія по усмотрѣнію были замѣнены наказаніями по общимъ законамъ имперіи. И все это дѣлалось не независимо отъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, а въ насильственной спайкѣ съ ними. Самые суды, на которые возлагалось примѣненіе различныхъ мѣропріятій, оставались обычными: въ нихъ засѣдали представители отъ народа, и судопроизводство велось съ возможнымъ соблюденіемъ обычныхъ пріемовъ. Разумѣется, что при такомъ ходѣ дѣла обычаи въ концѣ концовъ должны были оказаться сильно измѣненными подъ давленіемъ тенденцій, не имѣющихъ съ ними ничего общаго.

Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что современные народные и преимущественно юридическіе обычаи кумыковъ заключаютъ въ себѣ правовыя нормы, родившіяся въ нѣдрахъ первобытнаго общества въ пору существованія его въ условіяхъ агнатическихъ союзовъ, получившія потомъ дальнѣйшее развитіе въ періодъ сліянія этихъ союзовъ въ общій племенный союзъ и подвергшіяся затѣмъ отчасти измѣненію, а главнымъ образомъ сліянію съ тремя чуждыми имъ правовыми нормами: установленными шаріатомъ, принесенными съ собою или созданными на мѣстѣ феодальною аристократіею и, наконецъ, привитыми нами, конечно, въ заботахъ объ общественномъ спокойствіи и народномъ благѣ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Юридическіе обычаи по дѣламъ кровомщенія *).

ГЛАВА I.

Кровомщеніе по дѣламъ смертоубійства.

1) Кто убилъ другого, тотъ обязанъ примириться съ родственниками убитаго подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть безнаказанно убитымъ послѣдними. Та-же обязанность примириться съ родственниками убитаго лежитъ и на родственникахъ убійцы по мужской линіи, иначе они могутъ подвергнуться участи самаго убійцы **).

---

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ различіе между прежнимъ и современнымъ обычаями, въ настоящемъ очеркѣ оба обычая приводятся въ одной и той-же статьѣ съ помѣтками:

„Пр. об." (Прежній обычай) и „Совр. об." (Современный обычай).

**) Сила этого основного обычая въ старое время не распространялась лишь на два верхнихъ сословія кумыцкаго народа—князей и узденей и отчасти на самое низшее сословіе — рабовъ или холоповъ (*кули*). Объ исключеніяхъ, относящихся до холоповъ, говорится въ текстѣ очерка. Что-же касается исключеній, касающихся князей и узденей, то они заключаются въ слѣдующемъ: 1) князь, убившій простолюдина или холопа, не дѣлался кровникомъ родственниковъ убитаго и поэтому послѣдніе не имѣли права мстить ему, какъ всякому другому. Выдавъ этимъ родственникамъ нѣкоторое матеріальное вознагражденіе и сверхъ того сдѣлавъ пожертвованіе на богоугодныя дѣла, онъ такимъ образомъ избавлялся навсегда отъ всякихъ разсчетовъ за пролитую кровь; 2) если князь убивалъ *своего* узденя, онъ расплачивался за кровь пожалованіемъ его наслѣдникамъ земли или другихъ предметовъ значительной стоимости, если-же отъ его руки падалъ *чужой* уздень, т. е. уздень, находившійся подъ покровительствомъ другого кумыцкаго князя, то обязанность его ограничивалась выставленіемъ за себя въ кровники кого либо изъ своихъ узденей, при чемъ онъ всѣми мѣрами, конечно, способствовалъ скорѣйшему примиренію условныхъ кровниковъ, и 3) уздень, убившій своего холопа, а также зависимаго отъ него (жившаго на его землѣ) простолюдина, также

2) Между убійцею и родственниками убитаго съ момента убійства до момента примиренія за кровь устанавливаются особыя отношенія, называемыя кровными. Самъ убійца весь этотъ промежутокъ времени носитъ названіе ***канлы***, что значитъ кровникъ.

3) (Пр. об.) Такъ какъ убійство беременной женщины считается двойнымъ убійствомъ, то въ случаѣ совершенія кѣмъ либо такого убійства родственники убитой женщины вправѣ объявить своимъ ***канлы*** кромѣ самаго убійцы еще одного изъ его ближайшихъ родственниковъ.

(Совр. об. не существуетъ).

4) Если убійство произойдетъ въ ссорѣ и дракѣ между собою нѣсколькихъ лицъ, то ***канлы*** дѣлается только тотъ, кѣмъ нанесена смертельная рана. Что касается остальныхъ участниковъ драки, то на нихъ положеніе ***канлы*** не распространяется. Однако, если кто либо изъ нихъ нанесъ убитому рану, хотя и не смертельную, то онъ обязанъ оказать родственникамъ жертвы ***честь***, стараясь до исполненія обряда чести (ст. 50) не встрѣчаться съ ними въ продолженіи одного года.

5) Если кто-либо сгоритъ во время пожара или умретъ послѣ отъ полученныхъ на пожарѣ обжоговъ, то виновнымъ въ его смерти ***(канлы)*** признается тотъ, по чьей винѣ произошелъ пожаръ.

не выходилъ въ кровники, а дѣлалъ вознагражденіе родственникамъ убитаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ пожертвованіе на благотворительныя дѣла.

Приведенныя исключенія, стоящія въ противорѣчіи съ основнымъ обычаемъ кровомщенія, могли держаться лишь до тѣхъ поръ, пока общественная власть сосредоточивалась въ рукахъ самихъ князей ихъ вассаловъ—узденей. Но какъ только эти сословія перестали быть правящимъ классомъ, исключенія мало по малу стали утрачивать свое серьезное значеніе и въ настоящее время отошли въ область историческихъ воспоминаній.

6) Малолѣтній убійца признается ***канлы*** такъ-же, какъ и совершеннолѣтній. Но если малолѣтній убійца скрывается, то его не должно преслѣдовать до достиженія имъ пятнадцати-лѣтняго возраста; впрочемъ, убійство его и раньше этого срока не составляетъ нарушенія обычая кровомщенія, это—только неприлично.

7) Если убійство совершено женщиной, то родственники убитаго могутъ признать своимъ ***канлы*** или убійцу—женщину или ея мужа, отца, родного брата или сына.

См. прим. къ ст. 11.

8) Если убійца—полоумный или сумасшедшій, то ***канлы*** становится его ближайшій родственникъ.

Примѣчаніе. Постановленіе это не распространяется на сумасшедшихъ, впавшихъ въ это состояніе послѣ совершенія убійства: такіе сумасшедшіе сами отвѣчаютъ за себя.

9) (Пр. об.). Если убійца холопъ, то ***канлы*** становится не убійца—холопъ, а его владѣлецъ.

(Совр. об.). Не существуетъ за полнымъ уничтоженіемъ состоянія холопства.

10) Если чья-либо лошадь, или собака, или другое домашнее животное укушеніемъ, ударомъ или инымъ образомъ причинитъ кому-либо смерть, то хозяинъ животнаго можетъ быть признанъ ***канлы*** въ двухъ случаяхъ: а) когда животное было завѣдомо злонравное и причинило смерть ***внѣ двора*** своего хозяина и б) когда такое-же злонравное животное причинило смерть, хотя и ***во дворѣ*** своего хозяина, но лицу зазванному къ себѣ хозяиномъ хитростью или обманомъ.

11) Если ***канлы*** до примиренія съ родственниками убитаго умретъ естественною смертью или будетъ

убитъ постороннимъ человѣкомъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти въ порядкѣ старшинства рожденія, а когда онъ дѣтей не имѣетъ, то отецъ и братья его, изъ которыхъ въ ***канлы*** выбирается кто нибудь одинъ, по усмотрѣнію семейства убитаго.

Когда-же у умершаго убійцы нѣтъ ни дѣтей, ни отца, ни родныхъ братьевъ, тогда ***канлы*** дѣлается тотъ, кому принадлежитъ право ближайшаго наслѣдованія послѣ него, а при существованіи нѣсколькихъ такихъ наслѣдниковъ, одинъ изъ нихъ, по выбору родственниковъ убитаго.

Примѣчаніе. О выборѣ въ ***канлы*** того или другого изъ равноправныхъ наслѣдниковъ умершаго семейство убитаго извѣщаетъ семейство убійцы черезъ довѣренныхъ лицъ. Тотъ-же порядокъ соблюдается при выборѣ въ ***канлы*** между отцомъ и родными братьями убійцы.

12) Право и обязанность мщенія за убійство принадлежитъ сначала ближайшимъ родственникамъ убитаго по мужской линіи, каковыми считаются: отецъ, родные братья, дяди, двоюродные братья и племянники, а послѣ нихъ—болѣе дальнимъ родственникомъ, но также по мужской линіи.

13) При жизни ближайшихъ родственниковъ убитаго дальніе родственники его со стороны отца могутъ воспользоваться своимъ правомъ отомщенія ***канлы*** въ томъ лишь случаѣ, если послѣдній встрѣтится съ ними въ такомъ мѣстѣ, которое находится на значительномъ разстояніи отъ мѣста нахожденія ближайшихъ родственниковъ.

14) (Пр. об.). Родственники убитаго, имѣющіе право на отомщеніе убійцѣ, могутъ, если желаютъ, осуществить свое право черезъ наемнаго убійцу и

послѣдній въ такомъ случаѣ не становится ***канлы*** семейства отомщеннаго убійцы.

(Совр. об. не существуетъ).

15) Такъ какъ право отмщенія ***канлы*** принадлежитъ только родственникамъ убитаго съ отцовской стороны, то убійство ***канлы*** родственниками жертвы убійства съ материнской стороны не признается отомщеніемъ за кровь и поэтому не измѣняетъ отношеній между первыми родственниками убитаго и убійцею. Въ силу этого, какъ само собою разумѣется, убійца ***канлы*** въ подобномъ случаѣ самъ становится ***канлы*** семейства его жертвы. Впрочемъ, обычаемъ не только не возбраняется, но признается умѣстнымъ установленіе соглашенія между заинтересованными сторонами на условіи зачета крови за кровь.

16) Право отомщенія ***канлы*** принадлежитъ также и тому родственнику убитаго, который сдѣлался таковымъ по дѣлу крови и называется поэтому ***канъ-кардашъ***, ибо такой родственникъ признается равноправнымъ съ ближайшими родственниками со стороны отца *).

17) Когда изъ двухъ дорожныхъ товарищей одинъ будетъ кѣмъ либо убитъ, то другой товарищъ имѣетъ право отомстить убійцѣ, какъ своему ***канлы***, ибо дорожный товарищъ тоже, что родственникъ съ отцовской стороны. Однако право это ограничивается днемъ совершенія убійства. Преслѣдовать убійцу

---

*) Убійца, примирившійся съ родственниками убитаго съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ примиренія, становится для послѣднихъ замѣстителемъ жертвы совершеннаго имъ убійства: для родителей убитаго онъ съ момента полнаго примиренія—сынъ, для братьевъ его—братъ и т. д. Онъ то и называется *канъ-кардашъ*, т. е. родственникъ по крови, и ему въ семьѣ принадлежатъ права и обязанности лица, которое онъ замѣстилъ собою.

по минованіи этого дня дорожный товарищъ не вправѣ.

Отомстившій убійцѣ дорожный товарищъ признается ближайшимъ родственникомъ отомщеннаго по отцовской линіи.

18) За убійство однимъ членомъ семейства другого члена того-же семейства возмездіе ограничивается лишеніемъ убійцы права на наслѣдство послѣ убитаго.

19) Тотъ, кто совершилъ убійство, долженъ, во избѣжаніе немедленнаго отомщенія, поспѣшить скрыться изъ селенія, гдѣ убійство совершилось или гдѣ живутъ родственники убитаго, и не появляться въ это селеніе до тѣхъ поръ, пока между нимъ и послѣдними не состоится примиренія. Родственники убійцы тоже должны скрыться до примиренія съ родственниками жертвы убійства, ибо, пока примиреніе не состоялось, они также находятся въ положеніи ***канлы***.

20) Но если кто убьетъ человѣка, обезчестившаго его невѣсту, или жену, или не замужнюю сестру, либо дочь, то въ случаѣ совершенія имъ убійства до истеченія шести—мѣсячнаго срока со дня нанесенія безчестія онъ не дѣлается ***канлы*** родственниковъ убитаго, и послѣдніе могутъ лишь потребовать отъ него устройства примирительныхъ свиданія и угощенія (т. е. сдѣлать имъ честь).

Примѣчаніе. Для мужа, жена котораго обезчещена послѣ увода ея изъ дома, срокъ безнаказаннаго отомщенія своему оскорбителю продолжается годъ.

21) Актъ примиренія ***родственниковъ канлы*** съ родственниками его жертвы совершается нижеуказаннымъ образомъ.

22) Родственники убійцы, скрывшись послѣ момента убійства у кого либо изъ именитыхъ и вліятельныхъ лицъ селенія и переждавъ нѣсколько дней, необходимыхъ для отдачи послѣдняго долга умершему, посылаютъ затѣмъ къ оскорбленнымъ убійствомъ депутацію, состоящую изъ одного или нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и возможно большаго числа именитыхъ жителей, съ просьбою разрѣшить имъ явиться съ повинною головою.

Примѣчаніе. Въ прежнее время убійцы и ихъ родственники укрывались обыкновенно въ домахъ князей, такъ какъ эти дома, независимо отъ матеріальной силы ихъ владѣльцевъ, гарантировались отъ вторженія въ нихъ мстителя за убійство обычаемъ совершенной неприкосновенности жилища князей. Въ настоящее время укрываются и у князей и у простыхъ жителей, пользующихся уваженіемъ въ народѣ и принадлежащихъ къ большимъ фамиліямъ.

23) Депутація, явившись къ родственникамъ убитаго, почтительно сообщаетъ имъ о цѣли своего прихода, выражая надежду, что тѣ, къ кому они пришли, не откажутся поступить со своими обидчиками согласно съ существующими искони обычаями.

Примѣчаніе. Находящееся во главѣ депутаціи духовное лицо произноситъ обыкновенно приличную случаю рѣчь (высказывается сожалѣніе о случившемся несчастіи, напоминается, что подобныя несчастія бывали прежде, будутъ, вѣроятно, и послѣ, и тотъ, надъ чьей головой они разражаются, не долженъ до такой степени ожесточаться, чтобы забывать завѣты мудрыхъ предковъ о примиреніи и прощеніи; говорится, что лучшее украшеніе доблестныхъ воиновъ—великодушіе; выставляется на видъ, что скончавшагося не вернешь къ жизни, и проч.), заканчивая ее выраженіемъ надежды, что оскорбленные, какъ люди благоразумные, сумѣютъ подчинить свои чувства разсудку.

24) Люди неблагоразумные могутъ отказать депутаціи въ ея просьбѣ, и тогда ищущіе примиренія чрезъ нѣкоторое время посылаютъ другую депутацію; но люди разумные и справедливые, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ колебаній, изъявляютъ готовность принять просьбу о прощеніи, и депутація объявляетъ объ этомъ родственникамъ ***канлы***.

25) Эти послѣдніе, извѣщенные о снисходительномъ принятіи кровниками ихъ просьбы, спѣшатъ явиться къ нимъ въ домъ въ сопровожденіи значительнаго числа именитыхъ жителей и, повидавшись съ ними, въ знакъ искренней пріязни передаютъ имъ установленные обычаемъ подарки (***алымъ***).

26) Отъ семейства убійцы передается одна штука рогатаго скота на зарѣзъ или 13 рублей денегъ и шелковой матеріи (***зарбабъ***) два аршина; отъ братьевъ убійцы, живущихъ отдѣльно, передается отъ каждаго по 5 рублей; отъ каждаго дяди съ отцовской стороны передается по 3 рубля; отъ двоюродныхъ братьевъ, а также отъ внуковъ и племянниковъ передается отъ каждаго по 1 рублю и отъ родственниковъ въ дальнѣйшихъ степеняхъ родства по мужской линіи—по 50 и 25 коп.

Примѣчаніе 1-е. Въ случаѣ признанія родственниками убитаго, что послѣдній былъ самъ виноватъ въ постигшей его участи, примиреніе между этими родственниками и родственниками ***канлы*** можетъ состояться еще до преданія землѣ тѣла убитаго и тогда семейство ***канлы*** участвуетъ въ обрядѣ оплакиванія умершаго (***тазіятъ***).

Примѣчаніе 2-е. Послѣ примиренія семейства канлы съ семействомъ его жертвы, въ видахъ оказанія чести послѣднему семейству, совершается иногда слѣдующій обрядъ. Всѣ женщины, принадлежащія къ дому убійцы, приходятъ

въ домъ убитаго и здѣсь произносятъ энергическія проклятія убійцѣ.

27) Исполненіемъ изложеннаго въ ст. 19—22 и 26 оканчивается актъ примиренія ***родственниковъ канлы*** съ родственниками убитаго.

28) Убійца (канлы) съ момента убійства до момента примиренія съ родственниками его жертвы не долженъ ни брить, ни стричь волосъ на головѣ—въ знакъ скорби и раскаянія.

29) Убійца чрезъ примирившихся родственниковъ своихъ и почетныхъ и вліятельныхъ жителей ходатайствуетъ у родственниковъ убитаго о позволеніи ему явиться къ нимъ для принесенія раскаянія и испрошенія прощенія.

30) Когда родственниками убитаго изъявлено согласіе принять отъ ***канлы*** просьбу о прощеніи, послѣдній отправляется въ домъ ихъ. Ему предшествуютъ почетные люди селенія, а также именитые люди, приглашенные изъ другихъ селеній *), и вмѣстѣ съ ними духовныя лица.

Примѣчаніе. Въ прежнее время передъ убійцею вели осѣдланнаго коня, на которомъ лежали панцырь и крымская винтовка. Конь и доспѣхи предназначались въ даръ семейству убитаго. Нынѣ исполненіе этого обычая не обязательно, но взамѣнъ того между примиряющимися чрезъ третьихъ лицъ устанавливается не рѣдко соглашеніе объ уплатѣ пострадавшему семейству извѣстной денежной суммы. Тогда-же признавалось обязательнымъ участіе въ депутаціи мѣстнаго князя.

31) Сзади другихъ идетъ убійца; онъ безъ папахи и безъ оружія; его ведетъ за руку мулла. Ря-

*) Еще въ шестидесятыхъ годахъ въ этихъ депутаціяхъ весьма нерѣдко участвовали и наши пристава, по тогдашнему *намбы*, въ особенности въ Чечнѣ.

домъ съ убійцею идутъ его родственники, безъ оружія и съ обнаженными головами.

32) По вступленіи процессіи въ домъ оскорбленныхъ мулла читаетъ молитву, произноситъ приличную случаю рѣчь и за тѣмъ подводитъ убійцу къ матери убитаго. Стоя на колѣняхъ, убійца кланяется матери своей жертвы, моля ее о прощеніи и принятіи его своимъ сыномъ на мѣсто скончавшагося. Вслѣдъ за убійцею глубокіе поклоны матери убитаго дѣлаются и всѣми родственниками убійцы. Послѣ матери та-же честь оказывается отцу, братьямъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ убитаго.

33) Въ то же время родственникамъ убитаго передается отъ имени убійцы: всему семейству — одна штука рогатаго скота и за тѣмъ въ частности: матери—ситцу на платье и коленкору на рубаху, сестрамъ—ситцу на платье *).

Примѣчаніе. Не обязательно для убійцы платить что либо деньгами. Но при существованіи особаго договора объ условіяхъ примиренія (о чемъ сказано выше), въ такой договоръ вносится обыкновенно плата за кровь въ размѣрѣ ста рублей.

34) По исполненіи вышеизложеннаго убійца и его родственники приглашаютъ родственниковъ убитаго къ себѣ въ домъ для принятія угощенія. Если бы послѣдніе отказались идти въ домъ ***канлы***, то угощеніе должно быть устроено въ ихъ собственномъ домѣ.

---

*) Если бываетъ возможно, то убійца, послѣ принятія отъ него подарковъ, тотчасъ отправляется въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и муллы на могилу своей жертвы и вмѣстѣ съ муллою умоляетъ покойнаго простить его. Иногда мольба къ покойному обращается еще до испрошенія прощенія.

Принимая угощеніе, въ своемъ-ли домѣ или въ домѣ своего ***канлы***, родственники убитаго могутъ пригласить на него, кого хотятъ.

35) Убійца угощаетъ своихъ примирившихся кровниковъ съ обнаженной головой. По окончаніи угощенія кровники приглашаютъ кого нибудь изъ присутствующихъ обрить ему часть головы—и этимъ заключается актъ примиренія по дѣлу убійства.

36) Между родственниками убитаго и убійцею послѣ примиренія образуется родство, называемое кровнымъ ***(канъ-кардашъ)***, т. е. вытекающимъ изъ дѣла крови. Родство это считается равнымъ ближайшему по отцу.

37) (Пр. об.). Когда убійца не извѣстенъ, родственники убитаго, заподозривъ кого либо въ совершеніи этого убійства, могутъ послать къ нему требованіе явиться къ нимъ. Неисполненіе этого требованія тѣмъ, къ кому оно обращено, даетъ родственникамъ убитаго право признать въ немъ своего ***канлы***.

Примѣчаніе. Явка заподозрѣннаго, по переданному ему требованію, признается доказательствомъ его невинности и онъ принимается и отпускается, какъ другъ. Бывали впрочемъ случаи, когда подобная довѣрчивость имѣла для заподозрѣннаго другой исходъ: ожесточенные мстители за убійство убивали его, какъ только онъ показывался имъ на глаза, вопреки обычаю, который подобное поведеніе признаетъ предосудительнымъ *).

*) Лѣтъ двадцать пять тому назадъ на Кумыцкой плоскости былъ такой случай. Родственники убитаго заподозрили одного кумыка изъ хорошаго семейства въ совершеніи убійства и потребовали его явки къ себѣ въ домъ. Заподозрѣнный, будучи невиненъ, подчинился требованію и явился въ домъ пострадавшихъ, согласно обычаю, безъ оружія. Тѣ не убили его, но подвергли цѣлому ряду оскорбительныхъ издѣвательствъ: заставляли его многократно клясться въ своей невинности, обнажали передъ его глазами холодное оружіе, выказывая намѣреніе зарѣзать его, производили выстрѣлы около него и проч. Промучивъ такимъ образомъ свою жертву

(Совр. об. не существуетъ).

38) (Пр. об.). Заподозрѣнное въ убійствѣ лицо должно очиститься отъ подозрѣнія присягою, принятою съ 40 ***тусевами*** *).

(Совр. об.). Тотъ-же, но число ***тусевовъ*** (присяжниковъ) уменьшено до 12 **).

39) За кого тусевы приняли очистительную присягу, тотъ признается не виновнымъ въ совершеніи даннаго убійства. Тотъ-же, за кого тусевы отказались принять присягу, становится ***канлы*** родственниковъ убитаго.

40) Если встрѣчается надобность установить какія либо обстоятельства даннаго убійства, напр., опредѣлить, какая изъ нѣсколькихъ, нанесенныхъ убитому, рана была смертельная или была-ли убитая женщина беременна и т. п., то это исполняется чрезъ свидѣтелей происшествія и свѣдущихъ людей (экспертовъ), подтверждающихъ свои заявленія подъ присягою.

Примѣчаніе. Въ необходимыхъ случаяхъ въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть допрашиваемы подъ присягою и женщины. Въ старое время свидѣтельство женщины подъ присягою вовсе не допускалось, потомъ оно стало допускаться, но на томъ условіи, что свидѣтельство двухъ женщинъ признавалось равнымъ свидѣтельству одного мужчины. Современный обычай признаетъ присяжное свидѣтельство женщины равносильнымъ такому же свидѣтельству мужчины.

нѣсколько часовъ, они отпустили ее наконецъ домой. Кумыкъ ушелъ, а потомъ, при первой встрѣчѣ съ однимъ изъ своихъ мучителей, всадилъ ему пулю въ грудь, произнеся при этомъ: „Теперь мы квиты, такъ какъ вы уже получили отъ меня плату за кровь".

*) *О тусевахъ* см. очеркъ III, гл. IV.

**) Сокращеніе числа тусевовъ послѣдовало въ тридцатыхъ годахъ, въ бытность главнымъ кумыцкимъ приставомъ князя Мусы Уцміева.

ГЛАВА II.

Кровомщеніе по дѣламъ пораненія и увѣчья.

41) Кто не убьетъ, а только поранитъ другого, тотъ, не становясь кровникомъ (канлы), обязанъ однако скрыться отъ раненаго и его родственниковъ, такъ какъ, при неизвѣстности относительно исхода раны, они могутъ поступить съ нимъ, какъ съ кровникомъ. Родственникамъ поранителя также необходимо скрыться на первое время, оказавъ этимъ уваженіе потерпѣвшимъ.

Примѣчаніе 1-е. Само собою разумѣется, что смертельный исходъ пораненія создастъ между поранителемъ и родственниками умершаго отъ раны отношенія полныхъ кровниковъ, описанныя выше, въ 1-й главѣ.

Примѣчаніе 2-е. Въ настоящее время поранитель берется, обыкновенно, по распоряженію властей, подъ стражу и этимъ устраняется для него необходимость скрываться.

42) Вмѣстѣ съ тѣмъ поранитель обязанъ принять мѣры къ удовлетворенію раненаго, заключающіяся въ слѣдующемъ: 1) онъ долженъ отправить къ раненому депутацію съ просьбою о примиреніи и вмѣстѣ съ тѣмъ нанять лѣкаря для излѣченія его, съ принятіемъ на себя всѣхъ расходовъ по лѣченію, 2) долженъ озаботиться устроить свиданіе съ нимъ и его родственниками и 3) долженъ совершить обрядъ оказанія чести ему и родственникамъ его. Сверхъ того, если пораненіемъ причинено увѣчье, то поранитель обязанъ вознаградить за него по указанію обычая.

43) Когда чья-либо собака или чье-либо другое домашнее животное укуситъ или инымъ образомъ при-

чинитъ кому-нибудь рану, то хотя хозяинъ собаки или другого домашняго животнаго и признается отвѣтственнымъ за пораненіе, однако отвѣтственность эта ограничивается для него обязанностью излѣчить на свой счетъ раненаго, не дѣлая ему никакого другого удовлетворенія.

44) Если въ дракѣ двухъ партій между собою, въ одной окажется раненый, а въ другой убитый, то родственники убитаго не обязаны дѣлать удовлетворенія раненому, хотя-бы послѣдній и не участвовалъ въ совершеніи убійства. Однако, какъ скоро эти родственники нашли убійцу и отомстили ему, на нихъ вновь падаетъ обязанность вознаградить раненаго за лѣченіе и увѣчье.

45) Посылка депутаціи съ просьбою о примиреніи и дѣйствія депутаціи въ домѣ потерпѣвшаго совершаются въ порядкѣ, изложенномъ въ ст. 22 и 23.

Примѣчаніе. Просьба о примиреніи обращается къ самому раненому, но если онъ, по случаю пораненія, находится въ безпамятствѣ, то къ его ближайшимъ родственникамъ.

46) Согласіе на примиреніе можетъ быть не дано въ случаѣ опаснаго и малонадежнаго положенія раненаго. Въ другихъ случаяхъ примиреніе обыкновенно признается возможнымъ и желательнымъ.

47) Извѣщенный депутаціею о согласіи потерпѣвшаго на примиреніе, поранитель немедленно посылаетъ къ нему лѣкаря, давъ послѣднему въ счетъ платы за лѣченіе два рубля.

Прим. Право выбора лѣкаря принадлежитъ поранителю, но если онъ почему-либо не воспользуется имъ (не найдетъ лѣкаря, уклонится отъ присылки его и т. п.), то лѣкаря приглашаетъ самъ потерпѣвшій; что же касается

всѣхъ издержекъ по лѣченію, то онѣ потомъ взыскиваются съ виновнаго въ покаленіи, въ случаѣ надобности, по суду *).

48) Одновременно съ тѣмъ онъ посылаетъ также одного барана, одну *сабу* (3 п. 20 ф. пшеничной муки, 2 фунта коровьяго масла, 3 фунта меду и три аршина бязи, — чѣмъ и совершается первый актъ примиренія его съ раненымъ.

49) Черезъ нѣсколько дней раненый, въ уваженіе просьбы почетныхъ стариковъ и своего лѣкаря, изъявляетъ согласіе на свиданіе съ своимъ поранителемъ и тогда послѣдній приходитъ къ нему въ домъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, уважаемыхъ жителей и муллы. Послѣ краткой молитвы и приличнаго случаю слова муллы раненый и поранитель подаютъ другъ другу руки и этимъ завершается второй актъ примиренія, за которымъ слѣдуетъ послѣдній, называемый дѣланіемъ чести обиженному.

50) (Пр. об.). Поранитель, по требованію раненаго, дѣлаетъ ему честь устройствомъ для него въ своемъ домѣ угощенія кушаньями и напитками. Идя на это угощеніе со своими родственниками, раненый можетъ пригласить съ собою еще другихъ лицъ, кого пожелаетъ.

(Совр. об.). Поранитель взамѣнъ угощенія платитъ раненому деньгами тридцать рублей.

51) (Пр. об.). Кто въ одной и той-же дракѣ нанесетъ раны нѣсколькимъ родственникамъ, обязанъ сдѣлать ординарную честь всѣмъ раненымъ, если они состоятъ въ родствѣ по мужской линіи.

---

*) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ очерковъ, гдѣ упоминается судъ, дѣло идетъ о существующемъ въ Хасавъ-Юртовскомъ (бывшемъ Кумыцкомъ) округѣ для туземнаго населенія горскомъ словесномъ судѣ.

(Совр. об.). Поранившій нѣсколько человѣкъ, состоящихъ между собою въ родствѣ съ отцовской стороны, обязанъ отдать всѣмъ раненымъ взамѣнъ угощенья тридцать руб. сер.

52) Если кто, преслѣдуя своего канлы, вслѣдъ за послѣднимъ ворвется въ чей либо домъ и при этомъ поранитъ кого нибудь изъ семейства хозяина дома, то хотя имъ будетъ совершено два акта оскорбленія чести—нарушеніе неприкосновенности чужого жилища и пораненіе, онъ дѣлаетъ, однако, не двойную, а ординарную честь, т. е. платитъ только тридцать рублей.

53) Причиняемыя пораненіемъ увѣчья бываютъ двоякаго рода: увѣчья ***полныя*** и увѣчья ***неполныя***. ***Полнымъ*** увѣчьемъ считается такое, когда дѣятельность изувѣченнаго органа совершенно прекращается. Когда-же дѣятельность такого органа не прекращается, а только ослабляется сравнительно съ нормальною дѣятельностью его, то увѣчье называется ***неполнымъ***.

Смотря по степени ослабленія дѣятельности пораженнаго органа, неполное увѣчье признается или ***половиною***, или ***четвертью*** увѣчья, или же ***частью увѣчья***, ***менѣе четверти полнаго***.

Примѣчаніе. Вопросъ о родѣ и степени увѣчья разрѣшается двумя врачами: тѣмъ, который лѣчитъ раненаго, и другимъ, постороннимъ. Когда дѣло доходитъ до суда, то сказанные врачи (изъ туземцевъ) допрашиваются въ качествѣ свѣдущихъ людей.

54) Какъ самое существованіе увѣчья, такъ равно родъ и степень его опредѣляются не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ пораненія, а потому и вознагражденіе за увѣчье дѣлается лишь по истеченіи годичнаго срока.

55) При увѣчьи однихъ органовъ вознагражденіе дѣлается не только за полное, но также и за неполное увѣчье, при увѣчьи же другихъ органовъ оно дѣлается лишь за одно полное.

56) За увѣчье пальцевъ руки вознагражденіе полагается: за увѣчье мизинца — ***10 рублей***, за увѣчье безъимяннаго пальца—***20 рублей***, за увѣчье средняго пальца—***30 рублей***, за увѣчье указательнаго пальца—***40 рублей*** и за увѣчье большого пальца—***50 рублей***. За отнятіе всѣхъ пяти пальцевъ руки вознагражденіе дѣлается, какъ за отнятіе одного большого пальца, въ ***50 рублей***.

57) За полное увѣчье одной руки платится вознагражденія—***100 рублей***, за половину увѣчья—***50 рублей***, за четверть увѣчья—***25 рублей*** и за увѣчье менѣе четверти полнаго по опредѣленію врача, лѣчившаго увѣчнаго.

58) За полное или неполное увѣчье одной ноги размѣръ вознагражденія тотъ-же, что за увѣчье одной руки.

59) Такое же вознагражденіе, съ тѣми же подраздѣленіями, полагается за увѣчье одного глаза.

60) За увѣчье носа вознагражденіе полагается въ ***50 руб.***

61) За увѣчье одного уха платится вознагражденія—***30 руб.***, если же увѣчье имѣло послѣдствіемъ глухоту изувѣченнаго, то—***50 рублей***.

62) Вознагражденіе за выбитіе одного передняго зуба составляетъ ***10 рублей***, а если выбитъ коренной зубъ, то оно удваивается.

63) Если раненый не знаетъ своего поранителя или, если и знаетъ, но тотъ не сознается въ совершеніи этого поступка, то потерпѣвшій-раненый

вправѣ потребовать, чтобы онъ (обвиняемый) очистился отъ обвиненія присягою, принятою имъ съ пятью *тусевами*.

Прим. Порядокъ назначенія тусевовъ и принятія ими очистительной присяги тотъ-же, что въ дѣлахъ по похищенію скота и движимаго имущества *).

64) Когда обвиняемый въ покаженіи не можетъ оправдаться отъ обвиненія очистительною присягою съ тусевами, то виновность его устанавливается обвинительною присягою покаженнаго.

65) Точно также, если кто либо раненъ въ дракѣ нѣсколькихъ лицъ между собою и участвовавшіе въ ней взваливаютъ вину одинъ на другого, то виновнымъ въ причиненіи раны признается тотъ, на кого укажетъ подъ присягою самъ раненый.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Обычаи, относящіеся до положенія женщины.

ГЛАВА I.

Обычаи брачные.

Дѣвушка правоспособна вступить въ бракъ по достиженіи ею пятнадцатилѣтняго возраста.

Молодой человѣкъ, полюбившій дѣвушку, чрезъ своихъ хорошихъ пріятелей проситъ у родителей своихъ разрѣшенія на женитьбу, указывая и избранную имъ невѣсту. Въ случаѣ согласія родителей молодого человѣка, они посылаютъ къ родителямъ избранной дѣвушки депутацію изъ хорошихъ знакомыхъ послѣд-

*) См. очеркъ III.

нихъ или изъ почетныхъ людей съ муллою или кадіемъ во главѣ. Родители невѣсты принимаютъ депутацію равнодушно и, выслушавъ ее, отказываютъ ей подъ вымышленнымъ предлогомъ (говорятъ: обѣщана другому, молода и т. п.), если не согласны на предлагаемый бракъ, или же просятъ дать имъ срокъ подумать, посовѣтоваться со своими родственниками, если предложеніе имъ по душѣ. Срокъ назначается въ одну-двѣ недѣли. По истеченіи срока депутація приходитъ вновь и тогда обыкновенно родители невѣсты, послѣ нѣсколькихъ уклончивыхъ заявленій, даютъ свое согласіе на бракъ. Затѣмъ депутація спрашиваетъ о размѣрѣ назначеннаго *альгама**). Въ тридцатыхъ годахъ было установлено, что *альгамъ* долженъ заключаться въ тридцати рубляхъ деньгами, одномъ кинжалѣ, одной головѣ сахару, бѣломъ коленкорѣ на одну рубаху, коленкорѣ на головной платокъ и двухъ шелковыхъ платкахъ (*гульменды*). Но съ теченіемъ времени стали опредѣлять альгамъ по взаимному согласію сторонъ. Въ настоящее время средній размѣръ альгама слѣдующій: 60 рублей деньгами, изъ которыхъ 50 руб. собственно въ денежный альгамъ, а 10 руб. вмѣсто кинжала, четыре головы сахару, два шерстяныхъ платка, цѣною отъ 3 до 3 р. 50 коп., семь шелковыхъ большихъ (въ 2 рубля) и маленькихъ (въ 80—90 коп.) платковъ, бѣлаго коленкору на рубаху и головной платокъ, кромѣ того, большой шелковый платокъ собственно для невѣсты (остальные платки раздаются родственницамъ невѣсты), цѣною не менѣе 13—14 рублей, и шелковой матеріи

*) *Альгамъ* (арабск.)—молитва, произносимая послѣ окончанія акта сватовства. Народъ перенесъ это слово на матеріальные предметы, назначаемые при сватовствѣ.

на занавѣсь въ саклѣ, цѣною отъ 6-ти до 8-ми рублей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ измѣненіе средняго альгама заключается, во-первыхъ, въ измѣненіи количества и стоимости вышеперечисленныхъ предметовъ и, во-вторыхъ, въ томъ, что въ условіе включается также обязательство дать коня извѣстной стоимости (50 и болѣе р.), который поступаетъ въ пользу отца или замѣстителя его или кого либо изъ родственниковъ, а у князей и первостепенныхъ узденей въ пользу *эмчековъ* *). На предложеніе депутаціи относительно альгама, въ большинствѣ случаевъ, отвѣчаютъ положительнымъ указаніемъ на размѣръ его, но не совсѣмъ рѣдки случаи, когда родители невѣсты говорятъ: „мы дочь не продаемъ, а выдаемъ замужъ за человѣка, который намъ нравится; торговаться у насъ нѣтъ желанія, а пусть для насъ сдѣлаютъ то-же, что дѣлается для другихъ, равнаго съ нами положенія".

Полученный отвѣтъ депутація передаетъ родителямъ жениха. На другой день послѣдніе опять посылаютъ къ родителямъ невѣсты довѣренное лицо съ платкомъ и золотымъ кольцомъ для невѣсты, и это лицо окончательно договаривается относительно размѣра альгама и срока доставленія его. Случается, что родители невѣсты предъявляютъ въ это время новыя требованія, и объ этомъ посредникъ передаетъ родителямъ жениха. Иногда родители жениха сами просятъ объ уменьшеніи ранѣе заявленныхъ требованій.

*) Эмчекъ—молочный братъ, т. е. сынъ женщины изъ народа, вскормившей своею грудью ребенка князя. Если эмчекъ получаетъ отъ князя присланнаго ему при засватаніи его сестры, дочери и пр. коня, то, съ другой стороны, когда князь—его молочный братъ, самъ собирается вступить въ бракъ, обязанность посылки коня въ домъ невѣсты падаетъ на него-же, эмчека.

Происходятъ переговоры, соглашенія—всегда чрезъ третьихъ лицъ. При этихъ переговорахъ сватовство иногда и разстраивается вслѣдствіе несогласія одной стороны на условія другой. Если-же соглашеніе состоялось по всѣмъ пунктамъ, то ожидаютъ наступленія условленнаго срока.

По наступленіи срока родители жениха приглашаютъ къ себѣ муллу и нѣсколько почетныхъ лицъ и вручаютъ имъ альгамъ и подарки для передачи ихъ родителямъ невѣсты. Вмѣстѣ съ условленнымъ альгамомъ въ большинствѣ случаевъ поручается также для передачи червонецъ, или золотое кольцо, или иная золотая вещь. Мулла съ почетными лицами относятъ альгамъ въ домъ невѣсты. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ съ почетомъ и угощаютъ чаемъ, а потомъ начинаютъ осматривать принесенные дары, сначала мужчины—родственники, а потомъ женщины—родственницы невѣсты. Распорядителемъ въ это время бываетъ старшій родственникъ отца невѣсты или его уполномоченный. Когда подарки осмотрѣны, одобрены и приняты, мулла прочитываетъ молитву, называемую альгамъ, и начинаются поздравленія.

Между-тѣмъ женихъ уходитъ изъ родительскаго дома къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, вступающему въ права какъ-бы посаженнаго отца. Здѣсь собирается компанія изъ товарищей-сверстниковъ жениха и начинается пированіе съ музыкою и танцами. Невѣста также скрывается изъ родительскаго дома къ кому-либо изъ сосѣдей и окружается подругами-сверстницами, развлекающими ее пѣніемъ и играми. Компанія, окружающая жениха, завидѣвъ вышедшую со двора его родителей депутацію съ альгамомъ, обыкновенно отправляется сзади нея и съ музыкою

и танцами сопровождаетъ ее до двора родителей невѣсты. По входѣ депутаціи во дворъ невѣсты подруги послѣдней, въ свою очередь, привѣтствуютъ депутацію пѣснями и хлопаньемъ въ ладоши, не входя впрочемъ вмѣстѣ съ нею въ домъ.

За молитвою муллы и поздравленіями, о которыхъ сказано выше, начинается пированіе въ домѣ родителей невѣсты, продолжающееся нѣсколько часовъ. Когда депутація затѣмъ уходитъ, каждому изъ участвующихъ въ ней дарится кусокъ шелковой матеріи, которымъ опоясываются вокругъ таліи. Въ домѣ посаженнаго отца жениха депутація снова участвуетъ въ пированіи, продолжающемся до ночи. Сами женихъ и невѣста въ этомъ веселомъ препровожденіи времени участія не принимаютъ, находясь въ своихъ комнатахъ.

Въ ту-же ночь женихъ съ своими друзьями отправляется къ своей невѣстѣ, окруженной подругами. Хозяйка дома распоряжается угощеньемъ, проходящимъ безшумно. Держатся скромно, чинно. Послѣ ужина женихъ дѣлаетъ подарокъ женщинѣ-хозяйкѣ, въ видѣ денежной суммы въ 10—25 рублей, а взамѣнъ того друзьямъ его раздаются въ даръ разныя небольшія вещицы—кисеты, платки и т. п. На этомъ оканчивается актъ сватовства.

Получивъ альгамъ, родители невѣсты закупаютъ на него приданое для нея, по преимуществу мѣдную и другую посуду, зеркала и т. п. Съ своей стороны, женихъ справляетъ *калымъ*, заключающійся въ постельныхъ принадлежностяхъ—тюфякахъ, подушкахъ, одѣялахъ—и отсылаетъ его къ невѣстѣ. Уговариваются относительно дня свадьбы и до этого дня женихъ обязывается одѣвать невѣсту, что онъ выполняетъ или натурою, т. е. покупая матеріалы на платье,

головной уборъ, бѣлье и пр., или посылкою на эти предметы денегъ. Наканунѣ большихъ праздниковъ онъ посылаетъ ей особые подарки—барана, сластей и пр.

За нѣсколько дней до свадьбы женихъ посылаетъ родителямъ невѣсты отъ 20-ти до 30-ти руб. денегъ на расходы по угощенію гостей.

Въ назначенный день изъ дома родителей жениха отправляется за невѣстою арба, въ которой сидятъ старуха и дѣвушка. Арбу сопровождаютъ двое верховыхъ. Въ домѣ, гдѣ находится невѣста, ожидаютъ прибытія арбы родственники послѣдней, дѣвушки, подруги ея, и другіе близкіе знакомые. Подъѣхавъ къ дому, старуха и спутница ея передаютъ родителямъ невѣсты въ даръ отъ себя голову сахару, за что сами получаютъ: старуха—шелковой матеріи на рубаху и головной платокъ, а дѣвушка—платокъ. Призываются мулла и нѣсколько почетныхъ стариковъ. Мулла въ присутствіи двухъ свидѣтелей спрашиваетъ невѣсту о согласіи ея на бракъ и потомъ съ тѣмъ-же вопросомъ обращается къ ея отцу. По исполненіи этой формальности закусываютъ и затѣмъ приступаютъ къ дѣлу. Прежде всего въ арбу перекладывается приданое невѣсты, пріобрѣтенное на полученный за нее альгамъ, а затѣмъ выводится и сама невѣста, закрытая покрываломъ, которую родственники усаживаютъ въ ту-же арбу, украшенную коврами. Кортежъ трогается въ присутствіи подругъ невѣсты и подъ звуки пѣсенъ и музыки. По пути слѣдованія поѣзда—тѣ-же пѣсни и музыка, а если невѣста ѣдетъ въ другое селеніе, то и стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. У двора родителей жениха арба останавливается и капризный возница объявляетъ обыкновенно, что у него

нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать дальше, т. е. въѣхать во дворъ. Въ прежнее время упорство возницы преодолѣвалось поднесеніемъ ему кинжала, теперь онъ мирится на подаркѣ и въ 3—5 рублей. Во дворѣ невѣсту высаживаютъ изъ арбы ея родственники и она уходитъ въ назначенную ей комнату. Въ это время мулла отправляется къ жениху и въ присутствіи одного-двухъ свидѣтелей спрашиваетъ и его о согласіи на вступленіе въ бракъ съ засватанною имъ дѣвушкою. По полученіи утвердительнаго отвѣта мулла пишетъ брачный договоръ, въ который непремѣнно включаетъ обязательство жениха по вступленіи его въ права мужа уплатить своей женѣ *гебинъ-гакъ* *) въ установленномъ обычаемъ размѣрѣ. Договоръ подписывается писавшимъ его и двумя свидѣтелями и послѣ того мулла прочитываетъ извѣстныя молитвы, держа жениха за руку. Этимъ исчерпывается религіозная сторона заключенія брака.

Ночью женихъ секретно отправляется въ комнату невѣсты. Находящаяся въ комнатѣ старуха отворяетъ ему дверь, за что получаетъ отъ него рублей 5—10 и потомъ удаляется.

Часа черезъ полтора-два въ комнату, гдѣ находятся молодые, стучатся и входятъ два родственника молодого. При ихъ входѣ молодая прячется за занавѣску, находящуюся въ переднемъ углу комнаты. Родственники берутъ что-нибудь изъ лакомствъ, по-

*) Гебинъ-гакъ—плата женщинѣ за вступленіе ея въ бракъ. Если мужъ умретъ, не заплативъ *гебинъ-гака*, то этотъ долгъ его уплачивается предпочтительно передъ всѣми другими его долгами. При требованіи развода *гебинъ-гакъ* долженъ быть уплаченъ сполна. Если женщина умретъ до полученія *гебинъ-гака*, то онъ выдается ея дѣтямъ, какъ наслѣдство отъ нея, а не отъ отца.

ставленныхъ въ томъ-же углу у наружной стороны занавѣски, и уходятъ, ничего не говоря.

На утренней зарѣ пріятели молодого подходятъ къ окну сакли и будятъ его. Наскоро одѣвшись, онъ выходитъ къ друзьямъ-доброжелателямъ, встрѣчающимъ его шумными возгласами.

Къ молодой, остающейся въ саклѣ, являются родственницы и одариваютъ ее разными вещами, нужными въ хозяйствѣ, преимущественно посудою. Она также дѣлаетъ имъ подарки предметами одежды.

Въ тотъ-же день вечеромъ въ комнату молодой входятъ мужчины, родственники ея по мужу. Каждый изъ нихъ, начиная со старшаго, подходитъ къ занавѣскѣ, открываетъ ее и громко называетъ предметъ, отдаваемый имъ въ даръ стоящей передъ нимъ молодой женщинѣ. Подарки дѣлаются рогатымъ и мелкимъ скотомъ и деньгами. Деньги тутъ-же кладутся на тарелку. Молодая, въ свою очередь, благодаритъ родственниковъ кисетами, галунами, кошельками для денегъ и т. п. бездѣлушками. Подарки гостей поступаютъ въ собственность молодого.

Все это время, какъ въ домѣ молодой, такъ и въ домѣ родителей молодого, преимущественно въ послѣднемъ, происходитъ безпрерывное пированіе. Ѣдятъ и пьютъ, поютъ и танцуютъ дни и ночи, приходя на смѣну другъ другу. Иные впрочемъ не смѣняются и къ концу трехдневнаго свадебнаго пированія приходятъ въ совершенно ошалѣлое состояніе.

На третій день вечеромъ къ молодой приходитъ сельская молодежь, и она, молча, угощаетъ ее водкою, уже не прячась за занавѣскою. На всѣ шутливые распросы своихъ гостей она неизмѣнно отвѣчаетъ одно: „пей“, указывая на подносъ съ напитками и закусками.

Третьимъ днемъ кончается свадебное пиршество. Съ четвертаго дня молодой находится уже у себя въ домѣ и занимается текущими дѣлами, но въ свою комнату заходитъ лишь-ночью и послѣ того, какъ родители уснутъ. Продолжается это недѣли двѣ.

Мулла за вѣнчаніе получаетъ плату отъ отца жениха въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 5-ти руб.

Иногда женихъ на канунѣ свадьбы обходитъ всѣхъ своихъ родственниковъ и получаетъ отъ нихъ подарки скотомъ.

При выходѣ замужъ вдовы альгамъ дается въ размѣрѣ половины или трети, а иногда и вовсе не дается. Торжественнаго переѣзда невѣсты къ жениху не бываетъ; напротивъ, невѣста-вдова привозится къ жениху ночью, безъ шума. Случается, что во время въѣзда ея въ домъ жениха или въ селеніе раздаются выстрѣлы, но они имѣютъ значеніе злой шутки, издѣвательства надъ заключаемымъ бракомъ. Не бываетъ также ни музыки, ни угощеній. Вообще, выходъ замужъ вдовы признается народомъ актомъ вполнѣ будничнымъ, даже низменнымъ, въ основѣ котораго лежитъ забота о житейскихъ удобствахъ, достигаемыхъ съ нѣкоторымъ урономъ своего достоинства.

Состоявшееся сватовство не всегда влечетъ за собою заключеніе брака; иногда отъ него отказывается женихъ, иногда родители невѣсты. Если отъ заключенія брака отказался женихъ, то онъ теряетъ право на обратное полученіе альгама и калыма; сверхъ того родители невѣсты могутъ заставить его принять очистительную присягу съ двѣнадцатью ***тусевами*** въ томъ, что онъ не посягнулъ на цѣломудріе дѣвушки. Если женихъ не очистится присягою, то онъ обязанъ жениться, т. е. совершить обрядъ вѣнчанія,

и затѣмъ можетъ тотчасъ развестись съ женою. При этомъ обычаемъ установлено слѣдующее правило: повѣнчавшійся и давшій разводъ женѣ до первой ночи платитъ ей въ гебинъ-гакъ только—50 рубл.; если-же разводъ дается на слѣдующій день, то разведенная жена получаетъ полный гебинъ-гакъ 100 рубл. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ половинный размѣръ гебинъ-гака допускается лишь при полученіи невѣстою, до брака, значительныхъ подарковъ отъ жениха,— иначе обязательно удовлетворить полнымъ гебинъгакомъ. Когда отказъ послѣдовалъ со стороны родственниковъ невѣсты, то жениху возвращаются альгамъ и всѣ другіе подарки, а также уплачиваются произведенные при сватовствѣ расходы. Само собою разумѣется, родители невѣсты въ подобномъ случаѣ не вправѣ требовать отъ жениха обычныхъ доказательствъ ненарушенія имъ цѣломудрія невѣсты.

ГЛАВА II.

Юридическіе обычаи по дѣламъ оскорбленія чести и цѣломудрія женщины и по дѣламъ похищенія замужнихъ и не замужнихъ женщинъ *).

1) Кто прикоснулся къ дѣвушкѣ рукою, или обнялъ ее, или сорвалъ платокъ съ ея головы, тотъ

*) Честь женщины, какъ увидитъ читатель, охраняется въ кумыцкомъ народѣ весьма ревниво; тѣмъ не менѣе самое понятіе—„честь женщины“ имѣетъ у этого народа, какъ и вообще у кавказскихъ горцевъ, совсѣмъ не то значеніе. какое дается ему европейскими народами. У кумыковъ и другихъ кавказскихъ горцевъ подъ этимъ понятіемъ разумѣется честь не самой женщины, а честь семьи, въ лицѣ мужскихъ представителей ея—отца, брата, мужа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—честь жениха, т. е. честь и гордость мужчины. Что касается самой женщины, то она, вообще говоря, третируется какъ предметъ собственности муж-

нанесъ ей безчестіе и долженъ удовлетворить за это отца ея, или замѣстителя его, устройствомъ примирительнаго свиданія и уплатою, взамѣнъ угощенья, тридцати рублей.

2) За такое-же безчестіе, нанесенное замужней женщинѣ, виновный долженъ извиниться передъ мужемъ и устроить ему въ своемъ домѣ посильное угощенье.

3) Совершившій насиліе надъ дѣвушкой обязанъ уплатить родителямъ ея за безчестіе тридцать рублей и ей самой полный *гебинъ-гакъ* въ 100 руб.

4) Но имѣвшій любовную связь съ дѣвушкою съ ея согласія обязанъ уплать только дѣвушкѣ полный *гебинъ-гакъ*, удовлетвореніе-же за безчестіе для него не обязательно *). Однако, если прелюбодѣяніе имѣло мѣсто съ дѣвушкою засватанною, то виновный мужчина обязанъ уплатить безчестіе жениху дѣвушки, хотябы преступленіе совершилось съ согласія послѣдней.

5) Виновный въ любовной связи съ замужней женщиною, съ согласія или безъ согласія послѣдней—безразлично,—становится кровнымъ врагомъ ея мужа и обязанъ примириться съ нимъ, какъ по дѣлу крови. До устройства же примиренія, онъ, какъ всякій *канлы*, долженъ бѣжать и скрыться.

чины, правда, очень цѣнный и стоящій къ обладателю его ближе всѣхъ другихъ предметовъ собственности, но не какъ личность съ извѣстными гражданскими правами. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только постановленіе о *гебинъ-гакѣ*, или платѣ за вступленіе въ бракъ, но оно взято изъ мусульманскаго шаріата и покоится на иныхъ основаніяхъ.

*) Можетъ быть, по тому соображенію, что родители сами виноваты въ дурной нравственности ихъ дочери, а вѣрнѣе—въ виду того, что мужчина, вступившій въ связь съ свободною (не засватанною) дѣвушкою безъ всякаго насилія надъ нею и уплатившій ей *гебинъ-гакъ*, составляющій самую существенную часть брачнаго договора, фактически женился на ней и, слѣдовательно, никакого безчестія родителямъ ея не нанесъ.

6) Въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня совершившагося преступленія, мстители за поруганную честь мужа—самъ мужъ, его отецъ, его братъ и его сынъ, по обычаю, могутъ убить совершителя преступленія, не дѣлаясь чрезъ это кровниками его родственниковъ. Впрочемъ, исполнивъ актъ отомщенія, они обязаны сдѣлать честь этимъ родственникамъ, въ формѣ устройства свиданія съ ними.

Примѣчаніе. Убійство оскорбителя по истеченіи шестимѣсячнаго срока влечетъ за собою кровныя отношенія на общихъ основаніяхъ.

7) Актъ примиренія по дѣлу обезчещенія замужней женщины совершается съ соблюденіемъ обрядовъ, свойственныхъ акту примиренія по дѣлу убійства; устраняются лишь отращиваніе оскорбителемъ волосъ на головѣ и испрашиваніе прощенія на колѣняхъ.

8) Примиряясь съ оскорбителемъ, оскорбленный мужъ можетъ потребовать отъ перваго отдачи ему полнаго *гебинъ-гака*; затѣмъ, онъ вправѣ дать опозорившей его женѣ *условный разводъ* (ст. 29).

9) Мужъ, братъ его, равно отецъ его и сынъ, заставъ жену перваго въ моментъ нарушенія ею супружескаго долга, по обычаю, могутъ убить ее на мѣстѣ съ ея любовникомъ и чрезъ это не дѣлаются кровниками родственниковъ убитыхъ.

10) Любовная связь съ вдовою влечетъ за собою женитьбу на этой вдовѣ или уплату ей *гебинъ-гака* въ половинномъ размѣрѣ. Впрочемъ, если связь послѣдовала съ ея согласія, то участвовавшій въ ней мужчина никакой отвѣтственности не подлежитъ.

11) Отрицающій свою виновность по дѣлу нарушенія чести дѣвушки, замужней женщины или вдовы обязанъ очиститься отъ обвиненія присягою, приня-

тою съ тусевами. Когда дѣло касается дѣвушки или замужней женщины, тусевовъ назначается двѣнадцать человѣкъ, а когда вдовы—шесть человѣкъ.

12) Кто, желая жениться на дѣвушкѣ, съ этою цѣлью похититъ ее изъ родительскаго дома, тотъ дѣлается кровникомъ ея родителей и родственниковъ. Кровныя отношенія не ограничиваются однимъ похитителемъ, а распространяются также и на его родственниковъ съ отцовской стороны.

Примѣчаніе. Если дѣвушка похищена изъ семьи, въ которой она гостила, то кровниками похитителя становятся мужскіе члены и этой семьи. Кромѣ того послѣдніе должны явиться къ родителямъ похищенной дѣвушки съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу случившагося. Примиреніе въ подобномъ случаѣ устраивается, впрочемъ, съ родителями дѣвушки или замѣстителями ихъ, а члены семьи, изъ которой дѣвушка похищена, только присутствуютъ при совершеніи этого акта.

13) Похититель дѣвушки ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести похищенную имъ въ свой домъ, ибо тогда родители и родственники ея, ворвавшись въ домъ, будутъ драться съ нимъ, похитителемъ, и его родственниками на смерть. Во избѣжаніе такого исхода дѣла, похититель отводитъ жертву похищенія въ домъ почтеннаго и вліятельнаго члена общества, въ которомъ она и остается до исполненія акта примиренія.

14) Вслѣдъ за совершеніемъ похищенія, похититель и его родственники начинаютъ энергически хлопотать о примиреніи съ родителями и родственниками похищенной, начавъ эти хлопоты посылкою къ послѣднимъ депутаціи изъ почетныхъ и духовныхъ лицъ; обязанность депутаціи—ослабить въ пострадавшихъ

чувство вражды къ нарушителямъ ихъ чести и склонить ихъ къ примиренію на основаніи обычая.

15) Если цѣль депутаціи достигнута, то родители дѣвушки сами посылаютъ къ своей дочери довѣренное лицо—спросить ее: ушла-ли она отъ нихъ добровольно или уведена насильственнымъ образомъ?

16) Отвѣтъ дѣвушки, что она ушла добровольно, по обычаю, уничтожаетъ поводы къ продолженію вражды, оставляя лишь за родителями ея право потребовать удовлетворенія за безчестіе. Удовлетвореніе это заключается въ извиненіи, въ присутствіи постороннихъ лицъ, и въ устройствѣ для обиженной стороны угощенья, или въ выдачѣ ей, взамѣнъ угощенья, денежной суммы въ размѣрѣ не свыше 30 рублей. Мулла совершаетъ затѣмъ обрядъ вѣнчанія, и на этомъ дѣло оканчивается *).

17) Но если дѣвушка заявляетъ, что уведена насильно и выйти за похитителя замужъ не желаетъ, то ее отводятъ обратно въ домъ свой и вмѣстѣ съ нею приходятъ къ родителямъ ея почетные старики съ просьбою о прощеніи похитителя.

18) Родители дѣвушки, увѣренные, что честь ихъ дочери не нарушена, склоняются обыкновенно на просьбы стариковъ и тогда совершается актъ примиренія. Сначала имъ, родителямъ, передается 30 руб. въ удовлетвореніе за обиду, а потомъ похититель, вмѣстѣ съ своими родственниками и почетными людьми, приходитъ въ ихъ домъ и лично испрашиваетъ про-

*) Большая часть дѣлъ по похищенію дѣвушекъ имѣетъ именно этотъ исходъ, такъ какъ, разъ дѣвушка была похищена, ей—волей-неволей—приходится утверждать, что она пошла добровольно: отвѣтъ ея въ противоположномъ смыслѣ повлечетъ за собою, во-первыхъ, позоръ для нея самой, и во-вторыхъ, кровную вражду между ея родителями и похитителемъ.

щенья, кланяясь и протягивая руку отцу, матери и братьямъ дѣвушки.

19) Когда-же родители похищенной дѣвушки не имѣютъ означенной выше увѣренности, тогда похититель въ доказательство невинности своей долженъ принять очистительную присягу съ двѣнадцатью тусевами. Выполненіе имъ акта очистительной присяги уничтожаетъ собою поводы къ продолженію вражды, и примиреніе устраивается въ порядкѣ, указанномъ выше, въ ст. 18. Но если онъ снять съ себя подозрѣніе или обвиненіе очистительной присягою не можетъ, то ему дается право поступить двоякимъ образомъ: а) жениться на похищенной дѣвушкѣ, устроивъ свадьбу съ наивозможною торжественностью и б) отказаться отъ нея, уплативъ ей полный *гебинъ-цакъ* (100 р.) и отдавъ ея родителямъ плату за безчестіе (30 руб.)

20) Въ случаѣ похищенія кѣмъ либо дѣвушки, засватанной другимъ право мщенія похитителю принадлежитъ жениху дѣвушки.

21) Женихъ, осуществившій вышеозначенное право въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня похищенія его невѣсты, по обычаю, не становится чрезъ это *канлы* родственниковъ убитаго имъ оскорбителя.

22) Примиреніе похитителя засватанной дѣвушки съ женихомъ ея совершается въ порядкѣ примиренія между похитителемъ и родителями незасватанной дѣвушки. Но, примиряясь со своимъ оскорбителемъ, женихъ можетъ потребовать еще отъ него отданный за дѣвушку *алыамъ* и всѣ свои расходы, произведенные по сватовству дѣвушки. Впрочемъ, съ искомъ о возвратѣ *алыама* и расходовъ женихъ вправѣ обратиться и къ родителямъ своей невѣсты.

23) Похититель засватанной дѣвушки, по исполненіи акта примиренія съ ея женихомъ, можетъ взять эту дѣвушку за себя замужъ. Если-же онъ отказывается отъ брака съ нею, то подвергается тѣмъ-же послѣдствіямъ, какія ожидаютъ похитителя незасватанной дѣвушки.

24) Если похититель засватанной дѣвушки отказался жениться на похищенной и при этомъ установленною присягою снялъ съ себя подозрѣніе въ томъ, что посягнулъ на ея цѣломудріе, то женихъ дѣвушки можетъ жениться на ней, какъ на невѣстѣ, ничѣмъ не провинившейся предъ нимъ.

25) Онъ можетъ жениться на ней и тогда, когда похититель не приметъ очистительной присяги, но въ этомъ случаѣ бракъ заключается какъ съ разведенною женою и *гебинъ-гакъ* дается только въ половинномъ размѣрѣ.

26) Кто похититъ замужнюю женщину, тотъ становится кровнымъ врагомъ ея мужа и эти кровныя отношенія продолжаются *годъ* со дня похищенія *).

27) При примиреніи съ оскорбленнымъ мужемъ похититель долженъ исполнить всѣ акты, установленные для примиренія по дѣлу незаконной любовной связи съ замужнею женщиною (ст. 7).

28) По истеченіи годичнаго срока со дня полученія оскорбленія, обиженный мужъ можетъ поступить съ своею женою двоякимъ образомъ: или снова взять ее къ себѣ (въ теченіе этого года она живетъ у своихъ родителей или у родственниковъ), или дать ей *условный разводъ*.

29) *Условный разводъ* заключается въ томъ, что при дачѣ его своей женѣ, мужъ называетъ трехъ

*) Каплы на годичный срокъ назыв. *ирчель-каплы*.

лицъ, за которыхъ обязываетъ ее не выходить замужъ, включая въ число этихъ трехъ своего обидчика—похитителя жены.

30) Если похититель, вопреки условному разводу, осмѣлится жениться на разведенной женѣ, то со дня вступленія его въ бракъ, между нимъ и прежнимъ мужемъ возобновляются кровныя отношенія, которыя могутъ прекратиться примиреніемъ, устроеннымъ, какъ по всякому другому кровному дѣлу.

31) Когда жена сама бѣжала отъ мужа, она теряетъ право на полученіе *гебинз-гака* и, кромѣ того, все, пріобрѣтенное ею на *альгамз*, а также всѣ, полученные ею отъ мужа, подарки остаются въ его пользу.

32) Что-же касается мужчины, къ которому она бѣжала, то, если онъ докажетъ (подтвердитъ съ тусевами подъ присягою), что никакого участія въ бѣгствѣ ея не принималъ, съ него всякая отвѣтственность за это бѣгство слагается; если-же не докажетъ этого, онъ признается похитителемъ ея со всѣми послѣдствіями такого признанія.

33) Похищеніе вдовы влечетъ за собою тѣ-же послѣдствія, что и похищеніе незасватанной дѣвушки, съ тою разницею, что удовлетвореніе за безчестіе и *гебинз-гакъ* платятся въ половинномъ размѣрѣ и очистительная присяга, въ случаѣ надобности, принимается обвиняемымъ только съ шестью тусевами *).

*) Въ силу того, что вдова во многихъ отношеніяхъ является самостоятельнымъ и настолько полноправнымъ членомъ общества, что семья, изъ которой она вышла, не считаетъ себя отвѣтственною за нее, народъ привыкъ смотрѣть на вопросы объ оскорбленіи чести вдовы не только не серьезно, но даже насмѣшливо. Благодаря такому взгляду, похищеніе вдовы, какъ и всякое иное посягательство на честь ея, въ большинствѣ случаевъ оканчивается какою нибудь скромною полюбовною сдѣлкою заинтересованныхъ сторонъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Юридическіе обычаи по дѣламъ похищенія скота и иного движимаго имущества, или по дѣламъ воровства.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

1) Всякій, у кого похищенъ скотъ или какое-либо иное имущество, имѣетъ право: а) принять установленныя обычаемъ мѣры къ розысканію похищеннаго и похитителя и б) по розысканіи похитителя получить отъ него установленное обычаемъ матеріальное удовлетвореніе.

Прим. Словомъ «похищеніе» обозначается здѣсь не только кража въ тѣсномъ смыслѣ слова, но также мошенническое и насильственное завладѣніе и самовольное присвоеніе чужого скота или иного движимаго имущества.

2) (Пр. об.). Впрочемъ, если похищеніе скота или какого-либо иного имущества произведено чьимъ-либо гостемъ, пріѣзжавшимъ изъ другого селенія и успѣвшимъ уѣхать прежде, чѣмъ хозяинъ похищеннаго узналъ о похищеніи или о виновности въ томъ пріѣзжаго гостя, то матеріальное удовлетвореніе можетъ быть потребовано отъ гостепріимца *(кунака)* его, самъ-же кунакъ воленъ вѣдаться съ похитителемъ прямо отъ себя.

(Совр. об. Не существуетъ.) *).

*) Обычай этотъ въ послѣднее время вновь возстановленъ въ видахъ устраненія случаевъ укрывательства жителями въ своихъ домахъ воровъ, пріѣзжающихъ изъ другихъ ауловъ.

Прим. Какъ этотъ обычай, такъ и нѣкоторые другіе, о которыхъ говорится дальше, уничтожены на собраніи выборныхъ кумыцкаго народа, состоявшимся въ селеніи Андреевомъ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ бытность главнымъ приставомъ кумыковъ князя Мусы Уцміева.

3) Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго отъ похищенія, право на полученіе удовлетворенія переходитъ къ его наслѣдникамъ; съ другой стороны, за умершаго похитителя отвѣтственность за похищеніе падаетъ на его наслѣдниковъ.

4) За похитителя, недостигшаго пятнадцатилѣтняго возраста матеріальная отвѣтственность за похищеніе падаетъ на его родителей, а если онъ сирота и не имѣетъ собственнаго имущества, то на тѣхъ его родственниковъ, которые приняли его на свое попеченіе. Впрочемъ, родственникамъ, опекающимъ сироту, предоставляется удостовѣрить подъ присягою, что, во-первыхъ, они приняли къ себѣ въ домъ опекаемаго единственно по побужденіямъ человѣколюбія или вслѣдствіе необходимости (что больше ему некуда было идти) и, во-вторыхъ, о совершеніи опекаемымъ даннаго похищенія имъ ничего неизвѣстно, и въ такомъ случаѣ, они отъ отвѣтственности освобождаются. Не принимается въ уваженіе заявленіе опекуновъ сироты въ вышеприведенномъ смыслѣ, въ случаѣ совершенія сиротою второй, третьей и т. д. кражи, если они приняли на себя отвѣтственность за первую кражу.

5) (Пр. об.). Когда потерпѣвшій отъ похищенія и похититель—люди равнаго состоянія, удовлетвореніе за похищеніе составляютъ: а) возвратъ похищеннаго предмета или отдача взамѣнъ его такого-же предмета равной цѣнности, или отдача предмета меньшей

цѣнности, съ уплатою разницы въ цѣнѣ деньгами, или-же уплата за похищенное деньгами по оцѣнкѣ и б) возмѣщеніе всѣхъ другихъ убытковъ и расходовъ, причиненныхъ похищеніемъ.

Когда-же потерпѣвшій отъ похищенія—князь, а похититель—человѣкъ простого званія, удовлетвореніе за похищеніе состоитъ въ слѣдующемъ: а) въ возвратѣ похищеннаго и уплатѣ восьмерной стоимости, или въ отдачѣ предмета, тождественнаго съ похищеннымъ и уплатѣ восьмерной стоимости его, или въ отдачѣ предмета меньшей стоимости съ уплатою разницы въ цѣнѣ деньгами и также восьмерной стоимости похищеннаго, или-же, наконецъ, въ уплатѣ девятерной стоимости похищеннаго и б) въ вознагражденіи потерпѣвшаго за причиненные похищеніемъ вредъ и убытки.

(Совр. об.). Потерпѣвшій отъ похищенія какого-бы то ни было предмета, кто-бы ни былъ онъ самъ, и кто-бы ни былъ похититель, получаетъ въ видѣ удовлетворенія: а) похищенный предметъ, если онъ цѣлъ и на лицо, а если его нѣтъ, то денежную плату по цѣнѣ его и б) вознагражденіе за всѣ причиненные похищеніемъ убытки и потери.

6) Хотя похищеніе имущества изъ жилого помѣщенія есть правонарушеніе болѣе важное (болѣе оскорбительное) для потерпѣвшаго, чѣмъ похищеніе изъ двора или иного мѣста храненія этого имущества, однако потерпѣвшій отъ такого похищенія пользуется преимуществомъ лишь въ отношеніи способовъ обличенія виновнаго на судѣ (ст. 39); удовлетвореніе-же за похищеніе и въ этомъ случаѣ дѣлается на общемъ основаніи.

7) Если похититель, до или послѣ открытія его

потерпѣвшимъ, сознавшись въ совершеніи похищенія, добровольно удовлетворитъ послѣдняго, согласно обычаю, то дѣло по этому похищенію признается оконченнымъ *).

8) (Пр. об.). Когда случится, что похититель, сознавшись въ совершеніи похищенія, товарищемъ своимъ по этому дѣянію назоветъ человѣка умершаго требуя, чтобы половинная часть удовлетворенія была взыскана съ наслѣдниковъ послѣдняго, тогда слѣдуетъ поступать такъ: если могила умершаго находится не въ дальнемъ разстояніи, то похититель-оговорщикъ долженъ отправиться на нее съ двумя своими ближайшими родственниками со стороны отца и совмѣстно съ ними подтвердить свой оговоръ подъ присягою; если-же могила оговореннаго находится далеко и идти на нее неудобно, то оговорщикъ и его родственники должны дать сказанную присягу на мѣстѣ нахожденія потерпѣвшаго. Похититель, исполнившій описанный обрядъ, освобождается отъ уплаты половины удовлетворенія, и вознагражденіе потерпѣвшаго въ этой половинѣ падаетъ на наслѣдниковъ умершаго соучастника въ похищеніи.

(Совр. об.). Если сознавшійся въ похищеніи какого-либо имущества товарищемъ своимъ по совершенію этого дѣянія назоветъ умершаго, то онъ долженъ доказать правильность оговора чрезъ свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ. Впрочемъ, потерпѣвшій мо-

*) Таковъ коренной обычай, подлежащій примѣненію въ горскихъ судахъ, руководствующихся народными обычаями. Такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ нашими воззрѣніями на кражу, по которымъ актъ кражи—преступленіе, влекущее за собою извѣстную кару, то мѣстная администрація принимаетъ разныя мѣры къ устраненію дѣйствія его на практикѣ, но очевидно, что пока существуютъ обычные суды, обычай этотъ какъ одинъ изъ основныхъ, неизбѣжно будетъ находить себѣ примѣненіе. (См. прим. къ ст. 12).

жетъ не согласиться на отсрочку окончанія дѣла ради выясненія оговора, и въ такомъ случаѣ наличный обвиняемый присуждается къ полному удовлетворенію за похищенное, но съ тѣмъ, что за нимъ остается право доказать свой оговоръ въ установленномъ порядкѣ, послѣ окончанія дѣла.

9) Потерпѣвшій отъ похищенія самъ принимаетъ мѣры къ розыску похитителя и похищеннаго и, въ случаѣ надобности, можетъ прибѣгать для этого къ содѣйствію постороннихъ—одного или нѣсколькихъ лицъ. При этомъ постороннее лицо, открывшее слѣды похищеннаго или похитителя и за условленное вознагражденіе объявившее объ этомъ потерпѣвшему, признается доказчикомъ *(айпакъ)* по дѣлу (гл. II) *).

10) Когда открытый потерпѣвшимъ, чрезъ доказчика или безъ доказчика, похититель либо отрицаетъ самый фактъ совершенія имъ даннаго похищенія, либо, не отрицая его, отказывается дать слѣдуемое потерпѣвшему удовлетвореніе, тогда послѣдній можетъ изобличить его передъ народнымъ судомъ и затѣмъ получить отъ него удовлетвореніе при содѣйствіи существующихъ властей.

11) (Пр. об.). Общественная власть, въ лицѣ владѣтеля селенія (князя, а иногда узденя), оказывая потерпѣвшему содѣйствіе къ полученію отъ похитителя удовлетворенія, независимо отъ того, налагаетъ на послѣдняго штрафъ, обращаемый въ пользу общества селенія. Размѣръ штрафа зависитъ отъ усмотрѣнія

*) Само собою разумѣется, что со времени учрежденія въ краѣ обще-государственной полиціи, органы полицейской власти совершаютъ свои функціи въ отношеніи преслѣдованія преступниковъ независимо отъ существованія народныхъ обычаевъ. Но справедливость требуетъ сказать, что до сихъ поръ обычные пріемы открыванія воровъ весьма часто оказываются дѣйствительнѣе пріемовъ органовъ полицейской власти.

представителя общественной власти, ограниченнаго отчасти бывшими раньше примѣрами. Та-же власть вправѣ подвергать виновнаго аресту, въ видѣ мѣры понужденія къ исполненію предъявленныхъ къ нему требованій.

(Совр. об.). Не существуетъ, такъ какъ замѣненъ дѣйствующими законоположеніями.

12) (Пр. об.). При обращеніи къ обычному суду съ требованіемъ о взысканіи съ обвиняемаго обычнаго удовлетворенія, потерпѣвшій самъ долженъ доказывать правильность возбужденнаго обвиненія, прибѣгая для того къ установленнымъ обычаемъ способамъ. Способовъ этихъ два: 1) способъ положительный, заключающійся въ изобличеніи обвиняемаго посредствомъ *айпака* и 2) способъ отрицательный, заключающійся въ томъ, что когда у потерпѣвшаго нѣтъ *айпака*, онъ заставляетъ похитителя, или подозрѣваемаго таковымъ, въ своей невинности принять присягу, называемую *очистительною*, при томъ не единолично, а съ извѣстнымъ числомъ стороннихъ лицъ, которыя называются *тусевами* (глава IV).

(Совр. об.) Тотъ-же, но съ тѣмъ добавленіемъ, что въ настоящее время потерпѣвшій, кромѣ доказчика или вмѣсто него, можетъ выставлять къ изобличенію похитителя и обыкновенныхъ свидѣтелей (гл. III).

Примѣчаніе. Въ прежнее время обыкновенные свидѣтели принимались судомъ лишь для уясненія другихъ обстоятельствъ даннаго дѣла похищенія, напр., для установленія факта принадлежности похищеннаго тому, кто заявилъ на него свои права и т. п.; но фактъ виновности заподозрѣннаго въ похищеніи устанавливался только чрезъ доказчика или на основаніи обвинительной присяги тусевовъ.

13) Въ качествѣ единственнаго обвинителя похитителя на судѣ, потерпѣвшій вправѣ прервать обвиненіе, когда сочтетъ это нужнымъ; онъ вправѣ отказаться отъ представленія въ судъ доказчика, вправѣ дать обвиняемому очистительную присягу безъ участія тусевовъ, хотя бы послѣдніе были уже назначены, а равно не лишенъ права освободить отъ очистительной присяги и самого обвиняемаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ со стороны обычнаго суда производство дѣла прекращается *).

14) Потерпѣвшій отъ похищенія, не нашедшій похитителя, но опознавшій похищенный предметъ, вправѣ отобрать его отъ владѣльца, хотя бы у послѣдняго имѣлись ясныя доказательства правильности пріобрѣтенія предмета. Порядокъ производства опознанія похищеннаго указанъ ниже, въ главѣ VI.

ГЛАВА II.

Айгакъ и способъ обвиненія похитителя посредствомъ Айгака.

15) Какъ сказано выше, *айгакомъ*, или доказчикомъ называется тотъ, кто за извѣстное вознагражденіе со стороны потерпѣвшаго розыщетъ похищенное или похитителя и, въ нужномъ случаѣ, изобличитъ послѣдняго передъ судомъ.

*) Это обычное право потерпѣвшаго въ настоящее время служитъ источникомъ множества злоупотребленій со стороны народа и ведетъ къ неправомѣрности воровъ передъ карательнымъ закономъ. Право примиренія потерпѣвшаго съ похитителемъ внѣ суда, влекущее за собою невольное прекращеніе дѣла со стороны послѣдняго, на практикѣ выражается тѣмъ, что, въ то время, когда одинъ изъ привлеченныхъ уже къ суду воровъ подвергается уголовному наказанію, другой, иной разъ даже болѣе виновный, вслѣдствіе своевременной сдѣлки съ потерпѣвшимъ, отъ всякаго наказанія избавляется.

16) Вознагражденіе *айгакъ* получаетъ либо до розысканія похитителя или похищеннаго, либо послѣ розысканія; впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, часть условленнаго вознагражденія тоже можетъ быть выдана до начатія розысковъ, въ видѣ задатка.

Размѣръ вознагражденія опредѣляется по уговору между *айгакомъ* и потерпѣвшимъ, но оно во всякомъ случаѣ не можетъ превосходить суммы стоимости похищеннаго.

Деньги, полученныя *айгакомъ* въ видѣ вознагражденія за розыски, включаются потерпѣвшимъ въ счетъ расходовъ и убытковъ по похищенію и впослѣдствіи взыскиваются съ похитителя.

17) Если *айгакъ* не скрываетъ своего имени отъ похитителя, то онъ считается *айгакомъ явнымъ*, если же онъ открываетъ потерпѣвшему дѣло подъ условіемъ сохраненія его имени въ секретѣ, то онъ признается *тайнымъ айгакомъ*.

18) Открытый доказчикомъ похититель можетъ и не доводить дѣло до суда, согласившись добровольно уплатить потерпѣвшему всѣ его убытки по похищенію, включая также и плату доказчику; если же онъ отъ миролюбиваго соглашенія отказывается подъ какимъ-бы ни было предлогомъ, то *явный* доказчикъ обязанъ доказать его виновность на судѣ.

Примѣчаніе. Тайный доказчикъ можетъ оставаться таковымъ и для суда. Потерпѣвшій обыкновенно пользуется имъ какъ *тусевомъ*.

19) На судѣ не можетъ быть доказчикомъ: а) родственникъ потерпѣвшаго, считая и родственниковъ *по дѣлу крови* *), б) тотъ, кто когда либо прежде при-

*) См. Очерк. I.

нялъ ложную присягу, в) тотъ, кто находится во враждѣ съ обвиняемымъ по дѣламъ кровомщенія и обезчещенія женщины, а также и по всякаго рода инымъ дѣламъ по правонарушеніямъ, не оконченнымъ примиреніемъ, г) тотъ, кто далъ своей женѣ разводъ и, не получивъ разрѣшенія духовнаго лица, снова женился на ней *), д) не достигшій пятнадцатилѣтняго возраста и е) женщина. Кромѣ того, доказчиками на судѣ не принимаются жители мѣстностей не подчиненныхъ кумыцкому (Хасавъ-юртовскому) обычному суду.

20) Участвовавшій въ совершеніи извѣстнаго похищенія, если желаетъ, можетъ явиться доказчикомъ противъ своихъ сотоварищей по тому-же дѣянію. Такой доказчикъ не только избавляется отъ отвѣтственности за похищеніе, но, какъ и всякій другой доказчикъ, получаетъ отъ потерпѣвшаго условленное вознагражденіе.

Примѣчаніе. Обычай этотъ истолковывается въ смыслѣ усиленія средствъ къ розыску похитителей и похищеннаго, слѣдовательно, въ смыслѣ одной изъ гарантій противъ посягательствъ на чужую собственность.

21) Порядокъ веденія на судѣ дѣла съ участіемъ доказчика слѣдующій: послѣ заявленія привлеченнаго къ отвѣтственности, что онъ не виновенъ, доказчикъ разсказываетъ обстоятельства, которыми, по его мнѣнію, отвѣтчикъ явно изобличается въ совершеніи даннаго похищенія. Судъ разсматриваетъ разсказанное доказчикомъ какъ со стороны фактической достовѣрности, такъ и со стороны логической сообразности и доказательности въ смыслѣ обвиненія. Если послѣ

*) Такъ какъ онъ нарушилъ одно изъ важныхъ требованій *шаріата*.

такого разсмотрѣнія показаніе доказчика признается судомъ достовѣрнымъ и убѣдительнымъ, то доказчикъ допускается къ принятію присяги; въ противномъ случаѣ, т. е. когда доброкачественность заявленія доказчика представляется сомнительной, доказчикъ устраняется отъ дѣла, какъ-бы его вовсе не было *).

Примѣчаніе. Доказчикъ, устраненный судомъ за дачу недостовѣрнаго и несообразнаго показанія, права на доказчичью плату не имѣетъ и, если она была получена имъ раньше, онъ долженъ возвратить ее потерпѣвшему.

22) Допущенный къ принятію присяги достовѣрный доказчикъ начинаетъ ее словами: „Клянусь именемъ единаго и великаго Бога и его святымъ кораномъ въ томъ"... и оканчиваетъ словами: „Въ истинности моего настоящаго показанія цѣлую святой коранъ", а между приведенными начальными и заключительными словами присяги вновь повторяетъ все показаніе, сдѣланное имъ раньше безъ присяги. Заключительный актъ принятія присяги составляетъ цѣлованіе корана.

23) Послѣ принятія доказчикомъ обвинительной присяги обвиняемому дается двухъ-недѣльный срокъ на представленіе суду доказательствъ неправоспособности доказчика давать на судѣ присяжныя показанія (безприсяжность доказчика) и на этотъ срокъ движеніе дѣла пріостанавливается **).

*) Обычный судъ, однако, и тутъ не избѣжалъ разныхъ условностей. Такъ, если доказчикъ заявляетъ, что встрѣтилъ обвиняемаго съ украденнымъ предметомъ ночью и что это было въ 13, 14 или 15-ю ночь луннаго мѣсяца, то увѣреніе его, что онъ узналъ украденный предметъ, признается достовѣрнымъ; если-же онъ не указываетъ въ точности ночи, встрѣчи, то заявленіе его объ опознаніи предмета кражи признается сомнительнымъ и исключается изъ числа доказательствъ правильности обвиненія.

**) Въ послѣднее время эта часть обычнаго судопроизводства, имѣющая логическую связь съ цѣлымъ, уничтожена по настоянію мѣстной ад-

24) Въ означенный двухъ-недѣльный срокъ обвиняемый можетъ обличить доказчика въ томъ, что онъ находится въ условіяхъ, указанныхъ выше въ ст. 19, и тогда присяга послѣдняго признается не дѣйствительной, съ чѣмъ вмѣстѣ дѣло возвращается къ своему первоначальному положенію.

Примѣчаніе 1-е. Что доказчикъ когда либо принялъ ложную присягу—доказывается или письменнымъ удостовѣреніемъ сельскаго суда, сельскаго правленія, сельскаго общества (почетныхъ стариковъ), или же присяжными показаніями свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ. Что къ доказчику примѣнимо одно изъ положеній, означенныхъ въ пунктахъ *а*, *в*, *г* и *д* ст. 19, подтверждается чрезъ свидѣтелей, въ числѣ не менѣе двухъ, дающихъ свои показанія подъ присягою.

Примѣчаніе 2-е. Доказчикъ, присяжное показаніе котораго опровергнуто въ приведенномъ выше порядкѣ, навсегда теряетъ право давать присяжныя показанія въ обычномъ судѣ, не только по дѣламъ другихъ, въ качествѣ доказчика, тусева или свидѣтеля, но и по своимъ собственнымъ дѣламъ, въ качествѣ обвиняемаго, потерпѣвшаго, истца или отвѣтчика.

25) (Пр. об.). Потерпѣвшій отъ похищенія вправѣ привлекать къ суду одно и то же заподозрѣнное имъ лицо, для изобличенія его чрезъ доказчика, три раза и въ три разныхъ срока, т. е. когда показаніе перваго доказчика опровергнуто (признано недѣйствительнымъ), онъ можетъ въ другой срокъ выставить второго доказчика, а послѣ второго—третьяго. Выставленіе болѣе трехъ доказчиковъ не допускается.

министраціи. Нельзя сказать, чтобы уничтоженіе ея состоялось въ интересахъ большей правосудности обычнаго суда, хотя несомнѣнно, что этимъ достигнута большая скорость въ движеніи дѣлъ въ судѣ, что, впрочемъ, весьма важно, такъ какъ горскіе суды въ настоящее время заваливаются дѣлами.

(Совр. об.). Потерпѣвшій можетъ обвинять заподозрѣнное имъ лицо чрезъ одного, двухъ и трехъ доказчиковъ, представляемыхъ въ судѣ одновременно. Если же онъ началъ дѣло съ однимъ доказчикомъ, то къ выставленію потомъ новыхъ доказчиковъ не допускается.

26) Если присяжное показаніе доказчика не опровергнуто въ установленный срокъ, то оно признается безспорнымъ доказательствомъ виновности лица, противъ котораго направлено.

27) Впрочемъ, невинно-оговоренному доказчикомъ оставляется обычаемъ право доказать свою правоту и послѣ истеченія помянутаго двухъ недѣльнаго срока, но лишь путемъ изобличенія на судѣ дѣйствительно виновнаго въ данномъ похищеніи. При этомъ невинно-осужденный, привлекшій къ отвѣтственности другого, не можетъ обвинять послѣдняго ни чрезъ доказчика, ни чрезъ тусевовъ и свидѣтелей, а долженъ представить противъ него вещественныя улики преступленія (собственно, похищенный предметъ или какую нибудь часть его). Невинно-осужденный за какое либо похищеніе, доказавшій въ указанномъ выше порядкѣ виновность въ томъ похищеніи другого лица, получаетъ отъ послѣдняго лица все то удовлетвореніе, какое самъ сдѣлалъ потерпѣвшему, и, сверхъ того, можетъ искать на немъ всѣ понесенные имъ чрезъ осужденіе его убытки.

Примѣчаніе. Доказчикъ или доказчики, оговорившіе лицо, признанное потомъ не виновнымъ, подвергаются послѣдствіямъ, указаннымъ въ прим. 2 къ ст. 24.

ГЛАВА III.

Свидѣтели и обвиненіе чрезъ нихъ похитителя.

28) Потерпѣвшій отъ похищенія скота или иного имущества, въ случаѣ неимѣнія доказчика, можетъ обличить обвиняемаго чрезъ свидѣтелей даннаго похищенія.

29) Свидѣтелями на судѣ не могутъ быть лица, находящіяся въ условіяхъ, означенныхъ выше въ ст. 19, въ пункт. *б*, *в* и *г*; но женщины въ свидѣтельницы допускаются наравнѣ съ мужчинами, а родственники сторонъ, такъ-же, какъ и малолѣтніе, выставленные свидѣтелями, допрашиваются всегда безъ присяги *).

30) Свидѣтели допрашиваются на судѣ порознь и предварительно безъ присяги. На показанія свидѣтелей обвиняемые могутъ дѣлать возраженія, выставляя въ подтвержденіе ихъ своихъ свидѣтелей, допрашиваемыхъ также порознь и безъ присяги.

31) Выслушавъ показанія свидѣтелей сторонъ и возраженія отвѣтчика, судъ по совѣсти и по разуму рѣшаетъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ допустить свидѣтелей обвинителя (потерпѣвшаго) къ подтвержденію сдѣланныхъ ими показаній подъ присягою.

---

*) Какъ уже сказано выше, по кореннымъ обычаямъ обвиненіе устанавливается посредствомъ *доказчика* (наемнаго свидѣтеля) или *тусевовъ* (присяжниковъ), свидѣтелямъ-же предоставлена иная, служебная роль. Введеніе свидѣтелей въ качествѣ фактора, могущаго замѣнять собою доказчика и тусевовъ, принадлежитъ уже намъ. Но такъ какъ мы не могли придумывать для свидѣтелей новые обычаи въ духѣ народныхъ, то примѣнили къ нимъ законоположенія о свидѣтеляхъ, находящіяся въ нашихъ судебныхъ уставахъ. Однако, въ силу необходимости, въ этихъ законоположеніяхъ сдѣланы тѣ измѣненія, которыя оказались неизбѣжными для согласованія роли свидѣтеля со всѣмъ строемъ обычнаго судопроизводства.

Въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, свидѣтели объявляются недостовѣрными и устраняются отъ дѣла, а потерпѣвшему дается право изобличить обвиняемаго посредствомъ доказчика, или-же окончить съ нимъ дѣло назначеніемъ ему очистительной присяги съ тусевами (глав. IV).

Положительное рѣшеніе вопроса ведетъ за собою приведеніе свидѣтелей потерпѣвшаго къ присягѣ въ подтвержденіе сдѣланныхъ ими раньше показаній.

Примѣчаніе 1-е. Присяжныхъ свидѣтелей не можетъ быть менѣе двухъ, не считая малолѣтнихъ и родственниковъ потерпѣвшаго, не имѣющихъ права принимать присягу.

Примѣчаніе 2-е. Въ современномъ судѣ допускается иногда допросъ свидѣтелей и послѣ привода ихъ къ присягѣ. Это именно въ двухъ случаяхъ: 1) когда пожелаетъ самъ потерпѣвшій, и 2) когда самъ судъ признаетъ это нужнымъ, въ видахъ побужденія свидѣтелей къ дачѣ правдивыхъ показаній. Однако, для примѣненія допроса подъ присягою необходимо, чтобы свидѣтели были выставлены только одною изъ тяжущихся сторонъ.

32) Послѣ подтвержденія свидѣтелями сдѣланныхъ ими показаній подъ присягою, обвиненіе привлеченнаго къ отвѣтственности признается доказаннымъ и онъ присуждается къ удовлетворенію потерпѣвшаго, согласно обычаю.

Примѣчаніе. Присягу свидѣтели принимаютъ по формулѣ присяги доказчика (ст. 22), включая еще въ нее слова: «даю свое показаніе не ради корысти, а ради правды».

Присяга свидѣтеля не можетъ быть опровергнута въ порядкѣ опроверженія присяги доказчика.

ГЛАВА IV.

Тусевы и способъ обвиненія или оправданія подозрѣваемаго посредствомъ тусевовъ.

33) Если потерпѣвшій не можетъ обличить обвиняемаго въ совершеніи похищенія ни чрезъ доказчика, ни чрезъ свидѣтелей, то онъ вправѣ привлечь его къ дачѣ очистительной присяги, потребовавъ, чтобы она была дана имъ не единолично, а съ извѣстнымъ числомъ указанныхъ имъ, потерпѣвшимъ, постороннихъ лицъ; эти присяжники—постороннія лица называются *тусевами* *).

34) *Тусевовъ* потерпѣвшій назначаетъ изъ числа родственниковъ или близкихъ знакомыхъ обвиняемаго; не возбраняется, впрочемъ, назначать въ *тусевы* и лицъ постороннихъ, даже не знакомыхъ съ обвиняемымъ **).

35) По дѣламъ о похищеніи имущества (какъ, впрочемъ, и по всякаго рода инымъ дѣламъ) *тусевами* не могутъ быть лица, находящіяся въ условіяхъ,

*) Въ основаніи назначенія тусевовъ лежитъ та идея, что всякій, знающій виновность заподозрѣннаго, но уклоняющійся отъ свидѣтельства объ этомъ на судѣ (а уклоненіе обязательно въ виду того, что такое свидѣтельство считается личнымъ оскорбленіемъ и влечетъ за собою мщеніе со стороны лица, противъ котораго оно направлено), поневолѣ откроетъ истину, если противоположный образъ дѣйствія ставитъ его въ необходимость совершить тяжкій грѣхъ лжеприсяжничества.

**) Родственники и близкіе знакомые назначаются по тому соображенію, что имъ болѣе, чѣмъ другимъ, должны быть извѣстны какъ образъ жизни обвиняемаго, вообще, такъ и то, совершилъ онъ данное дѣяніе или не совершилъ. Давая-же право потерпѣвшему назначать тусевами, и лицъ, не знакомыхъ съ обвиняемымъ, обычай имѣетъ въ виду, что свидѣтелями совершенія послѣднимъ преслѣдуемаго дѣянія могутъ быть и подобныя лица. Нужно замѣтить, что потерпѣвшіе пользуются этимъ правомъ для включенія въ число тусевовъ и своихъ тайныхъ доказчиковъ.

означенныхъ въ пункт. *а* и *в* ст. 19. Также не могутъ быть *тусевами:* а) женщины, б) несовершеннолѣтніе до 15 лѣтъ, в) лжеприсяжники, г) вторично женившіеся на своей разведенной женѣ безъ соблюденія установленныхъ *шаріатомъ* правилъ и д) жители мѣстностей, не входящихъ въ раіонъ Хасавъюртовскаго округа.

36) Отъ обязанностей *тусева* освобождаются: мулла, кадій, князь, сельскій старшина, народный судья и затѣмъ всякій, принявшій присягу никогда ни самому не принимать присяги въ качествѣ доказчика и *тусева*, ни другимъ не давать ее и имѣющій въ этомъ письменное свидѣтельство отъ духовнаго лица *).

Примѣчаніе. Не разрѣшается принимать присягу и быть тусевомъ родныхъ дѣтей или родителей, а потому, если-бы кто и принялъ такую присягу она, признается не дѣйствительной.

37) Въ случаѣ кражи одной лошади, одного буйвола или одной буйволицы, обвиняемому назначается присяга съ *двумя* тусевами.

Если обвиняемыхъ въ кражѣ одной лошади, одного буйвола или одной буйволицы нѣсколько, то каждому изъ нихъ назначается по *два* тусева.

*) У мусульманъ принятіе присяги по какому бы то ни было поводу признается предосудительнымъ; вотъ поэтому и освобождаются отъ обязанностей присяжниковъ (тусевовъ) почетныя лица.

Что касается обычая принимать разъ навсегда присягу не быть въ обычномъ судѣ доказчикомъ или тусевомъ, то источникомъ его является убѣжденіе, что менѣе предосудительно принять присягу разъ, чѣмъ принимать ее многократно. Впрочемъ, въ настоящее время, благодаря ослабленію религіознаго чувства—съ одной стороны, и легкой подкупности невѣжественныхъ мусульманскихъ муллъ—съ другой, этимъ обычаемъ сильно злоупотребляютъ: принимаютъ присягу, по просьбѣ обвиняемаго, передъ явкою въ судъ, или присяги вовсе не принимаютъ, а запасаются только свидѣтельствомъ духовнаго лица. Существованіе указанныхъ злоупотребленій заставило горскій судъ начать борьбу съ этимъ обычаемъ и теперь онъ практикуется въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Въ случаѣ кражи одного быка, одной коровы, одного теленка, одного осла, назначается обвиняемому присяга съ *однимъ* тусевомъ, и, если обвиняемыхъ нѣсколько, то тусевовъ должно быть по *одному* на каждаго изъ нихъ.

Въ случаѣ кражи мелкаго скота, число тусевовъ опредѣляется количествомъ украденнаго: если украдено 10 головъ или менѣе, то—*одинъ* тусевъ, а если болѣе десяти головъ, то *два*—тусева, съ соблюденіемъ того правила относительно нѣсколькихъ обвиняемыхъ, которое приведено выше.

Обвиняемому въ кражѣ домашней птицы тусевовъ не назначается вовсе, но для оправданія себя онъ долженъ принять очистительную присягу *единолично*.

38) Въ случаѣ кражи двухъ или большаго числа лошадей, двухъ или большаго числа крупнаго рогатаго скота, число тусевовъ, назначаемыхъ обвиняемымъ, опредѣляется по нормѣ, приведенной въ предыдущей статьѣ; но это число не можетъ превышать *двѣнадцати* на каждаго обвиняемаго, ибо только двѣнадцать тусевовъ назначается по дѣлу убійства.

39) Если какое либо имущество (кромѣ скота) украдено изъ жилого помѣщенія, то потерпѣвшій вправѣ требовать назначенія обвиняемому *шести* тусевовъ, какова бы ни была стоимость украденнаго; если-же такое имущество украдено изъ не жилого помѣщенія (двора, сарая и пр.), то онъ можетъ требовать назначенія *трехъ* тусевовъ, также не принимая въ соображеніе цѣны украденнаго *).

*) Такимъ образомъ, вся квалификація преступленій кражи по горскимъ обычаямъ исчерпывается раздѣленіемъ этихъ преступленій на кражу скота, кражу имущества изъ жилого помѣщенія и кражу такого же

Примѣчаніе. Въ прежнее время въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ назначалось двѣнадцать тусевовъ, а во второмъ—шесть.

40) Тусевы назначаются потерпѣвшимъ непремѣнно въ присутствіи обвиняемаго, который пользуется правомъ отвода ихъ по причинамъ, предусмотрѣннымъ обычаемъ (ст. 35). Вмѣсто правильно отведенныхъ тусевовъ потерпѣвшій въ то-же время назначаетъ другихъ.

41) Назначенныхъ въ указанномъ порядкѣ тусевовъ долженъ доставить въ опредѣленное мѣсто (въ судъ) самъ обвиняемый. Потерпѣвшій можетъ, если пожелаетъ, взять и на себя доставленіе тусевовъ, но это для него не обязательно, кромѣ случая, когда онъ назначилъ въ тусевы людей, неизвѣстныхъ вовсе обвиняемому.

Примѣчаніе. Въ старое время, до изданія для народнаго суда особой инструкціи (1860 г.), обстоятельство не привода обвиняемымъ назначенныхъ ему тусевовъ безъ уважительныхъ причинъ признавалось отрицательнымъ доказатель-

---

имущества изъ не жилого помѣщенія. Основаніемъ квалификаціи, какъ легко понять, служитъ соображеніе не о томъ, какова степень преступности воли похитителя, или какія приняты преступникомъ мѣры къ достиженію цѣли преступленія, или какова цѣнность похищеннаго предмета и т. п., а о томъ, на сколько оскорбительно для чести потерпѣвшаго совершенное посягательство на его матеріальное достояніе. Лошадь можно украсть съ пастьбы, вдали отъ хозяина ея, даже не зная—чья она; чтобы украсть имущество изъ огороженнаго двора, нужно имѣть дерзость сомнѣваться въ способности хозяина двора охранить свое добро, а чтобы покуситься проникнуть въ его жилище, необходимо презирать его какъ противника, считать себя неизмѣримо смѣлѣе и отважнѣе его. Исходя изъ этого соображенія, горецъ и не подумалъ подраздѣлить кражи на простую, со взломомъ, при оружіи и пр. Но если-бы онъ надумался сдѣлать это, то у него, очевидно, получилась бы квалификація кражъ, какъ разъ противоположная принятой нашими законами: кража при оружіи оказалась-бы, напр. менѣе важной, чѣмъ кража безъ оружія, такъ какъ она менѣе оскорбительна для собственника украденнаго.

ствомъ его виновности и, поэтому, судъ поступалъ съ нимъ, обвиняемымъ, такъ, какъ если-бы онъ былъ изобличенъ въ данномъ похищеніи. Но послѣ изданія инструкціи, на основаніи которой народный судъ обязанъ былъ подвергать виновныхъ уголовной карѣ по установленіи, разумѣется, факта виновности положительнымъ образомъ, практиковать приведенный способъ обвиненія оказалось невозможнымъ. Въ видѣ выхода изъ затрудненія, народный судъ призналъ за собою право въ тѣхъ случаяхъ, когда тусевы отказываются являться въ судъ по приглашенію обвиняемаго, требовать ихъ къ себѣ чрезъ посредство полиціи *).

42) Обязанность вызванныхъ въ судъ тусевовъ заключается въ томъ, чтобы или очистить обвиняемаго отъ взведеннаго на него обвиненія утвержденіемъ подъ присягою, что онъ даннаго похищенія не совершилъ, или обвинить его утвержденіемъ подъ присягою, что похищеніе совершено дѣйствительно имъ, обвиняемымъ.

43) Поэтому вызванный въ судъ тусевъ, не имѣющій признаваемыхъ обычаемъ поводовъ къ отводу себя, не вправѣ отказаться отъ принятія за обвиняемаго очистительной или обвинительной присяги, подъ опасеніемъ за отказъ отъ исполненія сего обычая подвергнуться матеріальной отвѣтственности за похищеніе **).

---

*) Теперь горскіе суды руководствуются не этою инструкціею, а особыми *временными правилами для горскихъ судовъ*, изданными въ 1870 г.

**) Обычай этотъ и несправедливъ, и не согласенъ съ обычаями горцевъ сѣверо-восточнаго Дагестана, въ большинствѣ случаевъ тождественными съ кумыцкими обычаями. Въ этой части Дагестана, если тусевы заявляютъ, что, ничего не зная о виновности привлеченнаго къ отвѣтственности, они не могутъ ни очистить, ни обвинить его, то отъ нихъ требуется категорическое заявленіе: потому-ли они не очищаютъ обвиняемаго, что знаютъ его за человѣка, склоннаго къ воровству и вообще не одобрительнаго поведенія, или же потому только, что опасаются ошибиться по совершенному незнанію дѣла? Въ случаѣ отвѣта тусевовъ въ смыслѣ перваго вопроса, потерпѣвшему дается право повто-

44) Порядокъ производства въ судѣ дѣла съ тусевами слѣдующій: тусевы до привода ихъ къ присягѣ спрашиваются: обвиняютъ они или очищаютъ обвиняемаго. Послѣ отвѣта ихъ: „очищаемъ", очистительная присяга дается сначала самому обвиняемому, а послѣ него и имъ. Но если хоть одинъ изъ тусевовъ заявляетъ, что не можетъ очистить обвиняемаго, то послѣдній къ очистительной присягѣ не допускается, а тусевъ или тусевы, сдѣлавшіе вышеприведенное заявленіе, приглашаются принять присягу въ томъ, что они навѣрное знаютъ о совершеніи обвиняемымъ даннаго похищенія. При этомъ тусевы, не присоединившіеся къ своимъ товарищамъ, сдѣлавшимъ указанное заявленіе, отъ присяги освобождаются вовсе.

Примѣчаніе. Одно изъ существеннѣйшихъ отличій тусева отъ доказчика состоитъ въ томъ, что тусевъ не обя-

---

рить обвиненіе подъ присягою и, послѣ того, оно считается доказаннымъ; отвѣтъ-же тусевовъ въ смыслѣ второго вопроса даетъ, напротивъ, самому обвиняемому право снять съ себя обвиненіе принятіемъ присяги съ двумя своими ближайшими родственниками и, по исполненіи этого, онъ выходитъ изъ суда оправданнымъ.

Кумыки утверждаютъ, что ихъ обычай въ данномъ случаѣ старѣе дагестанскаго, т. е. что древній обычай, со временемъ измѣнившійся въ Дагестанѣ, остался неприкосновеннымъ въ кумыцкомъ народѣ. Какъ бы то ни было, но обычай кумыковъ ставитъ передъ тусевами, часто дѣйствительно ничего не знающими о дѣлѣ, по которому отъ нихъ требуется присяга, крайне странную диллемму: ничего не зная, принять присягу за или противъ обвиняемаго, значитъ рисковать очутиться лжеприсяжникомъ, отказаться-же отъ присяги вовсе—значитъ подвергнуться безъ вины отвѣтственности за похищеніе.

Современный судъ, въ виду неудобопримѣнимости обычая во всей его чистотѣ, не рѣдко устраняетъ ничего незнающихъ тусевовъ собственною властью, замѣняя ихъ другими, по указанію потерпѣвшаго. Независимо отъ этого и самъ народъ дополнилъ обычай установленіемъ правила, что по требованію незнающихъ дѣла тусевовъ, обвиняемый, до явки въ судъ, долженъ принять при нихъ очистительную присягу, совмѣстно съ ближайшими своими родственниками: гарантированные такою присягою, они уже съ спокойною совѣстью принимаютъ сами присягу въ судѣ.

занъ убѣждать судъ въ основательности заявленія о виновности; онъ говоритъ только: «не очищаю, а обвиняю» и затѣмъ судъ довѣряется его заявленію лишь потому, что оно подтверждается присягою.

45) Обвиняемый, принимая очистительную присягу, произноситъ: „клянусь именемъ единаго и великаго Бога и его святымъ кораномъ, что у такого-то (называется потерпѣвшій) того-то (называется предметъ похищенія) я не укралъ, а кто у него укралъ его—я не знаю“. Очищающіе его тусевы принимая присягу всѣ вмѣстѣ, произносятъ каждый: „клянусь именемъ единаго и великаго Бога и его святымъ кораномъ въ томъ, что такой то (называется обвиняемый) у такого-то (называется потерпѣвшій) того-то (называется предметъ похищенія) не укралъ и что показываю это не ради родства, дружбы или вражды къ такому-то и такому-то (называются похититель и обвиняемый), а правды ради. Въ удостовѣреніе сей моей клятвы цѣлую святой коранъ“.

46) Принявшій съ тусевами очистительную присягу признается оправданнымъ отъ взведеннаго на него обвиненія и вновь по тому-же дѣлу не можетъ быть обвиняемъ.

47) Обвинительная присяга принимается тусевомъ по формулѣ присяги очистительной, но вмѣсто словъ: „не укралъ“, произносятся слова: „дѣйствительно укралъ“.

48) По принятіи тусевомъ обвинительной присяги, обвиняемый получаетъ право въ двухъ-недѣльный срокъ опровергнуть эту присягу въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ опровергается присяга доказчика *).

*) Въ самое послѣднее время этотъ обычай уничтоженъ (см. пр. къ ст. 23). Вмѣсто акта опроверженія присяги теперь требуютъ отъ тусе-

49) Если присяга тусева опровергнута, то виновность привлеченнаго къ отвѣтственности признается не доказанною и дѣло возвращается къ своему первоначальному положенію. Самъ-же тусевъ, вслѣдствіе опроверженія его присяги, становится лжеприсяжникомъ и подвергается послѣдствіямъ, указаннымъ въ пр. 2-мъ къ ст. 24.

50) (Прежн. об.). Когда обвинительная присяга тусева или тусевовъ опровергнута, потерпѣвшій можетъ назначить обвиняемому другихъ тусевовъ. Затѣмъ онъ имѣетъ право, въ случаѣ надобности, назначить тусевовъ и въ третій разъ. Назначеніе тусевовъ болѣе трехъ разъ не допускается.

(Совр. об.). Потерпѣвшій пользуется правомъ, не зависимо отъ обвиненія заподозрѣннаго имъ лица чрезъ доказчика, заставить это лицо очиститься отъ обвиненія или подозрѣнія съ тусевами, назначенными только одинъ разъ. Въ случаѣ опроверженія обвинительной присяги тусевовъ, отвѣтчикъ оправдывается судомъ за бездоказательностью обвиненія *).

51) Потерпѣвшій отъ похищенія можетъ привлечь къ очистительной присягѣ съ тусевами послѣдовательно только трехъ лицъ. Если всѣ три обвиняемыхъ отъ обвиненія очистятся, то потерпѣвшій навсегда теряетъ право привлекать кого либо къ отвѣтственности по данному дѣлу похищенія въ обычномъ судѣ.

52) Если обвиняемый въ похищеніи скота или иного имущества—лжеприсяжникъ, то онъ не допускается къ очистительной присягѣ съ тусевами, а ви-

---

вовъ, а также и отъ доказчиковъ, удостовѣренія сельскаго правленія въ ихъ одобрительномъ поведеніи.

*) Измѣненіе обычаевъ, приводимыхъ какъ въ этой статьѣ, такъ и выше, въ ст. 25, послѣдовало только въ 1881 году и по иниціативѣ не народа, а мѣстной администраціи.

новность его устанавливается обвинительною присягою самого жалобщика (потерпѣвшаго).

53) Когда и обвинитель, и обвиняемый—оба лжеприсяжники, тогда къ принятію за обвиняемаго очистительной присяги съ тусевами привлекается его ближайшій родственникъ со стороны отца; при отказѣ же этого родственника отъ принятія очистительной присяги, какъ равно при отсутствіи родственниковъ, обвиненіе можетъ быть доказано обвинительною присягою ближайшаго родственника самого потерпѣвшаго (обвинителя).

ГЛАВА V.

Объ удовлетвореніи потерпѣвшихъ отъ похищенія за вредъ и убытки.

54) Обвинительная присяга доказчика и тусевовъ, не опровергнутая въ установленномъ обычаемъ порядкѣ, также обвинительная присяга свидѣтелей и, въ подлежащихъ случаяхъ, самого потерпѣвшаго или его ближайшихъ родственниковъ влекутъ за собою признаніе виновности призваннаго къ отвѣтственности лица и присужденіе съ него въ пользу потерпѣвшаго удовлетворенія за похищеніе.

Примѣчаніе. Сверхъ того, признанный виновнымъ въ похищеніи приговаривается народнымъ судомъ къ наказанію на основаніи устава и уложенія о наказаніяхъ *).

55) Что разумѣется подъ выраженіемъ „удовлетвореніе потерпѣвшаго“ указано выше въ ст. 5 и 9;

*) Согласно *Временныхъ правилъ для горскихъ судовъ Терской и Кубанской области*, изданныхъ въ 1870 году.

въ какомъ же порядкѣ производится удовлетвореніе—излагается въ послѣдующихъ статьяхъ.

56) Въ случаѣ возвращенія похитителемъ потерпѣвшему не всего, что было похищено, а только части похищеннаго, размѣръ вознагражденія за остальную часть опредѣляется присяжнымъ показаніемъ самого потерпѣвшаго, а за смертью его, его наслѣдниковъ. Однако, не только не возбраняется, но признается болѣе умѣстнымъ устанавливать этотъ размѣръ по полюбовному соглашенію сторонъ, съ освобожденіемъ потерпѣвшаго отъ присяги.

57) Когда взамѣнъ похищеннаго предмета потерпѣвшему отдается другой, однородный съ первымъ предметъ, но меньшей стоимости, тогда разница въ стоимости отдаваемаго и похищеннаго предметовъ опредѣляется присяжнымъ показаніемъ самого потерпѣвшаго или его наслѣдниковъ, если только между сторонами не состоится полюбовнаго соглашенія безъ присяги.

58) Когда за похищенный предметъ вознагражденіе производится деньгами, размѣръ денежной суммы опредѣляется присяжнымъ показаніемъ потерпѣвшаго, если между сторонами не состоится полюбовнаго соглашенія безъ присяги.

59) (Пр. об.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ похищенія—лошадь, буйволица или буйволъ, или иной крупный домашній скотъ, для точнаго опредѣленія размѣра вознагражденія поступаютъ слѣдующимъ образомъ: смотря по тому, какой именно скотъ похищенъ, потерпѣвшій выставляетъ двухъ лошадей, двухъ буйволовъ или двѣ головы другого домашняго скота—одну большей, а другую меньшей стоимости, затѣмъ онъ заявляетъ, что если отъ него потребуется при-

сяга, то онъ присягнетъ въ равноцѣнности похищенной у него головы скота съ лучшею изъ двухъ выставленныхъ головъ, если-же похититель отъ присяги освободитъ его, то онъ удовлетворится вознагражденіемъ по стоимости худшей изъ этихъ головъ скота. Послѣ выбора похителемъ одного изъ двухъ предложенныхъ ему способовъ расплаты съ потерпѣвшимъ, голова скота, на которой установилось соглашеніе (по присягѣ или безъ присяги), оцѣнивается сторонними посредниками и оцѣночная сумма взыскивается съ похитителя въ пользу потерпѣвшаго.

Примѣчаніе. Стороны или сами выбираютъ сторонних оцѣнщиковъ, или оцѣнщики назначаются по усмотрѣнію суда.

(Совр. об.). За похищенный и не возвращенный домашній скотъ, какъ равно за похищенное и не возвращенное иное имущество, похититель вознаграждаетъ потерпѣвшаго по присяжной оцѣнкѣ послѣдняго, если только между тѣмъ и другимъ не состоится на этотъ счетъ безприсяжнаго соглашенія.

60) Размѣръ вознагражденія потерпѣвшаго за всѣ другіе (кромѣ похищеннаго предмета) расходы и убытки, причиненные похищеніемъ, включая и плату доказчику, опредѣляется такъ: потерпѣвшій перечисляетъ всѣ статьи расходовъ и убытковъ, дѣлая при этомъ подробныя указанія: когда, гдѣ и почему произведены расходы и какимъ образомъ произошли убытки; въ случаѣ требованія обвиняемаго, уваженнаго судомъ, потерпѣвшій доказываетъ правильность своихъ заявленій чрезъ свидѣтелей, исключая показанія о платѣ доказчику, которое гарантируется единственно присягою. Послѣ провѣрки каждой отдѣльной статьи расходовъ и убытковъ и опредѣленія об-

щей суммы ихъ, судъ склоняетъ стороны къ окончанію дѣла по полюбовному соглашенію, когда-же соглашенія не состоится, онъ разрѣшаетъ вопросъ о размѣрѣ вознагражденія на основаніи присяги потерпѣвшаго *).

ГЛАВА VI.

Объ опознаніи и обратномъ полученіи скота или иного имущества.

61) Каждый, у кого похищенъ скотъ или какое-либо иное имущество, если онъ не найдетъ виновнаго въ похищеніи, но опознаетъ у кого-либо похищенное, имѣетъ право отобрать опознанное отъ новаго владѣльца, доказавъ правильность опознанія.

62) Правильность опознанія похищеннаго предмета доказывается чрезъ свидѣтелей, которыхъ по дѣлу опознанія должно быть не менѣе двухъ.

63) По дѣламъ объ опознаніи похищеннаго скота или иного имущества свидѣтелями не могутъ быть: а) лишенный права быть тусевомъ и б) тотъ, кто долженъ отводиться отъ свидѣтельствованія подъ присягою согласно ст. 29.

Независимо отъ этого, свидѣтель по дѣлу опознанія похищеннаго долженъ быть вообще одобрительнаго поведенія, а потому являющійся такимъ свидѣтелемъ обязанъ имѣть при себѣ удостовѣреніе своего сельскаго общества или сельскаго старшины въ томъ, что онъ поведенія хорошаго и никогда ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ.

*) По духу горскихъ обычаевъ въ этомъ, собственно, и заключается роль суда. Наложеніе-же на виновныхъ наказаній въ логической связи съ обычаями не находится.

64) Если опознается скотъ или иное такое имущество, которое встрѣчается не въ одномъ, а во многихъ видахъ, различающихся лишь въ частностяхъ (отдѣльныхъ примѣтахъ), то свидѣтели, прежде производства имъ допроса, приглашаются указать опознаваемый предметъ между многими другими однородными съ нимъ предметами. Ошибочное указаніе ими не того предмета, на который предъявлено требованіе самимъ потерпѣвшимъ, признается доказательствомъ лживости свидѣтелей и они устраняются отъ свидѣтельствованій.

Примѣчаніе. Когда опознается лошадь или другой скотъ, опознаваемая голова скота пускается въ соотвѣтствующій табунъ и свидѣтелямъ предоставляется розыскать и показать ее въ табунѣ; когда опознается сѣдло, кинжалъ и тому подобные неодушевленные предметы, то собирается множество сѣделъ, кинжаловъ и, вообще, предметовъ, однородныхъ съ опознаваемымъ, въ число ихъ включается этотъ послѣдній предметъ—и свидѣтели должны найти и указать его.

По трудности выполненія этого обычая для существующихъ горскихъ судовъ, онъ примѣняется въ этихъ судахъ съ значительными отступленіями. Взамѣнъ посылки свидѣтелей въ табунъ или предъявленія имъ извѣстнаго количества предметовъ, однородныхъ съ опознаваемымъ, этимъ свидѣтелямъ предлагается сдѣлать отчетливое и точное описаніе примѣтъ опознаваемаго, а по исполненіи ими этого, описанный предметъ прямо предъявляется имъ для осмотра и подтвержденія, что онъ тотъ самый, который похищенъ у потерпѣвшаго. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда и горскій судъ выполняетъ описанный обычай во всей точности.

65) Свидѣтели, опознавшіе похищенный предметъ, въ указанномъ выше порядкѣ, подтверждаютъ опознаніе подъ присягою, соотвѣтствующею по формѣ присягѣ обыкновенныхъ свидѣтелей (глава III).

66) (Пр. об.). По исполненіи приведеннаго обряда

опознаніе признается доказаннымъ и опознанный предметъ тотчасъ передается доказавшему на него право собственности; тому-же, у кого этотъ предметъ отобранъ, въ свидѣтельство состоявшагося опознанія выдается, по требованію его, особый знакъ, называемый *ай-ляма-кагазъ*, что значитъ *круговая бумага*.

(Совр. об.). Въ отношеніи первой половины статьи тотъ-же, что и прежній, относительно же второй половины см. статью 67 (Совр. об.).

67) (Пр. об.). *Ай-ляма-кагазъ*, передаваемый опознавшимъ похищенный предметъ тому, у кого онъ отобранъ, состоитъ изъ: а) удостовѣренія суда, разсматривавшаго дѣло о состоявшемся опознаніи и б) завернутаго или завязаннаго въ кусокъ бязи, величиною въ $^1/_2$ *ханскаго* аршина ($^3/_4$ русскаго аршина), серебрянаго *абаза* (20 коп. серебряная монета) *).

(Совр. об.). Взамѣнъ *ай-ляма-кагаза* тому, у кого отобранъ опознанный предметъ, выдается на этотъ счетъ удостовѣреніе суда или копія съ судебнаго рѣшенія **).

---

*) Не имѣя точныхъ свѣдѣній о происхожденіи *ай-ляма-кагазъ* и назначеніи непремѣнныхъ принадлежностей его—серебрянаго *абаза* и платка изъ бязи, позволяю себѣ дать на этотъ счетъ гадательное объясненіе. Монета *абазъ* или *абассъ*, по всей вѣроятности, получила свое названіе отъ одного изъ шаховъ съ именемъ Абасса. Можно полагать, что на монетѣ находился какой-нибудь текстъ изъ корана или иное изреченіе, говорившее о величіи шахской власти и обязательности его повелѣній, и поэтому монета имѣла въ глазахъ народа двоякое значеніе: значеніе денегъ и значеніе символа царскаго повелѣнія. Въ такомъ случаѣ, актъ передачи монеты вмѣстѣ съ судебнымъ рѣшеніемъ, естественно, могъ выражать собою предупрежденіе или напоминаніе объ обязательной силѣ судебнаго рѣшенія. Происхожденіе куска бѣлой матеріи или платка, въ который завертывается *абазъ*, при такихъ условіяхъ, весьма легко объясняется благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ символу.

**) Въ данномъ случаѣ, новый обычай далеко не соотвѣтствуетъ, по идеѣ, прежнему. Копія съ рѣшенія суда, служа для того, кому она выдана, доказательствомъ состоявшагося опознанія у него извѣстнаго пред-

68) (Пр. об.). Получившій *ай-ляма-кагазъ*, если опознанный предметъ дошелъ до него путемъ правильнаго пріобрѣтенія отъ другого, передаетъ этотъ знакъ продавцу предмета и получаетъ отъ него обратно отданную плату. Въ свою очередь, продавецъ предмета, сдѣлавшись обладателемъ *ай-ляма-кагаза*, передаетъ его предыдущему продавцу, по полученіи отъ него своей платы, и въ такомъ порядкѣ знакъ переходитъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока не перейдетъ къ тому продавцу, которому некому передать его.

(Совр. об.). Получившій взамѣнъ *ай-ляма-кагаза* копію съ судебнаго рѣшенія, или удостовѣреніе суда предъявляетъ этотъ документъ продавцу опознаннаго предмета, требуя возврата полученной за него платы. Если продавецъ согласенъ исполнить приведенное требованіе, то онъ принимаетъ документъ при посредствѣ сельской власти и потомъ самъ распоряжается имъ по примѣру своего предшественника. Если же продавецъ отъ возврата полученной платы отказывается, то о взысканіи ея, въ виду состоявшагося судебнаго рѣшенія, владѣлецъ копіи или удостовѣренія долженъ обратиться въ подлежащій судъ. Въ томъ же порядкѣ можетъ взыскиваться плата за опознанный предметъ со всѣхъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его.

69) Но случается, что *ай-ляма-кагазъ* (или свидѣтельство), переходя отъ одного къ другому, попа-

---

мета, не даетъ ему, обладателю копіи, права на обратное полученіе платы отъ продавца предмета безъ особаго судебнаго разбирательства дѣла. Между тѣмъ, *ай-ляма-кагазъ* обязывалъ всѣхъ, къ кому онъ переходилъ, непремѣнно разсчитаться съ прежними обладателями его. Уничтоженіе *ай-ляма-кагаза* произошло лѣтъ 25—30 тому назадъ. Въ Дагестанѣ онъ существуетъ, кажется, и теперь.

даетъ въ руки того, кто обладалъ опознаннымъ предметомъ при условіяхъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ невозможности правильнаго опознанія его кѣмъ либо другимъ. Примѣры: а) опознанъ предметъ, собственноручно сдѣланный кѣмъ либо изъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его, или сдѣланный хоть и постороннимъ лицомъ, но по заказу одного изъ этихъ участвовавшихъ; б) опознано домашнее животное, родившееся и выросшее у того продавца его, которымъ начинается рядъ перекупщиковъ животнаго; в) опознанъ предметъ, находившійся у кого либо изъ перекупщиковъ его раньше, чѣмъ такой же предметъ былъ похищенъ у опознавшаго его—и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ обычай допускаетъ признаніе состоявшагося опознанія ложнымъ, или обратное опознаніе *).

70) Заявленіе о неправильности состоявшагося опознанія, сдѣланное однимъ изъ получившихъ преемственно *ай-ляма-кагазъ* (или свидѣтельство), подтверждается на судѣ присяжными показаніями выставленныхъ заявителемъ свидѣтелей, число которыхъ должно вдвое превышать число свидѣтелей, участвовавшихъ въ дѣлѣ самаго опознанія.

71) Послѣ признанія состоявшагося опознанія ложнымъ или ошибочнымъ, опознанный предметъ передается тому, кто доказалъ это обстоятельство. При этомъ всѣ претензіи лицъ, участвовавшихъ въ куплѣ и продажѣ обратно-опознаннаго предмета, разрѣшаются судомъ по обычаямъ, существующимъ для гражданскихъ тяжбъ и исковъ.

*) Современный горскій судъ можетъ практиковать этотъ обычай не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей инстанціи суда, такъ какъ всякое дѣло объ обратномъ опознаніи есть, въ сущности, дѣло объ отмѣнѣ состоявшагося прежде окончательнаго рѣшенія суда.

Примѣчаніе. Въ случаѣ признанія судомъ обратнаго опознанія правильнымъ, свидѣтели по дѣлу первоначальнаго опознанія объявляются лжеприсяжниками.

72) Если опознавшій и получившій похищенный у него предметъ желаетъ получить также понесенные чрезъ похищеніе убытки, то онъ, независимо отъ акта опознанія, долженъ еще исполнить актъ изобличенія кого-либо въ совершеніи даннаго похищенія. Впрочемъ, онъ не имѣетъ въ этомъ случаѣ надобности прибѣгать къ обычнымъ пріемамъ обвиненія (доказчикъ, свидѣтели, тусевы), а можетъ, начавъ съ послѣдняго владѣльца похищеннаго, переносить обвиненіе послѣдовательно на всѣхъ участвовавшихъ въ перепродажѣ его лицъ. То изъ этихъ лицъ, которое не докажетъ правильности пріобрѣтенія опознаннаго предмета, признается виновнымъ въ похищеніи его и на него возлагается обычное удовлетвореніе потерпѣвшаго.

1881 г.
Сл. Хасавъ-юртъ.

КУМЫЦКІЯ ПѢСНИ.

Кумыки (разумѣю не однихъ обитателей кумыцкой плоскости, но весь кумыцкій народъ) любятъ и умѣютъ пѣть пѣсни. А что касается кумыковъ собственно аксаевскаго или притеречнаго раіона, то они предаются пѣнію пѣсенъ (да и танцамъ) со всѣмъ увлеченіемъ беззаботныхъ и разудалыхъ людей. Кумыцкія пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи: на пѣсни готовыя, въ томъ смыслѣ, что онѣ сложены когда-то раньше и теперь только повторяются пѣвцами и на пѣсни импровизаціи, слагаемыя пѣвцами въ минуту самаго пѣнія. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, тотчасъ-же и забываются, но иногда онѣ какимъ-то образомъ остаются въ памяти ихъ творцовъ или постороннихъ слушателей, и многократно повторенныя, попадаютъ въ категорію общеизвѣстныхъ готовыхъ пѣсенъ. Благодаря богатству и нѣкоторой гибкости кумыцкаго (татарскаго) языка, съ одной стороны, а съ другой—не особенно высокому уровню эстетическихъ требованій кумыковъ, сочиненіе импровизацій для кумыцкихъ баяновъ не составляетъ, впрочемъ, черезъ чуръ труднаго дѣла, хотя оно всетаки требуетъ, разумѣется, нѣкотораго дара и навыка. Импровизаціи чаще всего создаются въ веселыхъ компаніяхъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ—невѣстъ и

тогда авторами ихъ бываютъ двое—молодой мужчина и дѣвушка. Содержаніе подобныхъ пѣсенъ по преимуществу эротическаго свойства; тонъ ихъ веселый, игривый, иногда злой, съ грубоватыми претензіями на остроуміе; форма—діалогическая. Для примѣра приведу такую пѣсню, записанную для меня однимъ образованнымъ кумыкомъ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ находились на полевой работѣ, занимаясь выпалываніемъ и подбивкой кукурузы. Мимо нихъ проѣзжалъ верхомъ молодой человѣкъ, у котораго на рукѣ сидѣла охотничья птица—копчикъ. Всадникъ не обращалъ или показывалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на дѣвушекъ. Одну изъ нихъ раззадорило поведеніе всадника и она постаралась втянуть его въ разговоръ съ собою, вылившійся у обоихъ въ формѣ импровизированныхъ стихотворныхъ строфъ.

Дѣвушка.

Молодецъ съ копчикомъ на рукѣ! Куда ты ѣдешь, не оборачиваясь и не глядя на ту, сердце которой рвется къ тебѣ?

Всадникъ.

(Остановившись).

Съ копчикомъ я ѣду для охоты на перепеловъ... Есть развѣ между вами масульманка, желающая подарить бѣдняка своею любовью?

Дѣвушка.

Отчего-же, милый, не подарить? Я готова сильно полюбить тебя. Но любовь—любви рознь... Возьми меня—я съ радостью пойду за тебя *).

*) По подлинной пѣснѣ выходитъ, что дѣвушка тонко намекаетъ на свое желаніе сдѣлаться женой, а не любовницей.

Всадникъ.

Отстранитесь, отстранитесь, красавицы, а то конь мой пугается васъ!.. Которая изъ васъ полюбила меня, та пусть садится ко мнѣ за моимъ сѣдломъ.

Дѣвушка.

Заблудившійся глупецъ можетъ еще выдти на дорогу: что скажутъ люди, увидя меня ѣдущею съ тобою за твоимъ сѣдломъ.

Всадникъ.

Но у меня и конь чужой. Я бѣднякъ безъ кола и двора *). Полюбила молодца, такъ и отдай ему свою любовь!

Дѣвушка.

У тебя копчикъ на рукѣ, а нѣтъ ни кола, ни двора!.. **). Ѣзжай себѣ своей дорогой,—добрый путь тебѣ голубчикъ!

Всадникъ.

Ѣхать—поѣду по своему желанію! А ты, с..., оставайся тутъ и ковыряй себѣ киркой землю.

Упомяну кстати, что лѣтъ 7—8 тому назадъ на кумыцкой плоскости гремѣлъ пѣвецъ—импровизаторъ, аксаевскій житель, по имени Батрай. Молодой человѣкъ, статный и красивый собой, онъ былъ душею всякаго рода сборищъ и имровизировалъ когда угодно и на какія угодно темы. При этомъ у него была своеобраз-

*) Т. е. я жениться не могу, не имѣя никакого состоянія.

**) На востокѣ охота съ птицей всегда была привилегіею людей знатныхъ и богатыхъ.

ная, очень привлекательная манера пѣнія. Ставъ передъ группой дѣвушекъ, онъ избиралъ одну изъ нихъ и, торжественно—весело, въ гладкой и звучной строфѣ задавалъ ей вопросъ, затрагивавшій ея сердечныя дѣла. Вопросъ произносился пѣвучимъ речитативомъ, а вслѣдъ затѣмъ пѣвецъ, повернувшись къ группѣ дѣвушекъ спиной и похлопывая въ ладоши, дѣлалъ два—три круга лезгинки, послѣ чего возвращался на прежнее мѣсто. Дѣвушка обязательно отвѣчала ему рифмованными или не рифмованными стихами, не всегда удачными, разумѣется, потомъ въ свою очередь, съ граціозно поднятыми руками и склоненною на бокъ головою, мелкими шажками протанцевывала туръ лезгинки около своихъ подругъ. Такой поэтическій турниръ продолжался иногда довольно долго, возбуждая въ слушателяхъ веселый смѣхъ и вызывая громкіе аплодисменты.

Къ сожалѣнію, Батрай молодымъ человѣкомъ и умеръ, унеся почти всѣ свои вдохновенныя импровизаціи съ собою въ могилу. Въ настоящее время о существованіи на кумыцкой плоскости пѣвца съ талантомъ Батрая что-то не слышно. Но пѣвцы—импровизаторы второй руки, конечно, не перевелись. Этимъ пѣвцамъ не рѣдко бываетъ довольно трудно справляться съ своею задачею и поэтому они прибѣгаютъ къ пріему въ сущности слабому и смѣшному, но допускаемому, однако, народнымъ вкусомъ. Она заключается въ томъ, что въ строфѣ изъ четырехъ риѳмующихся между собою стиховъ первые два стиха не имѣютъ никакого отношенія къ послѣднимъ и къ самой темѣ пѣсни. Иногда эти два стиха—простой наборъ словъ, а иногда они хоть не совсѣмъ пусты, но нисколько не идутъ къ дѣлу. Вотъ примѣръ такой строфы изъ числа отдѣланныхъ наиболѣе старательно.

Первые два стиха.

Зигзагами текущій отецъ *) Терекъ! Загроможденный несущимися по тебѣ деревьями, ты кажешься узкимъ, хотя въ дѣйствительности широкъ.

Вторые два стиха.

Близкіе и родные мои, не почитавшіе меня при жизни, да не плачутъ надо мною послѣ моей смерти и да не держатъ по мнѣ *тазіата* **) послѣ моего погребенія!

Общеизвѣстныя готовыя кумыцкія пѣсни, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою стихотворную обработку историческо-героическихъ или просто героическихъ темъ. По формѣ своей, а часто и по содержанію, онѣ сильно напоминаютъ ногайскія пѣсни, такъ называемыя *казакъ-иръ* (казачьи пѣсни), о которыхъ говорится въ слѣдующей части книги. Возможно, что ногайскія пѣсни и послужили образцомъ для нихъ, а можетъ быть, сходство тѣхъ и другихъ пѣсенъ объясняется происхожденіемъ ихъ отъ одного и того-же первообраза—тюргско-монгольскихъ поэтическихъ произведеній. Всѣ эти пѣсни—панегирики добродѣтелямъ человѣка грубой героической эпохи и притомъ мусульманина: твердости воли, воинской доблести, матеріальной обезпеченности, непоколебимости фаталистическаго міросозерцанія и проч. Въ нихъ нечего искать, разумѣется, гуманнаго и возвышеннаго отношенія къ людямъ и къ жизни. Правда, тонъ ихъ порою поднимается до настоящаго паѳоса, но источ-

*) Въ подлинникѣ—*мать* Терекъ.

**) *Тазіатомъ* называется обрядъ многодневнаго стоянія близкихъ и родныхъ покойника у его дома и могилы.

никами его служатъ или эгоистическая любовь къ матеріальнымъ благамъ, или мусульманскій религіозный фанатизмъ. Изъ тѣхъ-же источниковъ вытекаетъ и меланхолическая грусть, которою проникнуты чуть не всѣ произведенія кумыцкихъ и ногайскихъ бардовъ. Другую особенность этихъ произведеній составляетъ тенденціозность ихъ, хотя и зауряднаго свойства. Каждая пѣсня непремѣнно оканчивается моральнымъ выводомъ, и хорошо еще, если выводъ пріуроченъ къ мусульманской этикѣ, а въ противномъ случаѣ онъ представляетъ низменное обобщеніе грубыхъ фактовъ грубой дѣйствительности. Собственно въ историческо-героическихъ пѣсняхъ кумыковъ, какъ впрочемъ, въ такихъ-же пѣсняхъ и ногайцевъ, есть еще одинъ поэтическій недостатокъ, дѣлающій ихъ, однако, весьма цѣнными въ другомъ отношеніи—историческомъ. Онѣ очень не богаты проявленіями творческой фантазіи, а, напротивъ, почти всегда остаются въ предѣлахъ реальности и позитивности. Отсюда то, что историческія событія передаются въ нихъ съ замѣчательною точностью и отчетливостью, безъ прибавленій и убавленій. Часто единственное отличіе ихъ отъ обыкновенной лѣтописной хроники только въ томъ и состоитъ, что—по свойственной творцамъ ихъ, въ особенности ногайскимъ, многословности — онѣ уснащены многочисленными сравненіями и уподобленіями. Въ подлинныхъ пѣсняхъ соблюдены законы стихосложенія—метричность и риѳмованность стиховъ.

Привожу ниже одну кумыцкую историческо-героическую пѣсню и нѣсколько небольшихъ героическихъ пѣсенъ.

Пѣсня плакальщицы надъ тѣломъ убитаго Султанъ-Мута *).

Ты былъ быстрѣе водъ Алазани, относящихъ коней даже на бродахъ.

Ты былъ подобенъ оленю Кавказскихъ горъ, гордо поднимающему свои рога въ тѣни дубравъ.

Ты водилъ за собою безчисленное войско, покрывавшее на стоянкахъ обширныя поля.

Шахъ уже уговорился съ тобою современемъ сдѣлать тебя королемъ.

Ты держалъ въ осадѣ такой городъ, какъ Тифлисъ **).

Ты открылъ путь въ него, разрушивъ городскія укрѣпленія.

Князей, узденей и чернь Гурджистана ты гналъ въ Персію, какъ стадо.

И послѣ этихъ войнъ тебѣ не суждено было обрѣсти покой и дома ты не нашелъ себѣ отдыха.

Бѣглецы съ Волги, которымъ ты оказалъ покровительство, поселивъ ихъ на своей землѣ,—

Триста бѣлокурыхъ русскихъ ***) воспользовались

---

*) О Султанъ-Мутѣ см. выше. „Кто такіе обитатели Кумыцкой плоскости“, гл. V.

Пользуюсь случаемъ заявить здѣсь, что возможностью познакомить русскую публику съ весьма важною въ историческомъ отношеніи пѣснею о Султанѣ-Мутѣ я обязанъ потомку этого кумыцкаго героя, почтенному князю Абдулъ-Маджиду-Хамзаеву, которому и приношу за эту дружескую услугу мою сердечную благодарность.

**) Султанъ-Мутъ прославился военными подвигами въ походахъ на Грузію. (Иванъ Попко: „Терскіе казаки съ старо-давнихъ временъ. Историч. очеркъ. Выпускъ первый. Гребенское войско“. С.-Петербургъ, 1880, стр. 44).

***) Откуда взялись эти „бѣглецы съ Волги—триста бѣлокурыхъ русскихъ“ въ кумыцкихъ владѣніяхъ на порогѣ XVII столѣтія? У кумыковъ твердо держится преданіе, что около этого именно времени какой-то

твоимъ отсутствіемъ и приняли къ себѣ вооруженное русское войско.

Они окопались широкимъ рвомъ — и ты нашелъ ихъ измѣнившими тебѣ.

Но ты былъ съ испытаннымъ въ сраженіяхъ войскомъ, передъ которымъ никакой врагъ не могъ устоять.

Оно не разошлось еще по домамъ, оно послѣдовало за тобою и обложило врага въ его укрѣпленной твердынѣ.

Ты долго сражался съ врагомъ, пока не истребилъ его поголовно *).

волжскій атаманъ, по имени Андрей, потерпѣвъ кораблекрушеніе на Каспійскомъ морѣ, высадился съ своими тремя стами сподвижниковъ на морской берегъ около Аграханскаго залива. Съ мѣста высадки онъ направился, будто-бы, вверхъ по рѣчкѣ Акташу и на этой рѣчкѣ основалъ селеніе, названное по его имени Андреевымъ. Селеніе Андреево, въ кумыцкомъ произношеніи — *Эндрей*, на указываемомъ въ преданіи мѣстѣ существуетъ и теперь.

Авторъ приведеннаго выше сочиненія относится къ преданію скептически, признавая несообразнымъ, чтобы *триста человѣкъ съ голыми руками могли завоевать извѣстное кумыцкое владѣніе Эндери* (Ibid. XII). Партіи русской вольницы въ триста человѣкъ *завоевать* цѣлое кумыцкое владѣніе было, конечно, невозможно, но поселиться въ этомъ владѣніи, съ разрѣшенія владѣтельнаго князя, она безспорно могла. Свидѣтельство пѣсни заставляетъ отнестись къ разсказанному преданію съ большимъ довѣріемъ.

*) Говорится объ ужасномъ побоищѣ, происшедшемъ въ 1605 г., въ одномъ переходѣ отъ тогдашней столицы шамхаловъ Тарковскихъ—*Тарки* (близъ нынѣшняго Петровска), между кумыками, чеченцами и другими дагестанцами, съ одной стороны, и отрядомъ русскихъ войскъ, состоявшимъ подъ командою боярина Бутурлина, — съ другой. Побоище это, въ которомъ пали какъ начальникъ русскаго отряда Бутурлинъ, такъ и предводитель дагестанскихъ полчищъ Султанъ-Мутъ, сынъ и замѣститель престарѣлаго шамхала Анди-хана, ярко описано въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Карамзина (т. X, гл. I) и затѣмъ оно нашло себѣ талантливаго и краснорѣчиваго изобразителя въ лицѣ г. Попко. („Терск. Каз.“ и проч. стр. 42—44).

У г. Попко ходъ дѣла, на основаніи нѣкоторыхъ кумыцкихъ преданій, изображенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у Карамзина, а въ настоящей пѣснѣ онъ изображается еще иначе.

И предводителя войска, боярина, ты поймалъ, какъ курицу *).

Стоявшій около него юноша улучшилъ минуту и тайно, проклятый, выстрѣлилъ тебѣ въ поясницу...

Такъ начертанное на лбу предопредѣленіе рока исполнилось надъ тобою на твоей же родинѣ.

И народъ твой, знавшій только одно веселье, по волѣ судьбы на года облекся въ трауръ.

Что теперь наши сожалѣнія, когда нѣтъ уже мужа, называвшагося Султанъ-Мутомъ?

Къ чему мы бьемъ себя и льемъ слезы? Какая польза оттого?

Да поможетъ Богъ оставленнымъ тобою тремъ сыновьямъ твоимъ **), возмужавъ, сдѣлаться достойными тебя!

И да осушатъ они наши слезы, отмстивъ за тебя нашимъ врагамъ!

---

*) Какъ уже замѣчено, предводитель войска былъ убитъ. Но въ отрядѣ находился князь Владиміръ Бахтѣяровъ и онъ то, „тяжело уязвленный", по выраженію Карамзина, и былъ взятъ въ плѣнъ.

Кумыки разсказывали мнѣ, что князь (фамиліи его они не знаютъ) во время двухлѣтняго пребыванія въ плѣну сошелся будто-бы съ одною кумыцкою красавицею, съ которою прижилъ мальчика. По общественному положенію матери, мальчикъ попалъ въ сословіе *чигаров* (крѣпостныхъ земледѣльцевъ); въ этомъ-же сословіи оставались и потомки его вплоть до освобожденія крѣпостныхъ. Въ настоящее время изъ потомковъ мальчика образовалось четыре семейства; они живутъ въ селеніи Байрамъ-аулѣ и, называя себя князевыми, не упускаютъ случая напоминать о своемъ происхожденіи отъ русскаго князя.

**) По имѣющимся историческимъ свѣдѣніямъ, наслѣдство послѣ Султанъ-Мута перешло къ двумъ его сыновьямъ—Айдемиру и Казаналипу. Что касается третьяго сына, неизвѣстнаго исторіи, то, по преданію, онъ умеръ вслѣдъ за отцемъ.

Героическія пѣсни *).

1.

Когда изъ бѣгущихъ по полю бѣлыхъ ланей одна, прихрамывая, отстаетъ отъ другихъ,—знай: она ранена стрѣлой.

Когда именитый человѣкъ, сидя на стулѣ, тяжко вздыхаетъ,—знай: онъ потерялъ свое состояніе.

2.

У родителей есть одинъ порокъ: имѣя пять сыновей, они не могутъ смотрѣть на всѣхъ одинаково.

У боевого коня есть одинъ порокъ: когда сѣдокъ въ опасности, онъ не можетъ спасти его.

У тетивы лука есть одинъ порокъ: она такъ растягивается, что не удерживаетъ деревянной стрѣлы.

У Асхаръ-тау **) есть одинъ порокъ: на хребтѣ ея покоится батыръ ***) и она не можетъ легонько разбудить его.

Родители пяти сыновей! чѣмъ же вы виноваты, когда одни изъ вашихъ сыновей хорошіе, а другіе дурные?

Боевой конь! Чѣмъ же ты виноватъ, когда на тебѣ, не осѣдланномъ, все лѣто ѣздили табунщики?

Тетива лука! Чѣмъ же ты виновата, когда тебя постоянно трепала домашняя прислуга?

---

*) Всѣ эти пѣсни взяты мною изъ кумыцкаго сборника пѣсенъ г. Магомета Османова (уроженца селенія Аксай), напечатаннаго на татарскомъ языкѣ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ.

**) Гора Асхаръ.

***) Герой, храбрый.

Асхаръ-тау! Чѣмъ же ты виновата, когда наступилъ часъ *) злосчастнаго батыра?..

3.

Ретивый боевой конь—гордость батыра, позолоченный *садакъ* **)—украшеніе его стана.

Красавица, да еще содержащая въ порядкѣ свое хозяйство,—гордость своего дома; батыръ и красавица украшеніе другъ для друга,—

И пусть домъ ихъ будетъ стоять одинокимъ и на безводной горѣ,—они и тогда *возьмутъ свою долю*!..

4.

Чему подобенъ захудалый боевой конь?—Онъ подобенъ стоящему на плоскогорьи ветхому памятнику, обросшему мхомъ.

Кому подобенъ родовитый человѣкъ, потерявшій свое состояніе? Онъ подобенъ жалкому слугѣ, не носящему другой обуви, кромѣ искривленныхъ башмаковъ изъ телячьей кожи.

И все-же родовитаго человѣка, бѣднаго и одинокаго, не оскорбляй: онъ совершитъ подвигъ—и богатство вернется къ нему;

А богатый и благородный, онъ для друга пожертвуетъ богатствомъ, а для кровнаго своего пожертвуетъ и душой!

5.

Батыры не прибѣгаютъ къ лести, которою пріобрѣтается расположеніе людей.

*) Часъ смертный.

**) *Садакъ* въ тѣсномъ смыслѣ—колчанъ, въ обширномъ—боевое вооруженіе.

Батыръ и въ темную ночь и на худой лошади достигаетъ того, чего никогда не достигнуть трусу.

Батыру опасность не страшна, потому что онъ цѣнитъ жизнь не дороже копѣйки.

Батыръ не бѣжитъ отъ опасности, а бѣжитъ ей на встрѣчу.

Да погибнутъ трусы! Честь батырамъ!

Отрѣжьте косы женщинамъ, которыя всѣхъ, выходящихъ на ***очаръ*** *) въ ***папахахъ,*** **) считаютъ равными между собою!

6.

(Пѣсня двухъ братьевъ).

Для матери своей мы были и сыновьями и дочерьми, въ веселомъ обществѣ мы были сладостью для всѣхъ.

Когда насъ оскорбляли за дѣло, мы несли оскорбленіе, какъ верблюдъ несетъ на спинѣ свою ношу, когда насъ оскорбляли напрасно, мы бросались на оскорбителя, не спрашивая, сильна-ли его фамилія.

Бывало, мы пріобрѣтали средства кражею съ разломомъ хранилищъ; бывало, мы пронизывали груди и вынимали изъ нихъ души.

Одиночество и бѣдность обрушились на насъ вмѣстѣ—и мы, придавленные, смирились....

7.

Батыръ не каждымъ ударомъ срубаетъ голову.

Батыръ не каждымъ взмахомъ выпускаетъ кровь.

---

*) Площадь предъ мечетью, на которой собираются мужчины для совѣщаній и обыкновенныхъ разговоровъ.

**) *Папаха*—шапка.

Батыръ разъ поразитъ, а разъ понесетъ пораженіе.

Батыръ разъ возьметъ верхъ, а разъ верхъ возьмутъ надъ нимъ.

Вотъ пораженный и обобранный батыръ лежитъ въ голой степи,

Или его несутъ на носилкахъ, какъ въ люлькѣ,

Или закутаннаго въ сѣрую бурку, его везутъ на сѣрой лошади....

Жизнь наша проходитъ въ исканіи благополучія,— а на этомъ измѣнчивомъ свѣтѣ кто достигаетъ благополучія?!

8.

Отъ продолжительной болѣзни можно избавиться лѣченіемъ,—отъ бѣдствій, выпадающихъ на долю мужей, нѣтъ избавленія...

Назначеніе мужей—жить среди бѣдствій,—бѣдствія обвились вокругъ моей головы.

Бѣжать отъ нихъ, какъ отъ опасности бѣжитъ стадо жирныхъ барановъ, значитъ, выказать свою горячность.

Горячность, усиливъ біеніе моего сердца, не облегчитъ моей участи.

Укройся я въ самое потайное мѣсто и закрой еще свой лобъ ладонью, судьбу, отмѣченную на моемъ лбу, я не отвращу отъ себя....

НОГАЙЦЫ.

ОЧЕРКЪ

ногайцевъ, обитающихъ на западномъ берегу Аграханскаго залива.

I.

Степь, занимаемая этими ногайцами.

Ногайцы побережья Аграханскаго залива, состоящіе изъ двухъ обществъ — Костековскаго и Аксаевскаго, занимаютъ прилегающую къ заливу приморскую низменность. Границами этой низменности на сѣверѣ служатъ Кара-ногайскія степи и земли, принадлежащія кизляро-гребенскимъ казакамъ, на югѣ—земли таркинскихъ ногайцевъ и кумыцкихъ селеній и на западѣ — земли кумыцкихъ-же селеній и частныхъ владѣльцевъ изъ кумыковъ. Территорія ногайцевъ имѣетъ форму дуги круга, образуемой южнымъ рукавомъ Терека (Новый Терекъ), до впаденія его въ Аграханскій заливъ, и западнымъ берегомъ залива; протяженіе дуги—верстъ семьдесятъ; затѣмъ въ ширину, отъ окружности дуги къ центру, территорія эта имѣетъ отъ 20-ти до 25-ти верстъ; слѣдовательно, площадь ея составляетъ до 1,500 кв. верстъ.

Ногайская степь въ отношеніи климата и почвы, а также флоры и фауны, отличается всѣми особенностями, характеризующими собою низменные берега

морей и большихъ рѣкъ теплыхъ странъ. Почву ея составляетъ морской илъ, перемѣшанный съ пескомъ; этотъ илъ можетъ быть плодороденъ при условіи обильнаго орошенія его водою, но въ дѣлѣ орошенія ногайская степь поставлена въ высшей степени неблагопріятно. Дожди въ ней весьма рѣдки и поэтому она находится въ полной зависимости отъ водныхъ потоковъ, доходящихъ до нея изъ отдаленныхъ ущелій Андійскаго хребта. Весною и осенью эти потоки—Аксай, Ярыксу и Акташъ, а также рѣки Терекъ и Сулакъ приносятъ въ степь такую массу воды, которая во много разъ превосходитъ вмѣстимость находящихся въ ней естественныхъ водныхъ ложъ. Озера—*Балыкъ-колъ*, *Айтхана*, *Тежыкъ*, *Алтынъ-колъ*, *Капаръ-аджи-колъ*, *Ивашъ-колъ* и множество другихъ, переполненныя черезъ край, разливаются во всѣ стороны; рядомъ съ ними образуются десятки другихъ озеръ и чуть не вся степь превращается въ сплошное болото. Это безмѣрное обиліе воды въ соединеніи съ раннимъ солнечнымъ теплomъ создаютъ въ степи могучую, хотя въ высшей степени своеобразную жизнь. Изъ болотъ поднимаются настоящіе камышевые лѣса, наполняющіеся дикими свиньями, волками, лисицами, шакалами, оленями и козами. На озерахъ появляются лебеди, дикіе гуси и утки, дудаки и другія болотныя и морскія птицы, соперничающія въ многочисленности съ куропатками и драгоцѣнными фазанами. Озера переполняются рыбою, болота—лягушками и пресмыкающимися всевозможныхъ видовъ и породъ. Тучи разнородныхъ насѣкомыхъ, въ особенности комары—эти настоящіе бичи людей и скота, а весьма часто и прожорливая саранча,—покрываютъ землю, наполняютъ камыши и рѣютъ въ воздухѣ.

Пѣніе птицъ, въ которомъ громче всѣхъ слышатся голоса соловьевъ, кваканье лягушекъ, сопровождающееся аккомпаниментомъ болотнаго тулумбаса, называемаго туземцами болотнымъ быкомъ *(кольбуга)*, а въ наукѣ извѣстнаго подъ именемъ жерлянки или уки, жужжаніе насѣкомыхъ, стрекотаніе, визгъ, пискъ, стоны, оханье,—вся эта масса звуковъ превращаетъ степь въ арену величественнаго, хотя и не особенно стройнаго концерта. Раннею весною, когда испаренія болотъ еще незначительны, а комары не такъ досаждаютъ, жизнь въ степи довольно сносна, даже привлекательна. Свѣжія и ясныя ночи смѣняются ясными и теплыми днями; воздухъ чистъ и прозраченъ, а земля покрыта красивымъ ковромъ сочной зелени, разукрашенной яркими цвѣтами. Но эта благодатная пора оканчивается очень рано, иногда даже въ концѣ мая, но вообще не позже двадцатыхъ чиселъ іюня. За нею наступаютъ другое время и другая жизнь. Медленно подвигающійся въ безоблачномъ небѣ огненный шаръ безпощадно пронизываетъ степь своими жгучими лучами; воздухъ не движенъ; испаренія болотъ стоятъ въ немъ молочнымъ туманомъ, пропитаннымъ запахомъ гнили. Камыши сохнутъ, трава блекнетъ. Все живое или безсильно томится или отчаянно бунтуетъ... Пѣшая саранча цѣлыми арміями направляется къ югу, къ хлѣбамъ ногайцевъ и сосѣднихъ кумыковъ, оставляя за собою одни обглоданные стебли камыша и травы. Комары летучими легіонами нападаютъ на бѣдныхъ животныхъ и людей и отравляютъ имъ существованіе... Въ іюлѣ болота и частью озера до того пересыхаютъ, что бѣдному ногайцу часто не откуда воды напиться, или онъ пьетъ воду грязную и гнилую, насыщенную вдобавокъ солью.

Жизнь замираетъ... Отъ всей недавней роскоши остаются лишь тощая, высохшая трава, которой едва хватаетъ на прокормъ немногочисленныхъ ногайскихъ овецъ, тысячи змѣй и прочихъ гадовъ, покрывающихъ потрескавшуюся землю милліонами норъ, да комары, наполняющіе воздухъ своимъ назойливымъ жужжаніемъ. Если въ этотъ періодъ времени, продолжающійся до октября, хоть изрѣдка не перепадаютъ дожди, то жизнь въ степи становится невыносимой. Скотъ худѣетъ, люди — даже всевыносящіе ногайцы — начинаютъ болѣть и впадаютъ въ апатію. Не дай вамъ Богъ, читатель, попасть въ Ногайскую степь въ такую пору! — Съ наступленіемъ осени степь опять оживаетъ, благодаря дождямъ, прибыли воды отъ переполненія ею горныхъ рѣчекъ и ослабленію солнечной жары. Вновь появляется трава, опять слышатся концерты птицъ. Скотъ и люди поправляются, набираясь новыхъ силъ для борьбы съ предстоящею зимою. Осенью степь живетъ дѣятельнѣй и героемъ этой дѣятельности является ея царь—ногаецъ. Осенью ногаецъ заготовляетъ *кизякъ* *) для топлива, чинитъ кибитку, перекочевываетъ съ лѣтней стоянки на зимнюю, исправляетъ камышевый загонъ для зимняго пребыванія рогатаго скота и овецъ, одно продаетъ, другое покупаетъ. Осенью-же степь наполняется *барантою* **), пригоняемою сюда на зиму съ Тавлинскихъ горъ, такъ-какъ здѣсь значительно теплѣе, притомъ мелкій скотъ охотно питается зимою сухою травою степи, пропитанною солью. Въ декабрѣ, иногда въ январѣ, наступаетъ зима, хотя и не продолжительная, но часто суровая, сопровождающаяся силь-

*) Высушенный на солнцѣ скотскій пометъ.

**) Мѣстное названіе стадъ овецъ и козъ.

ными, холодными вѣтрами; бываетъ и снѣгъ, лежащій обыкновенно не долго. У обитателей степи въ эту пору года дѣла не много и они скорѣе прозябаютъ, чѣмъ живутъ. Ногаецъ день проводитъ у огня, разложеннаго посреди кибитки, лѣниво совершая *намазы* и обогрѣвая себя плохонькимъ калмыцкимъ чаемъ, а на ночь зарывается отъ холода въ невообразимую массу домашняго хлама.

II.

Экономическія условія быта и образъ жизни костековскихъ и аксаевскихъ ногайцевъ.

Хотя ногайцы побережья Аграханскаго залива дѣлятся на двѣ большія группы—аксаевскую, кочующую у береговъ Терека, и костековскую, занимающую приморскую низменность, но въ экономическомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, эти группы весьма мало различаются между собою, а потому объ нихъ умѣстно говорить, какъ объ одномъ обществѣ. Въ этомъ обществѣ въ настоящее время *) считается до 1,300 семействъ, образующихся изъ 3,200 душъ мужского и 2,984 женскаго пола. Изъ приведеннаго числа семействъ около 950 семействъ помѣщаются въ своихъ національныхъ кибиткахъ, представляющихъ всѣ удобства для перекочевыванія съ мѣста на мѣсто и вообще соотвѣтствующихъ образу жизни и привычкамъ степняка. Остальныя семейства живутъ въ домахъ, или—точнѣе говоря—въ жалкомъ подобіи кумыцкихъ саклей. Эти подобія постоянныхъ жилищъ—плодъ цивилизаторскихъ усилій нашихъ мѣстныхъ ад-

*) Въ 1885 году.

министраторовъ, но, къ сожалѣнью, плодъ не вполнѣ зрѣлый. Въ постоянное жилище ногаецъ вошелъ со всѣми своими замашками и привычками степняка, т. е. съ своей безпечностью насчетъ самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни и съ своею колоссальною нечистоплотностью. Въ саклѣ у него грязно, сыро и невыносимое зловоніе; вся движимость въ ней, отъ деревянной кровати до послѣдней тряпки, до невозможности загажена и биткомъ набита паразитами; вокругъ жилища масса нечистотъ. Ногаецъ, живущій въ кибиткѣ, такъ-же, разумѣется, безпеченъ и нечистоплотенъ, какъ и его собратъ—обладатель постояннаго жилища, но его кибитка цѣлое лѣто провѣтривается, что избавляетъ его отъ сырости и удушливаго воздуха; затѣмъ съ кибиткою этою ему ничего не стоитъ бросить занавоженное мѣсто и переселиться на другое, чистое, что онъ и дѣлаетъ, по крайней-мѣрѣ, разъ въ году. Словомъ осѣдлый ногаецъ находится въ неизмѣримо худшихъ условіяхъ жизни, чѣмъ ногаецъ кибитки, и если онъ отличается отъ послѣдняго блѣдностью и одутловатостью лица, чрезмѣрнымъ слабосиліемъ и апатіею, то, несомнѣнно, вслѣдствіе своего мнимаго культурнаго роста, выразившагося въ замѣнѣ войлочнаго жилища жилищемъ изъ грязи.

Настоящее кибиточное ногайское селеніе называется ***купъ*** (напоминаетъ славянское „купно“). Купъ состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ кибитокъ, расположенныхъ одна отъ другой на разстояніи отъ версты до двухъ. Въ каждой группѣ насчитывается отъ 40 до 60 кибитокъ, поставленныхъ такимъ образомъ: половина кибитокъ занимаетъ окружность круга, настолько обширнаго, чтобы внутри его могъ помѣститься весь скотъ группы или юрта, а другая половина, со-

стоящая изъ кибитокъ меньшаго размѣра, размѣщается за первою, внутри круга. Большія кибитки служатъ кунацкими, т. е. пріемными для гостей, а также помѣщеніемъ для старшихъ въ семействахъ; въ меньшей кибиткѣ сбито въ кучу все семейство ногайца и въ ней-же помѣщается весь домашній скарбъ, не исключая и запасовъ продовольствія. Если и кунацкая съ кроватью, поставленною въ противоположной сторонѣ отъ дверей (почетное мѣсто), съ разостланными на полу, у стѣнъ кибитки, грязными камышевыми циновками, съ сундуками, мѣшками съ шерстью или мукою, съ десяткомъ грязныхъ войлоковъ, имѣетъ неприглядный видъ, то кибитка для семейства являетъ собою нѣчто совсѣмъ невообразимое. Чтобы представить себѣ прелести этой кибитки, достаточно вспомнить, что въ ней зачастую одновременно помѣщаются и неоправившаяся послѣ родовъ женщина съ своимъ новорожденнымъ, и какой-нибудь другой больной членъ семьи, и только что родившійся теленокъ, и двое-трое хозяйскихъ ребятъ, и старая хозяйка дома со своимъ трехногимъ очагомъ, съ котлами, кувшинами, тазами, со всѣми молочными продуктами, тутъ-же подвергаемыми соотвѣтствующей переработкѣ. Подлѣ второй кибитки устроенъ загонъ для крупнаго и мелкаго скота, гдѣ скотъ проводитъ всѣ ночи, отдѣленный отъ жилища своего владѣльца только тонкою стѣнкою кибитки, т. е. почти неотдѣленный вовсе. Площадка въ срединѣ круга служитъ для сгона лошадей; на ней-же ногайская молодежь собирается иногда для своихъ незатѣйливыхъ развлеченій. Если возможно, ногайцы выбираютъ для своихъ юртовъ возвышенныя мѣста и въ особенности любятъ располагаться около кургановъ *(тюбе)*, безсознательно, кажется, повторяя

старину, когда курганы имѣли для нихъ значеніе наблюдательныхъ постовъ.

Сосѣди нашихъ ногайцевъ—*кара-ногайцы* (черные ногайцы), отличающіеся отъ первыхъ многими особенностями, никогда подолгу не остаются съ своими кибитками на одномъ мѣстѣ. У нихъ, что ни мѣсяцъ, то новое переселеніе, и совершаютъ они его чрезвычайно быстро и безшумно. Еще вчера на фонѣ темноголубого неба отчетливо вырисовывались конусообразныя крыши кибитокъ кара-ногайскаго юрта, а сегодня отъ юрта и слѣдовъ не осталось. За одну короткую лѣтнюю ночь онъ успѣлъ откочевать верстъ за десять и за одинъ день окончательно устроился на новомъ мѣстѣ. Костековскіе и аксаевскіе ногайцы подвижностью не отличаются и въ теченіе года перемѣняютъ мѣсто иногда разъ, но вообще не болѣе двухъ разъ: осенью, когда они придвигаются къ своимъ зимовникамъ (камышевые крытые дворы для скота), и весною, когда кучи навоза и зараженный воздухъ зимняго юрта, а больше недостатокъ корма для скота вблизи юрта, заставляютъ ихъ отходить отъ зимовника на нѣсколько верстъ. Впрочемъ, у нашихъ ногайцевъ такъ мало земли, что если-бы они и захотѣли перекочевывать чаще, то имъ пришлось-бы кружиться на однихъ и тѣхъ-же, вытоптанныхъ скотомъ, мѣстахъ.

Малоземелье вынуждаетъ до 450 семействъ нашихъ кибиточныхъ ногайцевъ вѣчно скитаться внѣ района своей родной степи. Главная масса отсутствующихъ семействъ кочуетъ въ *Оракъ-кумъ*—степи, разстилающейся сѣвернѣе Новаго Терека и принадлежащей казакамъ-собственникамъ и частью казачьимъ станицамъ; затѣмъ, нѣкоторая часть ихъ живетъ ху-

торами на земляхъ кумыцкихъ помѣщиковъ; напр., у помѣщика Аджаматова ими населены два хутора, на землѣ кн. Хамзаевыхъ находится третій хуторъ. Постоянное отсутствіе цѣлой трети коренныхъ обитателей ногайской территоріи обусловливаетъ для остальныхъ двухъ третей лучшія, разумѣется, условія существованія, но все-таки это существованіе весьма и весьма неудовлетворительно.

Ногайцы, какъ извѣстно, не земледѣльцы, а кочующіе номады, все экономическое благополучіе которыхъ держится на скотоводствѣ. Наши костековскіе и аксаевскіе ногайцы занимаются, однако, и хлѣбопашествомъ, но эта несвойственная имъ дѣятельность поставлена у нихъ весьма плохо. На населеніе въ 850 семействъ они высѣваютъ въ годъ около 250 *чуваловъ* *) пшеницы и до 150 чуваловъ проса, снимая этихъ хлѣбовъ: пшеницы до 1,400 чуваловъ и проса до 750 чуваловъ въ годъ. По раскладкѣ на количество семействъ снимаемаго хлѣба приходится на одну семью: пшеницы 1 чувалъ $7^3/_4$ пуда и проса 9 пудовъ, а всего 2 чувала $4^3/_4$ пуда. Между тѣмъ на продовольствіе средней семьи въ пять душъ (по количеству дворовъ и душъ въ ногайскомъ обществѣ приходится именно около пяти душъ на семью) въ теченіе года необходимо, по-крайней-мѣрѣ, $7^1/_2$ чуваловъ зерна; слѣдовательно, у ногайцевъ собственнаго хлѣба не хватаетъ въ годъ: на семью 5 чуваловъ $1^1/_4$ пуда, а на все общество 4,338 чуваловъ 6 пудовъ.

Отмѣтимъ, что ногайцы понятія не имѣютъ о другихъ отрасляхъ земледѣльческаго труда, напр., объ огородничествѣ, садоводствѣ, и перейдемъ затѣмъ къ ихъ спеціальности—скотоводству.

*) *Чувалъ* заключаетъ въ себѣ три *сабы*, а въ сабѣ считается 4 пуда.

Говоря о пастушескомъ народѣ, невольно представляешь себѣ большіе табуны лошадей и рогатаго скота и десятки, сотни стадъ мелкаго скота, въ которыхъ особи считаются не сотнями и тысячами, а десятками и сотнями тысячъ. Если вы съ этимъ представленіемъ подойдете къ нашимъ ногайцамъ, то испытаете горькое разочарованіе. По имѣющимся у насъ подъ рукой свѣдѣніямъ *), въ концѣ прошлаго **) года у нашихъ ногайцевъ было всего скота: лошадей 415 головъ, рогатаго (быковъ и коровъ) 4,299 головъ и мелкаго 16,600 головъ. Разложенныя на 850—число живущихъ на своихъ мѣстахъ ногайскихъ семействъ,—приведенныя цифры даютъ на каждое семейство: лошадей 0,48 или менѣе половины лошади, рогатаго скота 5,05 и мелкаго 19,5! Скромность этихъ цифръ говоритъ сама за себя.

Итакъ костековскіе и аксаевскіе ногайцы хлѣба своего не имѣютъ и скота у нихъ немного; затѣмъ какими-либо ремеслами, торговлею и промыслами, кромѣ скотоводства, они не занимаются,—какъ-же и чѣмъ они существуютъ, ухитряясь при этомъ еще уплачивать подати и повинности?

Въ отвѣтъ на этотъ, въ настоящемъ случаѣ весьма замысловатый вопросъ мы приведемъ здѣсь данныя о среднемъ годовомъ приходѣ и расходѣ всего ногайскаго общества, надѣясь, что онѣ окажутся краснорѣчивѣе всякихъ общихъ разсужденій.

Хотя скотоводство у ногайцевъ далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, однако отъ продажи приплода рогатаго и мелкаго скота они все-таки выру-

*) Свѣдѣнія эти имѣлись въ Хасавъ-Юртовскомъ Окружномъ Управленіи.

**) 1885 году.

чаютъ отъ него до 17,000 рублей въ годъ, и это составляетъ первую статью доходовъ общества.

Второю крупною доходною статьею являются заработки на сторонѣ. Ежегодно, съ наступленіемъ времени полевыхъ и садовыхъ работъ, человѣкъ 700—750 ногайцевъ оставляютъ свою степь и расходятся по окрестнымъ мѣстамъ. Одни изъ нихъ идутъ въ Кизляръ и въ надтеречныя станицы—работать въ садахъ, другіе направляются въ кумыцкія селенія и берутся здѣсь на полевыя работы. Такъ какъ работники они весьма плохіе (самое выдающееся качество ногайца-работника—покорность), то цѣна на ихъ трудъ стоитъ низкая, копеекъ 30—40 и рѣдко 50 въ день. Тѣмъ не менѣе, проработавъ на сторонѣ мѣсяца четыре, ногаецъ возвращается домой съ заработкомъ рублей въ 20—25, который приносится или деньгами или хлѣбомъ. Полагая заработокъ среднимъ числомъ въ $22^1/_2$ рубля на человѣка и опредѣляя число отлучающихся на работы цифрою 750, получимъ вторую статью дохода въ суммѣ 16,875 рублей.

Далѣе идутъ слѣдующія доходныя статьи.

Отъ продажи овечьей шерсти выручается въ годъ до 3,000 рублей.

Отъ продажи кожъ крупнаго и мелкаго скота получается рублей 400.

Сѣна продается въ Кизляръ до 1,000 возовъ, по цѣнѣ 2 рубля возъ, слѣдовательно, на 2,000 рублей.

За отдаваемые тавлинцамъ для зимней пастьбы овецъ свободные степные участки получается арендной платы до 1,500 руб.

Наконецъ, молочныхъ продуктовъ, собственно овечьяго сыру (коровьяго масла ногайцы не продаютъ, потому что приготовляютъ его въ ничтожномъ коли-

чествѣ и сами расходуютъ съ калмыцкимъ чаемъ), а также домашней птицы и яицъ продаютъ на кизлярскомъ и аксаевскомъ базарахъ рублей на 400.

Итого по всѣмъ статьямъ прихода ногайцы получаютъ въ годъ сумму около 41,200 рублей.

Обратимся теперь къ расходамъ общества.

Государственной подати оно платитъ въ годъ по три рубля съ дыма или семьи, а это по числу 850-ти дворовъ (семейства, живущія внѣ района своего земельнаго надѣла, платятъ подать сами за себя) составляетъ расходъ въ 2,550 рублей.

Земскихъ и общественныхъ податей и повинностей каждый дымъ платитъ около 1 рубля, а всѣ вмѣстѣ 850 рублей.

Какъ сказано выше, ногайцы для своего продовольствія должны прикупать на сторонѣ хлѣба въ количествѣ 4,338 чуваловъ 6 пудовъ. Это количество можетъ быть еще уменьшено чуваловъ на 375, падающихъ на долю тѣхъ 750 человѣкъ, которые четыре лѣтнихъ мѣсяца проводятъ внѣ дома, и въ такомъ случаѣ покупаемаго хлѣба окажется 3,963 чувала 6 пудовъ. Ногайцы уже не думаютъ о пшеницѣ, а покупаютъ для хлѣба просо, чувалъ котораго по средней цѣнѣ стоитъ 4 руб. 50 коп.; однако, продовольствуясь даже просяными лепешками, они должны расходовать въ годъ на пріобрѣтеніе хлѣба не менѣе 17,836 рублей.

Столь-же насущною потребностью, какъ хлѣбъ, является для ногайца калмыцкій чай, замѣняющій для него все: и всякаго рода супы, и обыкновенный чай, и водку, и даже теплое помѣщеніе и теплую одежду. Какъ ни бѣденъ иной ногаецъ, онъ обойдется безъ мяса, безъ нужнаго количества хлѣба, но чай ему

необходимъ и потому онъ все-же израсходуетъ на него въ годъ рублей 25—30; ногаецъ-же посостоятельнѣе употребляетъ чаю не менѣе, чѣмъ на 50 р. въ годъ. Полагая на 850 семействъ относительно состоятельныхъ семействъ только 100, получимъ на эту сотню семействъ расходъ на чай въ суммѣ 5,000 р., затѣмъ остальныя 750 семействъ израсходуютъ на тотъ-же предметъ (750 × 25) 18,750 руб.; слѣдовательно, расходъ на калмыцкій чай для всего общества выразится суммою 23,750 рублей.

Далѣе идетъ расходъ на соль, не менѣе 2-хъ р. на семейство, составляющій сумму 1,700 рублей.

Затѣмъ на покупку предметовъ одежды, кое-какихъ орудій для работъ и разныхъ домашнихъ принадлежностей необходимо положить по крайней мѣрѣ рублей по 8 на семью въ годъ; это на все общество составитъ расходъ въ суммѣ 6,800 рублей.

Такимъ образомъ, на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей ногайскому обществу необходимо израсходовать въ годъ 53,486 рублей.

Сличеніе приведенныхъ итоговъ приходовъ и расходовъ занимающаго насъ общества приводитъ къ выводу почти нелѣпому: оказывается, что ногайцы, чтобы только не умереть съ голоду и не ходить голыми, должны ежегодно затрачивать больше, чѣмъ имѣютъ, на 12,300 рублей на все общество, а на каждый дымъ по 14 руб. 47 коп.

Считаю умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Приведенныя выше свѣдѣнія взяты изъ лучшаго источника, какой только имѣется въ настоящее время; однако, я не рѣшусь утверждать, что источникъ этотъ, какъ и большая часть нашихъ источниковъ статистическихъ данныхъ относительно эконо-

мической жизни народа, безусловно достовѣренъ. Очень можетъ быть, что ногайцы за продаваемый скотъ выручаютъ одною или двумя тысячами рублей больше или меньше, или шерсти продаютъ въ годъ не на три, а на четыре тысячи и проч. Можетъ быть, слѣдовательно, и то, что дефицитъ въ ихъ бюджетѣ составляетъ не 12, а 10, 8 и даже 6 тысячъ рублей. Во всякомъ случаѣ, истина въ томъ, что дефицитъ существуетъ, несмотря на кажущуюся абсурдность такого явленія *).

---

*) Приведенныя данныя относятся къ 1885 году.

А вотъ нѣкоторыя данныя за 1893 годъ. Семействъ въ Костековскомъ и Аксаевскомъ обществахъ за этотъ годъ оказывается уже не 1.300, а только 1.191, т. е. менѣе на 109. Съ уменьшеніемъ числа семействъ уменьшилось и количество душъ въ обществахъ: душъ мужескаго пола, вмѣсто прежнихъ 3.200, теперь 2.945—менѣе на 255, душъ женскаго пола, вмѣсто 2.984, только 2.519—менѣе на 465. Достойно вниманія, что уменьшеніе количества душъ идетъ еще быстрѣе уменьшенія числа семействъ. Согласно даннымъ 1885 года, по числу 109 дворовъ или семействъ убыль въ количествѣ душъ обоего пола должна была выразиться числомъ 518 д., между тѣмъ въ дѣйствительности убыло душъ обоего пола 720, т. е. за протекшій періодъ времени и остальныя семейства уменьшились въ своемъ составѣ.

Изъ приведеннаго числа семействъ въ 1893 году помѣщалось въ кибиткахъ 930 (вмѣсто прежнихъ 950) и въ сакляхъ кумыцкаго типа 261 семейство (вмѣсто прежнихъ 350 семействъ).

Скота у ногайцевъ обоихъ обществъ въ 1893 году было: лошадей 740 — противъ 1885 г. на 345 головъ больше, остального-же крупнаго и мелкаго (быковъ, коровъ, овецъ и козъ) всего 7.647 головъ—неизмѣримо менѣе, чѣмъ въ 1885 году, когда быковъ и коровъ было 4.299 головъ, а овецъ и козъ—16,600 головъ.

Достаточно сдѣлать простое сопоставленіе данныхъ о количествѣ скота за 1885 и 1893 года, чтобы придти къ заключенію, что благосостояніе ногайцевъ падаетъ съ чудовищною быстротой. Увеличеніе числа лошадей, почти не нужныхъ ногайцамъ въ ихъ хозяйствѣ, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ почти такое-же значеніе, какъ увеличеніе потребленія водки въ крестьянской средѣ внутреннихъ губерній. Оба явленія—результатъ потери почвы подъ ногами, результатъ сознанія своей безпомощности передъ неотвратимымъ рокомъ. Лошадь для ногайца не орудіе производства, а орудіе бѣгства отъ своей нищеты: на ней онъ слоняется по окрестнымъ юртамъ и кумыцкимъ ауламъ съ единственною мыслію, подобно голод-

Но гдѣ-же нашимъ ногайцамъ взять 12 или даже 6 тысячъ рублей въ годъ? Какихъ-либо запасныхъ капиталовъ они не имѣютъ, кредитомъ также никакимъ и нигдѣ не пользуются. Дѣйствительно, взять денегъ имъ негдѣ и нашимъ несчастнымъ паріямъ остается одно: покрывать дефицитъ въ своемъ бюджетѣ уменьшеніемъ удовлетворенія своихъ потребностей до крайняго minimum'a. Такъ, на одежду и другія мелочныя потребности ухитряются расходовать 4—5 рублей въ годъ на семью, вмѣсто положенныхъ нами 8 рублей. Многія семейства пріобрѣтаютъ хлѣба не $7^1/_2$ чуваловъ, а только 7 и $6^1/_2$ и при этомъ чувала 3—4 покупаютъ, а остальное количество хлѣба выпрашиваютъ или выработываютъ въ зимнее время у сосѣднихъ кумыковъ. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ года ѣздятъ въ гости къ своимъ кунакамъ-кумыкамъ и къ своимъ родственникамъ, живущимъ въ Оракъ-

---

ному волку, поживиться хоть обглоданною костью, а хозяйство его тѣмъ временемъ все падаетъ и падаетъ. И вотъ за какихъ нибудь 8 — 9 лѣтъ количество производительнаго, необходимаго въ хозяйствѣ скота съ цифры почти 21.000 опускается въ обществахъ до цифры 7.647!

На уменьшеніе благосостоянія ногайцевъ за послѣднее время не могли не оказать своего вліянія еще два фактора: увеличеніе земскихъ и мірскихъ повинностей съ 1 рубля, падавшаго на семью въ 1885 году, до двухъ рублей, приходившихся на нее въ 1893 году, и обложеніе ногайцевъ, какъ мусульманъ Кавказскаго края, особымъ денежнымъ сборомъ, взамѣнъ отбыванія воинской повинности натурою, въ размѣрѣ 62 копеекъ съ семейства (дымъ).

Въ одномъ отношеніи судьба сжалилась надъ ногайцемъ и тѣмъ отдалила моментъ его полной матеріальной несостоятельности. Говорю о баснословномъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, въ особенности на просо, которымъ ногаецъ, какъ сказано выше, питается по преимуществу. Въ 1885 году чувалъ проса стоилъ 4 р. 50 к., въ 1893 году онъ продавался 2 р. 25 к. и 2 р. 50 к. Это уменьшеніе цѣны почти вдвое дало ногайцу возможность вдвое дешевле продовольствовать себя и свое семейство, а для обоихъ обществъ выразилось сбереженіемъ въ расходахъ въ суммѣ 7—8 тысячъ ежегодно.

(Позднѣйшее примѣчаніе).

кумѣ, и этимъ способомъ дѣлаютъ экономію на хлѣбѣ и на чаѣ. Въ критическія минуты продаютъ крупную и мелкую скотину—не приплодъ, а матокъ, разрушая такимъ образомъ основу своего матеріальнаго благосостоянія.

Таковы экономическія условія быта аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ. Понятно, что образъ жизни этихъ ногайцевъ находится въ тѣсной связи съ приведенными условіями. Ногаецъ плохо ѣстъ, плохо одѣвается и живетъ въ плохомъ, ободранномъ жилищѣ. Просяная лепешка съ двумя-тремя чашками сквернаго калмыцкаго чая да кусокъ овечьяго сыра—вотъ его пища, изрѣдка только сдабриваемая кускомъ баранины или мяса прирѣзанной передъ моментомъ издыханія рогатой скотины. Одежду его составляютъ: плохонькая пародія на кавказскую черкеску, чаще всего безъ гозырей и перехваченная по таліи веревочкой, заношенное и истрепанное исподнее бѣлье, папашка изъ домашней овчины и сафьянные сапожки безъ подошвъ. Оружіе у нашего тихаго сына степей всегда старенькое, заржавленное, зазубренное и вообще никуда негодное. Объ убранствѣ его жилища мы уже говорили, а здѣсь добавимъ только, что бѣдность и неряшливость помѣщенія ногайца возбуждаютъ чувство брезгливости не только въ русскихъ, но и въ живущихъ по сосѣдству съ ногайцами кавказскихъ горцахъ.

Дурно питаясь, мало работая, ногаецъ не чувствуетъ также охоты къ живымъ развлеченіямъ. Пѣсни, игры, танцы среди ногайцевъ — большая рѣдкость. Всякаго рода развлеченіямъ предпочитается апатичное сидѣнье вокругъ дымящагося кизяка и сонливое пересказываніе другъ другу разныхъ пустя-

ковъ. Такой образъ жизни не можетъ не оказывать весьма вреднаго вліянія на здоровье—и ногаецъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ малосиленъ и худосоченъ.

Болѣзненность между ногайцами весьма значительна, а смертность чаще всего преобладаетъ надъ рождаемостью. Такъ въ 1883 году родилось 112, а умерло 160 душъ; въ 1884 году родилось 143, а умерло 180 душъ... *).

Если при такомъ положеніи дѣла костековскіе и аксаевскіе ногайцы до сихъ поръ не вымерли, то лишь благодаря тому, что самое это положеніе создалось въ относительно недавнее время. По свидѣтельству самихъ ногайцевъ, а также сосѣдей ихъ — кумыковъ, экономическія условія ногайскаго общества еще 25—30 лѣтъ тому назадъ были неизмѣримо лучше теперешнихъ. Въ то время въ пользованіи общества находились обширныя земли кумыцкихъ помѣщиковъ, отдававшіяся въ аренду за незначительную оброчную плату. Располагая лишнею землею, ногайцы выпасывали на ней большое количество мелкаго и крупнаго скота, не исключая и лошадей. Обиліе скота обусловливало собою крупныя денежныя выгоды, независимо отъ обладанія избыткомъ мяса, сала и молочныхъ продуктовъ для собственнаго употребленія. Ногаецъ, несмотря на свою апатію и лѣнь, относительно благоденствовалъ. Разсказываютъ, что онъ любилъ тогда погарцовать на сытомъ *аргамакѣ*, задавалъ пиры и не прочь былъ пощеголять своимъ гостепріимствомъ. Но около поры покоренія Восточнаго Кавказа все это благополучіе стало быстро уходить изъ рукъ нашего степняка. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того

*) За 1893 г. на 147 смертныхъ случаевъ приходится 99 рожденій.

какъ прекращалась одна борьба, борьба съ пушечною пальбою между русскимъ воиномъ и кавказскимъ горцемъ, этотъ послѣдній, т. е. горецъ, вступилъ въ другую борьбу, борьбу культурную съ жалкими остатками древней кипчакской орды. Чеченецъ направился изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ на кумыцкую плоскость и захватилъ южную, самую плодородную часть ея. Кумыкъ придвинулся съ своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ къ востоку и началъ бросать хлѣбное зерно тамъ, гдѣ прежде слышалось одно ржанье коней. Одновременно съ тѣмъ въ горцѣ мало-по-малу окрѣпло сознаніе важности и плодотворности сельскаго хозяйства и потому онъ съ каждымъ годомъ сталъ занимать своими запашками все большія пространства земли, а на свободные отъ запашекъ участки сталъ выгонять своихъ собственныхъ овецъ и лошадей. Словомъ, въ культурной борьбѣ ногаецъ, какъ болѣе слабая сторона, оказался совершенно побѣжденнымъ. Энергическіе сосѣди исподоволь втиснули его въ предѣлы узкой береговой полосы и теперь онъ, жалкій, ободранный и полуголодный, вертится въ ней, какъ бѣлка въ колесѣ.

Изъ всего только-что разсказаннаго видно, что въ дѣлѣ обѣднѣнія ногайцевъ участвовали два фактора: неблагопріятныя внѣшнія условія и отсутствіе въ самихъ ногайцахъ предпріимчивости и энергіи, необходимыхъ для борьбы съ ними. Факторы эти существуютъ и теперь, а потому трудно предсказывать занимающей насъ отрасли ногайскаго племени болѣе или менѣе отрадную будущность.

III.

Наружность и нравственныя и умственныя качества аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ.

Ногаецъ по преимуществу средняго роста, сухощавъ, нѣсколько сутуловатъ; грудь плоская, нерѣдко впалая, оконечности рукъ и ногъ, какъ у человѣка физически слабаго и непривычнаго къ мускульному труду, малы и нѣжны. Лицо ногайца плоское, съ одутловатыми щеками, маленькимъ, приплюснутымъ носомъ, низкимъ лбомъ, небольшими карыми или черными глазами, большимъ ртомъ и широкими скулами; волосы на головѣ черные, на бородѣ и усахъ жидкіе, неопредѣленнаго темно-сѣраго или каштановаго цвѣта, бакъ почти нѣтъ, цвѣтъ кожи блѣдно-желтый. Таковъ общій типъ, отъ котораго существуютъ значительныя отступленія, особенно между аксаевскими ногайцами. Среди послѣднихъ не рѣдкость, напр., лицо съ крупными и рѣзкими чертами, съ большимъ, хотя сплюснутымъ носомъ, обрамленное небольшою черною бородою и жидкими баками. Попадаются также фигуры приземистыя и расплывшіяся. Взглядъ ногайца кроткій, съ выраженіемъ наивнаго изумленія, подобный взгляду овцы, его неизмѣнной спутницы, голосъ у него тонкій, визгливый, какъ-разъ такой, въ какомъ нуждается трусливый сынъ степей и болотъ, ловко пользующійся имъ для произведенія тревоги въ случаѣ опасности для скликанія затерявшихся среди камышей товарищей, для переговоровъ съ отдаленныхъ одинъ отъ другого пунктовъ. На блѣдно-желтомъ лицѣ нашего степняка неизмѣнно сохраняется одно и то-же выра-

женіе—выраженіе тупого спокойствія, такъ похожее на томительно-однообразное спокойствіе степи въ знойную лѣтнюю пору, когда надъ выцвѣтшею и пожелтѣвшею равниною разстилается безоблачное небо и воздухъ недвиженъ. Можетъ быть тонкій наблюдатель въ тупо-спокойномъ лицѣ современнаго ногайца, потомка, какъ надо полагать, длиннаго ряда минувшихъ поколѣній, нашелъ-бы признаки разочарованной дряхлости, давно примирившейся съ мыслью, что „ничто не ново подъ луною"; но на обыкновенный взглядъ оно свидѣтельствуетъ только о неподвижности мысли и примиреніи съ судьбою.

Ногайская женщина похожа, конечно, на мужского представителя своего племени, но мелкія черты лица, кроткій взглядъ и тонкій нѣжный голосъ къ ней идутъ больше, чѣмъ къ мужчинѣ, поэтому она много выигрываетъ передъ первымъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками встрѣчаются даже красивыя *), если только онѣ не обезображены большими кольцами, вдѣтыми въ носъ.

Описанная наружность ногайца вполнѣ гармонируетъ съ его внутренними качествами. Онъ смиренъ и покоренъ. Съ нимъ нужно обойтись очень грубо, чтобы взволновать его, но и въ этомъ случаѣ онъ только краснѣетъ, не давая, насколько возможно, своему возмущенному чувству вылиться наружу. Предвидя опасность, ногаецъ спѣшитъ укрыться, при внезапномъ наскокѣ врага онъ теряется и бѣжитъ, не пробуя защищаться. Эта черта его характера отлично извѣстна сосѣдямъ ногайцевъ—кумыкамъ и чеченцамъ, ловко эксплоатирующимъ ее въ свою пользу. Бывали

*) Лицо красивой ногайской дѣвушки нѣсколько напоминаетъ лицо донской казачки, только въ немъ меньше мысли и жизни.

случаи, когда кумыцкій, а еще чаще чеченскій *джигитъ*, подобравъ себѣ двухъ-трехъ ловкихъ товарищей, внезапно заскакивалъ съ ними въ ногайскій табунъ и, на виду не только пастуховъ, но и цѣлаго ногайскаго юрта, выбиралъ и угонялъ изъ него лучшихъ коней. Но когда ногайцевъ много, а врагъ малочисленъ, или когда цѣлая толпа ихъ проникнется чувствомъ негодованія и злобы и у нихъ есть руководитель, тогда они способны ринуться на противника съ дерзостью отчаянія и крошить и мять все безъ разбора. Какъ у большинства трусливыхъ животныхъ, у ногайцевъ развиты инстинкты общественности, стадности, если хотите. Жители одного юрта живутъ, какъ одна семья, которая вмѣстѣ плачетъ по покойнику, вмѣстѣ веселится на общей юртовой площадкѣ, вмѣстѣ садится и снимается съ извѣстныхъ мѣстъ, какъ стая птицъ, и вмѣстѣ и единодушно защищается отъ врага. Въ юртѣ, что извѣстно одному, то становится достояніемъ всѣхъ. Первый тревожный лай собакъ съ какой-нибудь стороны юрта заставляетъ выскакивать изъ своихъ кибитокъ все населеніе съ мыслью о взаимопомощи и обоюдной защитѣ. Этотъ инстинктъ общественности или чувство взаимной солидарности, столь естественное въ людяхъ, живущихъ бокъ-о-бокъ въ войлочныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ кибиткахъ, въ душѣ ногайца, переплетается съ чувствомъ фамильной или родовой дисциплины, о которомъ будетъ сказано ниже, и затѣмъ съ навыкомъ къ подчиненію дисциплинѣ религіозной. Ногайцы, очевидно, не новички въ дѣлѣ мусульманской религіи, какъ многіе другіе кавказскіе народы. Если они, какъ надо думать, появились на материкѣ Европы и много раньше рожденія мусульманства, то адептами этой религіи

все-таки сдѣлались не позже водворенія въ приволжскихъ степяхъ татарско-монгольскаго царства, т. е. въ срединѣ XIII вѣка. Періодъ времени въ шесть вѣковъ съ лишнимъ былъ вполнѣ достаточенъ, чтобы вытѣснить изъ жизни ногайцевъ всѣ ихъ прежнія вѣрованія и обычаи и поставить на ихъ мѣсто требованія и обычаи ислама, превратившіеся для народа въ органическій законъ. Обладая инстинктомъ общественности и навыкомъ къ подчиненію требованіямъ религіи и оставаясь по природѣ смирными и апатичными, ногайцы именно поэтому во многихъ отношеніяхъ являются носителями весьма солидныхъ добродѣтелей. Убійствъ между ними почти не бываетъ; воровство, ссоры, драки—явленія весьма рѣдкія. Гостепріимство отличается полною искренностью и теплотою. Уваженіе къ старшимъ полное, а если этотъ старшій является въ ореолѣ *хаджи* (старикъ, ходившій на богомоленіе въ Мекку), то уваженіе переходитъ въ благоговѣніе. Между родителями и дѣтьми господствуетъ обыкновенно полное согласіе. Родители любятъ дѣтей, а дѣти платятъ имъ за это почтеніемъ и послушаніемъ. Женщины не рабыни, какъ у многихъ восточныхъ народовъ, а полноправные члены; жены даже совѣтницы своихъ мужей, хотя по общей молвѣ жена ногайца не особенно хлопочетъ о супружеской чести своего мужа и на защиту этой чести во многихъ случаяхъ является безстрастность ногайскихъ кавалеровъ. Но и на солнцѣ есть пятна, поэтому и въ ногайцѣ не все добродѣтели. Совѣстливости въ ногайцѣ весьма немного и поэтому пристыдить его чѣмъ-нибудь чрезвычайно мудрено; затѣмъ, онъ лживъ и изворотливъ и, какъ человѣкъ тупой, чрезвычайно упрямъ. Къ числу его несимпатичныхъ качествъ слѣдуетъ отне-

сти также и склонность его къ цинизму.

Въ умственномъ отношеніи ногаецъ стоитъ на весьма низкой ступени. Говоритъ онъ плохо и запутанно. Думать онъ, повидимому, совершенно неспособенъ и, когда требуется размышленіе, молчитъ и смотритъ передъ собою спокойно и безпечально, какъ человѣкъ, давно порѣшившій, что ему нечего утруждать свою голову, такъ какъ она все равно работать не будетъ. Это не только умственная слабость, но еще какая-то неподвижность мысли, замкнутость въ тѣсномъ кругѣ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, или — характеризуя тоже явленіе съ другой стороны—омертвѣлость способности познавать новое, полное отсутствіе любопытства. Ногаецъ, разумѣется, знаетъ очень мало. Онъ знаетъ обиходныя требованія своей религіи, знаетъ, что въ мірѣ существуетъ *шайтанъ*, не рѣдко издѣвающійся надъ человѣкомъ, знаетъ обычаи сватовства, похоронъ, гостепріимства, знаетъ, что передъ силою нужно преклоняться, знаетъ, какъ строить кибитку, какъ пасти и стричь барановъ и изъ шерсти валять грубыя полости. Вотъ на этихъ знаніяхъ онъ и застылъ и больше ничего не хочетъ знать. Ни небо, ни земля, внѣ ея служенія его первобытнымъ потребностямъ, ни другіе народы (кромѣ упоминаемыхъ въ его пѣсняхъ), ни другія условія жизни, — нисколько не останавливаютъ на себѣ его вниманія. Можетъ быть, тутъ таится даже нѣкотораго рода самомнѣніе, столь свойственное древнимъ народамъ, какъ китайцы, іудеи, персы и др. Дѣйствительно, если очень пристально всматриваться въ умственную физіономію ногайцевъ, то можно, къ крайнему изумленію, найти въ ней черты какого-то самодовольства, увѣренности, что народъ „въ предѣлѣ земномъ совер-

шилъ все земное", а чего не совершилъ, о томъ не стоитъ и хлопотать. Въ практической жизни приведенная особенность ногайцевъ сказывается въ упорномъ отстраненіи ими отъ себя всего чужого. Живя, напримѣръ, въ сосѣдствѣ кумыковъ, они кое-что имъ дали, но сами отъ нихъ почти ничего не позаимствовали, если не считать тѣхъ убогихъ саклей, о которыхъ говорено раньше, да нѣкоторыхъ усовершенствованій въ исполненіи земледѣльческаго труда, напримѣръ, въ отношеніи искусственнаго орошенія полей.

Вообще, полная моральная инертность—самая характерная особенность современныхъ намъ ногайцевъ и этимъ объясняется, почему въ семьѣ другихъ кавказскихъ племенъ они занимаютъ совершенно исключительное мѣсто. Со времени водворенія въ краѣ нашей власти интересы наши и этихъ другихъ племенъ переплелись между собою тысячью нравственныхъ и матеріальныхъ нитей. Осетинъ, кумыкъ, кабардинецъ, чеченецъ торгуютъ съ нами, состоятъ на нашей службѣ, учатся въ нашихъ школахъ, заимствуютъ отъ насъ новыя отрасли дѣятельности, куначатся съ нами, во многомъ подражаютъ намъ и проч. и проч. Благодаря этому, хоть не быстро, но они подвигаются впередъ. Ногайцы вполнѣ изолировались отъ нашего вліянія. За десятки лѣтъ обоюднаго сожительства съ нами они не подвинулись впередъ на іоту, оставаясь среди живыхъ народовъ окоченѣвшимъ трупомъ—и, правда, трудно сказать, есть-ли сила въ мірѣ, способная оживить этотъ трупъ...

IV.

Соціальное устройство ногайскаго общества и нѣкоторыя соображенія о происхожденіи и прежнемъ мѣстѣ жительства аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ.

Общественное устройство костековскихъ и аксаевскихъ ногайцевъ зиждется на началахъ родовыхъ или фамильныхъ. Каждое изъ этихъ обществъ состоитъ изъ нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ родовъ, внутри которыхъ господствуетъ принципъ патріархальности, сохранившійся во всей первобытной чистотѣ. Кромѣ старшаго всѣ другіе члены рода—равноправные братья, этотъ-же старшій—родовой начальникъ. Не имѣя при настоящихъ внѣшнихъ условіяхъ народной жизни (подчиненность другой народности) никакой матеріальной власти, родовой начальникъ тѣмъ не менѣе морально вполнѣ властвуетъ надъ умомъ и волею всѣхъ своихъ младшихъ родственниковъ. Впрочемъ, если родъ великъ и многочисленъ, власть эта принадлежитъ не одному, а коллегіи старшихъ, рѣшеніямъ которой повинуются безусловно. Съ своей стороны, старшіе или старики, проникнутые сознаніемъ общности интересовъ или, быть можетъ, находясь подъ вліяніемъ наслѣдственнаго инстинкта, при рѣшеніи родовыхъ вопросовъ не преслѣдуютъ своекорыстныхъ цѣлей, а дѣйствуютъ въ интересахъ всѣхъ: отсюда отсутствіе между ними разладовъ и окончаніе дѣлъ съ общаго согласія. Внѣ фамиліи или рода начинается уже простое сожительство или сосѣдство различныхъ группъ одного племени. Раздѣленія на сословія не существуетъ, но всѣ фамиліи равноправны и незави-

симы одна отъ другой. Есть, правда, фамиліи, члены которыхъ склонны гордиться передъ другими превосходствомъ своего рожденія, но источникомъ гордости служитъ убѣжденіе въ древности своего фамильнаго дерева или сознаніе многочисленности фамиліи—и только; поползновенія-же на властительство надъ другими не существуетъ. Однако рѣзко обозначается то, что отдѣльныя фамиліи племени, живя теперь при однихъ и тѣхъ-же экономическихъ и политическихъ условіяхъ, въ значительной степени чужды другъ другу. По возможности, фамиліи группируются въ обособленные юрты; въ ихъ стремленіяхъ и цѣляхъ нерѣдко проявляется полный антагонизмъ. Между представителями разныхъ фамилій не замѣчается большой тождественности ни въ наружномъ обликѣ, ни въ особенности въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, хотя, разумѣется, печать обособленной народности лежитъ на всѣхъ. При этомъ каждая фамилія имѣетъ свои особыя историческія преданія, связанныя съ фамильными прозвищами и фамильными эмболическими знаками, весьма сходными по значенію своемъ съ гербами у европейскихъ народовъ. Эти эмболическіе знаки, употребляемые въ домашнемъ обиходѣ для таврированія лошадей и рогатаго скота, клейменія могильныхъ памятниковъ и обозначенія вообще принадлежности предмета той или другой фамиліи, носятъ тѣже названія, что и самыя фамиліи. Смотря на эти названія, какъ на источникъ, проливающій довольно яркій свѣтъ на прошлое описываемой нами народности, я попробую привести тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ извѣстны *).

*) Эмблематическіе знаки приводимыхъ здѣсь ногайскихъ фамилій смотри въ концѣ очерка (стр. 398—399).

Въ числѣ названій первое мѣсто по многочисленности семей, носящихъ его, принадлежитъ названію *Найманъ* или *Наймань*, развѣтвляющемуся на названія *Тараклы-Найманъ*, *Килышъ-Найманъ*, *Гелекъ-Нейманъ* и *Багала-Найманъ*; за нимъ идетъ названіе: *Кыпчакъ* и вѣтвь его *Курама-Кыпчакъ*; слѣдующія мѣста принадлежатъ названіямъ: *Канглы, Иргакъ-лы-Канглы* и *Канглы-Ай*, *Чи-джугутъ*, *Казанъ-кулакъ*, *Казанъ-уллу*, *Буюра-башъ* или *Уракъ*, *Алашъ*, *Эргенекъ*, *Чапханчи*, *Усунъ* или *Уйсюнъ*, *Ашъ-май-лы*, *Уйгуръ-тууръ*, *Чомишлу-Асъ*, *Дерт-уллу-асъ*, *Югаръ*, *Хасай-уллу*, *Баята*, *Мажаръ*, *Янглы-Байлы*, *Серкели*, *Койсу-лу*, *Тарту-уллу-асъ* и др.

Сами ногайцы о происхожденіи своихъ фамильныхъ названій многаго, конечно, не знаютъ, хотя считаютъ ихъ всѣ весьма древними. Между прочимъ, они утверждаютъ, что названіе *Хасай-уллу* носятъ потомки какого-то современника Мамая—Хасая или Хасана-Абуза; затѣмъ, по ихъ сказаніямъ, къ фамиліи, носящей названіе *Алашъ*, принадлежалъ самъ Мамай, а названіе *Буюра-Башъ* или *Уракъ* было дано потомкамъ племянника Мамая—Урака или Орака. Къ представителямъ фамиліи *Усунъ* или *Уйсюнъ* они относятъ также многія кумыцкія фамиліи, отдѣлившіяся отъ своихъ родичей въ давно минувшія времена.

За недостаточностью свѣдѣній, даваемыхъ намъ народною памятью ногайцевъ, обратимся для разъясненія вопроса о значеніи приведенныхъ названій къ имѣющимся у насъ историческимъ даннымъ.

Монахъ Іоакинфъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о народахъ, обитающихъ въ средней Азіи въ древнѣйшія времена, между прочимъ, говоритъ: „*найманъ*“ — монгольское племя, и нынѣ обитающее въ Средней-же Азіи, рядомъ съ *аймаками* и *аохань* (ч. I, стр. 7).

Онъ-же въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (ч. I, стр. 23, ч. III, стр. 5,100), пишетъ, что усунь (усунъ)— племя, о существованіи котораго въ средней Азіи въ качествѣ большого государства съ главнымъ городомъ Чигу китайцамъ было извѣстно за 176 лѣтъ до Р. Х.

Изъ всемірной исторіи мы знаемъ, что названіе ***кыпчакъ*** или ***капчакъ*** принадлежало народамъ, кочевавшимъ въ нынѣшнихъ Оренбургскихъ и Астраханскихъ степяхъ еще до прихода туда монголовъ *) и что эти народы были выходцами изъ Азіи.

Въ томъ-же источникѣ имѣются свѣдѣнія объ ***уйгурахъ***, какъ о народѣ тюркскаго племени, въ глубокой древности обитавшемъ на юго-западной границѣ Китая, на югъ отъ хребта Тянъ-Шань, въ нынѣшней Кашгаріи. Венгры или мадьяры (угры) считаются потомками этихъ уйгуровъ **).

Переходя къ русской исторіи, мы прежде всего встрѣчаемся въ ней съ указаніемъ, что славяне на южной и юго-восточной границѣ своей земли, въ самый моментъ выхода своего на историческую арену, встрѣтились съ какими-то ***печенѣгами*** и родственными имъ ***узами*** и ***торками*** ***). Кто-же такіе узы, если не усуны монаха Іоакинфа, перекочевавшіе въ теченіе вѣковъ изъ Средней Азіи къ берегамъ Дона и Днѣпра? Названіе родственныхъ узамъ ***торковъ*** вполнѣ тождественно съ названіемъ ***торко*** или ***тарпо***, а тарко-ногайцы и теперь живутъ въ сосѣдствѣ съ нашими аксаевскими и костековскими ногайцами, на берегахъ

*) Всем. ист. Шлоссера, VII, 215.

**) Афганистанъ и сопредѣльныя страны Южакова, 1885 года, ст. 92—93.

***) Исторія Россіи Соловьева, I, 122.

Сулака, и по всей вѣроятности, положили собою основаніе образованію на западномъ берегу Каспійскаго моря цѣлаго государства, подъ именемъ шамхальства *Тарковскаго*. Затѣмъ, кто такіе печенѣги? А. Вельтманъ въ своей оригинальной монографіи: „Аттила и Русь IV и V вѣка“ *) говоритъ, что слово *печенѣги*, повидимому, образовалось изъ словъ *беязь* и *ноге* и означаетъ бѣлые или вольные ногаи, добавляя къ этому, что такъ называлась древняя азіятская казачья орда. Догадка эта страдаетъ натянутостью, хотя въ подтвержденіе правильности ея можно-бы, пожалуй, сослаться на существованіе кара-ногайцевъ или черныхъ ногайцевъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе Вельтмана имѣетъ въ моихъ глазахъ значеніе, потому что оно совпадаетъ съ моимъ мнѣніемъ. Только для объясненія слова *печенѣги* я не вижу надобности прибѣгать къ слову *беязь* (татары говорятъ не беязь, а бязь). Слово *печенѣги* гораздо проще объясняется словами: *печень* (сѣно, трава) и *ноге*, т. е. ногаи; печенѣги, слѣдовательно, означаетъ ногайцы травы или сѣна, т. е. ногайцы, живущіе въ мѣстахъ, обильныхъ травою или, можетъ быть, въ жилищахъ, сдѣланныхъ изъ травы. Интересно, что наши ногайцы, живущіе теперь въ кибиткахъ калмыцко-киргизскаго типа, сами утверждаютъ, что кибитки ими заимствованы отъ другихъ народовъ во времена Мамая, а что раньше они имѣли какія-то другія жилища. Принимая во вниманіе умственную ограниченность ногайцевъ, нельзя сомнѣваться, что этими жилищами были просто шалаши, обложенные и покрытые травою и камышомъ. Такимъ образомъ, можно предположить,

*) Атт. и Русь IV и V вѣка, А. Вельтмана, Москва, 1858, ст. 148, пр. 3.

что слово *печенѣги* тождественно съ словомъ ногаи и образовалось по тому-же типу, по которому образовались славянскія названія—древляне, поляне и пр.

Возвратимся къ нашей исторіи. Вслѣдъ за печенѣгами врагами юной Руси все съ той-же Кипчакской стороны называются *половцы*, причемъ дѣлается указаніе, что слово *половцы*— передѣлка слова *капчакъ* *). Съ появленіемъ половцевъ со страницъ исторіи какъ-то безслѣдно пропадаетъ имя печенѣговъ, но имя *узовъ* остается и рядомъ съ нимъ появляется имя *кумановъ*, столь созвучное съ именемъ *найманов*. Куда-же дѣвались печенѣги? Нѣкоторая часть ихъ, какъ извѣстно, поселилась на тогдашней границѣ Россіи, а остальные слились, вѣроятно, съ половцами, а можетъ быть, что еще вѣроятнѣе, ни съ кѣмъ и не сливались, а остались тѣми-же *печень-ноге*, начавшими только именоваться другимъ изъ своихъ фамильныхъ прозвищъ. Иначе и объяснить трудно, съ одной стороны, внезапное и безслѣдное изчезновеніе *печенѣговъ* **), а съ другой—то обстоятельство, что жившіе совмѣстно съ печенѣгами у днѣпровскихъ пороговъ *узы* и *торки* и послѣ того остаются мирно сожительствовать съ *кипчакцами*, *найманами*, а также (что представляется въ высшей степени вѣроятнымъ) *алашцами*, *серкелинцами* ***) и другими ногайскими фамиліями, родовыя прозвища которыхъ укрылись отъ глазъ исторіи за видовымъ именемъ *кыпчакъ*.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія, сначала изъ-

*) Исторія Россіи Соловьева, I, прим. 40.

**) Они, казалось-бы, могли откочевать на Кавказъ. Но внимательное изученіе вопроса о народахъ, обитающихъ на Кавказскомъ перешейкѣ съ древнѣйшихъ временъ, приводитъ къ убѣжденію, что въ числѣ этихъ народовъ печенѣговъ не было (См. истор. Грузіи кн. Баратова, тетр. 1-я).

***) Припомнимъ *Серкель*, древнюю крѣпость или городъ на Дону.

за Кавказа, съ юга, потомъ съ востока, изъ-за Урала, появляются татары—монголы и овладѣваютъ всѣмъ юго-востокомъ Европы до устьевъ Днѣпра. Имя половцевъ, этихъ „холопей и конюховъ татаръ", какъ послѣдніе сами говорили объ нихъ *), выдавая такимъ образомъ свое кровное родство съ ними, въ свою очередь исчезаетъ со страницъ исторіи. Но проходитъ какихъ-нибудь сорокъ съ небольшимъ лѣтъ послѣ второго вторженія татаръ въ Европу, и на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде, до 1240 года, жили половцы, появляется независимая отъ волжской Золотой орды—орда Ногайская. Въ нашей исторіи появленіе Ногайской орды связывается съ именемъ хана Ногая, изъ рода Джучи, сына Чингисъ-хана **). Однако, мы не знаемъ орды съ именемъ Чингизова или Батыева или Беркеева, поэтому позволительно предположить, что не ханъ Ногай далъ свое имя ордѣ, но по Ногайской ордѣ и ханъ ея названъ въ нашихъ лѣтописяхъ Ногаемъ, такъ какъ собственное его имя не было извѣстно. Но изъ кого же именно могла составиться у береговъ Чернаго моря Ногайская орда, если не изъ прежнихъ обитателей тѣхъ мѣстъ, т. е. кипчакцевъ, узовъ, кумановъ, торковъ? Объ истребленіи монголами названныхъ обитателей намъ ничего неизвѣстно, да это и невѣроятно, въ виду проявленной ими покорности предъ властью грозныхъ завоевателей. Что они переселились куда-нибудь, спасаясь отъ монгольскаго ига—свѣдѣній не имѣется. При томъ при ихъ пастушескомъ образѣ жизни имъ и некуда было укрыться отъ монголовъ, захватившихъ въ свои руки пастбища Европы и Азіи. Наконецъ, нельзя забывать, что въ

*) Истор. Росс. Соловьева, 11, 420.
**) Ист. Россіи Соловьева, III, 171.

случаѣ истребленія или переселенія половцевъ (кипчакцевъ) край, орошаемый Днѣпромъ и Дономъ, довольно продолжительное время былъ бы пустъ и безлюденъ, такъ какъ Монгольская орда вначалѣ сосредоточилась на берегахъ Волги. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ея прихода мы находимъ у береговъ Чернаго и Азовскаго морей сильную орду, соперничающую даже съ Великою Золотою ордою. Остается, значитъ, согласиться, что Ногайское царство было царствомъ *узовъ*, *торковъ*, *кумановъ*, *кипчакцевъ* (они-же *печенѣги*, они-же *половцы*), въ концѣ XIII столѣтія сдѣлавшихся извѣстными въ исторіи подъ своимъ обще-народнымъ именемъ *ногай*.

Слѣдя далѣе за судьбой ногайскихъ племенъ, мы въ послѣдующіе вѣка сначала находимъ эти племена отброшенными къ западному берегу Азовскаго моря и къ Крыму, потомъ видимъ ихъ на пространствѣ между Дономъ, восточнымъ берегомъ Азовскаго моря и Кубанью. Потомъ... но здѣсь мы оставимъ писанную исторію, которая, къ слову сказать, не особенно внимательно относится къ нашимъ бѣднымъ потомкамъ старо-давнихъ противниковъ юной Россіи, и перейдемъ къ устнымъ преданіямъ аксаевскихъ и костековскихъ ногайцевъ. По этимъ преданіямъ, былъ нѣкогда очень умный и очень могущественный ногаецъ, именемъ Мамай (сынъ Мусы) — слава и гордость своего народа. Мамай, благодаря уму и ловкости, захватилъ въ свои руки золотой тронъ великихъ хановъ Золотой орды, потомковъ страшнаго Чингисъ-хана, и изъ стана своего на рѣкѣ *Эдиль* *) сталъ распространять свою власть во всѣ стороны. Какъ бѣльмо на глазу, стояли передъ нимъ незави-

*) Эдиль тоже, что Итиль—Волга.

симые отъ Золотой орды владѣнія крымскаго хана Батыръ-хана. Но не надѣясь захватить эти владѣнія силою или просто подчиняясь свойству своего ума, онъ рѣшился дѣйствовать хитростью. Взявъ племянника своего Орака, прозвищемъ *Делли* *), онъ отправился съ нимъ въ Крымъ къ Батыръ-хану—просить союза и помощи въ войнѣ съ Московскимъ царемъ Юваномъ **). Не подозрѣвая хитрости, Батыръ-ханъ согласился вступить въ союзъ и послѣ отъѣзда Мамая немедленно выступилъ со своимъ войскомъ къ сторонѣ Волги, на соединеніе съ его войскомъ. Вмѣстѣ съ Батыръ-ханомъ въ походъ отправился и единственный братъ и наслѣдникъ его Паливанъ-Султанъ. Мамаю только того и нужно было. Извѣщенный о приближеніи хана, онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и затѣмъ уговорилъ его оставить войско и вмѣстѣ съ братомъ ѣхать къ нему въ шатеръ. Произошла пышная встрѣча и угощенье союзниковъ, а потомъ Мамай пригласилъ ихъ играть съ нимъ въ шахматы. Во время игры Мамай сдѣлалъ ходъ, имѣвшій значеніе условнаго знака, и тогда племянникъ его Оракъ, не раздумывая долго, однимъ ловкимъ ударомъ кинжала отрубилъ хану голову. За ханомъ той-же участи подвергся и Паливанъ-Султанъ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ соперниковъ, Мамай захватилъ Крымское ханство въ свои руки и тотчасъ приступилъ къ переселенію части населенія ханства въ малолюдныя тогда степи у подошвы Кавказскихъ горъ. Въ число переселенцевъ попали и наши ногайцы, которые пер-

*) *Делли*—отчаянно-храбрый, бѣшенный.

**) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ Іоаннѣ II Іоанновичѣ, великомъ князѣ Московскомъ, въ годъ кончины котораго (1359) въ Золотой ордѣ выдвинулся на сцену темникъ Мамай, правившій еще тогда именемъ хана Абдуллы.

воначально перекочевали со своими стадами на плоскость нынѣшней Чечни, причемъ глава племени или орды—*Бора-ханъ* основалъ свой юртъ на рѣкѣ Сунжѣ, вблизи впаденія ея въ Терекъ *). Мѣсто это, благодатное въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ, оказалось однако для ногайцевъ весьма непривѣтнымъ въ другомъ отношеніи. Съ запада ихъ тѣснили воинственныя племена черкесовъ; съ юга, какъ коршуны, налетали на нихъ буйные чеченцы **). Это вынудило ихъ двинуться далѣе на востокъ и, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, сѣсть, наконецъ, тамъ, откуда идти было некуда, т. е. на полосѣ земли, за которой уже начинается Каспійское море.

Такимъ образомъ, основываясь на приведенномъ преданіи, мы вправѣ полагать, что ногайцы, по краней мѣрѣ, аксаевскіе, костековскіе и таркинскіе—суть жалкіе остатки печенѣговъ или половцевъ, узовъ, торковъ, кумановъ. Это они, т. е. предки ихъ, появились на югѣ Россіи, у предѣловъ Кіевскаго княжества, во времена сыновей Ярослава Мудраго; именно ихъ били наши предки при каждомъ столкновеніи съ дикимъ врагомъ въ открытомъ полѣ, притупляя свои мечи „о поганыя головы половецкія“. Но ихъ было много, а Русь только-что зарождалась. Вотъ почему мы видимъ, что русскіе князья заключаютъ съ ними дружественные союзы, чествуютъ ихъ князьковъ Кончаковъ и Бодяковъ, женятся на дочеряхъ этихъ

*) Это нынѣшній чеченскій аулъ Бораганъ или Брагуны.

**) У чеченцевъ тоже сохранилось преданіе о столкновеніи ихъ съ ногайцами, лѣтъ 500 тому назадъ, въ предѣлахъ нынѣшней Малой Чечни. Ногайцы, по этому преданію, въ большой массѣ встрѣтились съ чеченцами въ широкомъ ложѣ рѣки Аргуна. Произошло побоище, въ которомъ трусливые кипчакцы, естественно, понесли страшное пораженіе. (Чечня и чеченцы Берже, Тифлисъ, 1860 г.).

князьковъ, отводятъ своимъ дикимъ сосѣдямъ земли для осѣдлаго поселенія и, вообще, не только тѣшатся охотою на „половчанина“, но и способствуютъ рассовому смѣшенію его съ населеніемъ Руси...

Что наши ногайцы не потомки монголовъ-татаръ, создавшихъ въ степяхъ Волги въ XIII столѣтіи грозное монгольское царство, можно доказать многимъ. Распространяться на этотъ счетъ въ настоящемъ очеркѣ не совсѣмъ умѣстно, поэтому мы ограничимся указаніемъ только на два важныхъ обстоятельства. Прежде всего монголы, при появленіи ихъ на исторической аренѣ, вовсе не были первобытнымъ народомъ. По оставшимся намъ отъ того времени свидѣтельствамъ, они имѣли чуть не образцовую военную и политическую организацію и отличались большимъ политическимъ тактомъ и смысломъ. У нихъ были свои письмена *), свое уложеніе законовъ *(ясса)*, они занимались ремеслами, торговлею; умѣли устраивать себѣ роскошную обстановку **) и не чужды были занятій искусствами, чему доказательствомъ служатъ нѣсколько замѣчательныхъ поэмъ, сохранившихся въ ногайскомъ народѣ. Это одно. Затѣмъ, объ отчаянной храбрости монголовъ-татаръ было-бы излишне распространяться. Не даромъ-же этотъ народъ въ короткій періодъ жизни одного человѣка, какъ Чингисъ-ханъ, сумѣлъ заставить трепетать передъ собою чуть не двѣ трети Стараго Свѣта. Какъ хотите, но не возможно придумать такія условія, такую историческую судьбу для народа, при которой онъ въ те-

*) Современные намъ ногайцы пишутъ только по арабски, какъ и большинство кавказскихъ племенъ.

**) За справками отсылаемъ къ Шлоссеру (В. И. т. VII), Соловьеву (Ист. Рос. т. III) и къ кн. Баратову (Ист. Грузіи, тет. V).

ченіе четырехъ—пяти столѣтій безслѣдно утратилъ-бы свою воинственность и отвагу и при этомъ еще съ довольно значительной культурной высоты спустился-бы до первобытныхъ формъ жизни младенческихъ обществъ. Между тѣмъ ногайцы со времени процвѣтанія Монгольской орды и не подвергались никакимъ особеннымъ случайностямъ судьбы. Гдѣ они поселились при Мамаѣ или при Тохтамышѣ, тамъ живутъ и теперь. Какого-либо сильнаго нравственнаго давленія чуждой народности они не испытали. Что-же касается сосѣдства ихъ съ воинственными кавказскими горцами, то послѣдствіемъ этого могло быть только усиленіе храбрости и отваги, если-бы онѣ были прежде, а никакъ не полное исчезновеніе ихъ.

Но если ногаи и не потомки монголовъ-татаръ, то они, во всякомъ случаѣ, родственны имъ. Предки тѣхъ и другихъ одни и тѣ-же — первобытные обитатели Средней Азіи, которыхъ перечисляетъ въ своемъ сочиненіи монахъ Іоакинфъ. Увѣриться въ этомъ чрезвычайно легко, хотя-бы сличеніемъ примѣтъ монгола, записанныхъ путешественникомъ временъ величія Золотой орды, итальянцемъ Миноритомъ-Іоанномъ Плано-Корпини *), съ примѣтами современнаго намъ ногайца. Только нашъ половчанинъ (кипчаковецъ) пришелъ на равнину юго-восточной Европы, надо полагать, еще въ древнѣйшія времена, да такъ и застылъ здѣсь въ первоначальныхъ формахъ своего быта. Отвагою, вѣроятно, онъ не отличался и прежде (здѣсь умѣстно припомнить замѣчаніе нашего историка Соловьева, что „печенѣги *ни разу* не дали побѣды князьямъ (русскимъ)“, нанимавшимъ ихъ **); тотъ-же

*) Истор. Рос. Соловьева, III. 179.

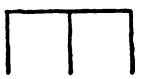
**) Ист. Рос. Соловьева, I. 250.

историкъ, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, весьма нелестно отзывается и о храбрости половцевъ; но если она и была у этого народа, то въ такой незначительной степени, что ее не трудно было растерять, пробираясь со своими стадами на пространствѣ времени чрезъ такія станы, какъ готскій, гунскій, хазарскій, славянскій, турецкій, монгольскій, черкесскій и въ заключеніе калмыцкій.

Итакъ, исторія ногайцевъ побережья Аграханскаго залива, независимо своего значенія, какъ исторія своеобразнаго человѣческаго общества, какъ исторія одного изъ племенъ, населяющихъ нынѣ Кавказскій перешеекъ, имѣетъ еще для насъ высокій интересъ и въ томъ отношеніи, что ею открывается одинъ изъ факторовъ, вліявшихъ на историческія судьбы коренной Россіи. Сверхъ того она даетъ намъ также указаніе на элементы, изъ смѣшенія которыхъ между собою и съ элементомъ славянскимъ образовались природа, наклонности и бытовой строй южнаго и юго-восточнаго населенія Европейской Россіи.

Приложеніе.

Эмблематическіе знаки ногайскихъ фамилій (тавры).

Тараклы-Найманъ.
(Найманы гребня).

Килышъ-Найманъ.
(Найманы сабли).

Гелекъ-Найманъ.
(Найманы кущи).

Багала-Найманъ.
(Столбовой Найманъ).

Кыпчакъ.
(Кипчакцы).

Курама-кыпчакъ.
(Сборные кипчакцы).

Канлы.
(Собств. имя).

Иракъ-лы-канлы.
(Канглы багра).

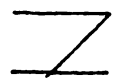
Канлы-ай.
(Канглы луны).

Чи-джугутъ.
(Кровные евреи).

Казанъ-кулакъ.
(Дужка котла).

Казанъ-уллу.
(Котловые).

Буюра-башъ они-жеУракъ.
(Курчаво-головые).

Алашъ.
(Собств. имя).

Эргенекъ.
(Имѣющіе тавромъ плетень).

Чапханчи.
(Рубящіе холоднымъ оружіемъ).

Уйсюнъ (Усунъ).
(Собствен. имя племени).

Аиз-май-лы.
(Не ѣвшіе).

Уйгуръ-Тууръ.
(Собств. имя).

Чомишлу-асъ.
(Тавро-разливательной ложки).

Деръ-гуллу-асъ.
(?).

Юларъ.
(Собств. имя).

Хасай-уллу.
(Фамилія-Хасая).

Баята.
(Собствен. имя).

Мажаръ.
(Собствен. имя).

Янлы-Байлы.
(Вновь разбогатѣвшіе).

Серкели.
(Покрытые гнидами).

Койсу-лу.
(?).

Тарту-уллу-асъ.
(?).

Примѣчаніе. По пѣснямъ ногайцевъ, всѣхъ тавровъ или знаковъ фамилій сорокъ, а такъ какъ въ настоящей таблицѣ ихъ приведено только двадцать девять, то, слѣдовательно, не достаетъ еще одиннадцати.

ЖИЗНЬ НОГАЙСКАГО ЮРТА.

(Эскизъ).

Трудно представить себѣ жизнь, болѣе скучную и монотонную, чѣмъ жизнь ногайскаго юрта. Днемъ жители юрта, не занятые пастьбою барановъ и рогатаго скота, сидятъ въ своихъ кибиткахъ, не только ничего не дѣлая, но и ни о чемъ не думая. Зимою сидѣнье происходитъ вокругъ тлѣющей посреди кибитки кучки *кизяка* и все вниманіе сидящихъ сосредоточивается на томъ, чтобы горѣніе кизяка не прекращалось. Лѣтомъ сидятъ подлѣ кибитки у дверей ея и механически отмахиваются руками или какою нибудь грязною тряпкою отъ комаровъ и мошекъ, тупо прислушиваясь къ ихъ однообразному жужжанію. Около полудня ногаецъ встаетъ, лѣниво и молча беретъ кувшинъ съ грязною водою, обмываетъ себѣ руки и ноги и становится на молитву. Пошептавъ про себя молитвы въ теченіи десяти-пятнадцати минутъ, онъ снова садится на землю и отъ нечего дѣлать цѣлые полчаса возится съ надѣваніемъ на босую ногу своихъ сафьянныхъ сапожковъ. Есть у него, конечно, кое-какая несложная работишка по хозяйству, но она вся справляется женщиною безъ участія мужчины. Женщина—ногайка далеко не такъ апатична, какъ мужчина. Ходитъ она живѣе, гово-

ритъ больше, громче и скорѣе мужчины; нѣжно-визгливый голосъ ея поминутно раздается то въ кибиткѣ, то въ овчарникѣ, то около грязной лужи, изъ которой она наполняетъ кувшинъ свой водою. А если отъ хозяйственныхъ хлопотъ у нея остался досугъ, она займется изготовленіемъ войлоковъ для кибитки. Вонъ на юртовой площадкѣ ихъ собралась цѣлая компанія, усѣвшаяся въ кружокъ. Въ срединѣ кружка виднѣется какой-то свѣтло-сѣрый комъ шерсти, который по очереди наклоняется къ каждой изъ нихъ и каждою отталкивается въ противоположную сторону, къ своей vis-à-vis. Такъ они валяютъ войлокъ, щебеча въ то-же время, какъ птицы въ стаѣ.

Вонъ къ одной изъ кибитокъ юрта подъѣхалъ всадникъ. Всадникъ въ изодранной черкескѣ и старенькой папашкѣ и сидитъ онъ на низко-рослой темно-сѣрой лошади съ раздутыми боками и толстыми, покрытыми длинною шерстью ногами. Вся сбруя на лошади—сѣдло, стремена, уздечка — представляетъ собою смѣсь узловатыхъ веревокъ, клочьевъ шерсти и изодранной кожи. Заслышавъ топотъ лошади, хозяинъ кибитки вышелъ на встрѣчу гостю и, обмѣнявшись съ нимъ взаимными привѣтствіями, повелъ его въ свою кибитку. Въ тоже время въ другой кибиткѣ, гдѣ помѣщаются жена и дѣти хозяина, а также весь его домашній скарбъ, поднялась возня въ виду необходимости угостить кунака *хинкаломъ* *) и неизбѣжнымъ калмыцкимъ чаемъ. По случаю пріѣзда гостя сосѣди гостепріимца накинули на себя что ни попало—старые бешметишки, изодранныя черкески, кое-кто опоясался плохонькимъ кинжаломъ, нисколько не

*) Національное кушанье у ногайцевъ и кумыковъ; оно описывается дальше.

заботясь о красотѣ и опрятности туалета,—и одинъ по одному вошли въ его кибитку. Молодежь, по обычаю, расположилась по сторонамъ дверей кибитки и уставилась глазами на старшихъ. Старики усѣлись по сторонамъ гостя. Гость — ногаецъ-же и заѣхалъ онъ въ юртъ по тому случаю, что у него украли пару быковъ, которыхъ онъ теперь розыскиваетъ. Монотонно, хотя и скороговоркой, разсказалъ онъ компаніи о своемъ несчастіи, выразивъ увѣренность, что кража совершена извѣстными въ ногайскихъ степяхъ братьями Д.—кумыками, умѣющими пользоваться простоватостью своихъ сосѣдей. Въ заключеніе онъ со вздохомъ объявилъ, что везетъ ворамъ тридцать рублей, надѣясь умилостивить ихъ этой жертвой и получить отъ нихъ обратно своихъ быковъ *). Слушатели дружно одобрили намѣреніе разскащика, причемъ никому изъ нихъ не пришло въ голову что либо похожее на протестъ противъ нелѣпой покупки у вора собственнаго-же добра. Разговоръ истощился. Помолчали. Какъ разъ въ это время, словно для развлеченія компаніи, въ дверяхъ кибитки показался *хаджи*— придурковатый старичекъ, маленькаго роста, худенькій, съ морщинистымъ и голымъ, какъ у женщины лицомъ и съ красноватыми, бѣгающими, какъ у пойманнаго мышенка, дѣтски-лукавыми глазками. При входѣ хаджи всѣ встали и на его привѣтствіе „саламъ-алейкумъ“ почтительно и хоромъ отвѣтили „алейкумъ саламъ“, присовокупивъ еще пожеланія здоровья и благополучія. Хаджи усѣлся рядомъ съ гостемъ и началъ болтать разный вздоръ, щурясь и подмигивая своими мышиными глазками. Рѣчь его сводилась къ тому, что

*) Это написано въ 1884 г.; теперь, можетъ быть, положеніе дѣлъ измѣнилось.

въ кражѣ у гостя быковъ виноватъ не кто иной, какъ старшина *купа* *), къ которому принадлежитъ юртъ гостя и что слѣдуетъ этимъ воспользоваться для принесенія жалобы на старшину. Бѣдовый старичишка тутъ-же придумывалъ и различные планы дѣйствія, одинъ глупѣе другого. Но такъ какъ онъ *хаджи* и притомъ одинъ изъ старшихъ въ юртѣ, то его слушали съ благоговѣніемъ, хотя и знали причину его разглагольствованія: старику давно хотѣлось подставить ножку старшинѣ въ той надеждѣ, что на его мѣсто ему удастся посадить своего сына. Безконечная болтовня старика прервалась, наконецъ, суетней изъ-за закуски. Вытащили изъ угла кибитки низенькій круглый столъ и поставили его противъ гостей; ободранный молодой ногаецъ внесъ въ кибитку и поставилъ на стулъ большую деревянную чашку съ крупною лапшею, сваренною въ водѣ; въ самой срединѣ чашки виднѣлись куски курдючьяго сала, положенные кучкою. Около блюда были разложены небольшихъ размѣровъ просяныя лепешки. Хаджи, пошептавъ губами, дотронулся рукою до кончика подбородка въ знакъ окончанія молитвы и тою-же рукою взялъ изъ блюда кусокъ сала. Его примѣру послѣдовали другіе. Ѣли всѣ руками и съ помощью деревянныхъ спичекъ, которыми очень ловко вылавливали лапшу изъ чашки; ѣли, по обыкновенію, жадно, быстро, точно опасаясь, что кто-нибудь внезапно забѣжитъ и отниметъ чашку **). Но вотъ наступилъ и торжественный моментъ обѣда. Въ растворенную дверь

*) *Купъ* — нѣсколько юртовъ, соединенныхъ вмѣстѣ подъ управленіемъ одного старшины, это родъ волости.

**) Напротивъ того, чеченцы ѣдятъ намѣренно медленно, лѣниво, выказывая этимъ полное равнодушіе къ чувству голода и къ дѣлу утоленія его.

кибитки два ногайца внесли и поставили на полъ деревянную миску съ ручками, вмѣстимостью не менѣе двухъ ведеръ. Отъ миски до самаго верха кибитки поднялся бѣлый паръ и кругомъ распространился соблазнительный для ногайца ароматъ калмыцкаго чая. Хозяинъ усѣлся на корточкахъ около любимаго блюда, разставилъ подлѣ себя деревянные ковши съ ручками, стакановъ въ 5—6 каждый, и занялся наполненіемъ ихъ съ помощью деревяннаго-же половника. Молодые люди подхватывали наполненные ковши и обносили ими гостей, начиная со старшаго. Выпившему первый ковшъ наливался второй, а кое-кому было налито и по третьему. Калмыцкій чай—страсть ногайца. Когда ногаецъ въ гостяхъ и хозяинъ, угощая его драгоцѣннымъ напиткомъ, наливаетъ ему третій или четвертый ковшъ, онъ, махая въ воздухѣ руками, кричитъ: „ай, ай, ай!“, ничего не добавляя къ возгласу, а когда ковшъ налитъ, онъ покорно произноситъ: „ты уже налилъ“... и смиренно истребляетъ налитое. Нѣкоторое время въ кибиткѣ слышно было только одно громкое прихлебываніе; затѣмъ тамъ и сямъ послышались звуки отрыжки, а нашъ знакомецъ — хаджи раза три рыгнулъ и еще столько-же причмокнулъ губами.

Обѣдъ кончился. Гости вымыли руки и обтерли ихъ о голенища своихъ сафьянныхъ сапогъ. Кое-кто и во главѣ ихъ хаджи стали на послѣобѣденную молитву. Еще посидѣли, потомъ полежали... Пріѣзжій гость простился, наконецъ, съ хозяиномъ и потрусилъ на своей пузатой клячѣ. Послѣ него разошлись по своимъ кибиткамъ и всѣ другіе...

Вечерѣло. Баранта и рогатый скотъ уже пригнаны съ пастьбы и забраны въ загоны. Хозяйки передоили коровъ и козъ. Воздухъ юрта все болѣе и бо-

лѣе наполняется тяжелыми животными испареніями и звуками блеянья, мычанья и изрѣдка конскаго ржанья. Ногаянки замелькали по направленію къ ближайшей лужѣ, дрянной и вонючей лужѣ, съ огромными кувшинами для воды. Съ этой хозяйственною вознею скоро однако покончили. Сумерки сгустились. Тихо, если не считать общаго гудѣнія степи, да немолчнаго жужжанія комаровъ... И вотъ на краю горизонта, какъ-бы подталкиваемый кѣмъ-то, сталъ медленно подниматься вверхъ багровый шаръ луны неимовѣрныхъ размѣровъ. Тихо и степенно поднимаясь все выше и выше, онъ чрезъ полчаса или немного болѣе того уменьшился въ размѣрахъ, поблѣднѣлъ—и степь освѣтилась блѣдно-голубымъ свѣтомъ лунной ночи. Даже ногаецъ не могъ усидѣть въ эту пору въ своей душной кибиткѣ. Молодежь обоего пола не спѣшно высыпала на общую юртовую площадку; около нея постепенно образовалась группа людей старшаго возраста. Дѣвушки сбились въ одномъ углу площадки, вдали отъ кавалеровъ, и начали какую-то безцѣльную бѣготню. Кавалеры постояли на одномъ мѣстѣ, потомъ перешли на другое, на третье, словомъ толкались на площадкѣ, очевидно не зная, какъ и чѣмъ развлечься. Бѣдные ногайцы! Они даже не умѣютъ танцевать, т. е. не умѣютъ того, что мастерски исполняютъ какіе-нибудь дикари тихо-океанскихъ острововъ. Разъ я пристalъ къ нѣсколькимъ молодымъ ногайцамъ, чтобы они показали мнѣ свое искусство въ танцахъ. Молодежь долго отговаривалась, ссылаясь на неумѣнье, но наконецъ согласилась таки исполнить мою неотступную просьбу. Достали пастушескій рожокъ — и цвѣтъ ногайскаго юношества пустился исполнять лезгинку. Боже мой! Что это

были за- жалкія и смѣшныя кривлянья, выдававшіяся за чудесную кавказскую лезгинку. Смотря на танцующихъ, бывшіе со мною кумыки — недурные вообще танцоры—хохотали какъ сумасшедшіе...

Нѣтъ, танцы, какъ развлеченіе людей веселыхъ, бойкихъ, съ горячею кровью, ногайцамъ рѣшительно не по натурѣ. Съ большею охотою займутся они своимъ національнымъ удовольствіемъ: пробою силы, борьбою. Вотъ старые и молодые ногайцы составили большой кругъ. На средину круга вышли два молодыхъ человѣка: одинъ высокій верзила, худой, костлявый, съ торчащими къ верху плечами и съ длинными, какъ у обезьяны, руками, другой—средняго роста, пухлый и съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ. Противники сняли съ себя свои кинжалишки, тряхнули плечами и схватили другъ дружку руками за таліи. Началось долгое и однообразное балансированіе. Каждый изъ борцовъ съ разставленными врозь ногами, съ наклоненнымъ впередъ корпусомъ, давилъ противника внизъ, толкалъ его въ стороны, дѣлалъ попытки внезапно поднять его на воздухъ, все добиваясь, чтобы тотъ потерялъ равновѣсіе, либо ослабѣлъ отъ чрезмѣрной натуги и грохнулся о земь. Напрягая всѣ силы, оба противника, молча, передвигались то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ, пухлый ногаецъ упалъ. Верзила навалился на него, крѣпко придавилъ его къ землѣ и тотчасъ вскочилъ на ноги. Взглядъ его и осанка приняли торжествующее выраженіе. Изъ толпы вышелъ новый боецъ—среднихъ лѣтъ, широкоплечій, съ шустрыми манерами—и схватился съ побѣдителемъ. Черезъ двѣ—три минуты этотъ тоже лежалъ на землѣ. Побѣдитель рѣшительно преобразился: въ походкѣ появилась величавая медленность, глаза заблестѣли...

„Кто-же еще?—выходи!“ хвастливо произнесъ онъ, напоминая собою того великана—печенѣга, который въ давно прошедшія времена, при Владимірѣ-Красномъ солнышкѣ, также хвастливо расхаживалъ передъ станомъ русскихъ, вызывая на бой отважнаго славянина. Въ толпѣ послышались пререканія: „Ступай, ты.“—„Ну вотъ, ступай самъ!“ раздавались голоса то тутъ, то тамъ. Нѣкоторое время арена оставалась въ полномъ распоряженіи верзилы.—„Ну иди, иди!“ послышалось изъ одной группы, и вслѣдъ затѣмъ на площадку почти силою вытолкнули парня такого-же роста, какъ и побѣдитель, съ такими же плечами и руками, но сутуловатаго и съ сильно впавшею грудью. Противники сцѣпились. Долго слышно было только хрустѣніе костей, да тяжелое дыханіе борцовъ. Наконецъ, оба противника упали, но новый боецъ ухитрился очутиться на верху, спина же прежняго побѣдителя коснулась праха. Только мигъ—и сплошавшій боецъ уже столкнулъ съ себя противника, норовя налечь на него. Но поздно... побѣда у него вырвана изъ рукъ, слава, какъ у древняго печенѣга, „переята“. Толпа бросается къ борцамъ, расталкиваетъ ихъ и разводитъ въ разныя стороны, крѣпко держа обезславленнаго борца, который съ налитыми кровью глазами рвется къ противнику, готовый задушить его на мѣстѣ.

Борьба кончилась. Толпа опять молчитъ, не зная, что дѣлать и какъ занять пріѣзжаго гостя, чужеземца.

— Ну, такъ пойте же, друзья, ваши пѣсни, которыми, говорятъ, вы такъ богаты!

Послѣ недолгихъ отговорокъ согласились пѣть. Вышелъ молодой ногаецъ и сразу и быстро пустилъ струю словъ. Онъ не то пѣлъ, не то говорилъ, но чрезвычайно часто произносимыя имъ слова своимъ

сочетаніемъ производили пріятно-музыкальное впечатлѣніе, подобное впечатлѣнію отъ игры на цитрѣ. Конецъ монолога былъ произнесенъ, впрочемъ, медленно и на распѣвъ и въ напѣвѣ слышалась грусть. Закончивъ строфу, пѣвецъ тонкою фистулою издалъ громкій и протяжный окликъ, похожій на сигналъ степняка. Стоявшіе подлѣ него два—три ногайца отвѣтили ему такимъ-же окликомъ. — „И....и....и....а ....у“ — пронеслось въ воздухѣ и чувствовалось, что это старый — старый кличъ ногайцевъ, но не побѣдный, а кличъ безпокойства, тревоги... За первымъ монологомъ также былъ повторенъ другой за другимъ третій — и такъ до конца пѣсни. Только окликъ въ концѣ каждаго монолога или строфы измѣнялся: протяжный — замѣнялся короткимъ и рѣзкимъ, этотъ — опять протяжнымъ въ нѣсколько темповъ.

Пѣвецъ пѣлъ одну изъ многихъ ногайскихъ пѣсенокъ, носящихъ общее названіе „казакъ-иръ“, т. е. казачья пѣсня. Содержаніе ея было приблизительно такое: „хорошо имѣть плодородную жену и верблюда; хорошо, если жена родитъ пять сыновей; хорошо, если, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, положишь свое добро на верблюда, жена поведетъ верблюда, а сыновья пойдутъ спереди, сзади и съ боковъ; хорошо, если, встрѣтившись съ врагомъ, сыновья прогонятъ его. Ну, а если они, встрѣтивъ врага, не прогонятъ его, то.... эхъ!.... лучше бы имъ было не родиться совсѣмъ!“

Послѣ первой пѣсни тѣмъ-же напѣвомъ была пропѣта другая, а за нею третья. Содержаніе послѣднихъ двухъ пѣсенъ вертѣлось около ***казака***, который главнымъ образомъ хвастался своимъ аргамакомъ съ „терновыми глазами“ и не то жаловался на свою

участь—участь бродяги, вынужденнаго переплывать съ конемъ широкія рѣки и постоянно—гоняться „за богатствомъ“, не то гордился ею, потому что онъ былъ свободенъ, какъ аргамакъ въ степи. Вообще, сюжеты пѣсенъ, краски и уподобленія отличались невообразимою простотою и наивностью.

Перваго пѣвца смѣнили двое другихъ, ставшихъ другъ противъ друга. Одинъ изъ нихъ, какъ и прежній пѣвецъ, заговорилъ музыкальнымъ речитативомъ, то замедляя, то учащая рѣчь, и наговорившись, остановился. Тоже самое сдѣлалъ другой, потомъ очередь опять перешла къ первому и т. д. Пѣвцы чествовали русскаго гостя свободною импровизаціею, щеголяя другъ передъ другомъ подборомъ красивыхъ фразъ и риѳмующихъ словъ. Въ переводѣ импровизація выходила пріятною чепухою, проникнутою благодушнымъ дружелюбіемъ къ представителю господствующей народности.

Чтобы закончить вечеръ достойнымъ образомъ, ногайцы вызвали изъ своей кибитки извѣстнаго пѣвца, муллу, человѣка грамотнаго, съ довольно осмысленнымъ лицомъ, обрамленнымъ темно-каштановыми бородою и баками. Упрошенный другими, онъ пріятнымъ теноромъ тоскливо запѣлъ длинныя строфы, произнося первую половину ихъ громко и отчетливо, съ возвышеніемъ голоса на нѣкоторыхъ словахъ, а вторую тише и медленнѣе, и заканчивая каждую строфу pianissimo.

„Ты, мой Делли-Оракъ! Твой лукъ такъ натянутъ, что когда коснешься его, онъ издаетъ звонъ.

„Брошенная тобою стрѣла пронизываетъ землю, раздробляетъ камни...

„Такъ имѣй-же терпѣнье! Паливанъ-Султанъ и Ба-

*тырѣ-Ханъ *) уже въ нашемъ станѣ: погоди смущать ихъ....*

„Еще немного — и Крымъ со своими сорока таврами будетъ твоимъ.

. . . . . .

„Если разсердится мой Делли — онъ взмахиваетъ шашкой, если обратитъ врага въ бѣгство — онъ спѣшитъ загородить ему дорогу.

„Дорога моего Делли выше дороги бѣлаго лебедя, крикъ его ужаснѣе крика аждага **).

„Видѣлъ-ли ты, народъ, видѣлъ-ли Орака, подобнаго льву, — моего Делли, повалившаго на землю могущественныхъ хановъ ***)".

Такъ пѣлъ—грустилъ пѣвецъ, унесшись мыслью въ прошлое своего народа.

— Кто это Делли-Оракъ, старикъ? спросилъ пѣвца гость.

— Племянникъ Мамая.

— А самъ Мамай?

— Извѣстно, прежній ханъ ногайскій. Оракъ былъ очень храбрый.... началъ пѣвецъ и разсказалъ преданіе о его подвигахъ.

За разсказомъ послѣдовала опять пѣсня, за пѣснею разсказъ. Внимательно слушали старика братья его—ногайцы, еще съ большимъ вниманіемъ слушалъ его гость. Только мѣсяцъ, высоко стоявшій въ небѣ, и на пѣвца, и на обступившій его народъ, и на чернѣвшіяся кругомъ кибитки глядѣлъ холодно—равнодушно. И мудрено-ли: все, что происходило на юрто-

---

*) Крымскіе ханы.

**) Аждага—легендарный крылатый змѣй.

***) Приведенныя строфы взяты изъ ногайской эпопеи о Мамаѣ и его сподвижникахъ.

вой площадкѣ, а главное этотъ самый народъ съ его кибитками, съ его стадами (когда-то многочисленными, а теперь ничтожными), со всею его обстановкою (бывшею прежде богаче, но не изящнѣе, не чище)— онъ много-много вѣковъ назадъ видѣлъ на берегахъ Оксуса *), потомъ на Уралѣ, на Волгѣ, на Дону, на Днѣпрѣ и не со вчерашняго дня видитъ его въ степяхъ, стелющихся у подошвы величественнаго Кавказа.....

*) Аму-Дарья.

МУРЗА ЭДЫГЕ.

(Монгольская эпическая поэма, переведенная съ ногайскаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ногайцы, обитающіе на западномъ берегу Астраханскаго залива Каспійскаго моря, распѣваютъ въ настоящее время пѣсни, содержаніе которыхъ относится къ эпохѣ процвѣтанія въ юго-восточной Европѣ монгольскаго царства, носившаго громкое названіе „Золотой Орды". Пѣсни эти въ особенности богаты эпизодами изъ царствованія въ Ордѣ хана Тохтамыша, а также изъ періода властвованія въ ней предшественника Тохтамыша, „темника" (полководца-диктатора) Мамая, величаемаго въ нихъ также ханомъ. По формѣ и характеру своему, онѣ суть отрывки существовавшихъ когда-то (можетъ быть, существующихъ и теперь у прямыхъ потомковъ монголовъ, кочующихъ въ прикаспійскихъ степяхъ) большихъ эпическихъ поэмъ, представлявшихъ собою широкія картины жизни и судебъ монгольскаго царства и его властителей. Не имѣя цѣлыхъ поэмъ, ногайцы или, правильнѣе говоря, немногіе пѣвцы ихъ все-таки въ достаточной мѣрѣ знакомы съ содержаніемъ этихъ памятниковъ монгольскаго творчества и охотно сообщаютъ его любознательнымъ слушателямъ. Благодаря послѣдней особен-

ности ногайскихъ бардовъ, при желаніи оказывается возможнымъ ознакомиться, какъ съ отдѣльными отрывками той или другой поэмы, такъ и съ фабулою каждой изъ нихъ.

Въ 1880 и 1881 годахъ, живя среди прикаспійскихъ ногайцевъ, не мало лѣтнихъ вечеровъ провелъ я за слушаніемъ отрывковъ монгольскихъ поэмъ изъ устъ своихъ тихихъ и апатичныхъ хозяевъ. Пѣлись эти отрывки, разумѣется, по татарски и потомъ переводились для меня на русскій языкъ опытнымъ *толмачемъ*. При этомъ въ пѣсняхъ встрѣчалось довольно много темныхъ выраженій, которыя разъяснялись или самими пѣвцами или-же болѣе свѣдущими и сообразительными стариками изъ народа; однако въ нѣкоторыхъ, правда, немногихъ случаяхъ темныя мѣста такъ и остались не разъясненными или, если и получили разъясненіе, то неудовлетворительное и проблематичное.

Достаточно ознакомившись съ пѣснями - отрывками, я записалъ ихъ по-русски, отчасти со словъ пѣвцовъ, преимущественно-же пользуясь имѣющимися у ногайцевъ рукописными сборниками на татарскомъ языкѣ. Записанное кромѣ ногайцевъ прочитывалось мною также и образованнымъ кумыкамъ — представителямъ народа, издавна живущаго бокъ о бокъ съ ногайцами и говорящаго на одномъ языкѣ съ ними,— и по ихъ указаніямъ измѣнялось и исправлялось. Если, не смотря на это, нѣкоторыя мѣста пѣсенъ — отрывковъ изъ поэмы „Мурза Эдыге“ остаются въ моемъ переводѣ все-таки неясными, то вина тутъ падаетъ не столько на меня, сколько на условія, въ которыхъ исполнялась мною настоящая работа. Усердія и доброй воли достигнуть лучшихъ результатовъ было

у меня достаточно, но они встрѣтились съ непреодолимыми препятствіями въ видѣ, съ одной стороны, крайней искаженности текста пѣсенъ, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ устной передачѣ, а съ другой—полнѣйшей неспособности ногайцевъ, этихъ самодовольно-невѣжественныхъ сыновъ камышей и болотъ, сколько нибудь толково разъяснить искаженія.

Переходя къ вопросу о значеніи пѣсенъ, представляемыхъ мною въ весьма неудовлетворительномъ переводѣ и съ нѣкоторыми пропусками, считаю своимъ долгомъ высказать, что, по моему мнѣнію, значеніе онѣ имѣютъ и притомъ весьма крупное. Прежде всего пѣсни чрезвычайно богаты историческими фактами. Можно сказать даже, что онѣ — ничто иное, какъ исторія монголовъ, конечно, той эпохи, которой касаются, изложенная только въ стихотворной формѣ. Въ этомъ читатель убѣдится, впрочемъ, и самъ послѣ того, какъ сличитъ приводимыя пѣсни съ примѣчаніями, помѣщенными въ концѣ перевода. Потомъ, пѣсни мѣстами проникнуты истинною поэзіею. Пусть это—поэзія своеобразная, азіатско-монгольская или туранская, — тѣмъ не менѣе, какъ поэзія, она вполнѣ доступна пониманію и оцѣнкѣ всякаго эстетически-развитого человѣка. Полагаю, что однѣхъ приведенныхъ особенностей пѣсенъ, именно исторической достовѣрности и поэтичности ихъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы признать за ними право на извѣстное мѣсто въ ряду памятниковъ всемірной литературы. Однако, онѣ имѣютъ еще и другое, очень крупное и цѣнное значеніе—значеніе документа, таящаго въ себѣ непререкаемыя указанія на источникъ происхожденія этическихъ критеріевъ и основъ жизни значительной части туземныхъ племенъ, населяющихъ горы и до-

лины Кавказа. Дѣло въ томъ, что хотя событія, которымъ посвящены занимающія насъ пѣсни, происходили въ средѣ татаро-монголовъ, давно уже сошедшихъ съ исторической арены, и хотя время этихъ событій (конецъ XIV и начало XV вѣка) отдѣлено отъ насъ цѣлыми пятью столѣтіями, тѣмъ не менѣе внутреннее содержаніе пѣсенъ, ихъ духовная сущность отнюдь не анахронизмъ для нашего времени. Напротивъ того, все, чѣмъ характеризуются въ пѣсняхъ обычаи, вѣрованія, вкусы, пристрастія и антипатіи монгольскихъ героевъ, даже наклонности и страсти этихъ представителей грозной когда-то кипчакской орды,—все это, безъ всякихъ измѣненій и поправокъ, относится также, если не ко всѣмъ, то къ большинству современныхъ намъ мусульманскихъ народовъ Кавказа. Долгъ кровомщенія и у этихъ народовъ считается священнѣйшимъ долгомъ человѣка; и у этихъ народовъ высшимъ предметомъ гордости человѣка является происхожденіе его отъ болѣе сильныхъ или болѣе благочестивыхъ предковъ; и безмѣрная жестокость въ отношеніи къ врагу признается доблестью, достойною подражанія, и презрѣніе къ физическимъ страданіямъ входитъ въ понятіе о достоинствѣ личности, и хитрость пользуется неизмѣримо большимъ престижемъ, чѣмъ высокій умъ, и благочестіемъ считается точное соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, а знаніе и постоянное повтореніе корана и другихъ мусульманскихъ книгъ, соединенныя съ отрѣшеніемъ отъ всякихъ житейскихъ треволненій, даютъ право на званіе *шейха* (святого). Словомъ, читая эти пѣсни, мы знакомимся съ жизнію, нравами, возрѣніями и страстями не однихъ отошедшихъ въ вѣчность татаро-монголовъ, но также живущихъ подлѣ насъ

нашихъ соотечественниковъ: кумыковъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, ногайцевь и др.

Смѣю думать, что послѣ только что высказаннаго читатель не откажется присоединиться къ моему мнѣнію о крупномъ значеніи монгольскаго эпоса, составную часть котораго составляетъ поэма объ Эдыге или Тохтамышѣ.

Въ заключеніе добавлю, что переводъ или—лучше сказать—переложеніе пѣсенъ, сдѣланное мною съ помощью толмача и прозою, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо ниже своего оригинала. Отмѣчаю это въ тѣхъ видахъ, чтобы читатель зналъ, что подлинныя пѣсни, какъ произведенія замѣчательно поэтическія и мастерски обработанныя, вполнѣ заслуживаютъ вниманія къ себѣ не только любителя поэзіи, но и строгаго изслѣдователя умственнаго и нравственнаго достоянія минувшихъ историческихъ обществъ, прародителей обществъ существующихъ. Если-бы мой слабый трудъ оказался хотя чуть мерцающимъ маякомъ на пути къ полному раскрытію по всѣмъ признакамъ очень богатаго турано-монгольскаго эпоса, то я и въ этомъ нашелъ-бы для себя полное удовлетвореніе за употребленныя на него усилія.

Какъ сказано выше, сами ногайцы сопровождаютъ или предпосылаютъ пѣнію историческихъ своихъ пѣсенъ разсказы, которыми пѣсни и объясняются и связываются между собою. Соблюденіе этого порядка показалось мнѣ вполнѣ цѣлесообразнымъ, а потому и въ моемъ изложеніи разсказъ смѣняетъ пѣсню, а пѣсня—разсказъ, до самаго конца поэмы. Сверхъ того, текстъ пѣсенъ въ необходимыхъ случаяхъ снабженъ мною примѣчаніями, составляющими главнымъ образомъ результатъ сличенія его съ данными всемірной и русской исторіи.

ЧАСТЬ I.

Эдыге-Кубугулъ.

Разсказъ.

При дворѣ могущественнаго хана „Золотой Орды“ *Тохтамыша* [1]), страстнаго охотника, первое мѣсто занималъ ханскій кравчій, храбрый мурза Кутлу-кая, потомокъ многихъ знаменитыхъ мурзъ монгольскаго царства. Завѣдывая стаей дивныхъ охотничьихъ птицъ хана, Кутлу-кая обязанъ былъ въ особенности беречь, какъ зѣницу ока, ту драгоцѣнную пару охотничьихъ соколовъ, которою во всемъ свѣтѣ обладалъ лишь одинъ Тохтамышъ. И не соколовъ только долженъ былъ онъ беречь, но и ихъ яйца и птенцовъ, чтобы—Боже сохрани!—ихъ не похитилъ кто-нибудь и не сдѣлался чрезъ это вторымъ обладателемъ безцѣнныхъ птицъ. Но молва о чудныхъ соколахъ разнеслась далеко. Дошла она и до могущественнаго владыки Азіи, шаха *Темира* [2]), который рѣшилъ во чтобы то ни стало пріобрѣсти то, чѣмъ такъ гордился ханъ приволжской орды. Чтобы достигнуть своей цѣли, шахъ Темиръ сталъ подсылать къ Кутлу-кая своихъ вѣрныхъ людей съ богатыми подарками, склоняя мурзу подарить ему лишь два соколиныхъ яйца. Мурза долго не поддавался искушенію, но наконецъ не устоялъ (его шайтанъ попуталъ),—взявъ подарки, онъ послалъ шаху нѣсколько яицъ завѣтныхъ соколовъ. Кутлу-кая сдѣлалъ это совершенно секретно, но поступокъ его не ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ его исконнаго врага и соперника,

коварнаго мурзы Джаммая, который поспѣшилъ довести объ немъ до свѣдѣнія хана Тохтамыша. Могущественный повелитель Золотой Орды пришелъ въ ярость отъ измѣны своего кравчаго и приказалъ казнить вѣроломнаго слугу со всѣми членами его семейства, чтобы совершенно истребить ненавистный родъ. Вѣсть о грозномъ повелѣніи, быстро распространившись по ханству, дошла и до *эмчека* [3]) злополучнаго мурзы *Эсебія*, поразивъ его въ самое сердце. Вѣрный *эмчекъ* задумался надъ тѣмъ, какъ избавить знаменитый и славный родъ мурзы отъ окончательнаго истребленія, и наконецъ придумалъ, что ему нужно дѣлать. Дождавшись наступленія ночи, онъ вынулъ изъ колыбельки своего родного сына *Кубугула* и отправился съ нимъ въ юрту Кутлу-кая, гдѣ въ колыбелькѣ спалъ сынъ осужденнаго мурзы *Эдыге*. Въ юртѣ мурзы онъ подмѣнилъ одного ребенка другимъ, а затѣмъ, ни кѣмъ не замѣченный, вернулся домой и положилъ подмѣненнаго Эдыге въ свою колыбельку, на мѣсто своего родного сына Кубугула.

Приказъ хана о казни надъ родомъ Кутлу-кая былъ исполненъ, но Эдыге избѣгнулъ своей печальной участи, благодаря преданности эмчека Эсебія, пожертвовавшаго за него своимъ роднымъ сыномъ.

Неизвѣстно, гдѣ и какъ жилъ Эдыге послѣ достиженія имъ отроческаго возраста и ухода его изъ дома своего благодѣтеля. Извѣстно лишь, что, возмужавъ, онъ явился ко двору убійцы своего отца Хана Тохтамыша и подъ именемъ Кубугула поступилъ на службу къ хану, въ качествѣ его *саклау* [4]). Много было у хана Тохтамыша славныхъ и храбрыхъ мурзъ и *саклау*, но Кубугулъ скоро превзошелъ ихъ всѣхъ своими доблестными качествами: силою, мужествомъ

и краснорѣчіемъ. Ханъ замѣтилъ эти качества своего воина и сначала почтилъ его за нихъ ласкою и довѣріемъ; потомъ онъ отъ ласки и довѣрія перешелъ къ уваженію, а потомъ, невѣдомо для себя, сталъ оказывать своему воину глубокое почтеніе. Кубугулъ, какъ и другіе приближенные хана, являлся ежедневно къ своему повелителю привѣтствовать его съ наступленіемъ свѣтлаго дня. И вотъ, когда онъ входилъ въ юрту хана для произнесенія привѣтствія, Тохтамышъ невольно привставалъ со своего мѣста и на поклонъ воина отвѣчалъ поклономъ, чего онъ не дѣлалъ ни для кого изъ самыхъ знатныхъ своихъ вельможъ. Необычайное поведеніе хана относительно простого воина вызвало въ сердцахъ именитыхъ мурзъ и саклау зависть и злобу и подъ вліяніемъ этихъ чувствъ они рѣшились разъяснить причину образа дѣйствій своего владыки. Явившись къ женѣ Тохтамыша Дана-Бике они потребовали, что-бы она узнала отъ хана, за что онъ оказываетъ предпочтеніе передъ ними безвѣстному воину. Дана-Бике согласилась исполнить требованіе, но какъ только она сказала хану о Кубугулѣ, тотъ гнѣвно приказалъ ей замолчать, воскликнувъ, что никогда и никакого предпочтенія онъ не оказываетъ этому воину. Однако, Дана-Бике знала, что мурзы правы и что-бы вывести хана изъ заблужденія, рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости. Однажды, въ ожиданіи прихода Кубугула она, незамѣтно для Тохтамыша, приколола его платье къ подушкѣ, на которой онъ сидѣлъ. Когда вошелъ Кубугулъ и произнесъ обычное привѣтствіе, ханъ, отвѣчая на привѣтствіе, невольно приподнялся съ мѣста и при этомъ потянулъ за собою тяжелую подушку... Тутъ глаза у Тохтамыша открылись—и

онъ задумался надъ тѣмъ, кто-же такой Кубугулъ, какого онъ племени и рода и въ чемъ заключается тайна почтенія и страха, которые этотъ безвѣстный воинъ внушаетъ ему, могущественному владыкѣ народовъ, земель и морей.

Пѣсня.

Въ дни жизни и царствованія хана Тохтамыша и служенія при немъ тѣлохранителемъ Кубугула Тохтамышъ созвалъ къ себѣ всѣхъ князей и совѣтниковъ своихъ, усадилъ ихъ на высокомъ курганѣ и открылъ съ ними совѣтъ.

Обращаются ханъ къ ***Узунъ-Айдару*** [5]), сыну Конгурата: „Повѣдай намъ, о Узунъ-Айдаръ!—кто такой Кубугулъ и какого онъ рода?“ Отвѣчаетъ Узунъ-Айдаръ:—„***Эфенди***! [6]) Простите мнѣ: кто Кубугулъ и какого онъ рода—я не знаю“.

Обращаются ханъ къ ***Кара-Коджа***, изъ рода ***Арынъ***: „Кара-Коджа! повѣдай намъ ты, кто такой Кубугулъ?“ Отвѣчаетъ Кара-Коджа: „Я тоже прошу прощенія: связанный клятвою, я не властенъ открыть вамъ происхожденіе Кубугула!“ [7]).

Обращаются ханъ къ народу: „Ты, извѣстный своею храбростью народъ мой! Ты скажи намъ, какого рода и племени Кубугулъ!“ Отвѣчаютъ храбрые своему хану: „Эфенди! Мы не знаемъ собственнаго своего происхожденія, какъ-же намъ знать происхожденіе Кубугула?“ [8]).

Обращаются ханъ къ своему молочному брату Ярисиму: „Повѣдай тамъ ты, Ярисимъ: что знаешь о Кубугулѣ?..“

— Эфенди! Я и о себѣ ничего не знаю, что-же я могу знать о Кубугулѣ?“ [9]).

Обращаются ханъ къ пѣвцу Куба изъ рода ***Кыпчакъ*** [10]): „эй, Куба! Повѣдай намъ въ пѣснѣ о родѣ Кубугула!“ Куба упалъ на колѣни, лѣвую руку приложилъ къ сердцу, правую, сжавшую стаканъ съ медомъ, поднялъ вверхъ и произнесъ:

— Эфенди! Я могу спѣть вамъ пѣсню про родъ Кубугула! Но Джаммай, сынъ Гебея, схвативъ Куба за руку, оттолкнулъ его отъ хана, промолвивъ: „остановись!“

Произноситъ ханъ Тохтамышъ: „Джаммай, сынъ Гебея! Джаммай, умнѣйшій изъ моихъ князей, первый мой совѣтникъ! Джаммай, трава лучшихъ моихъ луговъ, молоко буланой кобылицы, храбрѣйшій сынъ моихъ предковъ, совѣтникъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ! Ты повѣдай намъ про родъ Кубугула!“

Джаммай, ожидавшій обращенія къ себѣ съ такимъ нетерпѣніемъ, что даже баки его ощетинились, поправилъ на себѣ лукъ и стрѣлы и потомъ воскликнулъ: „Эфенди! Или мало людей въ твоемъ ханствѣ?

„Есть въ немъ богачи съ куньими шапками на головѣ и собольими шубами на плечахъ, есть храбрецы, сидящіе на коняхъ съ оленьими ногами, вооруженные сталью, чистою, какъ вода, храбрецы, уничтожающіе враговъ по первому твоему слову.

„И есть ставосьмидесятилѣтніе старцы: у нихъ десна даже коренныхъ зубовъ стерлась, нижняя губа такъ отвисаетъ, что ее нужно подвязывать шерстянымъ платкомъ, зубами имъ служатъ драгоцѣнные маргариты...

„Таковъ пѣвецъ Парздакъ, сынъ Шабана! Онъ знаетъ про родъ и племя Кубугулы и кромѣ него никто не знаетъ про это!“

Ханъ Тохтамышъ всталъ съ своего кресла и на-

чалъ ходить... И приказали ханъ созвать всѣхъ лучшихъ мастеровъ всего ханства, выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ, имѣющихъ самые лучшіе инструменты, и велѣть имъ сдѣлать *арбу* [11]):

Что-бы въ колесахъ къ ней ступицы были изъ самаго крѣпкаго дуба, спицы были серебряныя, а ободки карагачевыя, чтобы оглобля была золотая, чтобы ящикъ арбы былъ узорчатый, а ось, скрѣпляющая ящикъ съ козлами, была изъ черной березы [12]).

И повелѣли ханъ Тохтамышъ запречь въ арбу шесть вороныхъ коней и съ шестьюдесятью воинами отправить ее въ Хиву—привезти на ней пѣвца Парздака.

Посланные воины прибыли въ Хиву и нашли тамъ ставосьмидесятилѣтняго старца, который не могъ сидѣть ни верхомъ, ни въ арбѣ, не могъ говорить, потому что былъ безъ зубовъ и десна у него стерлась и нижняя челюсть отвисала,—ему было стовосемьдесятъ лѣтъ.

Воины положили старца въ золотую арбу и привезли его къ своему хану.

Обращаются ханъ Тохтамышъ къ пѣвцу Парздаку: „какъ мы—старѣйшій между ханами, такъ ты старѣйшій между людьми,—таковымъ тебя сдѣлало время. Старѣйшій изъ старыхъ! Повѣдай намъ, кто такой нашъ тѣлохранитель Кубугулъ?“

Пѣвецъ сѣлъ въ углу юрты и выпилъ три стакана крѣпкаго меду. Медъ зажегъ въ немъ кровь: черные глаза его загорѣлись, какъ у молодого оленя, темное лицо просвѣтлѣло, сѣдоволосая грудь поднялась, и онъ запѣлъ:

„Ханъ Тохтамышъ въ твоемъ царствѣ много дорогихъ тебѣ озеръ, но однимъ изъ нихъ ты дорожишь

больше, чѣмъ всѣми остальными: оно таково, что и павлину не хочется сниматься съ него, когда онъ утолитъ въ немъ свою жажду. Потому оно и дорого тебѣ!

„Такъ и въ станѣ твоемъ много храбрыхъ воиновъ, но между ними есть одинъ храбрѣйшій—онъ дороже всѣхъ! Онъ богатство—и что передъ нимъ всѣ твои бурдюки съ золотомъ? О царь! Не сталкивай ногою съ своей дороги этого богатства, чтобы оно совсѣмъ не ушло отъ тебя!

Отвѣчаютъ ханъ: „глаза наши видятъ его и сердце наше его чувствуетъ, но самъ онъ таится отъ насъ, какъ скупецъ таитъ свои сокровища... Пѣвецъ! пой-же намъ, пой о Кубугулѣ!“

Пѣвецъ замолкъ и задумался. Но Джаммай поднесъ ему еще стаканъ меду. Медъ ударилъ ему въ голову, и онъ снова запѣлъ:

„Я изъ числа тѣхъ, которые признали своимъ ханомъ предка твоего, Тохтамышъ, носившаго имя *Чингизъ-хана* [13]). Чингизъ-хана, носителя желѣзнаго панцыря, покинувшаго этотъ свѣтъ язычникомъ, я видѣлъ, потому что я жилъ при немъ!

„Я видѣлъ сорокасаженную башню *Союнъ-хана* [14]) и видѣлъ *Гокай-хана* [15]), *строителя желѣзнаго неба* и противника Бога, наказаннаго за это истребленіемъ его потомства.

„Я видѣлъ безъ вѣсти пропавшаго *Юша-хана* [16]) и видѣлъ того хана, обладателя золотого лука, который властвовалъ надъ *Татарз-тупомъ* и *Джулатомъ* [17]) и назывался *Султанъ Берки-ханъ* и *Алтунъ Берды-бекъ* [18]).

„Я видѣлъ *Бораkъ-хана*, сына Бодыка, владѣтеля земель отъ родника *Балта* до *Ташъ-гечу* [19]), и видѣлъ хана *Амедъ-Самета*, владѣтеля *Агистана* и *Дагестана* [20]).

„Я видѣлъ хана *Янгурчи*, владѣтеля земель отъ *Гуенз-хала* до *Сагызз-коль* [21]), и видѣлъ хана *Тохтахана* [22]), жившаго въ „*торз атз баши акз чатырз*“ [23]).

„Я видѣлъ хана *Буденейтей-Борденкей*. Я видѣлъ хана *Тенибека* [24]), имѣвшаго *тебенги* [25]) изъ кованнаго золота, который царствовалъ только вчера [26]).

„Я видѣлъ хана *Узебека* [27]), обладателя стременъ изъ золота, который самъ сдѣлался ханомъ [28]), и видѣлъ хана, запрещавшаго народу пить воду нѣкоторыхъ источниковъ [29]).

„Почетную стражу его составляли тысячи *кутасоносцевз* [30]), садившихся на тысячу *аргамаковз* [31]); дворецъ его былъ окруженъ тѣнистыми деревьями, у него было восемьдесятъ *сараевз* [32]), въ которыхъ жгли собираемый руками *сексеулз* [33]) и которые соединялись между собою тысячью *трубз* [34]).

„Бурка его была вышита золотомъ и золотомъ-же было покрыто одѣяло [35]),— ханъ этотъ *Джанибекз* [36]), сынъ Узебека!

„Я видѣлъ хана съ *верблюжьими локтями* [37]), который назывался *Бердыбекз* [38]), и видалъ хана *Тоуходжа* [39]), въ панцырѣ котораго каждое звѣно стоило тысячу золотыхъ.

„Высшихъ хановъ я видѣлъ *тридцать* и низшихъ видѣлъ *десять* [40]).

„И нынѣ, въ цвѣтущія времена Крыма [41]), я вижу послѣдняго изъ десяти хановъ, сына Тоу-Ходжа, еще вчера бѣгавшаго босымъ и съ непокрытою головою, вижу смотрящаго на меня *торболиновыми* [42]) глазами Тохтамыша!...

„Ты можешь убить меня—и я войду въ домъ праведныхъ, можешь оставить въ живыхъ—я вернусь на

свою родину (пѣвецъ всталъ), но ты велѣлъ мнѣ пѣть—и я пою!

„Говорилъ я: наполни войскомъ долину *Джарнака* [43]) и заготовь для него достаточно продовольствія, ибо *онъ* [44]) живъ и на волѣ; говорилъ я: избавься отъ него секретно отъ народа! [45]) Но меня не послушали и вѣтеръ разнесъ мои слова по степи.

„Эфенди! Теперь *его*, одинокаго, не возстановляй противъ себя и не прогоняй изъ своего стана, ибо, уйдя отъ тебя, *онъ* только годъ проходитъ *казакомъ* [46]).

„Черезъ годъ *онъ* внесетъ смуту въ твой народъ, черезъ два—*онъ* присвоитъ себѣ твои конскіе табуны, а черезъ четыре—*онъ* заставитъ *пусть песокъ* [47]) твоихъ храбрецовъ, которыхъ ты вышлешь противъ него.

„Черезъ пять—*онъ* безъ всякихъ опасеній будетъ разгуливать по твоимъ обширнымъ владѣніямъ, черезъ шесть—всѣ твои овечьи стада сдѣлаются *его* добычею, а чрезъ семь—*онъ* беззаботно будетъ цѣлыми кувшинами пить твой медъ.

„Черезъ восемь—*онъ* нѣкоего хана, напоминающаго тебя, выгонитъ изъ его владѣній въ песчаныя степи, а чрезъ девять — *онъ* назоветъ своими женами дѣвушекъ, похожихъ на взлелѣянныхъ тобою дочерей твоихъ *Ханыке* и *Газыке*!

„Не возстановляй *его* противъ себя, не полагайся на свою силу! Онъ въ безводной степи найдетъ себѣ воду, онъ тамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, найдетъ себѣ дорогу. Съ икрами какъ ведра, съ бедрами, какъ ступицы колесъ, *онъ—палэванъ* [48]).

„Крутолобый, мрачноокій, *онъ* свирѣпъ, какъ верблюдъ въ періодъ гонки; тонкогубый, длинноязыкій, онъ первый мастеръ краснорѣчія; широкоплечій, съ

длинной шеей и длинными руками, онъ лучшій изъ стрѣлковъ.

„*Онг*... стоящій между переднимъ и заднимъ..., съ орлинымъ носомъ... онъ порветъ нить жизни нѣкоего хана...

„У меня цѣпенѣетъ языкъ... произнести, кто онъ? Но ты приказалъ: могу-ли я ослушаться тебя?...

Разсказъ.

При послѣднихъ словахъ пѣсни Кубугулъ, бывшій въ свитѣ хана, понялъ, что наступилъ моментъ той опасности, которой онъ всегда ожидалъ и къ которой готовился. Незамѣтно для другихъ, онъ подалъ условный знакъ своимъ семи преданнымъ товарищамъ, лучшимъ воинамъ хана. Тѣ, одинъ за другимъ, вышли изъ ханской юрты и отдѣлили своихъ коней отъ коней другихъ воиновъ и мурзъ. Затѣмъ, чтобы обезпечить себѣ успѣшное бѣгство изъ ханской ставки, они надрѣзали подпруги у коней мурзъ и воиновъ, которые могли пуститься за ними въ погоню. Но у коня мурзы Джаммая подпруги остались неповрежденными, потому что конь этотъ стоялъ въ сторонѣ и охранялся особыми *нукерами* [49]). Между тѣмъ Парздакъ продолжалъ.

Пѣсня.

„*Онг*—ханъ *Эдыге* [50]), другое имя котораго Шаабуддинъ-шейхъ! *Онг* князь народа!

„Потомокъ *Абубекирг—Садыка*, *Чачлы-Ализа*, *Батырг-кая*, *Боргкая*, *Кадырг-кая*, сынъ страшнаго *Кутлукая*, рожденный по молитвамъ *Коджа-Ахмата* [51]),

котораго называли также *Ясау-біемъ*,—вотъ кто *онъ*!.. Я это знаю... и отъ того, что знаю, мнѣ страшно, страшно!...

Разсказъ.

Тохтамышъ приказалъ схватить Кубугула. Но въ этотъ мигъ Кубугулъ вскочилъ на кадушку съ медомъ, стоявшую посединѣ юрты; съ кадушки, чрезъ верхнее отверстіе юрты, онъ выбрался на крышу ея, съ крыши спрыгнулъ на землю, потомъ вскочилъ на своего коня и понесся въ степь, сопровождаемый своими семью товарищами.

Князья и воины хана бросились въ погоню за бѣглецомъ. Но подрѣзанныя подпруги лопались и воины, одинъ послѣ другого, падали на землю. Одинъ Джаммай догналъ опальнаго воина и обратился къ нему съ рѣчью.

Пѣсня (Джаммая).

„Возвратись, мурза, возвратись! Ханъ ждетъ тебя въ своей кунацкой: войди въ нее и поклонись ему!

„Войди въ кунацкую хана и выпей изъ рукъ хана фарфоровую чашу меду!

„Ханъ жалуетъ тебя шубой, вышитой золотомъ: войди къ нему и надѣнь ее!

„Ханъ жалуетъ тебя конемъ съ золото-лукимъ сѣдломъ и серебряною уздечкою: возвратись и садись на него!

(Отвѣтъ Кубугула).

„Джаммай, сынъ Гебея! Слова твои лживы, Джаммай!

„Эй, отъѣзжай подальше и говори и слушай меня издали!

„Или я втисну тебѣ въ ротъ горящій тальникъ и выжгу лживый языкъ твой, не вытягивая его изо рта.

„Сынъ отца низкаго происхожденія, ты кланяешься тому, кто жалуетъ тебя подарками....

„А я не вернусь и кланяться хану въ его кунацкой не буду.

„Войти въ его кунацкую не дастъ мнѣ большой рогъ, выросшій у меня на шеѣ [52]).

„Пить ханскій медъ изъ фарфоровой чаши мѣшаютъ мнѣ мои больные зубы [53]).

„Подарка хана, золотую шубу, я не приму, потому что она мнѣ, злосчастному, не къ лицу.

„На коня хана съ золотолукимъ сѣдломъ и серебряною уздечкою я и не сяду, потому что я слабъ ногами [54]).

„Эй, я ѣду къ шаху Темиру, Боракову сыну!

„Если шахъ поддержитъ меня, и Богъ благословитъ мои дѣла, то такимъ ханамъ, какъ беззубый и шамкающій Тохтамышъ, пощады не дамъ я, не дамъ!...

ЧАСТЬ II.

Отомщеніе за кровь.

Разсказъ.

Окончивъ рѣчь, обращенную къ Джаммаю, Кубугулъ-Эдыге повернулся спиною къ царедворцу и вмѣстѣ съ своими товарищами поѣхалъ дальше, держа путь къ далекимъ владѣніямъ грознаго Темиръ-шаха.

Слѣдуя широкою степью, онъ занимался охотою. Однажды онъ увидѣлъ впереди себя бѣгущаго оленя, за которымъ гнался какой-то охотникъ. Кубугулъ пустилъ въ оленя стрѣлу, а въ тоже время, съ другой стороны, въ звѣря вонзилась стрѣла догонявшаго его охотника. Убитый олень упалъ. Оба охотника бросились къ добычѣ, считая ее каждый своею. У добычи охотники заспорили между собою изъ-за права на нее, такъ какъ въ ней оказались стрѣлы обоихъ. Чтобы рѣшить вопросъ, чьею стрѣлою причинена смерть, добычу разрѣзали. Тутъ, къ удивленію всѣхъ, увидали, что обѣ стрѣлы вонзились оленю въ сердцѣ и концы стрѣлъ впились одинъ въ другой.—Такъ ты—мой братъ Эдыге! — воскликнулъ неизвѣстный охотникъ, обратившись къ своему сопернику. Кубугулъ сталъ разспрашивать неизвѣстнаго, какъ онъ узналъ его настоящее имя и почему называетъ его братомъ. Я сынъ Эсебія, твоего *аталыка* [55]), — заявилъ тотъ и затѣмъ разсказалъ, что когда отецъ его Эсебій умиралъ, то подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему: „У тебя есть молочный братъ — храбрый сынъ страшнаго мурзы Кутлу-кая; ты когда нибудь встрѣтишься съ нимъ и узнаешь его по тому, что его стрѣла и твоя стрѣла встрѣтятся одна съ другою въ сердцѣ охотничьей добычи". И вотъ наши стрѣлы встрѣтились—и ты—братъ мой! Послѣ того, молочные братья поздравили другъ друга со счастливою встрѣчею и отправились въ дальнѣйшій путь вмѣстѣ.

Продолжая этотъ путь, Эдыге наѣхалъ въ широкой степи на *калмуцкаго* хана *Кабардына*. Калмуцкій ханъ съ большимъ войскомъ убѣгалъ изъ владѣній шаха Темира, у котораго онъ похитилъ себѣ въ жены дочь его, красавицу *Фердаузъ*. Теперь ханъ былъ уже

внѣ опасности и поэтому подвигался по степи спокойно, проводя время съ молодою женою. Не будучи въ состояніи вступить съ калмукомъ въ открытую борьбу, Эдыге подъ именемъ Кубугула покорился ему и, что-бы быть ближе къ красавицѣ Фердаузъ, поступилъ въ штатъ его прислуги, въ качествѣ повара. Скоро Кубугулъ встрѣтился съ Фердаузъ. Красавица-ханша при первомъ взглядѣ на него назвала его настоящимъ его именемъ Эдыге. Удивленный мурза спросилъ ее, какъ она узнала его, и получилъ отвѣтъ: „Эдыге я узнала по двумъ примѣтамъ: садясь на коня, онъ никогда не оглядывается назадъ, а садясь на землю, онъ всегда подстилаетъ подъ себя что нибудь". Сказавъ это, Фердаузъ дала Эдыге обѣщаніе сдѣлаться его женою, если онъ осводитъ ее отъ ненавистнаго ей калмука.

Между тѣмъ Кабардынъ такъ полюбилъ постоянно угождавшаго ему Кубугула, что началъ возвышать его въ своемъ войскѣ и, наконецъ, сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ войска, чего именно и добивался мурза. Какъ главный начальникъ, онъ сталъ выбирать мѣста для стоянки войска во время ночлеговъ. Однажды, предвидя долгую стоянку на одномъ мѣстѣ, онъ выбралъ для нея степь, покрытую сочною травою, но значительно удаленную отъ ближайшей рѣки. На вопросъ Кабардына о причинѣ такого страннаго выбора, Кубугулъ сказалъ, что истощеннымъ постоянными переходами конямъ нуженъ хорошій кормъ, и то, что далеко до воды,—это полезно и для коней, и для всадниковъ: кони не застоятся, а для всадниковъ ежедневная ѣзда къ мѣсту водопоя будетъ хорошимъ и полезнымъ развлеченіемъ. Ханъ Кабардынъ склонился на доводы своего любимца—и войско осталось

на избранномъ мѣстѣ. Въ срединѣ лагеря былъ разбитъ пышный шатеръ для самого хана и его красавицы жены, послѣ чего калмукъ, по своему обыкновенію предался ѣдѣ и сну.

Войско богатыря устроилось такъ, какъ рѣшилъ Кубугулъ. Днемъ на отдыхахъ, а вечеромъ воины садились на коней и уѣзжали къ рѣкѣ. На берегу рѣки, по требованію Кубугула, стали устраиваться разныя игры, изъ которыхъ самою любимою сдѣлалась слѣдующая: воины разбивались на два стана,— одинъ станъ представлялъ войско калмуцкаго богатыря Кабардына, а другой назывался войскомъ невѣдомаго, но грознаго и страшнаго князя Эдыге. Оба стана вступали между собою въ борьбу и боролись до тѣхъ поръ, пока воинамъ одного стана не удавалось повалить на землю воиновъ другого. Во время одной изъ такихъ игръ побѣдителями остались воины стана Эдыге, воины-же другого стана лежали въ прахѣ, придавленные первыми. Кубугулъ велѣлъ побѣдителямъ перевязать побѣжденныхъ поясными ремнями. Потомъ онъ зычнымъ голосомъ объявилъ, что страшный и грозный Эдыге—онъ самъ, и приказалъ всѣхъ связанныхъ воиновъ бросить въ рѣку. Приказаніе его было немедленно исполнено. Послѣ того онъ сталъ во главѣ преданной ему половины войска и двинулся съ нею къ шатру Кабардына. Калмукъ въ это время спалъ, но Фердаузъ ожидала прихода Эдыге и, какъ только онъ приблизился, открыла ему полы шатра. Эдыге натянулъ свой лукъ, прицѣлился въ спящаго калмука и спустилъ стрѣлу. При необычайной силѣ мурзы стрѣла, ударившись въ спинной хребетъ Кабардына и раздробивъ его, пронизила ему животъ и впилась въ землю. Богатырь, заревѣвъ отъ

страшной боли, хотѣлъ подняться, но стрѣла удержала его на мѣстѣ. Проведя рукою вокругъ себя, онъ поймалъ однако хвостъ коня Эдыге и потянулъ его къ себѣ. Конь мурзы сталъ пятиться назадъ, приближая всадника къ мстительной рукѣ сраженнаго врага. Но Эдыге не потерялся въ опасности: обнаживъ шашку, онъ однимъ ударомъ ея отрубилъ хвостъ своему коню. Потомъ онъ тою же шашкою нанесъ богатырю такой ударъ, что разсѣкъ его пополамъ [56]).

Сразивъ противника, Эдыге завладѣлъ его имуществомъ: дивными аргамаками *Чалысбаномъ* и *Саразюномъ*, богатымъ шатромъ и казною; завладѣлъ онъ и его женою, красавицею Фердаузъ, и всѣмъ его войскомъ. Побѣда надъ ненавистнымъ калмуцкимъ ханомъ была отпразднована пышнымъ пиромъ, и послѣ него „князь народа“ двинулъ свой станъ къ владѣніямъ шаха Темира, что-бы выпросить у шаха помощь для борьбы съ могущественнымъ ханомъ Золотой Орды Тохтамышемъ.

И вотъ онъ прибылъ къ шаху Темиру, своему грозному тестю. Много лѣтъ онъ прожилъ у шаха, служа въ его войскѣ, прежде чѣмъ успѣлъ склонить азіатскаго владыку двинуть свое войско въ царство Тохтамыша. Но, наконецъ, шахъ согласился исполнить неотступную просьбу доблестнаго Эдыге—и войска его двинулись къ волжскимъ предѣламъ. Престарѣлый ханъ вышелъ на встрѣчу своему противнику, далъ ему сраженіе — и былъ разбитъ [57]). Войско его бросилось въ безпорядочное бѣгство, а съ нимъ долженъ былъ бѣжать гордый ханъ, спасаясь отъ преслѣдованія сына Эдыге—*Нурадиля*.

Пѣсня.

Въ моментъ, когда хана преслѣдуютъ его-же князья [58]), въ моментъ, когда золотой тронъ его разбивается какъ сѣдло, слетѣвшее со спины скачущаго по степи коня;

Въ моментъ, когда онъ похожъ на всадника, сидящаго на бѣшено несущемся конѣ, котораго онъ безсиленъ остановить, потому что порвались удила,— въ этотъ моментъ ханъ, тоскуя, говоритъ:

„Верблюженокъ, такъ пышно обросшій шерстью! не на моихъ-ли пастбищахъ ты выросъ и разжирѣлъ?

„Земля, растилающаяся передъ моими глазами! не на тебѣ-ли паслись мои несчетныя стада овецъ?

„Земля! Ты не та-ли, на которой богачи моего ханства при выдачѣ дочерей своихъ брали за нихъ по сорока плодныхъ кобылицъ [59])?

„Не на тебѣ-ли они готовили въ кадкахъ кумысъ, издававшій трескъ, подобный треску растираемаго сафьяна [60]), и не на тебѣ-ли устраивались мои и ихъ многочисленныя пиршества?

„Земля! Не на тебѣ-ли выростали мои безсчетные аргамаки? Не по тебѣ-ли они бѣгали и рѣзвились, махая хвостами, какъ сазаны въ рѣкѣ?

„Не на тебѣ-ли сынъ мой Султанъ распространялъ страхъ, подобно змѣю *сарiекъ* [61])? И не ты-ли была свидѣтельницею свадьбы моей съ Дона-Бике?

„Или не по тебѣ, земля, *Эдыль* и *Тэнъ* [62]) текутъ?! Или не твоя трава—сахаръ, не твоя вода — шербетъ и не ты называешься *Шермутунъ* [63])?!

„Тебя я вижу и съ тобой разстаюсь! И не ты меня покидаешь, а я покидаю тебя... Такъ скажи хоть мнѣ: „въ добрый часъ, мой ханъ!“

Разсказъ.

Между тѣмъ разрозненные остатки разбитаго войска Тохтамыша снова соединились между собою на берегу Волги (Эдыль). Признавъ невозможнымъ дать новое сраженіе непріятелю, преслѣдовавшему его по пятамъ, Тохтамышъ призвалъ къ себѣ всѣхъ военачальниковъ и предложилъ имъ обсудить: что предпринять дальше? Отвѣты послѣдовали уклончивые и неясные: военачальники уже думали объ измѣнѣ своему властелину. Какъ разъ въ это время поднялась сильная буря, предвѣстница грозы и дождя.

Пѣсня.

И надѣвъ на себя золотой лукъ, сразу посѣдѣвшій Ханъ Тохтамышъ говоритъ:

„Что ты клубишься, проклятая сѣрая пыль? Стихнетъ вѣтеръ, ударитъ дождь и ты уляжешься, прибитая къ землѣ.

„Эдыль! Что ты бѣшенно вскидываешь свои волны? Придетъ *токсана* [64]) и, какъ узника, скуетъ тебя!..

„Съ конскую голову мое сердце! Что ты прыгаешь, какъ воробей? Явятся люди Эдыге, вырвутъ изъ тебя желчь—и ты остановишься...

„Дочери мои Ханыке и Газыке! Что вы ослѣпляете мнѣ глаза своею чистотою? Когда придутъ люди Эдыге и будутъ цѣловать васъ—развѣ вы не покоритесь имъ?!

„Приближенные мои, совѣтники мои таинственно переговариваются между собою, не посвящая уже меня въ свои планы: надъ моею головою повисла опасность, что же они сдѣлаютъ, если не измѣнятъ мнѣ?

„Этимъ малымъ дѣтямъ неизвѣстна великая тайна... Можетъ быть открыть имъ ее? Эй! Подо мною уходился испытанный конь, къ чему-же садиться на неиспытаннаго! [65]).

„Вонъ сзади виднѣются уже люди сына Эдыге-Нурадилія. Боже! Да не исполнятся ихъ надежды! Но когда они настигнутъ меня, то заройся я въ землю, какъ корень *иблекэ* [66])—развѣ я скроюсь отъ нихъ?

Коварный Джаммай дѣйствительно, придумалъ выходъ изъ критическаго положенія. По соглашенію съ другими мурзами, онъ предложилъ Тохтамышу покинуть войско и бѣжать въ виднѣвшійся вдали лѣсъ.— „Если ты будешь съ нами,—сказалъ онъ хану: — то мы погибнемъ; если ты спрячешься въ лѣсу, тебя не найдутъ тамъ, намъ непріятель дастъ пощаду". Несчастный ханъ невольно подчинился предложенію и приготовился оставить свой станъ. Джаммай пропѣлъ ему прощальную пѣсню.

Пѣсня (Джаммая).

Стоя на высокомъ курганѣ, сидя на высокомъ гнѣдомъ конѣ, съ золотымъ лукомъ чрезъ плечо, посѣдѣлый Джаммай говоритъ своему хану:

„Ханъ мой! Когда-то я былъ упругъ, какъ выдѣланная кожа; а теперь я — старая, растянувшаяся кожа; я былъ рѣзвъ, какъ молодой конь, а теперь я— старая кляча;

„Я былъ крѣпокъ, какъ дубъ, а теперь этотъ дубъ прогнилъ; я былъ твердъ, какъ сталь, а теперь сталь эта разсыпалась...

„И ты былъ мужемъ, мужемъ... Тѳперь же... Теперь намъ должно разстаться съ тобою.

Разсказъ.

Отдѣлившись отъ войска, Тохтамышъ одинъ, безъ тѣлохранителей, поскакалъ къ лѣсу. Достигнувъ опушки его, онъ бросилъ коня и углубился въ лѣсную чащу. Идя въ ней болотомъ, онъ задѣлъ ногою гнѣздо ибиса. Ибисъ вспорхнулъ и съ пронзительнымъ крикомъ поднялся надъ лѣсомъ.

Пѣсня.

Въ моментъ, когда хана преслѣдуютъ его-же князья, въ моментъ, когда золотой тронъ его разбивается, какъ сѣдло, упавшее съ бѣшено скачущаго по полю коня:

Въ моментъ, когда онъ похожъ на всадника, не управляющаго болѣе разгоряченнымъ конемъ, потому что порвались удила, ханъ, тоскуя, поетъ:

„Зачѣмъ кричишь ты, ибисъ? У тебя крылья и шея свободны, клювъ твой крѣпокъ, какъ рогъ и передъ Богомъ ты чистъ... Эй, такъ тоскливо не кричи!..

„Чтобы причинить тебѣ зло, отнявъ у тебя дѣтей, мнѣ нужны люди, а я хоть ханъ, но людей нѣтъ у меня! И чтобы взять твои яйца изъ травы *токчеи* [67]), ихъ нужно розыскать, а кому я велю розыскать ихъ?..

„Какъ я господствовалъ въ своемъ ханствѣ, такъ ты, ибисъ, господствовалъ въ этомъ болотѣ. Выгнавшій меня изъ моего ханства гонитъ и тебя изъ твоего болота,—

„То сынъ Эдыге, *Нурадиль* [68]), никогда не разстающійся со своимъ оружіемъ. Да постигнетъ его участь казака!

Разсказъ.

Послѣ бѣгства хана Джаммай поспѣшилъ сдаться со всѣмъ войскомъ счастливому побѣдителю Нурадилю. Побѣдителю больше всего нуженъ былъ, однако, врагъ его Тохтамышъ, поэтому онъ потребовалъ немедленной выдачи его. Джаммай заявилъ, что несчастный ханъ покинулъ войско и скрылся неизвѣстно куда. Такъ говорилъ языкъ Джаммая, а въ тоже время лукавый мурза кивалъ головою на лѣсъ, въ которомъ ханъ только-что скрылся. Понявъ измѣнника, Нурадиль воскликнулъ: „Лѣсъ великъ! какъ отыскать въ немъ хана?“.—Въ несчастьи ханы поютъ, а въ лѣсу голосъ пѣвца разносится далеко!—пропѣлъ коварный царедворецъ, поправляя сбрую на своемъ конѣ.

Сынъ Эдыге приказалъ Джаммаю слѣдовать за собою и поскакалъ въ лѣсъ. Вскорѣ до него донесся голосъ одинокаго хана, успокаивавшаго пѣснею испуганнаго ибиса. Въ глухой чащѣ онъ нашелъ и самого Тохтамыша и гнѣвно занесъ шашку надъ его головой.—„Сынъ Эдыге, остановись, крикнулъ ханъ,—остановись и слушай! Было время—я убилъ твоего дѣда по наущенью Джаммая! Теперь—ты хочешь убить меня по наущенью Джаммая! Эй, Нурадиль! Будетъ время—тебя убьетъ сынъ мой Султанъ—по наущенью Джаммая-же!“... Нетерпѣливый Нурадиль не дождался окончанія рѣчи своего кровнаго врага и однимъ ударомъ снесъ ему голову. Соскочивъ потомъ съ коня, онъ радостно поднялъ отрубленную голову съ земли и долго любовался ею; потомъ онъ завернулъ ее въ бѣлую бязь и поскакалъ съ нею въ главный станъ войскъ Темира, при которомъ находился отецъ его Эдыге. Тамъ онъ радостно положилъ трофей свой къ ногамъ своего отца.

ЧАСТЬ III.

Отецъ и сынъ.

Разсказъ.

Нурадиль, покончивъ съ кровнымъ врагомъ своего дома Тохтамышемъ, рѣшилъ воспользоваться его дочерьми, дивными красавицами Ханыке и Газыке. Взявъ небольшой отрядъ войска, онъ поскакалъ въ дворецъ хана по Волгѣ, горя нетерпѣніемъ сдѣлаться обладателемъ красавицъ. Но когда онъ уже приближался къ дворцу, красавицъ предупредили о грозящей имъ опасности и онѣ приняли свои мѣры, что-бы не сдѣлаться женами убійцы своего отца. Обѣ дѣвушки придали себѣ видъ беременныхъ женщинъ, мало заботящихся притомъ о своей наружности и о своемъ костюмѣ. И все-таки онѣ были такъ необычайно красивы, что Нурадиль, проникнувъ въ ихъ комнату и увидѣвъ ихъ, въ восхищеніи воскликнулъ: „Вотъ когда я нашелъ себѣ женъ!“ На эти слова Ханыке, поднявшись съ мѣста, гнѣвно произнесла, что еще не было случая, что-бы сынъ отнималъ женъ у своего отца, а она и сестра ея—жены благословеннаго Богомъ мурзы Эдыге. Видъ дѣвушекъ послужилъ подтвержденіемъ сказанныхъ Ханыке словъ. Нурадиль повернулся къ сестрамъ спиною и съ страшною бурею въ душѣ покинулъ ханскій дворецъ. Съ этого времени онъ воспылалъ ненавистью къ отцу своему и принялъ рѣшеніе жестоко отомстить ему.

Между тѣмъ грозный Темиръ-шахъ, сокрушивъ Тохтамыша, удалился въ свои владѣнія, оставивъ

властителемъ Золотой Орды доблестнаго Нурадиля, а руководителемъ и совѣтникомъ его благочестиваго и разсудительнаго Эдыге. Нѣкоторое время отецъ и сынъ жили мирно. Но сынъ не забылъ нанесенной ему отцомъ обиды и, воспользовавшись какимъ-то случаемъ, приговорилъ отца къ изгнанію изъ ханства [69]). Престарѣлый мурза былъ страшно пораженъ и огорченъ приговоромъ Нурадиля и состояніе своей души выразилъ въ пѣсняхъ.

Пѣсни Эдыге.

Я, Эдыге, въ ожиданіи возможности достигнуть своей цѣли [70]), пресмыкался у ногъ сына Бора-хана, шахъ-Темира, угождая ему, какъ простой слуга.

А раньше того, для достиженія той-же цѣли, я въ одинъ день истребилъ пятьсотъ человѣкъ и въ тотъ-же день убилъ человѣка, голова котораго стоила тысячу человѣкъ.

Убитый мною назывался калмуцкимъ ханомъ Кабардыномъ; ему я, въ ожиданіи случая [71]), служилъ даже поваромъ.

Когда дочь Темира, Фердаузъ, подняла мнѣ полы шатра богатыря, я, съ божьей помощью, разсѣкъ Кабардына пополамъ,—я выпустилъ кровь его, какъ воду.

Потомъ я возславословилъ Бога за дарованную мнѣ побѣду и за то, что получилъ такую жену, какъ мать твоя Фердаузъ.

Мать твою я вырвалъ у калмука, сына Агока, когда убилъ его, я получилъ ее въ житье *даромъ* [72]).

Я отнялъ золотой тронъ у такого хана, какъ Тохтамышъ, потомокъ Чингизъ-хана; я концемъ своей

шашки отперъ дворецъ его; я сдѣлалъ это къ концу своей зрѣлости.

А въ юности своей я бѣжалъ отъ Тохтамыша съ семью товарищами и во время бѣгства я цѣлыми горстями разбрасывалъ на пути своемъ бѣлое серебро и красное золото.

И ты, сынъ мой, который стрѣляетъ изъ лука всѣми десятью пальцами [73]) и служитъ образцомъ благочестія для *восемнадцати тысячъ* [74]);

Который прочиталъ всѣ книги четырехъ мухамеданскихъ *имамовъ* [75]), который бросается въ бой, сидя на гнѣдомъ конѣ съ бѣлою звѣздочкою на лбу;

Который, когда захочетъ, разбрасываетъ на своемъ пути золото цѣлыми слитками, который золото самъ,—

И ты—ястребъ, на лету хватающій добычу, ты, Нурадиль, сынъ мой, ты гонишь меня отъ себя!... Гони, я побѣгу и да побѣжитъ отъ тебя врагъ твой *иблизъ* [76]), какъ я побѣгу.

Сынъ мой Нурадиль! когда ты рождался, я велѣлъ зарѣзать вольныхъ кобылицъ, когда-же ты родился, я велѣлъ зарѣзать бѣлыхъ барановъ [77]).

Колыбельку для тебя я велѣлъ сдѣлать изъ узорчатаго дерева, а тюфякъ—изъ бархата, но считая и бархатъ жесткимъ для тебя, я велѣлъ покрыть мягкимъ сукнокъ [78]).

Изъ маленькаго я выростилъ тебя большимъ, стройнымъ, какъ стрѣла.

И вотъ, когда глаза мои стали красны, какъ у молодого верблюженка, когда грудь моя посѣдѣла, когда я постарѣлъ,—что я сдѣлалъ тебѣ, что ты гонишь меня?...

Ни въ дѣтствѣ своемъ, ни въ зрѣломъ возрастѣ, ни на старости своей я не видалъ и не слыхалъ никогда, чтобы сынъ прогонялъ отъ себя отца своего.

А ты—князь, превзошедшій мужествомъ царей, ты—сынъ мой! Ты, разрушитель крѣпости, подобной желѣзновратному Дербенту [79]), ты—сынъ мой!

Ты, одинъ, безъ тѣлохранителей, преслѣдующій добычу на быстромъ скакунѣ, не останавливаясь передъ широкими рѣками, ты—сынъ мой!

Ты, полость, защищающая человѣка отъ снѣжной мятели, стальной щитъ, ограждающій человѣка отъ сыплящихся на него стрѣлъ, ты—сынъ мой!

Пусть изъ Индостана, ***Яумена*** [80]), ***Шамз-шаара*** [81]), ***Мисира*** [82]), Константинополя и Крыма созовутъ самыхъ лучшихъ мастеровъ, очищающихъ золото отъ посторонникъ примѣсей, пусть прикажутъ имъ произвести такую очистку наилучшимъ образомъ.

И вотъ, сколько-бы они ни стали трудиться надъ своимъ золотомъ, имъ не сдѣлать такимъ чистымъ, какъ происхожденіе твое,—о сынъ мой, статностью подобный праведному ***Али***! [83]).

И ты гонишь меня! Гони—я побѣгу и дай Богъ, чтобы врагъ твой иблизъ такъ бѣжалъ отъ тебя, какъ я побѣгу!

Нурадиль! Не совершивъ прежде омовенія, я никогда не ступалъ на землю; въ сердцѣ своемъ я всегда носилъ чистое ученіе вѣры.

Неустанно повторяя устами слова вѣры, я никогда не забывалъ и мечети; нѣтъ, идя по стопамъ праведниковъ, я молился въ тридцати двухъ мечетяхъ, приклоняясь головою къ голой землѣ [84]).

И множество *мюридовъ* [85]) постоянно сопровождали меня, и я училъ ихъ идти по истинному пути *тариката* [86]).

Я дѣлалъ это, чтобы послѣ облаченія меня въ бѣлый саванъ, я удостоился вознесенія на небо...

И меня, отца своего, заступника своего въ день суда, когда *Азраилъ* [87]) вострубитъ въ трубу, сынъ мой Нурадиль, ты гонишь отъ себя!..

Меня, который ѣздилъ на *тюльпарѣ* [88]), питавшемся васильками и утолявшемъ жажду изъ родника *Ковсарѣ* [89]), *тюльпарѣ* съ хвостомъ, умѣщавшемся въ горсти человѣка.

Меня, который съ божьею помощью и съ помощью ангеловъ переходилъ черезъ синее море, жилище плещущихся рыбъ, и море было ему по поясъ [90]).

Который вчерашнихъ хановъ заставилъ ревѣть по медвѣжьи [91]), потомка *Айшатъ* [92]), *Патиматъ* [93]), *Хасана и Усейна* [94])...

Человѣка, всегда ходившаго по стопамъ праведниковъ *Хизири и Ильяса* [95]), пользуясь руководительсвомъ *Чачлы-Азиза* [96]), сына *Джалалъ-Уддина-халифа* [97]), человѣка, молитвы котораго доходятъ до Бога?!..

Но если я прокляну тебя—ты разсыпешься въ черный прахъ, если-же я благословлю тебя—ты будешь счастливъ во вѣки...

Ибо я семь разъ прочиталъ *алкоранъ*—книгу во имя Бога, семь разъ проникалъ въ тайны этой книгѣ; я по тридцать три раза постоянно повторяю славословіе, по стольку-же разъ повторяемое при пятничномъ намазѣ въ *большой мечети* [98]).

Ибо я прочиталъ всѣ четыре книги, полученныя съ неба: библію, псалтырь, евангеліе и коранъ, и прочитавъ, поступалъ по требованію ихъ.

Ибо я знаю, что всѣхъ пророковъ сто двадцать, всѣхъ ангеловъ—двѣнадцать тысячъ, всѣхъ законовъ—четыре [99]) и всѣхъ имамовъ четыре...

Но любимѣйшій пророкъ Божій, давшій въ коранѣ двадцать девять наставленій [100]),—одинъ рабъ божій Магометъ!

Что выше корана?! Кто выше Магомета, царя настоящаго и будущаго?! Такъ нѣтъ горы больше и выше *кап-тау* [101]), охватывающей весь свѣтъ!!.

Эй, сынъ мой Нурадиль! Если-бы я воду твою превратилъ въ кровь,—чѣмъ бы ты сталъ утолять свою жажду? Если-бы я выжегъ степныя травы,—чѣмъ бы ты сталъ кормить свой скотъ?

Если бы я заговорилъ твоего аргамака,—гдѣ ты взялъ-бы другого такого аргамака? Если бы я заговорилъ юрту твою,—гдѣ бы ты наслаждался отдыхомъ?

Если бы я заговорилъ твоего чернаго сокола—гдѣ ты взялъ бы другую такую дивную птицу? А если ты прогонишь отъ себя отца своего, шестидесятилѣтняго старца,—гдѣ ты обрѣтешь покой для своей совѣсти?

(Отвѣтъ Нурадиля).

Любезный отецъ мой, князь-отецъ! Преврати ты воду въ кровь—я буду пить шербетъ, сожги ты степныя травы—я, до появленія новой степной травы, буду кормить свой скотъ *чіинг* [102]).

Заговори ты моего аргамака—я стану ѣздить на *тюльпарѣ*; заговори юрту мою—я выстрою себѣ дворецъ.

Заговори ты моего чернаго сокола—я стану охотиться съ *сункаръ* [103])... А если я прогоню отъ себя отца своего, шестидесятилѣтняго старца, то покой для своей совѣсти я найду въ Меккѣ, обойдя семь разъ вокругъ священнаго города [104]).

Разсказъ.

Нурадиль остался непреклоннымъ и выгналъ своего отца Эдыге изъ своихъ владѣній.

Прошло послѣ того много лѣтъ, въ теченіи которыхъ Эдыге скитался въ степи. Но случилось, что Нурадиль заболѣлъ. Врачи ханства перепробовали всѣ средства лѣченія, но больной не поправился. Тутъ вспомнили о шейхѣ Эдыге, отцѣ больнаго, и послали въ степь розыскать его. Старика отыскали въ самомъ жалкомъ положеніи: онъ былъ совершенно нагой и питался ягодами и кореньями. Его одѣли и повели въ станъ сына. Когда онъ подходилъ къ стану, на встрѣчу ему вышелъ Джаммай, несшій въ рукахъ умирающаго Нурадиля. Поровнявшись съ Эдыге, Джаммай пропѣлъ: „Берется душа, берется... уже шея обвязывается бѣлымъ платтомъ. Вотъ пришелъ мурза (Нурадиль) просить прощенья у отца своего". Потомъ онъ положилъ больного на землю. Эдыге сталъ лицомъ къ Меккѣ и вознесъ горячія молитвы къ Богу объ исцѣленіи его сына. Богъ услышалъ молитвы шейха—Нурадиль выздоровѣлъ и сталъ управлять ханствомъ по прежнему. Шейхъ Эдыге жилъ съ сыномъ до самаго того дня, когда душа его отошла къ престолу великаго Бога...

ЭПИЛОГЪ.

Разсказъ.

Между тѣмъ сынъ Тохтамыша, Кадыръ-Берды Султанъ, овладѣвшій частью ханства своего несчастнаго отца, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ своимъ кровнымъ врагомъ Нурадилемъ. Войска обоихъ соперниковъ безпрерывно сражались между собою, но эти сраженія всегда оканчивались для Кадыръ-Берды-Султана полною неудачею. Будучи великимъ полководцемъ, Нурадиль безъ труда побѣждалъ своего противника, производя въ его войскѣ великія опустошенія. Кадыръ-Берды убѣдился, наконецъ, что ему не овладѣть своимъ врагомъ въ открытомъ бою и по этому рѣшился дѣйствовать хитростью. Зная, что первымъ совѣтникомъ Нурадиля состоитъ старый слуга и измѣнникъ его отца Джаммай, онъ послалъ этому царедворцу цѣнные подарки, предложивъ ему измѣнить своему теперешнему господину. Вѣроломный вельможа не замедлилъ склониться на предложеніе сына Тохтамыша и обѣщалъ при первой-же возможности выдать ему его отважнаго соперника. При ловкости Джаммая и неосторожности безпечнаго Нурадиля возможность эта скоро представилась. Нурадиль былъ страстный охотникъ. Зная это, Джаммай велѣлъ Кадыръ-Берды скрыться съ отрядомъ войскъ въ камышахъ, окаймлявшихъ одно изъ озеръ во владѣніяхъ Нурадиля, а на берегу озера поставить нѣсколько палатокъ такимъ образомъ, что-бы ихъ видно было издали. Когда Кадыръ-Берды все это исполнилъ, Джаммай подъ рукою распустилъ

елухъ, будто-бы на озерѣ появились дикія лебеди. Слухъ скоро дошелъ до Нурадиля, пожелавшаго немедленно отправиться на охоту. Однако, коварный Джаммай, ближайшій совѣтникъ его, отнесся къ слуху недовѣрчиво и посовѣтовалъ провѣрить его, сдѣлавъ прежде простую прогулку къ озеру. Князь народа принялъ совѣтъ и началъ уже надѣвать на себя оружіе, но Джаммай вскользь бросилъ замѣчаніе, что это ненужная предосторожность, такъ какъ озеро близко и враговъ по близости нѣтъ. Оружіе было отложено въ сторону, отважный сынъ Эдыге отправился къ озеру не только безъ оружія, но и безъ всякой свиты въ сопровожденіи лишь одного Джаммая. Сначала князь и его мурза шли камышами, изъ-за которыхъ ничего не видно было впереди. Но когда они вышли на берегъ озера, то очутились лицомъ къ лицу не съ лебедями, а съ бѣлыми палатками Кадыръ-Берды Султана.—„Мы обмануты! Это палатки врага! Бѣжимъ, бѣжимъ!“ закричалъ Джаммай съ притворнымъ испугомъ. Но гордый князь оставилъ безъ вниманія слова подлаго слуги и безъ колебаній направился къ палаткамъ своего смертельнаго врага: онъ понялъ, что Джаммай продалъ его и ему уже не было отступленія.

О появленіи храбраго Нурадиля на берегу озера безъ войска и безъ оружія тотчасъ дали знать Кадыръ-Берды. Обрадованный сынъ Тохтамыша возблагодарилъ Бога за отдачу въ его руки того, кого онъ искалъ всю свою жизнь, и распорядился принять этого гостя въ своемъ шатрѣ особеннымъ образомъ. По его приказанію, отъ входа въ шатеръ до мѣста, гдѣ стояло его кресло, былъ сдѣланъ помостъ изъ досокъ, утыканныхъ большими гвоздями концами вверхъ. Напро-

тивъ его кресла поставили другое и въ послѣднемъ скрыли подъ подушкою два большихъ гвоздя, пригнанныхъ такъ, чтобы они впились въ тѣло того, кто сядетъ на кресло.

Приблизившись къ шатру Кадыръ-Берды, Нурадиль безъ колебаній вошелъ въ него. Онъ увидалъ сдѣланныя приготовленія къ его пріему, презрительно усмѣхнулся—и направился по дощатому помосту къ креслу, на которомъ сидѣлъ его смертельный врагъ. Потомъ, по знаку Кадыръ-Берды, онъ сѣлъ на другое кресло... Было это въ пятничный день.

Джаммай, при видѣ дѣла рукъ своихъ, излился въ пѣснѣ.

Пѣсня (Джаммая).

И вотъ Кадыръ-Берды Султанъ сталъ ханомъ, а я сталъ его мурзою! Наконецъ, мы озарены блескомъ, подобнымъ блеску снѣга, залитаго солнечными лучами!

Посадить въ одно гнѣздо *лячинъ* и *сункаръ* [105]), двухъ природныхъ враговъ, еще доступно великимъ мастерамъ, но героя Нурадиля такъ просто посадить около Кадыръ-Берды Султана—это возможно только для одного Бога!

Разсказъ.

Кадыръ-Берды, молча, наслаждался муками своего врага, Нурадиль-же заговорилъ.

Пѣсня (Нурадиля).

Пригвожденный къ своему креслу, передъ лицомъ своего врага, Нурадиль говоритъ:

Пятничный день—день, чтимый мною, потому что въ этотъ день я родился, а со дня своего рожденія я видѣлъ и свѣтлыя ночи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ говорить, я неустанно повторялъ имя Божіе, а прочитавъ арабскія писанія, я началъ свято исполнять ихъ наставленія.

Будучи отъ рожденія счастливѣй своего отца, я во имя праведниковъ Хизири и Илъяса сорокъ дней молился у родника, называемаго *казу-су* [106]).

Сынъ Тохтамыша, Кадыръ-Берды [107])! Что въ томъ, что ты происходишь отъ Чингизъ-хана? Я самъ сынъ туркестанскаго, китайскаго, кыпчакскаго, киргизскаго, индостанскаго мудреца *Коджа-Ахмата*, отца *Чачлы-Ализа*, отца *Борѣ-кая* [108]).

Съ населенія такого густого, какъ толпа на базарѣ большого города, съ такого населенія я, князь, бралъ *ясакъ* [109]). Сидя на *ракъ-конѣ* [110]), я повелѣвалъ этимъ населеніемъ.

Я — князь, котораго безсмѣнно сопровождаютъ шестьдесятъ *нукеровъ* [111]) изъ почетнѣйшихъ фамилій!

Я—князь, войско котораго состоитъ изъ храбрецовъ, сразу бросающихся на врага, ибо я — князь, умѣющій цѣнить храбрыхъ и награждать отличающихся.

Не зная отца человѣка, я въ тѣлохранители его не возьму, не зная происхожденія человѣка, я подарка ему не сдѣлаю;

Но если я дѣлаю подарокъ, то дарю и полторы тысячи золотыхъ [112]) и даннаго подарка я назадъ не отнимаю—я такого достойнаго отца сынъ!

Огня, горящаго у друга, я никогда не потушу, но у врага я огня не зажгу, ибо сынъ Эдыге—шахъ Нурадиль—это я! Котораго изъ потомковъ Чингизъ-хана я ниже?!...

Пѣсня (Кадыръ-Берды Султана).

Нурадиль! Гдѣ гнѣдой конь мой, что на бѣгу не чувствовалъ подъ собою земли, не утомлялся, скача на гору и перелеталъ черезъ овраги?

Гдѣ сѣкира моя *ай-балта* [113]) съ золотою рукояткою?

Гдѣ панцырь мой *торбала* [114]), каждое звѣно котораго стоило тысячу золотыхъ?

Гдѣ казна моя, помѣщавшаяся на шести арбахъ, покрытыхъ бѣлою бязью?

Гдѣ кибитка моя, подобной которой не было и у афганца Аксакъ-Темира? Ея не поднимали двѣнадцать сильныхъ слугъ и сдвинуть съ мѣста могли только афганскіе верблюды;

Стѣны ея были атласныя, а веревки къ ней были серебряныя, сидѣнья въ ней были мѣдныя, а въ длину и ширину она была по двѣнадцати шаговъ.

Гдѣ Нурадиль, тотъ родникъ, что назывался *шермутунг* и воду котораго пили лишь радужные павлины?

Гдѣ, Нурадиль, конскій табунъ мой, въ которомъ было болѣе 9000 коней?

Гдѣ мои многочисленныя стада барановъ, для пастьбы которыхъ было мало восьмидесяти пастуховъ?

Гдѣ, Нурадиль, сестры мои Ханыке и Газыке, рѣчи которыхъ воспламеняли сердца!

Ты стоишь передъ лицомъ смерти, Нурадиль! Отвѣчай-же: гдѣ девятый потомокъ Чингизъ-хана, отецъ мой Тохтамышъ-ханъ?...

Пѣсня (Нурадиля).

Эй ты, молодой Кадыръ-Берды Султанъ! Властитель народа теперь, Султанъ! Безъ смущенья отвѣ-

чаю на твои вопросы, отвѣчаю, не спуская передъ тобою глазъ.

На гнѣдомъ конѣ твоемъ, что на бѣгу не чувствовалъ подъ собою земли, не утомлялся, скача на гору, и перелеталъ черезъ овраги, я, завладѣвъ имъ, ѣздилъ въ свое удовольствіе.

Ай-балта съ золотою рукояткою, которую я отнялъ у отца твоего, когда убилъ его, я присвоилъ себѣ, какъ военную добычу.

Панцырь *торбала*, каждое звѣно котораго стоило тысячу золотыхъ, я, снявъ его съ твоего отца, надѣлъ на себя.

Казну твою, помѣщавшуюся на шести арбахъ, покрытыхъ бѣлою бязью, я растратилъ въ то время, когда совершалъ свои подвиги во главѣ болѣе стотысячнаго войска, растратилъ для достиженія своихъ цѣлей и на нужды неимущихъ.

Кибитку твою, которой подобной не было и у афганца Темира (ея не поднимали двѣнадцать сильныхъ слугъ и тронуть съ мѣста могли только афганскіе верблюды);

Стѣны ея были атласныя, а веревки къ ней были серебряныя, сидѣнья въ ней были мѣдныя, а въ длину и ширину она имѣла по двѣнадцати шаговъ,—

Я въ походѣ обратилъ ее въ маякъ: чтобы отсталые изъ моего войска и сбившіеся съ пути могли найти меня, я поднялъ ее на возвышенность и сжегъ.

Шермутунъ-родникъ, воду котораго пили лишь радужные павлины, (когда Богъ мнѣ далъ завладѣть имъ) я обратилъ въ шербетъ, вливъ въ него меду, потомъ я отдалъ его народу и войску, чтобы они утолили имъ свою жажду.

Конскій табунъ твой, въ которомъ было болѣе

9000 головъ, я отдалъ бѣднымъ и сирымъ, что-бы они утолили имъ свой голодъ.

Твои многочисленныя стада барановъ, для пастьбы которыхъ было мало восьмидесяти пастуховъ, я отдалъ войску и народу, какъ военную добычу.

Сестеръ твоихъ Ханыке и Газыке, рѣчи которыхъ воспламеняли сердца (когда Богъ мнѣ далъ завладѣть ими), я сдѣлалъ своими женами [115]).

Я сидѣлъ на *буланѣ* [116]) съ оленьими ногами; на мнѣ былъ желѣзный панцырь съ бѣлымъ воротникомъ [117])—мое постоянное одѣянье.

Было такъ жарко, что я, охлаждая себя, клалъ на свой выпуклый лобъ ледъ лопатами, — и я гналъ передъ собою хана...

За *Арту* [118]) есть хвойный лѣсъ, въ этомъ лѣсу я нагналъ хана и, нагнавъ, отрубилъ ему голову...

Отрубилъ ему голову и привязалъ ее къ сѣдлу своему, но боясь, что она упадетъ, я постоянно бралъ ее въ руки.

И, боясь выронить ее изъ рукъ, я обернулъ ее бѣлою бязью и повѣсилъ себѣ на грудь. Потомъ я отдалъ ее отцу своему [119])...

Эй ты, молокососъ Кадыръ-Берды Султанъ! Ты воспользовался оплошностью Нурадиля... Но имѣй я въ рукахъ свое оружіе, я и съ тобою поступилъ-бы также, какъ съ отцомъ твоимъ!..

Ибо я—шахъ Нурадиль, я мужъ? Прибѣгающій подъ мою защиту не остается беззащитнымъ.

Я у друга зажигаю огонь, а у врага тушу его!

Я черная туча, которая разъ появившись, не пропадаетъ иначе, какъ пролившись дождемъ!

Я родился чернымъ и, сколько не мой меня мыломъ,—я не побѣлѣю!

Я—кривое дерево: сколько не выпрямляй его—не выпрямишь!

Я неукротимѣе *саврасаго* [120]) коня — никому ни на какомъ арканѣ не удержать меня!

Я тверже оленьяго рога: вдѣнь мнѣ въ носъ желѣзное кольцо—я вытерплю!

Я горче воды Бѣлаго моря [121]): подслащай эту воду, сколько хочешь сахаромъ,—въ ней горечи не убавится!

Я гроза—и бью, какъ грозовая стрѣла.

Я тотъ самый левъ, который преградилъ дорогу отцу твоему Тохтамышу!

Эй ты, молокососъ Кадыръ-Берды Султанъ! Чрезъ измѣну Джаммая я очутился передъ тобою безъ оружія—и ты живого и здорового посадилъ меня на желѣзные гвозди.

Но кто свое время княжествовалъ, тотъ не будетъ раскаяваться... И если-бы ты не ноги мои только, но и носъ мой проткнулъ гвоздями—я бы ни въ чемъ не раскаялся!

Разсказъ.

Твердость въ перенесеніи страданій, гордое самовосхваленіе въ минуту величайшей опасности, презрѣніе къ смерти—эти качества героя Нурадиля привели въ восторгъ мучителя его Кадыръ-Берды. Вслѣдъ за заключительными словами пѣсни онъ приказалъ снять Нурадиля съ гвоздей, перевязать его раны и первый протянулъ ему руку въ знакъ готовности забыть все прошлое и чистосердечно примириться. Нурадиль, однако, не сразу принялъ руку своего счастливаго соперника, а потребовалъ прежде повѣсить измѣнника Джаммая. Требованіе его было удовле-

творено, и тогда онъ примирился съ Кадыръ-Берды, призналъ въ немъ единственнаго хана Золотой Орды и навсегда отказался отъ своей независимости. Довольный Кадыръ-Берды подарилъ своему новому другу и подданному въ полную собственность степь, орошаемую Терекомъ и Сулакомъ, и объявилъ его первымъ полководцемъ своего ханства. Не мало побѣдъ одержалъ послѣ того Нурадиль надъ врагами хана и его ханства. Но однажды, при возвращеніи его изъ многочисленныхъ походовъ, у него вдругъ открылись раны, полученныя въ шатрѣ его бывшаго врага и соперника. Принятыя мѣры не помогли — и сынъ мурзы Эдыге истекъ кровью. Смерть доблестнаго Нурадиля лишила монголовъ одного изъ лучшихъ героевъ ихъ [122]).

Примѣчанія.

1) Ханъ Тохтамышъ царствовалъ въ Золотой или Кипчакской ордѣ съ 1381 по 1395 годъ. Предшественникомъ Тохтамыша въ ордѣ былъ столь извѣстный въ русской исторіи Мамай, а свергъ Тохтамыша съ «золотого трона», какъ говорится въ поэмѣ, всемірно-извѣстный грозный завоеватель Темиръ-шахъ, Аксакъ Темиръ, Темирленгъ или Тамерланъ. Въ 1382 году, въ княженіе Дмитрія Донского, Тохтамышъ, осторожно подкравшись къ Москвѣ, хитростью заставилъ жителей ея отворить Кремлевскія ворота и, ворвавшись въ городъ, опустошилъ его.

2) Аксакъ Темиръ или Тамерланъ.

3) *Эмчекъ*—молочный братъ. Такъ называются взаимно дѣти женщины изъ народа, вскормившей своею грудью ребенка знатной фамиліи, и этотъ послѣдній ребенокъ.

4) *Саклау*—воинъ—тѣлохранитель.

5) «Обращаются» во множественномъ числѣ изъ почтенія къ хану. Узунъ-Айдаръ—Айдаръ изъ рода или даже племени *Узунъ*, *Усунъ* (въ нашей исторіи *Узы*).

6) *Эфенди*—воззваніе, совмѣщающее въ себѣ понятія господинъ и духовный учитель.

7) У мусульманъ и до сихъ поръ существуетъ обычай принимать присягу никогда и ни по какому дѣлу не являться доказчикомъ или открывателемъ. Такого рода присягу по преимуществу принимаютъ благочестивые старики и *хаджи* (поклонившіеся гробу Магомета) и поэтому совершенно естественно, что *Кора-Коджа* (*коджа* тоже, что *хаджи*) также могъ принять такую присягу.

8) Отвѣтъ уклончивый, доказывающій, что Кубугула боялись.

9) Въ отвѣтѣ слышится горечь обиды со стороны молочнаго брата самого хана, которому предпочли какого-то неизвѣстнаго воина.

10) *Кыпчакъ* (кипчаки)—одна изъ крупныхъ родовыхъ группъ, входившихъ въ составъ монгольской орды, отчего и самая орда называлась Кипчакскою.

11) *Арба*—азіатская двухколесная повозка.

12) Въ подлинникѣ *кара-тозъ* (кара-черный, тозъ-береза). Можетъ быть, нужно понимать—карельская береза, свойства которой—твердость и крѣпость.

13) Чингизъ-Ханъ или Темучинъ—родоначальникъ хановъ Золотой Орды и основатель великаго монгольскаго царства въ Средней Азіи.

14) *Союнъ-ханъ*—быть можетъ, тотъ повелитель татаръ, имѣвшій пребываніе въ Кара-кумѣ (Каракорумъ), въ послѣдствіи столицѣ Чингизъ-хана, который, нося имя Унгъ-хана или Іанъ-хана, извѣстенъ былъ европейскимъ миссіонерамъ подъ именемъ Іоанна (Всемірн. истор. Шлоссера, VII, 206).

15) Полагаю, что рѣчь идетъ объ Октаѣ, Оготаѣ или Іоготаѣ, великомъ ханѣ послѣ Чингизъ-хана, выстроившемъ себѣ въ *Кара-кумѣ* великолѣпный дворецъ съ помощью китайскихъ мастеровъ. Догадка эта подтверждается для меня тѣмъ, что именно потомки Октай-хана были истреблены великимъ ханомъ Мангу, внукомъ Чингизъ-хана (тамъ же, стр. 217, 222 и 225).

16) Послѣ смерти Октая великимъ ханомъ былъ назначенъ старшій сынъ его, но жена Октая *Туракейна* сумѣла санъ великаго хана передать родившемуся отъ нея младшему сыну Октая *Коіоку* (тамъ же, 223); этотъ старшій сынъ, имени котораго исторія не знаетъ, не *Юша* ли, безвѣсти пропавшій?

17) *Татаръ-тупъ*—буквально: подошва или низъ мѣста татаръ, въ переносномъ смыслѣ: стоянка татаръ. Интересно, что Татаръ-тупомъ и по нынѣ называется одно мѣсто, лежащее вблизи линіи Владикавказско-Ростовской желѣзной дороги, между станицею Змѣйскою и осетинскимъ селеніемъ Эльхотово. Еще интереснѣе, что на этомъ мѣстѣ стоитъ каменный минаретъ, носящій названіе *Джулатъ*, вокругъ котораго находится множество ямъ, указывающихъ, что тутъ когда-то были жилья. Ногайцы впрочемъ почему-то полагаютъ, что Джулатъ—Манджурія.

18) *Султанъ Берки-ханъ и Алтунъ-Бердыбекъ*, вѣроятно, ханъ Золотой Орды Берке, Беркере, Баркай, сынъ Бату или Батыя, царствовавшій съ 1257 по 1266 годъ и первый принявшій мусульманство (Всемірн. истор. Шлоссера, VII, 220. Русск. истор. Соловьева, III, 195, 204, IV, 178). Судя потому, что въ пѣснѣ отъ Юша-хана дѣлается скачекъ прямо къ Берке и не упоминается ни о Бату, ни о Мангу, ни о Кублаѣ, предшественникахъ

Берке, надо полагать, что въ этомъ мѣстѣ пѣсни нѣсколько строфъ пропущено.

19) Родникъ *Балта* находится на военно-грузинской дорогѣ, верстахъ въ 12 отъ Владикавказа. *Ташъ-Гечу* значитъ каменный бродъ. Бродъ съ такимъ названіемъ существуетъ на рѣкѣ Аксаѣ, протекающей по кумыцкой плоскости. Если вѣрить ногайцамъ, утверждающимъ, что въ пѣснѣ говорится именно объ этомъ бродѣ, то выраженіе «отъ Балта до Ташъ-гечу» нужно понимать въ смыслѣ опредѣленія южной границы Золотой Орды при ханѣ Боракъ ханѣ.

20) Дагестанъ—страна, извѣстная подъ тѣмъ же названіемъ и нынѣ, Агистанъ, по толкованію ногайцевъ, плоскость между Дагестанскими горами и моремъ. По соображеніемъ, приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, необходимо предположить, что при ханѣ Аметъ-Саметѣ (можетъ быть, Аметъ-Саметъ искаженіе именъ двухъ братьевъ или двухъ со-хановъ, Амета и Самета) въ предѣлы Золотой Орды входила уже значительная часть сѣверо-восточнаго Кавказа.

21) *Гуенъ-Гала*—крѣпость, находившаяся въ устьѣ ущелья рѣки Акташа, гдѣ теперь расположенъ кумыцкій аулъ *Эндери* (русскіе называютъ его *Андрей-аулъ* или *Андреева* деревня). Около аула находится площадь, обрамленная осыпавшимся отъ времени рвомъ, которая и до нынѣ называется мѣстнымъ населеніемъ *гуенъ-гала*. *Сагызъ-коль* (сагызъ или—по русски—сакизъ—сосновая смола; коль—озеро) вязкое озеро, болото. Ученые кумыки утверждаютъ, что болото Сагызъ-коль лежитъ около устья Кубани. Если это такъ, то при ханѣ Янгурчи Кипчакская орда простиралась на западъ до Азовскаго моря.

22) *Тохта-ханъ* или *Токтай* властвовалъ въ Золотой Ордѣ съ 1292 года. По нашей исторіи (Соловьевъ, Истор. Россіи, III, 243 1) Тохта былъ сынъ хана *Мангу-Темира*, завладѣвшій ханствомъ послѣ истребленія четырехъ своихъ соперниковъ внуковъ *Туту-кана*, или *Туту-хана*.

23) *Торгатъ башиакъ чатыръ* буквально: *бѣлый шатеръ на головѣ гнѣдой лошади*. Ногайцы утверждаютъ, что это названіе мѣстности на Волгѣ, можетъ быть, бывшаго тамъ города. Не добившись болѣе яснаго разъясненія настоящаго выраженія, я счелъ за лучшее оставить его безъ перевода.

24) Въ нашей исторіи—*Тинбекъ* или ***Инсанбекъ***, царствовавшій въ ордѣ послѣ Узбека, съ 1340 по 1342 годъ (Истор. Россіи, III, 315). Въ пѣснѣ онъ почему то, можетъ быть, ради размѣра или риомы, упоминается раньше Узбека.

25) По казачьи—***тебеньки***. Это родъ небольшихъ кожаныхъ фартуковъ, опускающихся изъ подъ сѣдла на бока лошади. Тебеньки и теперь испещряются тисненными рисунками; въ древности-же они, очевидно, считались предметомъ украшенія убранства коня и не только вышивались золотыми и серебряными шнурами, но и покрывались иногда узорами, выкованными изъ этихъ металловъ.

26) Т. е. очень недавно.

27) Ханъ *Узбекъ*—современникъ великихъ князей Московскихъ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго.

28) Узбекъ былъ племянникъ своего предшественника Тохта и, вѣроятно, захватилъ ханство силою или хитростью, на что и дѣлается намекъ въ пѣснѣ.

29) Надо полагать, источниковъ, вода которыхъ имѣла особенно пріятный вкусъ. Дальше въ пѣснѣ одинъ такой источникъ называется ***шермутунъ***. Причиною запрещенія пользоваться водою этихъ источниковъ могла быть недостаточность воды въ нихъ, уходившей на потребности ханскаго двора.

30) ***Кутасъ***—воинское украшеніе, принадлежность котораго кисть или султанъ. Кутасы носились на шлемахъ и также черезъ плечо, какъ орденскія ленты, въ послѣднемъ случаѣ кисть приходилась ниже таліи, на бедрѣ. Кутасомъ у монголовъ назывался также придатокъ къ конскому поводу, состоявшій изъ двухъ шелковыхъ жгутовъ, соединенныхъ на груди лошади кистью. Кутасы, какъ отличіе, имѣли право носить только лица, принадлежавшія къ высшему классу воиновъ или дворяне.

31) *Аріамакъ*—конь.

32) Подъ словомъ *сарай* здѣсь разумѣется хозяйственный хуторъ или, какъ принято называть на Кавказѣ, ***кутанъ***: одно или нѣсколько помѣщеній для крупнаго и мелкаго скота съ помѣщеніями для лицъ, наблюдающихъ за скотомъ.

33) *Сексеулъ*—особый родъ травы-кустарника, растущаго по берегамъ Каспійскаго моря. Для употребленія на топливо собираются руками высохшіе стволы этого растенія, которые горятъ

очень жарко. Во время закаспійской экспедиціи наши войска тоже пользовались этой травою, какъ топливомъ, называя ее *сексеульникъ*.

34) Ногайцы объясняютъ это мѣсто такъ. У хана Джанибека было такъ много дойнаго скота, что онъ устроилъ для него въ разныхъ мѣстахъ восемьдесятъ сараевъ или хуторовъ, гдѣ скотъ и доился. Не желая, однако, чтобы молоко перерабатывалось въ кумысъ и другіе продукты въ восьмидесяти отдѣльныхъ мѣстахъ, онъ соединилъ эти сараи тысячью трубъ и по этимъ трубамъ молоко сливалось въ общіе резервуары.

35) Т. е. одѣяло было изъ золотой парчи. Парчевыя одѣяла и теперь въ большомъ употребленіи на Востокѣ.

36) Въ Русской Исторіи *Чанибекъ*, современникъ Симеона Гордаго и Іоанна II, дѣтей Іоанна Калиты. По сказаніямъ лѣтописцевъ, онъ отличался добротою къ христіанамъ (Истор. Росс. Соловьева III, 321).

37) Съ локтями, или напоминавшими своимъ выгибомъ колѣна верблюда или обросшими длинными волосами.

38) Бердыбекъ—свирѣпый ханъ, убившій отца и братьевъ, (1357 г.), современникъ Іоанна II.

39) Въ нашей исторіи *Тоу-Ходжа* нѣтъ, хотя въ періодъ времени отъ Бердыбека до Мамая и Тохтамыша, между другими, упоминаются два хана Ходжа: *Магометъ-Ходжа* и *Темиръ-Ходжа*. Можетъ быть, *Тоу-Ходжа*, отецъ Тохтамыша, и *Темиръ-Ходжа*—одно и то же лицо?

40) Вѣроятно высшими ханами пѣвецъ называетъ хановъ средне-азіатскаго монгольскаго ханства, а низшими—хановъ приволжской орды.

41) Полагаю, что *Крымомъ* здѣсь называется вся территорія монгольскаго ханства; иначе трудно объяснить появленіе этого имени въ пѣснѣ, содержаніе которой не имѣетъ никакого отношенія къ Крымскому полуострову.

42) *Торбола*—птица, но какая именно—этого я не разъяснилъ: въ то время какъ одни ногайцы утверждаютъ, что это перепелка, другіе стоятъ за хищника изъ породы соколовъ.

43) Ногайцы думаютъ, что *Джарнакъ*—какая то мѣстность на Кавказѣ, въ которой могла быть лѣтняя резиденція Тохтамыша въ пору воспѣваемыхъ пѣвцомъ событій. Не *Джерахъ-ли*

это—мѣстность въ Дарьяльскомъ ущельѣ, населенная теперь джераховскимъ обществомъ?

44) Пѣвецъ прибѣгаетъ къ мѣстоимѣнію *онъ*, чтобы не употреблять страшнаго имени *Эдыге*.

45) Надо думать, что пѣвецъ говорилъ это на своей родинѣ, въ Хивѣ. Не даромъ же хитрый Джаммай указалъ на него, какъ на человѣка, знающаго происхожденіе Кубугула.

46) Т. е. бездомнымъ и одинокимъ.

47) Т. е. перебьетъ.

48) *Палѳванъ*—гимнастъ и канатный плясунъ, въ которомъ предполагается богатырская физическая сила.

49) *Нукеры*—воєнные слуги.

50) *Онъ—ханъ Эдыге*. Это мурза Эдыгей нашей исторіи, полководецъ Золотой Орды послѣ смерти Тохтамыша.

Въ 1399 году Эдыгей одержалъ побѣду надъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ, при рѣкѣ Ворсклѣ, а въ 1408 году онъ осадилъ Москву, простоялъ подъ нею болѣе мѣсяца и затѣмъ снялъ осаду лишь послѣ уплаты ему выкупа въ 3000 серебряныхъ рублей (Истор. Росс. Соловьева IV, 24, 28).

51) Въ другомъ мѣстѣ поэмы говорится, что туркестанецъ *Коджа-Ахматъ* былъ родоначальникомъ фамиліи Эдыге. Интересно, что, судя по описанію наружности Эдыге (выпуклый лобъ, орлиный носъ и проч.) мурза этотъ нисколько не походилъ на монгола. Въ этомъ можно видѣть доказательство, что вмѣстѣ съ монголами въ юговосточную Европу пришли также представители другихъ рассъ, напримѣръ индо-европейской и тюркской, которые потомъ слились съ исконными обитателями Сѣвернаго Кавказа: Лезгами, Гумыками, Мичгизами (чеченцы), Оссами, Габарами (кабардинцы) и др.

52) Т. е. на мнѣ лежитъ долгъ кровной мести въ отношеніи убійцы моего отца.

53) Въ выраженіи «мои больные зубы» смыслъ тотъ же, что въ выраженіи: «у меня вырванъ зубъ.»

54) Т. е. не сталъ твердо на ноги: не смылъ еще кровнаго оскорбленія.

55) *Аталыкъ*—названный отецъ; названіе аталыкъ присвояется мужу женщины, вскормившей своею грудью чужого ребенка,

по отношенію къ этому ребенку. Сама женщина называется *аналыкъ*.

56) Въ настоящее время, при большой скудости свѣдѣній о происхожденіи кавказскихъ племенъ, трудно разобраться въ именахъ разсказанной части ногайской поэмы. Однако нельзя, все-таки, не обратить вниманія на совпаденіе имени героя поэмы Эдыге съ именемъ одного изъ крупнѣйшихъ кавказскихъ племенъ—*Адыге* или *Эдыге* (черкесы) и имени калмыцкаго хана *Кабардына* съ именемъ отрасли того же племени — извѣстныхъ кабардинцевъ.

57) Сраженіе при рѣкѣ Терекѣ въ 1395 году, рѣшившее участь Тохтамыша (Истор. Россіи Соловьева IV, 22).

58) Князь Эдыге и Нурадиль, сынъ его. Они называются князьями Тохтамыша, какъ его подданные.

59) Т. е. при выдачѣ дочерей замужъ брали за нихъ по 40 кобылицъ въ *калымъ*, по обычаямъ мусульманскихъ народовъ.

60) Такой трескъ производится кумысомъ во время процесса броженія.

61) *Сарiекъ*—какая то ядовитая змѣя.

62) *Эдылъ*—Волга, *Тэнъ*—Донъ.

63) *Шермутуномъ* назывался какой-то родникъ, вода котораго имѣла особенно пріятный вкусъ. Кажется, вмѣсто Шермутунъ должно стоять слово Шербетумъ, въ корнѣ котораго лежитъ шербетъ—сладкій напитокъ. Въ настоящемъ сдучаѣ именемъ родника названа вся сторона.

64) *Токсана* время съ 1-го по 10 Декабря, когда замерзаютъ обыкновенно даже южныя рѣки.

65) Мѣсто это въ подлинникѣ не совсѣмъ ясно. Повидимому, у Тохтамыша внезапно родилась мысль открыть молодымъ мурзамъ и воинамъ тайну своихъ отношеній къ Эдыге. И въ тоже время онъ сознадъ, что дѣлать это уже поздно, что положеніе его безнадежно, и по этому рѣшилъ отдаться на волю судьбы.

66) *Иблекъ*, *ебелекъ*—трава, отличающаяся особенно глубоко сидящимъ въ землѣ корнемъ.

67) Шелковистая болотная трава, въ которой болотныя птицы любятъ прятать свои яйца.

68) Въ нашей исторіи (Ист. Росс. Соловьева IV, 27 и 28)

преслѣдователемъ Тохтамыша, послѣ изгнанія его изъ Золотой орды Тамерланомъ, называется ханъ ***Темиръ-кутлуй***, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ Эдыгеемъ. Если принять во вниманіе, что Нурадиль (Нуръ-Адиль) былъ внукъ ***Кутлу-Кая*** и что эпитетъ ***Темиръ***—желѣзный вполнѣ соотвѣтствуетъ желѣзному характеру этого суроваго воина (какъ увидимъ ниже), то легко допустить, что подъ именемъ Темиръ-кутлуя слѣдуетъ подразумѣвать желѣзнаго внука Кутлу-кая—Нурадиля.

69) Нѣкоторые ногайцы-пѣвцы причиною изгнанія Нурадилемъ своего отца Эдыге изъ ханства считаютъ не одно мщеніе за обманъ относительно дочерей Тохтамыша, но еще и то, что Эдыге вмѣшивался въ дѣла ханства. Дѣйствительность заключается, вѣроятно, въ томъ, что отважный и честолюбивый Нурадиль, захвативъ власть въ свои руки, вѣроятно, посредствомъ заговора, призналъ за лучшее избавиться отъ своего престарѣлаго соперника изгнаніемъ его изъ ханства.

70) Исполнить долгъ кровомщенія.

71) Случая убить его.

72) Т. е. не заплативъ обычнаго калыма.

73) Т. е. стрѣляетъ хорошо. Выраженіе, подобное выраженіямъ беретъ руками, думаетъ головой и проч.

74) Это выраженіе мало понятно. Если предположить, что разумѣются подданные Нурадиля или даже его воины, то и въ томъ и въ другомъ случаѣ цифра черезъ-чуръ незначительна. Можетъ быть, тутъ вкралась ошибка и вмѣсто 18 т. нужно читать 118 т. Кумыцкіе ученые (большіе мистики) думаютъ, впрочемъ, что здѣсь дѣло идетъ о 18 т. типовъ земныхъ тварей, славословящихъ Бога своимъ существованіемъ.

75) Эти имамы—представители четырехъ толковъ, на которые раздѣлилась сунитская секта мусульманства еще въ концѣ VIII вѣка нашей эрры. Вотъ имена ихъ, послужившія названіями и самихъ толковъ: ***Ханифи*** (по кумыцки—Ханапи), ***Малеки***, ***Шафи*** (по кумыцки Шепіа) и ***Ханболи***.

76) ***Иблизъ*** или ***иблисъ***—злой духъ, демонъ.

77) Для угощенія народа въ ознаменованіе радостнаго событія. Вольныя (оставленныя на племя) кобылицы и бѣлые бараны—скотъ болѣе высокой цѣнности.

78) Вѣроятно, сукно въ глазахъ монголовъ было болѣе цѣнною матеріею, чѣмъ бархатъ.

79) Т. е. разгромившій Золотую Орду и убившій такого хана, какъ Тохтамышъ.

80) Аравія.

81) *Шамъ*—Дамаскъ, *шааръ*—городъ—городъ Дамаскъ.

82) Египетъ.

83) Али, сынъ Абу-Талеба, одинъ изъ первыхъ четырехъ послѣдователей Магомета и зять пророка.

84) Т. е. какъ истинный сунитъ. Шіиты, какъ говорятъ кумыки, во время моленія кладутъ передъ собою для земныхъ поклоновъ коврикъ или вообще что нибудь мягкое.

85) *Мюридъ*—послѣдователь *тариката* или ученикъ *мюршида*—учителя *тарикатизма* (см. пр. 86).

86) Мусульманство признаетъ три пути ко спасенію. Путь первый—*шаріатъ*, обязательный для всѣхъ безъ исключенія и исполнимый при всякомъ житейскомъ положеніи. (Исповѣданіе, что Богъ одинъ и Магометъ пророкъ его, совершеніе омовеній и установленныхъ богомоленій и затѣмъ добродѣтельная жизнь, не выходящая изъ предѣловъ разумнаго и добросовѣстнаго удовлетворенія своихъ страстей и потребностей). Путь второй — *тарикатъ*. Идущій по этому пути обязанъ постоянно быть въ религіозномъ настроеніи, постоянно обуздывать свои страсти и до возможныхъ предѣловъ ограничивать свои потребности. Это путь избранныхъ. Путь третій—*хакійкатъ*. На этомъ пути лежатъ полный аскетизмъ, совершенное отрѣшеніе отъ міра и пребываніе въ созерцаніи Божества (состояніе индійскихъ мусульманскихъ факировъ). Вмѣщающій въ себѣ *хакійкатъ* уже на землѣ *шейхъ* (святой) и пророкъ. Эдыге въ своихъ пѣсняхъ сначала говоритъ о себѣ, какъ объ учителѣ тариката, а потомъ заявляетъ, что чувствуетъ въ себѣ силы *шейха*.

87) Азраилъ—ангелъ смерти.

88) *Тульпаръ*, по объясненію ученыхъ кумыковъ, одинъ изъ легендарныхъ коней пророка Магомета и нарицательное названіе коня съ сверхъ-естественною силою.

89) *Ковсаръ*—священный родникъ въ раю.

90) Какъ въ этой строфѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ строфахъ настоящей пѣсни воспроизводятся мистическія грезы

религіознаго фанатика и аскета, а потому приводимые въ нихъ факты не имѣютъ реальнаго значенія.

91) Напоминаніе объ отношеніяхъ Эдыге къ Тохтамышу.

92) Жена пророка Магомета.

93) Дочь пророка, жена Али.

94) Сыновья Патиматъ, дочери пророка.

95) Христосъ и Илья.

96) Дѣйствительный предокъ Эдыге и мусульманскій святой.

97) *Джеламъ-удднномъ* или—точнѣе *Джеламомъ ед-Дулаве-удднн*, т. е. украшеніемъ государства и вѣры, называется султанъ Малекъ-шахъ, сынъ знаменитаго въ исторіи восточныхъ мусульманскихъ государствъ сельджукскаго султана Альпъ-Арслана, и свѣтскій правитель (Эмиръ-аль-омра) Багдадскаго халифата въ концѣ XI столѣтія. Можетъ быть, Эдыге называетъ себя сыномъ этого ревнителя вѣры въ духовномъ смыслѣ; а можетъ быть, тутъ таится намекъ на родство фамиліи мурзы съ турками-сельджуками.

98) Славословіе заключается въ словахъ: «*Лаиль-ля илляллахъ Магомаду расулла*». (Свѣтъ Бога и Магометъ пророкъ его), повторяемыхъ во время большого богомоленія тридцать три раза. У мусульманъ считается благочестивымъ дѣломъ повторять это славословіе многократно.

99) Библія, псалтырь, евангеліе и коранъ.

100) Эти наставленія (заповѣди): вѣрить въ Бога, вѣрить въ пророка, вѣрить въ послѣдній день, совершать омовенія, молиться, подавать милостыню и проч.).

101) *Капъ-тау*, по повѣрью мусульманъ-ногайцевъ, горный хребетъ, опоясывающій всю землю; вершина его упирается въ небо. Вѣроятно, капъ-тау—Кавказъ; городъ Владикавказъ китайцы называютъ *Капкай*.

102). Трава, растущая на мокрыхъ мѣстахъ.

103) *Сункаръ*—тоже охотничья птица. У монголовъ, какъ у страстныхъ любителей соколиной охоты, должно было быть много названій охотничьихъ птицъ, но разъяснить эти названія могутъ теперь обитатели Средней Азіи, а не наши невѣжественные ногайцы.

104) Т. е. обойдя семь разъ вокругъ мекскаго храма со священнымъ камнемъ *кааба*. Обойти именно семь разъ вокругъ

храма обязательно для каждаго мусульманина, являющагося въ Мекку въ качествѣ богомольца.

105) Охотничьи птицы. См. пр. 103.

106) По названію, родникъ, служившій водопоемъ для овечьихъ стадъ. Гдѣ онъ находился, а также какое онъ имѣлъ религіозное значеніе—разъяснить это мнѣ не удалось.

107) Въ нашей исторіи (Истор. Россіи, Соловьева, IV, 24), подъ 1412 годомъ встрѣчается ханъ Зелени-Салтанъ или Джелаледдинъ-Султанъ, названный сыномъ Тохтамыша, а подъ 1424 годомъ упоминается ханъ *Куидадатъ*, безъ обозначенія его происхожденія. Имя послѣдняго хана взято Соловьевымъ изъ письма великаго князя Литовскаго Витовта къ великому магистру Ливонскаго ордена (тамъ-же, прим. 27). Даже и для мало знакомаго съ татарскимъ языкомъ имя Куидадатъ звучитъ фальшиво, поэтому мы вправѣ считать его искаженіемъ другого имени. Не есть-ли Куидадатъ исковерканное Кадыръ-Берды? А еще правдоподобнѣе, что Кадыръ-Берды-Султанъ скрывается подъ Джелаледдиномъ-Султаномъ.

108) А Боръ-кая былъ отецъ Кутлу-кая, отца Эдыге, отца Нурадиля.

109) Дань естественными произведеніями.

110) *Пракъ* или *Боракъ* — крылатый конь, на которомъ Магометъ поднимался на седьмое небо, къ престолу Всевышняго, какъ разсказывается въ коранѣ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ Нурадиль выражаетъ, что онъ правилъ народомъ, стоя надъ нимъ такъ высоко, какъ высоко парилъ надъ землею пророкъ Магометъ, сидя на Боракѣ.

111) *Нукеры*—военные слуги, въ настоящемъ случаѣ свита.

112) Какая именно золотая монета разумѣется здѣсь—мнѣ не удалось узнать.

113) *Ай*—луна, *балта*—топоръ, *ай-балта*—лунообразный топоръ, т. е. извѣстная сѣкира среднихъ вѣковъ.

114) О словѣ *торбала* см. пр. 42. Вѣроятно, панцырь въ какомъ-нибудь отношеніи напоминалъ эту птицу и поэтому носилъ ея названіе.

115) Есть варіантъ этого мѣста, выраженный такъ: «И только по молодости своей я не воспользовался сестрами твоими Ханыке и Газыке».

Варіантъ вполнѣ согласуется съ помѣщеннымъ выше разсказомъ и поэтому именно я и привожу его здѣсь. Что же касается редакціи, помѣщенной въ текстѣ, то нѣтъ основанія считать и ее неправильною, такъ какъ Нурадиль могъ потомъ исправить свою ошибку и взять таки себѣ въ жены сестеръ Кадыръ-Берды.

116) Буланый конь.

117) Вѣроятно, при панцырѣ надѣвался на шею серебряный воротникъ.

118) Арту, конечно, рѣка. Было бы очень интересно узнать, какая изъ существующихъ рѣкъ носила это названіе, въ виду того, что арабскіе писатели IX и X вѣковъ цѣлую славянскую страну (одну изъ трехъ, которыя они знали) называютъ *Артаніею*. Къ сожалѣнію, ногайцы не такой народъ, который бы пришелъ на помощь наукѣ со своими народными воспоминаніями. Если позволить себѣ нѣкоторую смѣлость въ предположеніяхъ, то можно за рѣку Арту, признать рѣку Каму, такъ какъ, по даннымъ нашей исторіи, Тохтамышъ былъ убитъ въ Камской или Волжской Болгаріи.

119) Въ одномъ варіантѣ этой пѣсни Нурадиль говоритъ, что голову Тохтамыша онъ съ подобающими почестями похоронилъ близь могилы Сали-шейха (Сали-Святого).

120) Саврасый конь, очевидно, считался у монголовъ болѣе горячимъ и дикимъ.

121) Конечно, монголы могли знать о существованіи Бѣлаго моря и также могли имѣть убѣжденіе, будто вода этого моря горче воды другихъ морей.

122) Ногайцы разсказываютъ, что послѣ смерти Нурадиля тѣло его было отвезено на сѣверъ и предано землѣ на берегу Волги (вѣроятно въ столицѣ Золотой Орды), а вынутое изъ него сердце было погребено на томъ мѣстѣ, гдѣ герой испустилъ духъ. Надъ урной съ сердцемъ былъ насыпанъ большой курганъ, который и по нынѣ гордо возвышается на степи кара-кумъ (на сѣверъ отъ Терека) и своимъ названіемъ «*Могила Нурадиля*» понынѣ напоминаетъ всѣмъ о жизни и дѣяніяхъ монгольскаго полководца, сына великаго и благочестиваго Эдыге.

ДВА ДОПОЛНЕНІЯ

къ поэмѣ „Мурза Эдыге".

I.

„Пѣснь объ Эдигеѣ" — статья г. Николая Гулакъ, напечатанная въ газетѣ „Кавказъ" за 1885 годъ.

Вслѣдъ за напечатаніемъ мною въ газетѣ „Кавказъ" перевода или, выражаясь точнѣе, переложенія поэмы „Мурза Эдыге", которая была озаглавлена „Яммай", по имени одного изъ героевъ ея, фигурирующаго въ ней въ качествѣ злого генія, въ той-же газетѣ появилась статья г. Гулакъ: „Пѣснь объ Эдигеѣ". Коснувшись въ статьѣ моего переложенія и, согласно съ моимъ предисловіемъ къ нему, отмѣтивъ; что оно сдѣлано въ 1880 и 1881 годахъ, г. Гулакъ далѣе говоритъ: „Ровно полстолѣтія передъ этимъ, а именно въ 1830 году, подобныя-же пѣсни были записаны въ Астрахани г. Александромъ Ходзько. Онѣ были ему сообщены однимъ изъ его татарскихъ друзей, Али-Бекъ Шараповымъ. Этотъ Шараповъ былъ человѣкъ вполнѣ ученый — по восточному, онъ объяснилъ г. Ходзько смыслъ этихъ стихотвореній, переводя ихъ, слово въ слово, съ татарскаго на персидскій языкъ, и подъ его диктовку г. Ходзько записалъ ихъ и потомъ издалъ на англійскомъ языкѣ въ Лон-

донѣ, въ 1842 году. Ему передавали также, что этотъ же самый сборникъ пѣсенъ былъ потомъ сообщенъ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, г. Кеппену въ Крыму и что этотъ послѣдній собирался издать его, но по настоящее время подобнаго изданія не послѣдовало. Между собранными г. Ходзько пѣснями находится пѣснь объ Эдигеѣ, представляющая собою замѣчательный варіантъ пѣсни, записанной г. Семеновымъ. Такъ, родословная Эдигея записана и у г. Семенова и у Ходзько: у перваго насчитываются только шесть предковъ, у послѣдняго—цѣлыхъ четырнадцать. Въ обѣихъ родословныхъ, первый предокъ Эдигея—Абубекръ Садыкъ и послѣдній, т. е. отецъ Эдигея, Кутлу-Кай тождественны, а посредствующіе члены различны. Имя Яммая, играющаго столь важную роль у г. Семенова, встрѣчается и у г. Ходзько, но съ другимъ произношеніемъ: ***Джамбай***. Стовосьмидесятилѣтній пѣвецъ Пардзакъ является у Ходзько трехсотъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ ***Собра***. Перечень хановъ, видѣнныхъ имъ, гораздо полнѣе у г. Семенова, чѣмъ у Ходзько. Изъ именъ, встрѣчающихся въ обоихъ перечняхъ, замѣтимъ слѣдующія: Чингисъ-хана, Буракъ-хана, Юкта-хана, Джани-бека и его сына Берды-бека. Рѣчь Джамбая (Яммая) къ Эдигею, въ которой онъ уговариваетъ его возвратиться къ Тохтамышу, и отвѣтъ на нее Эдигея гораздо полнѣе и поэтичнѣе у г. Ходзько, чѣмъ у г. Семенова, а также послѣдніе совѣты пѣвца Собры (Пардзака). Затѣмъ обрывается у Ходзько нить разсказа о дальнѣйшей борьбѣ Эдигея съ Тохтамышемъ, и объ окончательномъ пораженіи послѣдняго упоминается только вскользь, немногими словами. Вмѣсто того мы находимъ позднѣйшую вставку, вѣроятно, прибавленную

шіитомъ-мусульманиномъ. Хотя въ этой вставкѣ проявляется крайне своеобразная восточная поэзія, но она не дышетъ тою эпическою простотою, которою проникнута первая, древнѣйшая часть этой пѣсни.

За этою не безъинтересною и важною въ библіографическомъ отношеніи замѣткою г. Гулакъ приводитъ и самую пѣснь по редакціи покойнаго теперь ученаго Ходзько. Вотъ эта пѣсня, въ переводѣ автора цитируемой статьи.

„*Пѣснь объ Эдигеѣ*".

„Когда храбрый Эдигей жилъ—его народъ благоденствовалъ, его владѣнія процвѣтали. Его подданные имѣли обыкновеніе собираться въ кучи, и тогда ханъ приказывалъ убивать кобылицъ и варить медъ. А когда онъ созывалъ всѣ племена въ одно мѣсто, тогда онъ приказывалъ приводить предъ себя Джирана (т. е. пѣвца), по имени Собра, старца трехсотъ шестидесяти лѣтъ, съ шатающимися зубами, но свѣжаго ума и въ собольей шапкѣ.

„Эдигей былъ сынъ воина, онъ служилъ Богу съ самаго дѣтства. Грива темно-бураго коня Эдигея издали сіяла. Эдигей имѣлъ привычку пріятную Богу. Когда онъ встрѣчалъ мужа, хотя однимъ годомъ старше себя, онъ спрашивалъ его: „Султанъ мой! что ты желаешь? Говори".

„Добрые люди! Вы взываете ко мнѣ: „Разскажи намъ что-нибудь, о Джиранъ, разскажи что-нибудь!" Хорошо, я разскажу, но увы, что вамъ разсказывать, вы, добрые слушатели?

„Этотъ мужъ, зачатый отцемъ, былъ единствен-

нымъ сыномъ матери. Съ самаго рожденія онъ имѣлъ право висѣлицы *).

„Онъ прочелъ все, прочелъ до послѣдняго слога всѣ четыре книги, ниспосланныя съ неба: библію, ***псалтырь***, евангеліе и коранъ. Онъ совершалъ свои омовенія водою изъ источника ***Земземъ***, принесенною изъ священнаго мѣста ***Мекки***. Онъ приказывалъ раскладывать коверъ и на немъ совершалъ свои молитвы.

„Достигнувъ девяти лѣтъ, онъ поступилъ на службу къ Тохтамышъ-хану. Въ возрастѣ четырнадцати лѣтъ его посадили на престолъ, какъ слѣдуетъ мужу. Когда-же онъ утвердился на престолѣ, Тохтамышъ началъ опасаться, что его жена Гулай-Ханумъ влюбится въ молодого человѣка, и въ немъ возникла глупая мысль преслѣдовать Эдигея".

„Эдигей, замѣтивъ перемѣну въ обращеніи хана, взялъ съ собою девять человѣкъ и ушелъ въ степь, сдѣлавшись „казакомъ".

„Когда Тохтамышъ-ханъ услыхалъ объ этомъ, онъ выслалъ въ погоню за нимъ девять мужей: ***Омрукъ-Темира***, племени киргизовъ, ***Кара-Кая*** изъ Крыма, ***Дженнетай-Куссу*** изъ Кипчака, ***Джамбая, сына Карабая***, Кенегесси и др. Они погнались за нимъ со всею скоростью, погнались и возвратились вспять. Что-же они сказали?

„О ханъ нашъ!" вскричалъ Джамбай: „мое тѣло одѣто въ броню, мечъ при бедрѣ, а все-таки я боюсь, что ты предашь мою душу погибели!"

— „Не бойся, клянусь душею своею! Говори мнѣ все, что слышалъ и видѣлъ".

---

*) Т. е. право казнить смертью—повѣшеніемъ, что считалось высшею привиллегіею между татарскими мурзами. *Пр. т. Гулакъ.*

„Тогда Джамбай разсказалъ слѣдующее:

„О мой ханъ! ты приказалъ мнѣ идти и я пошелъ. Я нагналъ его—Эдигея—и сказалъ ему: возвратись, о мой единственный сынъ, возвратись въ твой домъ. Скажи хану собственными твоими устами причину твоей сердечной боли. Поклонись ему и припади къ его ногамъ, въ его высокомъ бѣломъ шатрѣ. Изъ изящныхъ китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ пей то, что оставили воины. Ханъ хочетъ тебѣ дать многочисленныя стада кобылицъ, дабы ты могъ пить кумысъ. Онъ позволяетъ тебѣ пускать троихъ соколовъ на лебедей по семи озерамъ Караяла *). Онъ даритъ тебѣ пастбища Карадая для твоихъ охотничьихъ коней: пусть ихъ разжирѣютъ, пусть ихъ бедра будутъ подобны бедрамъ льва. Кольчуга хана знаменита: она сдѣлана изъ полосъ замши, переплетенныхъ кольцами лучшей стали, съ подкладкою изъ ***курпяковъ*** **).

„Возьми эту кольчугу за воротникъ, стряхни пыль и надѣнь ее, какъ свою собственную. У ханскаго шатра, справа и слѣва, оставлены два почетныя мѣста, приходи и займи мѣсто справа. Тамъ многочисленные служители съ той и съ другой стороны: приходи и будь агою надъ всѣми ими. Твоя жена, Омаръ-Бегумъ, дочь Амиръ-Кая: пока Тохтамышъ царствуетъ, ласкай ее, цѣлуй ее и спи счастливо съ ней!“

„О ты клятвопреступный! Ты собака Джамбай! твой отецъ низкой породы, ты рабъ изъ-за золота. Прочь отъ меня и подальше отъ меня выкрикивай

---

*) Недалеко отъ устьевъ Волги.

**) *Курпякъ* — это кожа ягненка, вынутая изъ утробы матери до рожденія. *Его же.*

свою пѣснь. Я отрѣжу тебѣ языкъ, не вынувъ его; я повѣшу тебя за небо и пылающимъ прутомъ отмѣчу тебѣ лицо. О Джамбай! Я не возвращусь назадъ, я не раскрою устъ и не повѣдаю хану свою сердечную кручину: языкъ мой отягощенъ злыми рѣчами. Я не преклонюсь въ послушанія предъ ханомъ, въ его высокомъ бѣломъ шатрѣ: дубъ выросъ на моей шеѣ и шея стала неповоротлива. Я не стану пить ханскія питія изъ его фарфоровыхъ чашекъ: мои уста стали слишкомъ тонки. Хотя-бы ханъ и предлагалъ мнѣ пить кумысъ отъ всѣхъ его кобылицъ, я не попробую его: сердце мое слишкомъ болѣетъ. Я не пущу своихъ соколовъ на лебедей по семи озерамъ Караяла: моя рука стала слишкомъ несчастна. Я не стану болѣе охотиться по пастбищамъ Карадая: мои охоты— всѣ неудачны. Если ханъ и даритъ мнѣ свою свѣтлую кольчугу, сдѣланную изъ замшевой кожи, переплетенной кольцами изъ лучшей стали и подбитой *курпяками*, я не возьму ее и стряхнувъ пыль не надѣну ее, какъ свою собственную: мои плечи стали слишкомъ слабы. Я не сяду на переднемъ мѣстѣ, справа въ *ордѣ*: тамъ выросла для меня стальная палка. Я не хочу начальствовать его служителями правой и лѣвой стороны: желаніе повелѣвать оставило меня. Моя жена—Омаръ-Бегумъ, дочь Амиръ-Кая,—Что-же изъ этого? Я буду цѣловать и ласкать ее только короткое время".

„Кромѣ того Эдигей приказалъ сказать хану: „Какое право ты имѣешь на Эдигея? Онъ рабъ Господа, онъ обязанъ службою одному Богу. Какъ вѣрный подданный, онъ никогда не покидалъ твоего порога. Онъ часто терпѣлъ обиды, но всегда прощалъ все: теперь ты самъ ихъ приводишь на память.

Богъ укажетъ тотъ день, когда я опять увижу синее море и плещущихся въ немъ осетровъ. Думаешь-ли ты, что Богъ не будетъ сопутствовать мнѣ по неизвѣданнымъ холмамъ и дикимъ пустынямъ? Когда мнѣ придется бодрствовать всю ночь, словно голодному волку, или когда я, одинокій странникъ, буду шагать противъ вѣтра, покрытый иннеемъ, думаешь-ли ты, что Богъ не будетъ со мною?"

„Эдигей удалился и сдѣлался ***казакомъ***. Тохтамышъ-ханъ, услыхавъ это, былъ пораженъ ужасомъ и упалъ духомъ. Онъ велѣлъ кругомъ поставить и укрѣпить шатры съ ***„оджауками"*** *).

„Онъ приказалъ зарѣзать многихъ кобылицъ и велѣлъ наварить большое количество меда. Онъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, созывать на ***курултай*** или вѣче всѣхъ почетныхъ и опытныхъ старцевъ, всѣхъ бодрыхъ и юныхъ воиновъ. Онъ созвалъ вѣче всего народа.

„Прежде всего, онъ обратился къ главѣ этого собранія, къ ***Худай-Бардѣ, сыну Гассана***. Но Худай-Барда сказалъ: „Я этого не понимаю".

— „Если такъ, то я спрашиваю мнѣнія ***Джамбая***, сына ***Кусы***, изъ племени Кенагессъ. Ты глава моего курултая. Въ большомъ котлѣ моего царства ты составляешь какъ бы пѣнку. Говори".

— „О мой ханъ! Я виноватъ сегодня. Я не знаю, что сказать".

— „Ну такъ ты, Акмуса, говори".

— „О мой ханъ! Богъ сотворилъ человѣка болѣе

*) *Оджаукъ*—это есть печь на кочевьяхъ, состоящая изъ двухъ камней или кирпичей, поставленныхъ рядомъ на землѣ. Между ними кладутся дрова или уголья и разводится огонь, а сверху ставится *котелъ*. Каждая семья имѣетъ такой котелъ, поэтому подати собирались иногда у кочевниковъ по числу котловъ въ станѣ. *Его-же.*

стараго, чѣмъ я: есть человѣкъ, ему отъ роду *360* лѣтъ, его зубы шатаются, его умъ свѣтелъ, онъ носитъ соболью шапку, его имя *Собра*. Пошли за нимъ".

— „Если такъ, то прикажи впречь лошадей въ мою золотую колесницу. Пусть лошади имѣютъ золотыя подковы и серебряные гвозди, пусть покрываютъ ихъ золотыя попоны, пусть онѣ отправляются и привезутъ сюда Собру".

„Лошади съ колесницею удалились. Колеса погрузились по ступицу въ песокъ. Взяли Собру и привезли его предъ хана".

„Ханъ приказалъ расчесать его бороду и отчистить отъ всякой гадости. Онъ приказалъ перевязать шелковыми нитями его зубы, дабы они не шатались. Онъ почтилъ его и пригласилъ сѣсть на переднемъ мѣстѣ".

— „О мой ханъ! Если ты приказываешь, я буду говорить. Но нѣтъ сока въ сухой травѣ, нѣтъ мозга въ изсохшихъ костяхъ. Умъ старыхъ людей слабѣетъ. Ханъ не будетъ доволенъ".

„О мой ханъ! Не преслѣдуй этого *бѣлаго* мужа. Твой народъ будетъ вскорѣ обобранъ, если ты его будешь преслѣдовать. Его первый предокъ былъ Абубекръ Садыкъ, послѣ него былъ султанъ Махмудъ, потомъ султанъ Ибрагимъ, затѣмъ султанъ Аббасъ, затѣмъ султанъ Гамза, потомъ Халидъ, потомъ Валидъ, потомъ Османъ, потомъ Джалаль-ед-Динъ, потомъ Абуль-Халифе, потомъ Саламъ, потомъ Баба-Тукла *), затѣмъ Турбай-Курабчи, потомъ Кутла-

*) Баба-Тукла былъ очень знаменитъ между своими земляками не только своею храбростью, но и своею набожностью, какъ ревностный проповѣдникъ ислама. Онъ обратилъ много калмыковъ и былъ похороненъ съ великими почестями близъ „*Казацкаго Бугра*", полторы версты южнѣе Астрахани, гдѣ еще доселѣ видна его гробница. *Его-же.*

Кая; послѣ него слѣдуетъ безцѣнный алмазъ—Эдигей.

„О мой ханъ! ты не презирай его. О мой ханъ! Я старше многихъ. Я знавалъ многихъ великихъ мужей, я видѣлъ Ахметъ-хана и твоего прадѣда Чингисъ-хана въ золотой одеждѣ. Я видѣлъ Кара-хана, и Буракъ-хана, и Халктапъ Гургана, и Юхта-хана, и Остемиръ-хана, этого несравненнаго хана, я также видѣлъ. Когда я былъ въ Хивѣ, я видѣлъ двадцать хановъ и троихъ въ Ургенджѣ. Я видѣлъ въ Бухарѣ Абдулъ-Гаиръ-хана и въ Самаркандѣ—хана Джейбака. Я видѣлъ въ Ташкентѣ очень великаго хана, я былъ свидѣтелемъ могущества хана Джани-бека. Онъ выстроилъ въ пустынѣ дворецъ, богато разукрашенный, съ тысячью кольцами въ стѣнахъ, для того, чтобы привязывать къ нимъ тысячу коней. Его сынъ Берды-бекъ былъ щедрый ханъ, и я его тоже видѣлъ. Но къ чему мнѣ называть всѣхъ, кого я видѣлъ? Не говори, что уста мои изрекли лживое пророчество".

„Твой славный конь съ выдающимися скулами, съ гривою, развѣвающеюся по шеѣ: онъ бѣжитъ полнымъ бѣгомъ, пожирая пространство и опережая дуновеніе вѣтра; сколько я знаю, этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ будетъ ѣздить на этомъ твоемъ конѣ.

„Твоя славная кольчуга! Пусть стрѣляютъ въ нее, сколько хотятъ,—стрѣла не пробьетъ ее. Пусть попробуютъ бросить копье,—копье не пронзитъ ее. Пусть льется дождь и вѣетъ буря,—она не пропускаетъ ни воды, ни вѣтра. Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ возьметъ эту твою кольчугу и надѣнетъ ее на себя.

„Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ, вырветъ изъ почвы высочайшее дерево безъ помощи сѣкиры.

„Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ можетъ по-

валить девять рядовъ каменныхъ валовъ безъ помощи пушки.

„О мой ханъ! Твой престолъ о четырехъ ножкахъ и о пяти главахъ, съ яхонтомъ на вершинѣ каждой главы. Порогъ твоего шатра сдѣланъ изъ полированной стали и блеститъ подобно зеркалу. Всѣ веревки сдѣланы изъ шелка, шатеръ покрытъ атласомъ, верхушка изъ горностая, подбитая чернымъ соболемъ. Посреди шатра жердь изъ чистаго золота. Главный шатеръ стоитъ съ непокрытою главою, точно онъ лысый. Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ войдетъ въ твой шатеръ.

„Съ челами, сіяющими подобно лунѣ, согнувъ пальцы на линейныхъ рукахъ, словно мѣдные крючки, сидятъ Джани-Бика и Казри-Бика, отдыхая на тахтѣ, обѣ прекрасныя и розовыя, словно нѣжный свѣтъ послѣ захода солнца. О мой ханъ! слушай мое пророчество: этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ можетъ схватить ихъ обѣихъ даромъ, какъ свою добычу.

„Блѣдныя вербы ростутъ на пескѣ. Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ можетъ вырвать вербу и сдѣлать изъ нея *курукъ* *).

„Твои табуны многочисленны и различныхъ мастей. Этотъ бѣглецъ, этотъ бѣлый мужъ можетъ ихъ всѣхъ угнать предъ собою.

„О мой ханъ! не преслѣдуй этого бѣлаго мужа. Говорятъ, у тебя много союзниковъ, все-таки не унижай его. Тутъ кончаются мои слова. Нѣтъ лести въ моихъ устахъ. Я желаю, чтобы мои пророчества никогда не сбылись. Я желаю, чтобы они пристали къ сухой травѣ въ безплодной пустынѣ и истлѣли вмѣстѣ

*) *Курукъ*—длинная жердь съ арканомъ на концѣ, употребляемая для поимки дикихъ коней. *Его-же.*

съ ней. Но берегись, чтобы этотъ бѣлый мужъ не потопталъ твоей главы".

* * *

Затѣмъ, въ концѣ этой пѣсни Эдигей говоритъ отъ себя:

„Мой дорогой товарищъ Худай-Кулъ пришелъ навѣстить меня. Я странствовалъ два года сряду, не вставая съ коня, бѣлый, какъ душа добродѣтельнаго мужа. Я прошелъ всю страну отъ лѣсной рѣки Самары до Алтынь-Узеня и прибылъ въ кочевья Аиръ-Агаджа. Я былъ въ Ачулу-Тогаѣ, былъ въ Аллахабасѣ *).

„Я былъ въ городѣ Саякъ, и въ кочевьѣ *Бозъ-Агачи* **), и въ Кунчакѣ, гдѣ почва пропитана солью. По другую сторону *Джигитъ-Агры* лежитъ въ степи озеро *Баскунчакъ* ***). Въ этомъ мѣстѣ я сокрушилъ своихъ враговъ".

„Эдигей вскочилъ на коня, по имени *Карандашъ*, и скакалъ съ такою быстротою, что лицо его почернѣло отъ пыли и пота; онъ приказалъ вбить крѣпкія кольца, выбралъ самыхъ быстрыхъ коней и собралъ какъ можно болѣе воиновъ.

„Тохтамышъ-ханъ, надменный, прибылъ со своими войсками. Эдигей сразился съ нимъ, ранилъ его въ голову концомъ тупого ножа и прогналъ его.

---

*) Рѣки Самара, Большой и Малый Узень—извѣстныя рѣки въ Киргизской степи. Ачулу-Тогай есть лѣтнее кочевье дербентскихъ калмыковъ, на лѣвомъ берегу Волги, близъ развалинъ древне-татарскаго городища *Джаги-Таджи*, т. е. городъ селитряный, Аллахаббасъ лежитъ въ окрестностяхъ Красноярска.

**) *Бозъ-Агачъ* упоминается и у г. Семенова, какъ мѣсто, куда былъ окончательно загнанъ Тохтамышъ.

***) Астраханскіе татары, по словамъ г. Ходзько, любятъ показывать туристамъ это мѣсто, какъ мѣсто побоища, гдѣ Эдигей разбилъ Тохтамыша. *Его же.*

„Этотъ воинъ, Эдигей, совершилъ только одну ошибку: онъ поклонился низко, очень низко предъ тестемъ своимъ, Ходжа-Котла, который оставался въ шатрѣ Тохтамышъ-хана, и просилъ у него прощенія за то, что поднялъ оружіе противъ своего прежняго повелителя."

На этомъ мѣстѣ г. Гулакъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тамъ, гдѣ кончается пророчество *Собра*, находится вставка, „очевидно, позднѣйшаго происхожденія" и затѣмъ приводитъ эту вставку.

„Итакъ, о пророкъ Господень! ты всегда пребывалъ въ умѣ этого мужа, столь богато надѣленнаго милостью Аллаха. Ты стоялъ тамъ, какъ на стражѣ. Онъ же самъ, во время молитвы, стоялъ прямо, опоясанный поясомъ Алія, этого льва Господня. Во время сраженія онъ скакалъ на конѣ *Дульдуль* Алія. Удалившись въ одиночество, онъ ждалъ ночи Кадиръ *).

„И когда ночь Кадиръ настала, тогда онъ, бодрствуя и молясь въ продолженіе всей ночи, пріобрѣлъ существенную мудрость отъ ученыхъ мужей: Илія и Эздра открыли ему свои чудеса.

„Онъ, словно ангелъ, переплылъ въ лодкѣ синее море, въ которомъ играютъ осетры. Самъ Богъ сопутствовалъ страннику по невѣдомымъ путямъ, среди необъятныхъ пустынь. Подобно голодному волку, не смыкая глазъ въ продолженіе долгой ночи, онъ бѣгалъ противъ вѣтра, отъ захода солнца до утренней зари. Его чело, гладкое, какъ замшевая кожа, покрыто было инеемъ.

„Наконецъ, онъ выказалъ себя передъ свѣтомъ, подобно лунѣ четырнадцатидневной, когда въ четыр-

*) Ночь Кадиръ есть ночь чудесъ по корану и ежегодно празднуется 18-го числа мѣсяца Зилькадэ. *Его-же.*

надцатый день Рамазана она сіяетъ на небосклонѣ. Явившись такимъ образомъ, онъ разсѣялъ своихъ враговъ на всѣ четыре стороны. Всемогущій создалъ его доблестнымъ отпрыскомъ двухъ славныхъ верблюдовъ, единственнымъ жеребенкомъ двухъ аргамаковъ, сыномъ двухъ грифовъ, онъ его создалъ изъ свѣта.

„И казалось онъ говорилъ: Я явился, когда благочестивые мужи обыкновенно возносятъ молитвы на святой горѣ Синай. Я явился на свѣтъ въ концѣ ночи Кадиръ, на утренней зарѣ, когда ангелы расхаживаютъ на землѣ *).

„Мое первое видѣніе совпало съ ночью Кадиръ. Первыя слова, которыя произнесли мои уста, были слѣдующія: „Я исповѣдую единаго Бога, нѣтъ Бога кромѣ одного Бога“. Слова мои разнеслись по всему свѣту. Я узналъ пути святыхъ, прислушиваясь къ словамъ ученыхъ. Ученые мужья обыкновенно приходили ко мнѣ съ вопросами, и собственные мои отвѣты скоро заставляли ихъ умолкать. Я родился мудрымъ и вдохновеннымъ. Я удивилъ своей ученостью людей, свѣдущихъ въ арабской письменности. Я разгадывалъ съ перваго взгляда свойства самыхъ сложныхъ талисмановъ и я самъ составлялъ такіе талисманы и диктовалъ ихъ мулламъ. Въ чалмѣ изъ бѣлой кисеи и въ простыхъ туфляхъ, съ плачемъ и вздыханіемъ, я возносилъ молитвы къ Богу о милости, и Господь внималъ моимъ молитвамъ. Я кормился ду-

*) По обще-распространенному повѣрью между азіятскими мусульманами, ночью злые и добрые духи вращаются на землѣ, а именно: отъ захода солнца до полуночи—злые духи, какъ-то: дивы, пери, джины и т. д.; но затѣмъ они должны уступить мѣсто добрымъ ангеламъ, со всѣмъ сонмомъ добрыхъ духовъ, которые спускаются на землю послѣ полуночи, для защиты людей. Вотъ причина, почему благочестивые мужи рано встаютъ и почему утреннія молитвы считаются наиболѣе дѣйствительными.

Его-же.

шистыми листьями василиска и пилъ воду рѣки ***Кузера*** *).

„Я избралъ себѣ для ѣзды одного изъ райскихъ коней. Я совершилъ ***суннетъ*** и два ***фарза***, чтобы не упустить ни одного нужнаго слова въ моемъ ***намазѣ***. Я молился въ Кербела **) и совершалъ свои омовенія пексомъ.

„Мое обыкновенное мѣсто стоянки было среди блѣдной полыни на горахъ, и я проходилъ желтѣющія пустыни. Я посѣтилъ домъ Господень. Я служилъ ему въ продолженіи пяти лѣтъ, не поднимая лица отъ земли. Я избралъ себѣ дворецъ изъ чистаго золота въ раю и провелъ тамъ 300 лѣтъ въ блаженствѣ. Душа моя не могла вынести такого блаженства, я впалъ въ обморокъ и упалъ на землю, подобно мертвому человѣку, а когда на зарѣ ***муэззины*** начали распѣвать свои молитвы, я тогда проснулся на землѣ ***).

„Я былъ въ мраморномъ дворцѣ ***Арафата***. Я видѣлъ какъ ***Пэхлеванъ-Гамза*** воевалъ въ большомъ сраженіи.

„Я поспѣшилъ къ нему на помощь, я схватилъ въ этой битвѣ стальной мечъ съ золотою рукояткою. Я встрѣтилъ пророка Соломона и просилъ его благословенія. Я пожелалъ, чтобы онъ помазалъ меня царемъ и онъ далъ мнѣ престолъ, который я принялъ изъ рукъ его. Но привыкши все начинать съ помощью Бога, я не хотѣлъ возсѣсть на тронъ безъ молитвъ.

---

*) Рѣка въ восьмомъ небѣ магометанскаго рая.

**) *Кербела*—извѣстное мѣсто поклоненія шіитскихъ паломниковъ, на границѣ между Персіею и Азіатскою Турціею. Здѣсь былъ убитъ Хуссейнъ, сынъ Али, и здѣсь его могила.

***) Это мѣсто даетъ намъ понятіе о восторженномъ состояніи, въ которое впадаютъ мусульманскіе курители опіума или гашиша.

Его-же.

Богъ Всемогущій услышалъ мои молитвы, Архангелъ Гавріилъ воскликнулъ: „Аминь! Аминь!“

„Получивъ такимъ образомъ милость Божію, я сѣлъ на тронъ въ понедѣльникъ и началъ свое странствованіе съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть всѣ части свѣта. Я прибылъ въ Тавризъ, полагая, что тамъ много ученыхъ мужей. Въ Тавризѣ, въ этомъ большомъ городѣ, я служилъ Богу въ продолженіи трехъ лѣтъ посреди мечети“.

Въ заключеніе авторъ статьи совершенно основательно говоритъ, что „нельзя не пожалѣть о томъ, что эти пѣсни доступны намъ только въ блѣдныхъ переводахъ, а между тѣмъ время все идетъ впередъ, безжалостно стирая и уничтожая всѣ древніе памятники народной жизни. Еще нѣсколько поколѣній — и не останется и слѣдовъ этихъ пѣсенъ. Неужели между нами не найдется ни одного ученаго, неужели наша академія наукъ не можетъ отрядить отъ себя человѣка, знающаго тюркскія и монгольскія нарѣчія, который бы — подобно Ратлофамъ и Кастренамъ — посвятилъ нѣсколько лѣтъ на тщательное собираніе и записываніе не переводовъ, а подлинныхъ поэтическихъ изліяній нашихъ многочисленныхъ инородцевъ?“

II.

Замѣтка по поводу „Пѣсни объ Эдыгеѣ“ г. Николая Гулакъ. (Была напечатана мною въ „Кавказѣ“ въ томъ-же 1885 г.).

Въ № 287 „Кавказа“ г. Николай Гулакъ напечаталъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями отъ себя, „Пѣсню объ Эдыгеѣ“, записанную еще въ 1830 году г. Алекс.

Ходзько. Цѣль напечатанія пѣсни—возбужденіе возможно большаго интереса къ дѣйствительно замѣчательному героическому эпосу татаръ-монголовъ, сохранившемуся въ отрывкахъ и многочисленныхъ варіантахъ у современныхъ намъ остатковъ великой монгольской орды. Поводомъ-же ко вторичному опубликованію пѣсни послужили напечатанные мною въ той-же газетѣ, въ № 269 и слѣд., отрывки одной изъ монгольскихъ поэмъ, соединенные подъ общимъ названіемъ „Яммай". Сравнивая „Пѣсню объ Эдыгеѣ" въ переводѣ г. Ходзько съ тою частью поэмы „Яммай", въ которой говорится о томъ-же Эдыгеѣ, г. Гулакъ находитъ, что первая болѣе поэтична, чѣмъ пѣсни объ Эдыгеѣ въ „Яммаѣ", съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но затѣмъ г. Гулакъ не касается многихъ вопросовъ, само собою возникающихъ изъ сравненія переводовъ г. Ходзько и моего и, между-прочимъ, объясняющихъ собою, отчасти, и причину болѣе поэтическаго впечатлѣнія, производимаго на читателя переводомъ „Пѣсни объ Эдыгеѣ". Разсмотрѣнію и объясненію нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ и посвящена настоящая замѣтка.

Въ „Пѣснѣ объ Эдыгеѣ" пѣвцу Тохтамыша ***Собра***, носящему въ моемъ переводѣ имя ***Парздака***, не 180 лѣтъ, какъ у меня, а 360. Судя по смыслу монгольской поэмы, нельзя сомнѣваться, что глубокая старость пѣвца нужна была творцу поэмы для того, чтобы его устами воспѣть династію Чингизъ-хана или Джучи, создавшаго монгольское царство. Въ пѣснѣ своей Парздакъ грозитъ Тохтамышу окончательнымъ паденіемъ и смертью черезъ десять лѣтъ послѣ изгнанія изъ ханства Кубугула (Эдыгей). Угрозы эти оправдываются въ 1395 году, когда Тохтамышъ терпитъ

пораженіе на Терекѣ и затѣмъ гибнетъ въ Волжской или Камской Болгаріи. Отсюда ясно, что Парздакъ пѣлъ свою зловѣщую пѣсню въ 1385 году. Династія Чингизъ-хана, какъ извѣстно, народилась въ Средней Азіи, на порогѣ XIII вѣка, слѣдовательно, со времени появленія на аренѣ всемірной исторіи страшнаго „носителя желѣзнаго панцыря и язычника“ Чингизъ-хана до восшествія на золотой тронъ предковъ хана Тохтамыша прошло именно 180 или около того лѣтъ, а не 360. Въ остальныхъ 180 лѣтахъ, навязываемыхъ Собрѣ (Парздаку) „Пѣснею объ Эдыгеѣ“, для развитія поэмы не встрѣчается ни малѣйшей надобности. А такъ-какъ существованіе старца 360 лѣтъ—абсурдъ, къ абсурдамъ-же, вообще, монгольскіе барды не чувствуютъ никакой склонности, то приходится остановиться на мысли, что источникъ, изъ котораго почерпнута „Пѣсня объ Эдыгеѣ“, былъ менѣе достовѣренъ, чѣмъ источникъ „Яммая“.

Ознакомившись съ характеромъ творчества монгольскихъ пѣвцовъ, я утвердился въ мнѣніи, что пѣвцы эти рѣшительно не склонны ни къ чему сверхъестественному, чудесному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ пѣсняхъ совершенно чужды тонкостей въ выраженіи чувствъ и мыслей. Историческіе факты они воспроизводятъ съ точностью лѣтописца; они страстно любятъ сравненія и уподобленія, но всѣ эти иллюстраціи къ фактамъ у нихъ всегда грубо реальны и даже вульгарны. При этомъ они сильны обыкновенно въ воспроизведеніи мусульманско-формальнаго благочестія, эгоистическаго величія, воинской доблести, дерзости и злости, да еще въ рисовкѣ внѣшней обстановки. Во всей поэмѣ „Яммай“, или поэмѣ о Тохтамышѣ, Эдыгеѣ и современныхъ имъ монгольскихъ

ханахъ, встрѣчается только одно мѣсто, наполненное мистическими тонкостями мусульманскаго фанатика и энтузіаста, но это мѣсто самъ г. Гулакъ считаетъ позднѣйшею вставкою. Между-тѣмъ, читая переводъ г. Ходзько, мы то и дѣло встрѣчаемся въ немъ—или съ чудесными явленіями, или съ такими опредѣленіями и уподобленіями, которыя выводятъ насъ изъ сферы монгольскаго творчества. По этому переводу: „грива темнобураго коня Эдыгея *издали сіяла*"; Эдыгею предлагаютъ пить медъ изъ *изящныхъ* китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ; Эдыгей говоритъ своему противнику Яммаю (Джамбаю): „Я *пылающимъ прутомъ* отмѣчу тебѣ лицо" (у меня: „Я втисну тебѣ въ ротъ горящую палку тальника и выжгу лживый языкъ твой"); или въ другомъ мѣстѣ: „Мои уста стали слишкомъ *тонки*", чтобы пить ханскія питія (въ моемъ переводѣ: „у меня зубы разболѣлись); у дочерей Тохтамыша *лилейныя* руки, и онѣ прекрасныя розовыя, *словно нѣжный свѣтъ послѣ захода солнца*. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Эдыгей *можетъ повалить девять каменныхъ валовъ безъ помощи пушки*. Все это, какъ и многое другое въ переводѣ г. Ходзько, дѣйствительно придаетъ переводу больше поэтичности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удаляетъ переводъ отъ подлинныхъ пѣсенъ. Смѣю думать, что въ данномъ случаѣ свѣту нужна не поэзія переводчиковъ, родившаяся по случаю существованія монгольскаго эпоса, а нуженъ самый этотъ эпосъ съ его тюркско-монгольскими грубыми образами и картинами, съ его азіатскими представленіями о величіи и доблести. Въ переводѣ же г. Ходзько, хотя и поэтичномъ, именно этого и нѣтъ, а потому онъ не даетъ вѣрнаго понятія о монгольской поэмѣ.

Затѣмъ переводъ этотъ отличается еще одной особенностью, налагающею на самую поэму своеобразную печать какой-то разнузданной поэтической импровизаціи. Особенность заключается въ отсутствіи послѣдовательности въ монологахъ и неправдоподобностяхъ. „Пѣсня объ Эдыгеѣ“ начинается наименованіемъ Эдыгея ханомъ и указаніемъ, что когда онъ созывалъ всѣ племена въ одно мѣсто, то приказывалъ приводить къ себѣ пѣвца Собра (Парздака). Дальше говорится, что Эдыгей былъ сынъ воина и затѣмъ внезапно является обращеніе къ народу: „Добрые люди! Вы взываете ко мнѣ: разскажи намъ что-нибудь, о джиранъ (пѣвецъ)!“ Джиранъ начинаетъ разсказывать объ Эдыгеѣ и, упомянувъ о благочестіи его, сообщаетъ, что, достигнувъ девяти лѣтъ, онъ ***поступилъ на службу къ Тохтамышу***, а въ 14 лѣтъ его, Эдыгея, ***посадили на престолъ***, и онъ ***даже утвердился на престолѣ***, а потомъ Тохтамышъ-ханъ началъ преслѣдовать его. Эдыгей, уже бывшій на престолѣ, становится ***казакомъ*** и убѣгаетъ въ степь. За нимъ снаряжается погоня, и когда желаніе Тохтамыша вернуть его къ себѣ не осуществляется, Тохтамышъ поражается ужасомъ (почему?), приказываетъ поставить и укрѣпить шатры и собираетъ ***курултай*** (вѣче, какъ объясняетъ г. Гулакъ, хотя слово ***совѣтъ*** кажется болѣе умѣстнымъ). На курултаѣ ханъ обращается къ Худай-Бердѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ вопросомъ и получаетъ безсмысленный отвѣтъ: „Я этого не понимаю“. Въ чемъ заключается вопросъ хана—такъ и остается невыясненнымъ, хотя одинъ изъ участниковъ курултая и совѣтуетъ Тохтамышу обратиться къ 360-лѣтнему старцу Собра за разъясненіемъ его недоумѣнія. За старцемъ отправляется золотая

колесница (въ подлинникѣ—*арба*), колеса которой погружаются по ступицу въ песокъ, т. е. колесница слѣдуетъ по азіятскимъ песчанымъ степямъ. Пѣвца приводятъ къ хану, и тогда только послѣдній узнаетъ—и о предкахъ Эдыгея, и о самомъ Эдыгеѣ, а также о томъ, какая участь ожидаетъ его, въ случаѣ возбужденія гоненія на Кубугула...

Такимъ образомъ оказывается, что въ царствованіе Тохтамыша *воинъ* Эдыгей (выше воиновъ стояли *мурзы*), 14-ти лѣтъ отъ роду, сидѣлъ на ханскомъ престолѣ, какъ-то утвердившись на немъ. Въ то-же время у него постоянно находился подъ рукою пѣвецъ Собра, 360 лѣтъ отъ роду, за которымъ Тохтамышу приходится, однако, посылать въ азіятскія степи. Интересно, что старцу Собра, какъ въ то время, когда онъ услаждаетъ своими пѣснями слухъ хана Эдыгея, такъ и во время зловѣщаго пѣснопѣнія передъ Тохтамышемъ (въ бытность Эдыгея казакомъ)—все тѣ-же 360 лѣтъ, какъ-будто для него остановилось теченіе времени. Эдыгей, уже ханъ, почему-то убѣгаетъ въ степь всего съ девятью товарищами и становится казакомъ; Тохтамышъ, ничего не зная о прошломъ Эдыгея, уже проникается ужасомъ по случаю его бѣгства. Онъ посылаетъ въ степь за пѣвцомъ Собра, который, по тексту поэмы, долженъ находится вблизи его; потомъ пѣвецъ предупреждаетъ его не ссориться съ Эдыгеемъ, когда послѣдній уже скитается казакомъ и проч. и проч.

Это отсутствіе послѣдовательности и неправдоподобность положеній въ переводѣ г. Ходзько объясняется для меня въ высшей степени просто. У Ходзько или у его друга Али-бека-Шарапова, былъ подъ рукою одинъ изъ многихъ рукописныхъ сборни-

ковъ монгольскихъ пѣсенъ. Въ каждомъ изъ такихъ сборниковъ путаница невообразимая: не говоря о томъ, что пѣсни одной и той-же поэмы размѣщены безъ всякаго порядка, такъ что нерѣдко къ началу одной пѣсни прицѣпленъ конецъ другой, случается, что между пѣснями о Тохтамышѣ и Эдыгеѣ находятся пѣсни или отрывки пѣсенъ, живописующихъ жизнь Мамая и нѣкоторыхъ крымскихъ хановъ. Въ каждомъ сборникѣ одно помѣщено въ текстѣ, другое на поляхъ исписанныхъ листовъ; тамъ записано всего два три стиха, здѣсь одна фраза. Въ большей части сборниковъ масса варіантовъ на одну и ту-же тему, иногда варіанты до того отличаются одинъ отъ другого, что ихъ легко принять за разныя пѣсни, иногда они, напротивъ, составляютъ лишь простыя парафразы. Много въ рукописныхъ сборникахъ и безсмыслицы, которую мудрые толмачи въ силу своей профессіи, замѣняютъ собственными измышленіями.

При этихъ условіяхъ, если дѣлать переводъ не по нѣсколькимъ, а по одной рукописи, и—главное—не пользоваться устными разсказами ногайцевъ, караногайцевъ или калмыковъ, то переводъ неизбѣжно будетъ имѣть характеръ перевода г. Ходзько.

Въ заключеніе съ искреннимъ удовольствіемъ присоединяюсь къ мнѣнію г. Гулака о необходимости послать въ калмыцкія и ногайскія степи ученаго спеціалиста собрать и издать сохранившійся до нашихъ дней героическій эпосъ монголовъ.

Главнѣйшія опечатки и упущенія.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
14	6 снизу	сталъ	всталъ
16	*Исправленіе примѣчанія*	Доказчикъ—человѣкъ, который за денежное вознагражденіе со стороны потерпѣвшаго отъ кражи, отыскиваетъ похитителя и свидѣтельствуетъ противъ него на судѣ.	
105	12 сверху	разнообразна	однообразна
160	10 сверху	Я же поѣду и т. д.	Я не близко подъѣду къ нимъ — не опасайся! а только взгляну на нихъ издали.
219	2 прим.	Пираума	Пирауна
247	22 сверху	Губдене	Губдень

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
FEB 10 1997
BOOK DUE

WIDENER
SEP 10 2001
BOOK DUE